

М. Н. МУРАВЬЕВ

Советской
прессе

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*В. Н. Орлов (главный редактор), В. Г. Базанов,
Б. И. Бурсов, Б. Ф. Егоров (зам. главного редактора),
В. М. Жирмунский, В. О. Перцов, А. А. Прокофьев,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,
И. Г. Ямпольский*

*Большая серия
Второе издание*

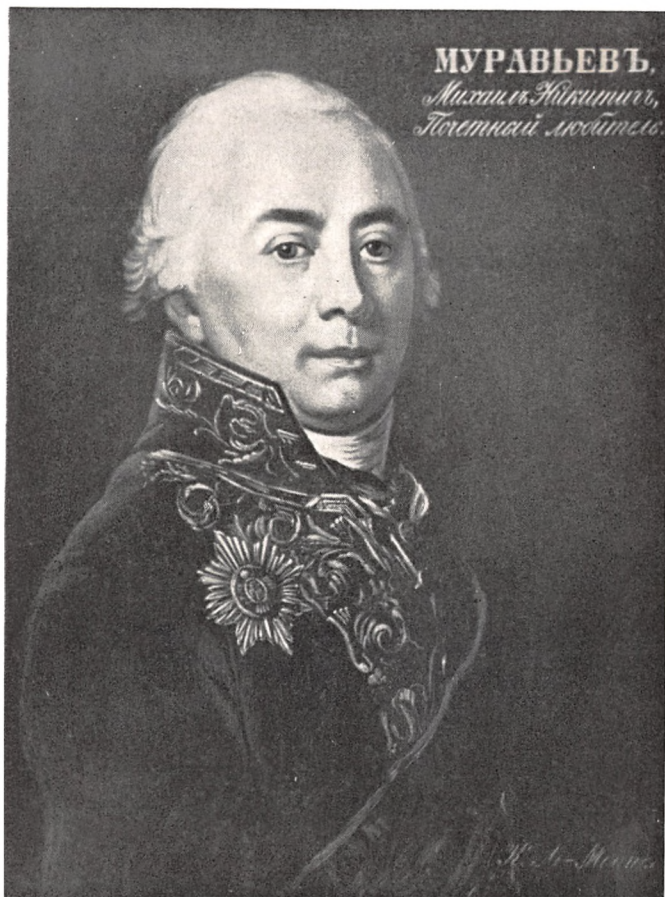
ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

М. Н. МУРАВЬЕВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Л. И. Кулаковой*

Творчество Михаила Никитича Муравьева (1757—1807), талантливого русского поэта последней трети XVIII века, интересно и чрезвычайно своеобразно. Характерными чертами Муравьева-поэта были тонкий художественный вкус, большой лирический дар, обостренное чувство нового и предвидение путей, по которым пойдет развитие поэзии. Ломая жанровые перегородки, он первым в русской поэзии превратил свое творчество в лирический дневник, летопись своих чувств и переживаний. Предшественник Карамзина и Дмитриева, Муравьев был прямым учителем Батюшкова и Жуковского. Настоящее собрание стихотворений М. Н. Муравьева является фактически первым. В нем публикуется около двухсот стихотворений, из которых почти половина печатается по рукописям впервые.

МУРАВЬЕВЪ.

*Михаилъ Никитичъ,
Почетной любитель.*

Н. А. Мухоморовъ

ПОЭЗИЯ М. Н. МУРАВЬЕВА

С душою, полной сожалений,
И опершись на гранит,
Стоял задумчиво Евгений,
Как описал себя прит.

Все ли знают, что в этих с детства известных нам строках Пушкин вспомнил стихотворение М. Н. Муравьева «Богине Невы»?

Видный деятель в истории русского просвещения, талантливый поэт и прозаик, Муравьев прошел сложный путь, связавший две эпохи русской литературы. Человек, чьим жизненным идеалом с детских лет был М. В. Ломоносов, и поэт, всю жизнь искавший новых путей в поэзии, он был предшественником Н. М. Карамзина (а по некоторым линиям и Г. Р. Державина), зачинателем русского предромантизма, непосредственным учителем К. Н. Батюшкова. Его лучшие стихи были эстетически значимы для Пушкина и представляют интерес поныне. А между тем его стихотворения не собраны, часть их не издана, нет ни одной работы, которая бы освещала его творческий путь, что обедняет и упрощает представление об истории русской поэзии XVIII и начала XIX веков.

1

Родился Михаил Никитич Муравьев в Смоленске 25 октября (5 ноября) 1757 года. Отец его, военный инженер, затем провинциальный чиновник, переезжал с семьей из города в город. В 1768 году мальчик поступил в гимназию при Московском универ-

ситете, а через полтора года — в университет, где ему удалось проучиться лишь несколько месяцев. Потеряв в 1768 году жену, Н. А. Муравьев не захотел расстаться с сыном и дочерью и взял их с собою в Архангельск, куда выехал в начале 1770 года для расследования запутанного судебного дела, а в декабре того же года в Вологду¹. Невозможность получить образование в учебном заведении восполнялась прилежной работой дома. «По осьмому году» мальчик начал изучать немецкий язык, затем латинский и французский. Математикой он занимался под руководством отца.

В октябре 1772 года Муравьев становится солдатом Измайловского полка. Он занимается самообразованием, интересуется механикой, физикой, историей, живописью, часто бывает в Академии художеств, посещает лекции профессоров Академии наук Л. Эйлера, Г. Крафта, не пропускает новых спектаклей, рисует, пишет стихи. В 1773—1775 годах печатается семь его книг. Литературные круги Петербурга приветливо встретили способного юношу. Его непосредственным наставником в поэзии становится известный поэт В. И. Майков, ему покровительствует видный писатель М. М. Херасков.

Помехой, тормозом, мешавшим отдаться любимому делу, была военная служба. «Не обитает Феб в воинственных станах... Я к лире не коснусь дымящейся рукой», — писал Муравьев («Сонет к музам»).

Поэт не сдержал слова. В самих «воинственных станах» нашлись молодые люди, живо интересующиеся литературой: И. П. Тургенев, В. В. Ханыков, Н. А. Львов; через Львова Муравьев познакомился с И. И. Хемницером. Убегая от опостылевшей за день муштры, они собираются, читают друг другу свои стихи, говорят о литературе, искусстве. Львов и Муравьев изучают греческий и итальянский языки, переводят Сафо. Муравьев начинает перевод «Илиады» размером подлинника. Иронически настроенный Ханыков сдерживает сентиментальную настроенность друга, привлекает его внимание к французской «легкой поэзии». Все они не удовлетворены состоянием современной им русской литературы, ищут новых путей. В то же время Муравьев пишет «Письмо о теории движения», статью об истории Твери, занимается естественными науками.

Важной вехой в жизни Муравьева было знакомство с Н. И. Новиковым. В 1777 году Новиков приглашает поэта для сотрудничества в журнале «Утренний свет». «Моральные и исторические рассуждения», составлявшие основу журнала, издававшегося Новико-

¹ Государственный архив Архангельской области.

вым и Херасковым, его филантропическая цель — организация училища для неимущих детей — импонировали Муравьеву. Его восхищает энергия Новикова, неутомимого распространителя просвещения, чистота его нравственного облика, стремление «познать самого себя». Он печатает в «Утреннем свете» свои произведения, помогает распространять журнал, обращается к Новикову со стихотворным посланием (к сожалению, не дошедшим до нас). Но по мере приближения Новикова и Хераскова к розенкрейцерству, их отказа от «умствований» во имя веры Муравьев отходит от своих наставников. Массонство всегда было глубоко чуждо ему.

Круг литературных знакомств Муравьева 1770-х годов расширяется. Он знакомится со старейшим актером и драматургом И. А. Дмитриевским, вместе с Львовым и Хемницером бывает в доме Дьяковых, где видится с В. В. Капнистом, Я. Б. Княжниним, изредка посещает В. П. Петрова, встречается с М. И. Поповым, сближается с Г. Р. Державиным. Его стихотворения (чаще без подписи) можно встретить на страницах различных журналов. Не порывает он связи и с Москвой. В 1776 году его принимают в члены Вольного русского собрания при Московском университете.

Менее успешно продвижение по службе. Отец журит. Почтительный сын оправдывается, но отказывается «донскиваться». «Достойнее меня носят платье мое. И пожалование в офицеры не есть знак отличия», — вежливо, но твердо отвечает он отцу¹. В дневнике повторяются те же мысли: почтение окружающих заслуживается «личными качествами и благородством сердца и поступков»². После получения чина запись: «Гвардии прапорщиком я <стал> поздно и своим величеством могу удивлять только капралов. Но дурак я, ежели стыжусь в мои годы быть прапорщиком; дурак, ежели кто меня почитает по прапорщичеству. Неоспоримые титулы мои должны быть в сердце». И далее: «...Величество мое в душе моей, а не в производстве, не в чинах, не в мнениях других людей». «Но служить человечеству, обществу своему есть истинная знатность»³.

Муравьеву претит атмосфера низкопоклонства перед чинами, перед людьми, попавшими в «случай». После смены очередного фаворита Екатерины II он отвечает отцу: «Вы пишете, что была великая перемена, но, сколько я знаю, она была только при дворе. А там

¹ Отдел письменных источников Государственного Исторического музея. Собрание Черткова. Письмо Муравьева к отцу от 2 октября 1778 года. В дальнейшем — ОПИ ГИМ.

² Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Рукописный отдел (в дальнейшем — ГПБ). Фонд 499, № 6.

³ ГПБ, № 6.

все управляется по некоторым ветрам, вдруг восстающим и утихающим так же. Любимец становится вельможей; за ним толпа подчиненных вельмож ползает: его родня, его приятели, его заимодавцы. Все мы теперь находим в них достоинства и разум, которых никогда не видали. Честный человек, который не может быть льстецом или хвастуном, проживет в неизвестности»¹.

Письма и интимные записи Муравьева — наглядная иллюстрация жизненности образа фонвизинского Стародума с его основными этическими правилами: «Имей сердце, имей душу, и будешь человек на всякое время» или: «Одно почтение лестно человеку — душевное, а душевного почтения достоин только тот, кто в чинах не по деньгам, а в знати не по чинам».

Стремление сохранить при всех условиях человеческое достоинство — характернейшая черта мировоззрения Муравьева, пронесенная через всю жизнь. Во всем остальном он проявляет лояльность по отношению к существующим порядкам. Не откликается он на крестьянскую войну 1773—1775 годов, хотя косвенные отзвуки ее сказываются в том же тяготении к независимости, определившемся во второй половине 70-х годов, в отказе от официальной тематики в лирике и в твердом убеждении, что «бунт — обыкновенное следствие народных неудовольствий»².

Военная служба тяготила Муравьева. Он мечтал о переводе в Коллегию иностранных дел, но кто-то обратил внимание на незаурядного по своим способностям и образованию прапорщика, и в ноябре 1785 года он зачисляется в «кавалеры» великого князя Константина Павловича, а вскоре становится и наставником его старшего брата Александра. Преподает он великим князьям русскую словесность, историю и нравственную философию. После приезда в 1792 году невесты Александра обучает русскому языку будущую императрицу. Написанные в эти годы повестушки и статьи созданы с учебной целью. Примечательно, что в них историческое повествование впервые в России «ведется как рассказ о прошлом на современном языке»³. Педагогические размышления накладывают отпечаток и на задуманные ранее произведения — «Эмилиевы письма» и

¹ ОПИ ГИМ, письмо от 17 июля 1778 года.

² М. Н. Муравьев, Полное собрание сочинений, ч. 2, СПб., 1820, с. 238 (ч. 1 — 1819, ч. 3 — 1820). Ссылки на это издание в дальнейшем даются в тексте. Первая цифра означает часть, вторая — страницу.

³ В. И. Кодухов, Очерки по истории и теории сложноподчиненного предложения. — «Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 281, Л., 1967, с. 71.

«Обитатель предместия», форма и язык которых предваряют прозу Карамзина.

Живя при дворе, Муравьев чувствует себя «школьным учителем», сторонится общества «сияющих голицыных», но радуется возможности путешествовать, которая приносит ему «самые сентиментальные удовольствия», посещает книжные лавки, изучает английский и испанский языки, заново обращается к грекам, не расстается с Геродотом и Исократом, выписывает из Англии Платона и Демосфена. О французской революции он говорит лишь однажды в письме к сестре, не выражая своего отношения к происходящему (может быть, потому, что письмо отправлялось из Царского Села). Однако, намечая позднее план статьи о законодательстве, он после упоминания о «Наказе» Екатерины II и фразы: «Один разум не может заменить разума целого народа» — вспоминает 1789 год и называет имена Неккера, Сийеса, Мирабо, Лафайета¹. Статья с упоминанием Мирабо, которого Екатерина считала достойным не одной, «но многия висельницы», написана, конечно, не была, но план ее говорит, что за событиями французской революции Муравьев следил более внимательно, чем это кажется по переписке, и что относительно стройная система политических взглядов, вырисовывающаяся в напечатанных произведениях, не отражала полностью мыслей автора.

Подтверждают это и материалы к занятиям, ради которых Муравьев перечитывал труды английских экономистов и французских просветителей. Можно удивляться наивности попыток воспитания будущих венценосцев на идеях Адама Смита, Кондильяка, Мабли, Руссо, но ясно, что французская революция не заставила Муравьева отречься от ее идейных вдохновителей. Он хотел воспитать истинно просвещенных монархов, понимающих значение развития промышленности и торговли, государей, умеющих уважать в каждом подданном человека, покровителей наук и искусств.

В феврале 1796 года, по окончании воспитания Константина, Муравьев был уволен от службы в чине бригадира. В том же году он печатает сборник статей «Опыты истории, письмен и нравоучения». В начале царствования Павла I у него начались какие-то неприятности, затем уладившиеся. В 1800 году он становится сенатором, после воцарения Александра I назначается статс-секретарем по принятию прошений, в 1803 году — товарищем министра народного просвещения и попечителем Московского университета. Широкое поле деятельности на этот раз полностью соответствовало его

¹ ГПБ, № 2.

интересам. В области народного образования был предпринят ряд реформ. Особое внимание Муравьев уделял Московскому университету.

Дневники Муравьева этих лет заполнены размышлениями по поводу улучшения системы преподавания. Он содействует организации Общества испытателей природы, Общества истории и древностей российских, Общества соревнования медицинских и физических наук, ботанического сада, Музея натуральной истории, поощряет издание журналов. Свой интерес к греческой культуре он хочет привить молодым писателям и ученым. «Мечты возможностей. Наши молодые ученые переведут «Илиаду», «Одиссею»... Мы увидим в русской одежде Геродота (Ивашковский), Ксенофонта (Кошанский), Фукидида (Тимковский). Буринский переведет Геродиана, Болдырев — Феофраста и т. д. Спешить не надобно. Пусть десять, двадцать лет жизни употребят на сию работу полезную. Я буду требовать, чтобы более произвели знатоков греческого языка». И, приглашая пока что в Московский университет профессоров из-за границы, он мечтает о времени, когда иностранцы будут приезжать в Россию в качестве студентов: «Может быть, со временем приедут шведы учиться в Москве!»¹

Занимая большой пост, Муравьев не разучился уважать людей за их духовные достоинства. В его доме своими людьми были молодые просветители В. В. Попугаев и И. П. Пнин, которые играли большую роль в радикально настроенном «Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств». Поддерживал Муравьев и других молодых ученых и писателей.

Потому смерть его 29 июля (10 августа) 1807 года вызвала множество сочувственных откликов. И позднее люди разных поколений и взглядов с редким единодушием говорили о привлекательности нравственного облика писателя. Маститые поэты Г. Р. Державин и И. И. Дмитриев, профессора, молодые ученые и никому неведомые студенты Московского университета К. Н. Батюшков, родственник Муравьева, воспитанный в его доме, и Н. М. Карамзин, которому Муравьев помог серьезно заняться историей, выражали одни и те же чувства, говоря о «прекрасной душе» покойного, его «любви к всеобщему благу». Основанием их оценок было личное общение. Прошло более двадцати пяти лет, и В. Г. Белинский, человек иных взглядов, менее всего склонный к преклонению перед авторитетами, почувствовал гуманизм писателя: «Муравьев как

¹ ГПБ, № 3.

писатель замечателен по своему нравственному направлению, в котором просвечивалась его прекрасная душа, и по хорошему языку и слогу, который. . . едва ли уступает карамзинскому»¹.

2

Личное достоинство не зависит от чинов и званий — эта мысль проходит красной нитью через дневники, письма, стихотворения и прозу Муравьева. Исходя из нее, он, человек, стремящийся никого не осуждать, создает более чем непривлекательный образ князя, разоряющего крестьян ради собственной прихоти. «Поля пренебреженные, хижины земледельческие развалившиеся, вросшие в землю, соломою крытые; а на холму, под которым деревня, огромное здание помещика. . . Улицы селения были столь худы, что при самом въезде в него ось кибитки моей изломилась; и между тем как я был в величайшем затруднении, звуки рогов и топот конский известили меня о возвращении помещика с охоты. Я был приглашен им, не столько из гостеприимства, как из суетной надменности и желания ослепить проезжего сиянием пышности его. . .

Ему казалось. . . что он совсем отменного существа от его подданных. Несчастье крестьян его не трогало. Он думал, что они рождены для его презрения. Но вместо того собаки были предметом его внимания и разговоров; одна охота могла приводить в движение тяжелую его душу» (1, 97—98).

Жестокому помещику противопоставлены крестьяне. «Меня поразила мысль, что в тот же самый день простой крестьянин внушил в меня почтение, когда я взирал с презрением на знатного, недостойного своей породы. Я почувствовал всю силу *личного достоинства*. Оно одно принадлежит человеку и возвышает всякое состояние», — возвращается Муравьев к своей излюбленной мысли (1, 101).

Описание поместья и характеристика князя близки к зарисовкам сатирических журналов Новикова и Эмина, и Муравьев также подчеркивает, что изображенный им помещик — явление частное. Сосед князя граф Благоворов именует слуг «своими несчастными друзьями». Он представляет себе, что и он мог бы родиться крестьянином, и «нечувствительный господин» изнурял бы его «трудом и унижал презрением. Я очень счастлив, что могу облегчить судьбу себе подобных!» (1, 94). Рискуя жизнью, граф спасает во время пожара дряхлую крестьянку.

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. 1, М., 1953, с. 166.

В созданном Муравьевым образе повторены черты доброго барина, о котором мечтали лучшие люди XVIII века. Ведь и Стародум, и Правдин, и путешественник в «Отрывке путешествия в*** И. Т.» думают о крестьянах как о «себе подобных». Несомненно, что и они бросились бы в огонь для спасения крестьянки. Над участью крепостных плачет старый барин в «Городне» («Путешествие из Петербурга в Москву»). Только Радищев понимает, что частная благотворительность не спасет крестьян, Фонвизин считает необходимым ввести законы, ограничивающие власть помещика, Муравьев основывается, главным образом, на этике, но, как и Фонвизин, он напоминает о необходимости восстановить закон, по которому у злых бар надлежит отбирать крестьян. А главное — он наглядно показывает выгоду человеческого отношения к крестьянам. Граф Благодоров «не имеет слуг, ежели сим именем означаются несчастные и равные нам люди, которые принуждаются бедностию состояния своего исполнять без награждения все наши своенравия. Он кажется окружен толпой внимательных приятелей, которых покровительствует» (1, 92). Писатель считает необходимым, чтобы в каждом селении был лекарь, мечтает о том, чтобы в каждой деревне была основана школа. Благотворительность сулит помещику «несравненное удовольствие, свидетельство пользы, принесенной им человечеству» (3, 214). И в письмах к сестре он напоминает о «священном праве благотворительности» по отношению к «страждущим, себе подобным», как именует он крестьян, и выражает надежду, что с тех пор как она стала помещицей, «бедность, слабость, немощь — язвы человечества — не имеют столько жертв в Никольском»¹.

Н. А. Добролюбов считал основным недостатком русской сатиры XVIII века ее нежелание «видеть коренной дрянности механизма»², который она старалась исправить. Муравьев старается исправлять «частные» недостатки путем положительного примера. Он создает образ идеального судьи, назвав его именем живого человека, тверского судьи Диомида Ивановича Карманова. Карманов рисуется в трудный момент. Совершил преступление любимец «сильного человека», и «подлые люди» угрожают судье гневом вельможи. Честный судья готов претерпеть за правду любые гонения. Его благородная твердость восхищает рассказчика: «Злодейство — предпочитать жизнь свою чести; и какое может быть счастье, когда оно в противоречии с добродетелию?» (1, 106).

¹ ОПИ ГИМ, письмо к Ф. Н. Луниной от 14 февраля 1790 года.

² Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений в шести томах, т. 2, М., 1935, с. 166.

Итак, в отличие от бесчисленных сатирических портретов продажных судей, Муравьев изображает судью — воплощенную добродетель. Но зато и речь у него идет не об абстрактной продажности, а о том, что в дела судей вмешиваются вельможи, творящие суд и расправу по собственному произволу, и устоять перед ними можно, лишь предпочтя честь — честность — самой жизни. Утверждая такую мораль, Муравьев вновь присоединяет свой голос к голосам самых передовых людей века, а история с «подлыми людьми», желающими угодить «сильному человеку», является своеобразной иллюстрацией к ненапечатанной «Всеобщей придворной грамматике» Фонвизина.

Муравьева отличает от многих современников отношение к торговле и промышленности. Он выступает с поддержкой купечества как сословия, играющего большую роль в жизни государства. Он пропагандирует «Исследование о природе и причинах богатства народов» Адама Смита, книгу, позволяющую постичь «важность торговли», возражает против «несправедливого предрассуждения», которое унижает купечество перед другими сословиями. Торговля направляет внешнюю политику государств, способствует развитию связей между странами, развитию ремесел, земледелия, просвещения. Завершением этих размышлений является не только образ купца Кормилова в «Обитателе предместия», но и хранящийся в бумагах Муравьева план организации коммерческого училища в Петербурге.

В промышленности Муравьев видит источник государственного и народного богатства. Предпочтение иностранных товаров, недостаток обученных мастеров, корыстолюбие заводчиков, пекущихся о наживе, а не об общественных интересах, — тормозы развития отечественной промышленности.

Истинный сын своего столетия, ученик и последователь Ломоносова, Муравьев усвоил идею прогресса человечества и свято верил в непосредственную зависимость его от просвещения. «Нравы, законы, мнения зависят по большей части от степени просвещения, до которого доведен разум общественный» (2, 377). Невежество тормозит развитие промышленности, торговли, рост благосостояния страны. Человек — существо общественное, — эту просветительскую мысль Муравьев усвоил твердо, и именно в силу этого он верит, что невежество будет преодолено. «Человек сотворен для общества и должен рано или поздно достигнуть просвещения» (3, 5).

Веру в силу просвещения не колеблют ни события французской революции, ни последовавший за нею террор последних лет царствования Екатерины II и Павла I. После воцарения Алек-

сандра I Муравьев стремится реабилитировать науки в глазах нового императора. В докладе Комитета по рассмотрению уставов учебных заведений 1802 года после высокой оценки роли Петра I и начальных лет царствования Екатерины II в области просвещения указывается: «Но напоследок — потрясение славного просвещением государства... к несчастию слишком приписываемое философам и писателям, послужило, кажется, к остановлению сей монархии посреди ее таковых подвигов. С тех пор науки и произведения их представляются в некотором противуположении с общественным благосостоянием. Они понесли наказание за употребление их во зло несколькими извергами». В докладе подчеркивается необходимость свободы для ученых: «Дарование во все времена ненавидело принуждение. Самая тень унижения для него несносна. Подчинять его власти — все равно что истреблять его», — трижды варьируется излюбленная мысль Муравьева. Далее речь идет о необходимости распространения просвещения среди всех сословий: не только дворяне, но и купцы, и мещане, и мастеровые, и крестьяне должны иметь доступ к знаниям. Различие состояний не должно препятствовать поступлению в университет. Возможности образования должны быть расширены и для пола, «определенного природою доставлять государству граждан»¹.

В составлении этого документа принимал участие не один Муравьев, но именно доклад и проекты устава Московского университета были тщательно уложены в папку с надписью: «Бумаги, оставленные для Никитеньки». Чужих бумаг в наследство сыну не оставляют. Отобрав из своего большого архива именно эти бумаги, Муравьев подводил итог своей деятельности, завещал старшему сыну свою веру в силу просвещения, свою мысль о необходимости свободы для ученых и писателей, борьбу за распространение образования в России. А о том, что он сам не был удовлетворен реформами, свидетельствует краткая запись в дневнике: «Император ослабил кандалы писателей, но не снял уз. В Англии печатают так все, как думают»².

Верными средствами просвещения и нравственного усовершенствования Муравьев считает литературу и искусство, что вытекает из его взглядов на человека, близких просветительскому сенсуализму XVIII века. Человек познает мир посредством ощущений, опыта. От «плотских братьев, скотов» его отличает мышление, речь,

¹ Центральный государственный архив древних актов. Архив Муравьевых и Бибиковых. Черновые материалы к докладу и проекты уставов — ГПБ, № 21 и др.

² ГПБ, № 6.

«удивления достойное орудие» — рука, способность к изобретательности, воля, т. е. та сила, что «творит человека существом деятельным», заложенное самой природой стремление к «составлению общества», врожденное понятие прекрасного, блага, «способность увеличивать свои совершенства» (3, 6). Эти черты свойственны всем людям. История человечества убеждает, что низкий уровень цивилизации народов — явление временное: «Все варвары, все дикие определены, осуждены, кажется... просветиться»¹.

Каждый человек любит самого себя и стремится к счастью. Как существо общественное, «он приемлет участие во всем том, что происходит с людьми, его окружающими»². Трудясь, человек получает несравнимое ни с чем удовлетворение. «Мы делаем добро другим, составляя собственное свое счастье»³. Если же человек думает только о себе, спокойно смотрит на несчастья людей, то рано или поздно угрызения совести покажут ему, что он «любил себя не так, как должно» (3, 33—34).

Взгляд на человека как на существо общественное, деятельное, неуклонно идущее по пути к прогрессу, учение о сочетании правильно направленного личного интереса с общественным свойственны французским, английским и русским просветителям XVIII века. Основываясь на учении английских философов-моралистов: Адама Смита, Гетчинсона, Шефтсбери, — Муравьев признает у людей наличие врожденного нравственного чувства, позволяющего человеку различать добро и зло, красоту и безобразие так же, как глаз различает свет и краски и устанавливает единство эстетического и этического идеала. Красота бывает физическая, видимая, «поражающая чувства наши в творениях природы и искусств», — и более высокая красота — нравственная, неотделимая от истины и добродетели. Задача литературы, предметом которой является «совершенство *красоты нравственной или умственной* (le beau idéal)» (3, 127), — способствовать развитию разума и нравственному совершенствованию человека. Тот, чье «чувствительное сердце разумеет воздыхания Петрарка и разделяет величественную скорь Федры и Дидоны», чья душа «возвеличивается при разительных изображениях Корнеля или при своенравных картинах Шекспира», кто восхищается Ломоносовым, «красотами поэмы или расположением картины», не в состоянии строить своего счастья на несчастье других, искать удовольствия в беспутстве или в «подлой корысти» (3, 118, 123).

¹ ГПБ, № 3.

² ГПБ, № 35.

³ ОПИ ГИМ, письмо к Ф. Н. Луниной в январе 1790 года.

«Письмена... потому называются прекрасными, что они исследывают и изображают красоту, разлианную во всех творениях природы и в деяниях человеческих» (3, 31), — в этом Муравьев убежден твердо, так же как и в том, что «верное и нежное ощущение красоты в природе и искусствах именуется *вкусом*» (3, 128). В дальнейшем же определении вкуса он сбивается. То, подобно представителям классицизма, он признает некий единый и непрменный «образец вкуса», законодателями которого являются Аристотель, Лонгин, Гораций, Буало; то, отступая от классицизма, доказывает, что «красоты поэмы или картины убегают от строгости доказательства» (3, 131), говорит о «неизъяснимой приятности» поэтического произведения, толкует об «оригинальных сочинениях, ознаменованных печатью народного умоначертания» (3, 121), объясняет отличие писателей временем и национальными особенностями (1, 178—179), отвергает всякий рационализм в поэзии:

Не размышление творит
Своим исчисленным и соразмерным шеством,
Но чувствование всесильным сумасшестввом
Чудес рождение скорит¹ —

и в конечном счете приходит к романтической теории гениальности:

Не может тяжкий труд и хладно размысленье
Мгновенным гения полетам подражать,
И сокровенную печать,
Которая его дает благоволенье,
Нельзя искусству похищать.
Сей огонь божественный, сие одушевление,
Которое творит, —
Он, он его своим возлюбленным дарит...

(«Сила гения»)

«Огонь божественный» Муравьев находит у многих писателей. Частные оценки меняются по мере эволюции его взглядов, за исключением оценки искусства греков, которое он всегда считает вершиной искусства. Безоговорочное преклонение перед Корнелем и Расином сменяется пониманием, что герои Расина «походят на молодых придворных Людовика XIV» (1, 183). Напротив, Шекспира Муравьев долгое время принимает с оговорками, а в конце концов

¹ ГПБ, № 3.

приходит к решительному предпочтению английского драматурга: «Против него все французы — живописцы в миниатюре и едва ли живописцы»¹.

Однако, как ни интересны эти частные и необычные для русских писателей XVIII века высказывания, важнее общая мысль, к которой приходит Муравьев: различие между писателями объясняется временем и «духом земли». Чем большую роль сыграл каждый из них в истории культуры и языка своей страны, чем более произведения его обогащают и облагораживают чувства человечества вообще, тем долее не умрет он в памяти потомства.

3

Интерес Муравьева к литературе определился очень рано. В тетрадях 1768—1771 годов рядом с решением математических задач можно видеть написанные детским почерком имена писателей разных стран, выписки, переводы. Часто благие намерения оставались неосуществленными. Только начаты переводы «Федры» Расина, «Заиры» Вольтера, «Мизантропа» Мольера и многих других произведений. Первым завершенным трудом был начатый в Москве в 1768 году перевод с немецкого «Жизнь Эрнеста, по прозванию Благочестивого, герцога саксонского», посвященный ректору университетской гимназии профессору Шадену. К 1769—1772 году относятся переводы сатир Горация, переложения псалмов, первые оригинальные стихотворения.

В 1771 году Муравьев задумал написать трагедию «Дидона». Предисловие обнаруживает недюжинную начитанность четырнадцатилетнего автора и полемический задор. Перечислив десяток известных ему трагедий с тем же названием, он ставит перед собою задачу освободить сюжет Вергилия от наслоений, приданных европейскими драматургами: «Я не хочу видеть Дидоны в убранстве, данном ей Ле Франом, для того что я видел ее в одеяниях прекрасных и естественных, в которые облек ее Вергилий или, лучше, природа»². Замечание едва ли не относится к Княжнину, который следовал за Лефран де Помпиньяном. Но дело не в частном намеке, а в совершенно новом отношении к античности, которое не могло быть подсказано Муравьеву никем из его учителей.

Замысел не соответствовал силам автора. Незрелая трагедия не

¹ ГПБ, № 3.

² ГПБ, № 6.

удовлетворила его, а позднее он написал на нее уничтожающий автоотзыв и автоэпигramму:

Кто эту написал «Дидону»,
Не должен попрекать погрешности Прадону.

«Юношеский бред трагедии» возобновился в 1773 году под влиянием впечатления от трагедии Вольтера «Аделаида Дюгеклен». На этот раз Муравьев ищет оригинальный сюжет. «Читаючи Еминову историю, приноравливал я каждое попадающееся мне мрачное приключение в трагедию»¹. Выбор пал на сюжет из польской истории XII века. Написав первое и половину второго действия, Муравьев оставил пьесу, затем вернулся к ней в 1776 году, читал ее Дмитревскому, Львову, Хемницеру, Ханыкову. Несмотря на одобрительные отзывы, трагедия не была закончена; сюжет же ее лег в основу баллады «Болеслав, король польский».

В 1773 году напечатаны два сборника произведений Муравьева — «Басни в стихах» и «Переводные стихотворения».

Переводы выполнены еще в Архангельске, Вологде, а может быть, и в Москве. Подбор стихотворений пестр и отражает вкусы не только самого Муравьева, но и его учителей. Здесь и явно начатые под руководством моралиста Шадена религиозные размышления немецкого поэта Брокеса, и анакреонтические оды Brentшена, и направленная против деспотизма ода Вольтера Фридриху II, отрывок из «Цинны» Корнеля, альбомные стихи Мадлены Скюдери, обязательный Буало и действительно интересовавший Муравьева Гораций. Качество переводов невысокое. Они представляют интерес лишь как первая проба пера. Желание перевести более точно ведет подчас к латинизированному синтаксису, к бесчисленным инверсиям, надолго сохранившимся в стихах Муравьева. Сказывается и то, что среди менявшихся учителей писателя были преподаватели риторики духовных семинарий, которые прививали воспитаннику вкус к церковнославянизмам, к архаичным формам слова и архаизированной конструкции фразы.

Индивидуальность поэта в большей мере проявляется в сборнике басен. После Сумарокова, определившего основные черты русской басни, к ней обращаются почти все поэты XVIII века, внося черты, соответствующие их мировоззрению и дарованию. Ближайшие учителя Муравьева — Майков и Херасков — стояли на разных позициях. Майков последовательно развивал намеченное Сумароковым:

¹ ГПБ, № 3

сатиру, простонародность, бытовизм. Херасков переносил центр тяжести на вопросы морали, стремился к литературной сглаженности языка.

В баснях Муравьева остается сатира. В некоторых из них он решается поучать «сильных мира сего». В басне «Зевес» вслед за Лафонтеном он просит «богов земнородных» в их гнев «греметь» поучая, а не разя смертельно. Следуя приказу барина, желающего отучить коня от дурной привычки махать головой, конюх «бьет, сечет» скотину до тех пор, пока конь «махать головкой перестал и пал». «Осторожнее вы поступать потщитесь», — призывает поэт «конюхов людей». Осторожность необходима для владык и потому, что кони не всегда покорно гибнут, а иногда и сопротивляются. Кто с высоты своей видит в подданных лишь «тварь», рожденную для прихоти правителя, рискует собственной головой:

Конь в брюхо брык,

Упал Мужик.

Поднялся крик.

Кто прежде в высоте вверху был над конями,
Тот стал под коньими ногами.

(«Кучер и Лошади»)

Непосредственное напоминание царям о необходимости не забывать «страшную истину» раскрывает и так ясный смысл басни, резкость которой не снимается приносимым под конец авторским извинением. Об ответственности верховной власти за зло, причиняемое мелкой сошке, и гнев обездоленных напоминает басня «Пес». «Подлые души», смелые лишь по отношению к слабым, осмеяны в басне «Собачка». В эпоху непрерывно меняющихся фаворитов злободневной была басня «Зеркало». «Надменным горделивцам» посвящена и более слабая басня «Половица». Народ — корень, кормилец и поилец управляющей им верхушки. Если он взбунтуется и перестанет слать ей «питательную воду», верхушка погибнет. Это Муравьев понимает. Но с гибелью верхушки погибнет и корень, превратившись в мертвую колоду, утверждает Муравьев нормы дворянской государственности («Верхушка и Корень»). Остальные басни посвящены непритязательной житейской морали. «Не гоняйся за высоким» — учит заимствованная у Эзопа басня «Облако»; «Не ослепляйтесь пустыми похвалами» — басня «Скворец и Ястреб»; «Не суди по себе о других» — «Индей и Сокол»; «Такие тщитесь желанья иметь, В которых можете успеть» — «Волк и Лисица».

Молодой баснописец не всегда печатал то, что ему хотелось

сказать. Как показывает рукопись, басни кто-то внимательно прочитал и не только сделал замечания, касающиеся стиля, но и настойчиво требовал «поприбавить нравоучения», смягчавшего смысл произведения. Так, обращение к царям сменилось обращением к «подобию владык» («Зеркало», «Мужик, Лисица и Собака» и т. д.) — «правителям» («Кучер и Лошади»). Так, в басне «Верхушка и Корень» появляется смягчающая концовка.

В отличие от вымученных, бесцветных заключительных рассуждений, основной текст басен как оригинальных (их большинство), так и заимствованных представляет собою живое повествование, иногда с оттенком балагурства («Конь», «Миротворец»). Национальный простонародный колорит (иногда также смягченный рецензентом) достигается введением просторечных слов («бадья», «таска», «иттить», «ну-тка», «засвербелось», «ворзаться», «взрютили», «баба», «ин пусть», «авось» и т. п.), словосочетаний («смеяться в заходы», «цапкими ногами»), поговорок («Бадья упрямей новгородца», «Муж да и жена — одна лишь сатана»). Иллюзию живого разговора поддерживают предложения типа: «Конь в брюхо брык», «И наконец Верхушка бух», «Подъяв веселый Мышка клик — Прыг». Использует Муравьев и характерное для русской басни XVIII века пародирование канцелярского слога («Скворец и Ястреб», «Пес»). Охотно прибегает он к приемам иронико-комической поэмы, навеянным, конечно, «Елисеем» Майкова и его же баснями. Драка мужа с женой уподобляется битве кораблей во время сражения при Чесме («Миротворец»), ожесточение псов заставляет вспомнить битву Юлия Цезаря с Помпеем («Пес») и др.

Позднее, переделывая часть басен, Муравьев совершенствует их слог, исключая устаревшие слова, и в известной степени снимает простонародный колорит. Исчезают «пригож», «балясы», «свому», «воротит горду рожу» и т. д. Немудреное начало «Зеркала»:

Румяной на заре на восходе красна солнца
Стояло Зеркало напротив оконца —

сменяется изысканным:

Венецианского искусства труд чудесный,
Стояло Зеркало в палате золотой.

Невразумительная концовка, появившаяся по требованию рецензента, заменяется в «Зеркале» очень определенным выпадом против вельмож. Басня «Перо» дополняется не только конкретным обращением к Ермолову, но и медлительно-плавным вступлением — воспо-

минанием о днях юности. А басня «Нептун, Минерва, Вулкан и Момус» просто превращена в ироническое послание к критику — «Суд Момов. К М. А. Засодимскому».

Многим увлекался Муравьев. Но через всю жизнь он пронес все углубляющийся интерес к античному искусству. В шестнадцать лет он перевел одну из стихотворных вставок «Сатирикона» Петрония — «Песнь о гражданской войне». Отрывок звучит как гневное разоблачение ненасытной завоевательной политики Рима, которая привела государство к полному падению нравственности. А затем, договаривает Муравьев в самостоятельном стихотворении «Фарсальская битва», к превращению Рима республиканского в Рим императорский, которое поэт рассматривает как крушение римского могущества вообще. Читая перевод, исполненный бесчисленных архаизмов, инверсий, мы видим, как мучается молодой поэт, какого напряжения стоит ему нелегкий труд. Но первый в России перевод Петрония, к которому и в XIX веке не решались обращаться русские писатели, заслуживает внимания как страница в истории русской культуры, как попытка расширить традиционный круг имен и представлений об античной культуре.

В 1774 году в Москве вышло «Слово похвальное Михайле Васильевичу Ломоносову». Муравьев славит поэта и «гражданина отечества». Поняв, что суть поэзии Ломоносова не в прославлении, а в поучении владык, он восклицает: «Повелители народов, наместники божеския власти, градоначальники, притеките на глас гремящего витии, научитесь в стихах его должности своей»¹. Писатель говорит о «сильных гонителях» Ломоносова при жизни, грозит судом потомства завистникам, порочащим имя его после смерти. Зная, что часть проектов Ломоносова в области общественных реформ утаивается, он выражает желание видеть напечатанными труды, в которых проявляется не только поэт и ученый, «мудрец и мира гражданин, но и сын отечества, ревнитель добрых дел, рачитель общественного блага»². Вступая в полемику с литературными противниками Ломоносова, автор защищает «пышность», «громкость», «великолепие» ломоносовской поэзии.

«Слово» прервало молчание вокруг имени Ломоносова, царившее в 70-е годы, когда только статья в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Новикова (1772) напоминала о не любимом императрицей ученом и поэте. А когда в 80-е годы стали славить Ломоносова как официального одописца, «певца Елиза-

¹ Михайла Муравьев, Слово похвальное Михайле Васильевичу Ломоносову, СПб., 1774, с. 13.

² Там же, с. 8—9.

вёты», Муравьев писал о нем как о простом русском человеке, рожденном в «хижине земледельца», силою воли поборовшем все препятствия и открывшем «поприще письмен в своем отечестве» (3, 256), как о великом ученом-естествоиспытателе. В отличие от большинства современников, даже от Радищева, Муравьев высоко оценил заслуги Ломоносова в области физики и химии, считал его соперником, а не последователем Франклина.

Мальчиком слушая рассказы Барсова в Москве, собирая предания о сыне холмогорского рыбака в Архангельске, переводя на латинский язык поэму «Петр Великий» в Петербурге, став попечителем университета, созданного Ломоносовым, Муравьев видел перед собой пример и по мере сил старался ему следовать. Можно сказать с уверенностью, что сочетание интереса к поэзии и естественным наукам, вера в прогресс человечества, желание открыть доступ к знаниям всем сословиям, неприятие какой-либо мистики, утверждение положительного идеала путем положительного примера и многие другие характерные для Муравьева черты начали складываться под влиянием Ломоносова.

Любовь к Ломоносову не привила юноше интереса к похвальной оде. Не случайно, говоря о своем кумире, он с неизменным восхищением вспоминает лишь поэму «Петр Великий». Не случайно среди его разнообразных ранних стихов есть лишь одна ода. Однако обойти распространенный жанр было трудно. Настойчиво советовал юноше обратиться к оде Майков. Первым петербургским опытом была ода Павлу. Писавшаяся в период, когда недовольные Екатериной II круги ожидали воцарения Павла, она более категорично славил предстоящие перемены, чем произведения других писателей, которые на всякий случай уравнивали похвалы цесаревичу прославлением императрицы.

Небезопасная для автора ода, видимо, не была закончена. Наследнику престола Муравьев посвятил «Военную песнь» (1773, напечатана в 1774 году). По содержанию, композиции «Военная песнь» близка дидактической поэме Майкова «Военная наука» (М., 1764), однако у Муравьева значительно короче излагаются теоретические вопросы военного искусства. Значительная часть строф посвящена русской военной истории от похода Олега на Царьград до современных поэту битв на Дунае. Вслед за Ломоносовым Муравьев выдвигает на первый план образ Петра I и, подобно Ломоносову, говорит о нем не только как о полководце, но и как о государственном деятеле, строителе, просветителе.

В сборнике «Оды» (1775) военной теме посвящены три: написанная еще в 1770 году ода «На случай Кагульский битвы», описы-

вающая учебные занятия ода «На примерное взятие городка на Выборгской стороне 1773 году» и «Ода седьмая», примыкающая к «Военной песне». Отдельным изданием вышла «Ода... Екатерине II... на замирение России с Портою Оттоманскою». В рукописи сохранилась близкая ей «Ода на торжество мира» и «Слава России». Все они похожи друг на друга и на «Военную песнь», ибо в них либо поучаются доблести молодые воины, либо речь идет о событиях первой русско-турецкой войны, упоминаются одни и те же крепости, имена, образы.

Выйти за пределы этих тем в середине 70-х годов можно было, либо став на путь реформы оды, что и сделал позднее Державин, либо превратившись в придворного поэта. А Муравьев вообще не хотел писать од.

Восприял я лиру в длани
И хочу гласити песни,
Песни громки и высоки.
Но мои незвонки струны
Не хотят гласити песни,
Песни громки и высоки,
А хотят гласить природу,
Обновившуюсь весною.
Я, покинув струны громки,
Не для вас пою, потомки.

(«Ода седьмая»)

Ломоносов в «Разговоре с Анакреоном» сказал о своем предпочтении лирики героической лирике любовной. Муравьев, перефразируя ту же оду Анакреона, говорит о склонности к пейзажной лирике, о которой нет речи у обоих поэтов. Не решившись открыто полемизировать с Ломоносовым и противоречить Майкову, он зачеркнул эти искренние строки, написал «Оду седьмую», потом «Оду... на замирение» и т. п. Но перелагая в рифмы военный устав, вводя в оды новые мотивы, образы, строфику, он понимал, что написанное им далеко от истинной поэзии и чуждо его дарованию.

Нельзя мне воспевать едиными усты
И бога браней гнев и ваши благостыни,
И не довлеет мне едиными персты
Касатися меча и ваша святыни, —

воскликнул он в «Сонете к музам». Противопоставление «бога браней» искусству — горькое признание и бунт. Бунт против многовековой традиции.

Некоторые оды, помещенные в сборнике, примыкают к правоучительным одам Хераскова. Один из зачинателей русской философской лирики, Херасков размышляет о жизни и смерти, добре и зле, вечности и мгновении, о смысле жизни. Размышления ведут к пессимистическим выводам и даже к предпочтению небытия — жизни, единственным оправданием которой является добродетель и служение богу. Унаследовав от Хераскова склонность к морализированию, Муравьев не во всем солидарен и с этим своим учителем. Растерянность перед сложностью жизни есть и у него, но в восемнадцать лет он не может прийти к утверждению небытия как высшего блага. Суэта, осуждаемая Херасковым как «прах, мечта, пустая тень», ассоциируется у Муравьева со способностью чувствовать, искать, с желаниями и надеждами — со всем, что дано человеку, рожденному, «чтоб ощущать». Для ученика Ломоносова неприемлемо отрицание разума. Он не способен увидеть зло в чтении, знании. Равнодушный к религии, Муравьев иногда спохватывается и говорит о боге, но наградой за добродетель он считает не загробное блаженство, а одобрение собственной совести и сознание блага, принесенного людям.

Переводя, подражая, участь, Муравьев ищет свой путь. Новое поэтическое видение мира пробивается сквозь толщу традиции в оде «Весна». Сохраняя арсенал мифологических образов, поэт создает едва ли не первую в русской литературе картину пробуждающейся северной природы. Вскрывается не просто река, а Нева. Нептун, как ему и положено, ударяет трезубцем, но ударяет по «толстым льдам» Балтийского моря; картина ледохода, таяния льдов, половодья увиденна и услышана поэтом. Поэтическое журчание струй, обязательное для эклог и идиллий, оживает в картине сливающихся потоков и рвов, по которым пахарь отводит воду. Привычка мыслить мифологическими образами побеждает в четвертой строфе, где постепенное потепление олицетворяется образами Борея и Зефира. Традиционен пастух со свирелью, но зрительно ощутима и неожиданна в додержавинской поэзии картина весенних полей, оплодотворенной теплом и влагой дымящейся земли, постепенного прорастания былинки, зеленеющих деревьев. Рассуждение о проходящей молодости имеет своей целью оправдать появление пейзажной зарисовки в сборнике од. А в последней строфе поэт, забывая о нравоучении, говорит о своем желании воспеть «весенни красоты», «растенья тучны», подчеркивает зависимость от Майкова в одической поэзии и самостоятельность в данном стихотворении:

Ты брани петь меня наставил,
А я тебе сей стих составил
Во знак чувствительной души.

Сборником од завершается первый период творчества Муравьева. Начинается полоса исканий, наметившаяся в оде «Весна», перифразе оды Анакреона, и связанная с исторической обстановкой 70-х годов. Если в баснях поэт еще пытался робко поучать «правителей», то события 1773—1775 годов и наступившая за ними политическая реакция отбили у него, как и у многих современников, охоту к сатире вообще. Сознание недостатков современного общества остается, поэт видит торжество порока, «заразу роскоши, ничем ненасытиму, Что целы области съедает до конца», но считает борьбу с ними путем сатиры бесплодной и недостойной искусства:

Погибни, мрачна кисть, когда ее черты
Бессильны выражать душевны красоты.

(«Порока иногда успехом раздражаюсь...»)

Не принял Муравьев и официальных требований воспеть «мать отечества» и благоденствие ее подданных. И ранее не любивший оды, он после 1775 года перестает писать их совсем, с возмущением говорит о «подлой лести» В. Рубана, который написал оду очередному фавориту Екатерины II, о том, что Рубан достоин презрения¹. «Ханыков от омерзения Рубана перешел к омерзению стихотворства», — замечает он в дневнике². Муравьев не приходит к «омерзению стихотворства», но через некоторое время он пишет сказку «Живописец» (1778), посвященную мысли о необходимости полной творческой свободы в искусстве. Приближаясь даже к благожелательно настроенным «великим и сильным», художник теряет дарование.

Итак, в сферу искусства не входят ни «бога браней гнев», ни «мрачные черты» жизни современного общества, ни прославление власти, ни служение ей. Что же остается на долю литературы и искусства? «Душевны красоты». «Красота, разлианная в творениях природы и деяниях человеческих», — сформулирует поэт позднее.

Красота природы, земледельческого труда, любви воспета в «Роще» (1778), одном из наиболее оригинальных стихотворений Муравьева. Непривычный, торжественно-медлительный напев гекзаметра, к которому после «Тилемахиды» Третьяковского не решались обращаться поэты XVIII века, вводил в атмосферу античной поэзии. Уважение к труду связывало «Рощу» с «Трудами и днями» Гесиода,

¹ ОПИ ГИМ, письмо от 7 августа 1777 года.

² ГПБ, № 22.

«Георгиками» Вергилия. Церковнославянизмы должны были придать этой идиллии русский колорит. Органически входящий в стихотворение образ поэта свидетельствовал, что речь идет о картине, увиденной самим автором. Напряженно следит поэт за утренним пробуждением земли, «котора дремала, тенью своей покровенна». Красок немного: «темная прохлада», «волны востока зарделись», «луч от-метая, ральное блещет железо», «бугорок, освещенный лучами», «смуглый юноша», «черные очи его». Поразительно по своей смелости сочетание прозаизмов с высокой архаизированной лексикой и воплощение быта в пластических образах: земледелец «платом с чела своего утирает струи потовые», «грудью ложится, к земле прижимаясь», «покоится плуг, на ниве вонзенный».

Конь, свободен от ужищ, катается, преобращаясь,
Гриву свою на траве расстилая; воздух, сраженный
Ржащего гласом, спустя мгновенье ответствует против.
Се насыщенный резвостью бодро главу восхищает;
В землю упертый коленом, еще другое копыто
Силится тщетно поставить, чтоб тем подвинуть всю тягость,
И дотоле приподымается, ежели сразу
На ноги вскочит: волосы с выи на спину спадают,
Двигнутся ноздри округом, и пар рассыпается в воздух.

Время и логика развития вели Муравьева к сентиментализму. Основной пафос сентиментализма, родившегося на Западе в эпоху борьбы буржуазии за политические права, как и всей литературы, связанной с просветительской философией, составляла идея освобождения личности от оков феодально-крепостнического государства. Ей служил культ чувства, выдвижение нового героя — рядового человека третьего сословия, противопоставление его нравственной чистоты испорченности аристократии, прославление семейных добродетелей, бегство от городской цивилизации на лоно природы и т. д.

Особенности исторического развития определили национальное своеобразие сентиментализма. Но ни в одной стране сентиментализм не был единым. Различной реакцией на действительность порождены «Новая Элоиза» Руссо и «Поль и Виргиния» Бернардена де Сен-Пьера, идиллии Геснера и «Страдания молодого Вертера» Гете, поэзия Томсона и «Покинутая деревня» Гольдсмита. Не был единым и русский сентиментализм. Вследствие слабости русской буржуазии ярко выраженные буржуазные тенденции заметны лишь в романе Ф. Эмина «Письма Эрнеста и Доравры» 1766 года и в комедиях П. А. Плавильщикова 80—90-х годов. Сострадание «чувствительного путешественника» горю народному в «Отрывке путеше-

ствия в *** И. Т.» перерастает в слезы, гнев, ненависть, пламенные призывы к возмездию в «Путешествии из Петербурга в Москву», где реалистическая картина русской жизни нарисована страстной кистью опять-таки «чувствительного путешественника». Наиболее широкое распространение получит в России тот вариант сентиментализма, который начинается «слезными драмами» Хераскова и лирикой Муравьева 70-х годов и завершается в 90-е годы творчеством Н. М. Карамзина, хотя и между этими писателями также заметно существенное различие.

«Мы унижаем человеческое сердце и не понимаем человеческой природы, если думаем, что нужны титулы, чтобы волновать и трогать. Священные имена друга, отца, любимого человека, мужа, матери, наконец, вообще человека патетичнее всех остальных»¹, — писал высоко чтимый Муравьевым Мармонтель, представитель правого крыла французского просветительства.

Русские писатели приняли идею ценности личности и охотно прибегали к семейной тематике. Интерес к морали частного человека, создание портрета доброго, порою гонимого сеньора, друга несчастных, страдающей матери, добродетельной невесты характерны для «слезных драм» М. М. Хераскова, М. И. Веревкина, М. Прокудина, Я. Благодарова и др.

Противопоставление личности государству свидетельствовало о проникновении в русскую литературу буржуазного сознания. Но в то время как в предреволюционной Франции вопрос о свободе личности содержал в себе требование уничтожения феодально-крепостнических отношений, в то время как Радищев доказывал, что свобода личности невозможна без уничтожения самодержавия и крепостничества, большинство русских писателей трактовало слово свобода как понятие этическое, а не политическое. Правда, и Радищев говорит о «рабах духом», Княжнин в «Вадиме Новгородском» и позднее декабристы противопоставляют «рабов» — «гражданам», но в их представлении духовное рабство означало примирение с деспотизмом. В немецкой философии, учениях русских масонов, у Муравьева, позднее Карамзина и Жуковского идея духовной свободы позволяла противопоставить личность государству без коренной ломки политических и социальных отношений. Признание человека в крестьянине вызывало сочувствие к его положению, уважение к нему и его труду, сознание необходимости реформ, ограничивающих власть человека над человеком.

¹ Цит. по книге: Л е с с и н г, Гамбургская драматургия, М. — Л., 1936, с. 56.

Сочувствие крестьянам звучит в комических операх М. И. Попова, Н. П. Николаева, Я. Б. Княжнина. Жалует крестьян и Муравьев. В его комической опере «Добрый барин» изображается различное отношение крестьян к доброму и злому барину. Портрет первого крестьяне украшают цветами. Узнав о покушении злого на честь невесты, крестьянин Василий угрожает:

Ах, если станется, что этот грубиян...

Сие железо вмиг... ведь я служил солдатом...¹

Доведенная до конца пьеса была бы убедительным доказательством, что пограние чувств в крестьянине вызывает в нем сопротивление, но это заставило бы обратиться к «мрачным картинам», от изображения которых поэт отказался. Он предпочитает рисовать идиллические взаимоотношения добрых бар с их «детьми» — крестьянами («Сельская жизнь») или любоваться красотой крестьянского труда на лоне природы («Роща»). Больше же всего на свете его занимает душа человеческая.

Положение «познай самого себя» — краеугольный камень масонства — было благодатной почвой для развития навыков самоанализа. Масонские журналы воспевали «эстетику грусти», Херасков пытался проследить «сгибы тайные души». Но масонская литература не могла привести к познанию индивидуального строя души, ибо рассматривала только путь человека к истинной религии и ставила его вне чувственного мира материальной природы, вне общественной среды.

Для Муравьева самопознание и самовоспитание не путь к познанию бога, а одно из средств воспитания «благородства сердца и поступков». Старые и новые учебные тетради превращаются в дневник, или, как назовет его сам автор позднее, в «Сентиментальный журнал»². Последовательно хронологических записей нет. На полях черновиков литературных произведений, среди списка прочитанных книг, записей имен исторических деятелей, художников Муравьев предается размышлениям, исповедуется, характеризует себя, близких людей, свое отношение к ним, размышляет на темы морали, искусства. Несмотря на всю свою беспорядочность, «Сентиментальный журнал» являлся в какой-то степени явлением литературного порядка, что доказывается и стихотворным посвящением его сестре, и тем, что в «Утреннем свете» были напечатаны близкие к нему отрывки под заглавием «Дщицы для записывания».

¹ ГПБ, № 20.

² ГПБ, № 22.

Опубликование отрывков из дневника являлось победой нового направления, утверждением нового жанра. Читателям «Утреннего света» предлагались не статьи и афоризмы крупного мыслителя, а размышления сержанта Измайловского полка. Частный человек требовал внимания к себе, к своему духовному миру.

Литература переплеталась с личной жизнью. Школой «чувствования» были дневник и переписка. Дошедшие до нас письма Муравьева, богатые фактическим материалом, интересны и как литературный документ. Как и в дневниках, Муравьев отчитывается, но уже перед отцом и сестрой, подвергает анализу свои чувства. Отношение к дружеской переписке выражено в записи Муравьева на одном из писем Ханыкова: «Переписка друзей... это история сердца, чувствований, заблуждений. Роман, в котором мы сами были действующими лицами»¹. В «историю сердца, чувствований, заблуждений» превращалась и лирика.

Становясь объектом поэзии, частная жизнь частного человека заставляла выходить за пределы известных жанров. Переломный характер лирики Муравьева, отступающего от классицизма в период господства его в России, ярко проявляется в смещении и ломке жанровых границ. В сборнике «Новые лирические опыты» (1776) все произведения еще названы одами, хотя большею частью они выходят за пределы всех типов оды. Называя так и послания, и элегии, и пейзажные зарисовки, поэт лишает термин конкретных признаков. Чувствуя это, он уже через год-два, печатая или переделывая стихотворения, снимает утерявшее смысл слово «ода» («Прискорбис стихотворца», «Желание зимы», «К Хемницеру» и др.). Ищет он и не находит определения жанра стихотворной исповеди — «Сожаление младости» (1780), называя ее даже «рапсодией». В составленных им перечнях написанных стихотворений есть лишь одна-единственная ода (переделанная из части строф «Военной песни»), несколько эпистол, писем, посланий, сонетов, элегий; в подавляющем же большинстве случаев есть просто названия стихотворений.

И на самом деле, к какому жанру, например, можно отнести «Путешествие»? Перед нами лирический дневник. Это он, Михаила Муравьев, взволнованно прощается с золотыми снами детства и жадно воспринимает новые впечатления, радуется уважению, с которым встречают его отца, и огорчается болезнью сестры, восторгается историческими реликвиями Новгорода и славит город своей

¹ ОПИ ГИМ, надпись на обороте письма Ханыкова от 28 февраля 1779 года.

мечты — Петрополь-Петербург. Через восприятие этого юноши с чувствительной душой и «алчными глазами» читатель видит нарисованные предельно скупо, но очень точно картины русской природы: лишённые травы осенние поля, Ухру быстрюку, полные неводы и дым рыбацких изб на берегах Шексны, богатые железной рудой земли Устюжны, покрытую судами величественную Мсту, сердитые волны Боровицких порогов, неистовые валы Ладоги, Волхов. «И се река славна его делами», — неожиданно врывается одическая строка, напоминающая разом о Петре I и о Ломоносове.

Страницами лирического дневника были и стихи, посвященные духовной биографии поэта, в частности его любви к отцу и сестре. «Почитать своего командира есть страх, есть рабство, по большей части принужденное исполнение обязанностей между людьми. Но почитать доброго, мудрого Новикова, Хераскова, чувствительного моего родителя, мою сестру есть свидетельство доброты моего сердца», — записывает Муравьев в дневнике¹. Убеденный в том, что семейные и дружеские связи важнее служебных, он противопоставляет одической поэзии дружеские послания и семейную лирику.

Благоговейные отзывы о «нежнейшем из отцов», признания в любви, бесконечной благодарности, признания искренние и, по-видимому, заслуженные, создают первый в русской литературе образ безупречного отца, сумевшего стать для детей примером высокой нравственности, отца,

Который тихостью, не силой
К добру сыновне сердце влек.

(«С берегов величественной Волги...»)

Муравьевский гимн отцу создан задолго до карамзинского гимна матери. Задолго до «Послания к женщинам» культ дружбы с женщиной развивался в письмах и стихах Муравьева. «Не можно... чтобы мужчина... столько мог быть счастлив сердцем, как женщина. Он столько отвлечен от себя своим правом, должностями»². Каясь в «грубости чувствований», он просит сестру «влиять» в сердце его добродетели, укрепить союз, основанный на узах крови и взаимопонимания. «Ты любишь Виланда. Разве не веришь ты его любимым мыслям, что есть сродственные души, наслаждающиеся рассматриванием друг друга?.. Мое письмо почтешь ты, конечно, за письмо к сродственной душе».

Те же мысли, те же стилистические узоры переходят в стихи.

¹ ГПБ, № 22.

² ОПИ ГИМ, письмо к сестре 1778 года.

Сестра — «лучший дар небес», самая близкая душа, совесть поэта. В минуты уныния он зовет ее, стараясь воскресить в памяти ее нежный, ускользающий образ. Она делит с ним радость и слезы. Ее влияние может сберечь чистоту его души и т. д. Ей он посвящает свои интимные записки и ряд стихотворений, в том числе перевод идиллии Леонара «Буря», сопровождающийся характерным «писанием»:

Ты, что мне природы узы
Сердца счастьем творишь!
Ты мне радость, ты мне музы
Возвращение даришь!

Литературные истоки рассуждений о «сродственных душах» ясны из упоминаний о «Симпатиях» Виланда, но только искреннее чувство могло создать такой нежный, любящий и строгий в своей чистоте девичий облик¹.

Уходил ли от волнующей общество проблематики Муравьев, рассказывая о сердечности отношений в своей семье? Вспомним, сколько философских раздумий было посвящено в XVIII веке семье, как билась эстетическая мысль столетия за право воплощать на сцене «священные образы» отцов, матерей, как горячо утверждала семейные добродетели мещанская драма на Западе. Вспомним сдвинутую сатиру Кантемира, горький смех Новикова и Фонвизина, распушенность нравов двора и «блистательный» пример, который подавала императрица с ее неприязнью к сыну и откровенным распутством. На этом фоне прославление скромной дружной семьи было приобщением к большой теме и, поскольку речь идет о лирике, литературным новаторством.

¹ О Федосье Никитичне Муравьевой (1760? — ?) мы знаем только по письмам брата, но поддерживать многолетнюю переписку о литературе, музыке, театре, долге, добродетели, неустанно следить за успехами брата мог лишь читающий, думающий и любящий человек. Эта провинциальная девушка переводит (один из ее переводов Муравьев отдает в печать), интересуется не только искусством, но и физикой. Ей скучно в обществе жеманных тверских чиновниц, она одинока, грустит, погружается в самоанализ, чтение, и брат старается умерить ее впечатлительность. Став в 80-е годы женою С. М. Лунина, ограниченного, грубого человека, она уходит в воспитание детей, вновь постоянно советуясь с братом. Оказала ли она влияние на сына, декабриста М. С. Лунина, как знать. Но семейные традиции дружбы между братом и сестрой были переданы детям. Свидетельством тому — самозабвенная помощь, оказанная М. С. Лунину его сестрой Е. С. Уваровой.

Первым Муравьев воспел семью, впервые в русской поэзии возникает в его стихах культ «дружбы сладостной» и связанные с нею «чувствования сердец».

Как и все сентименталисты, Муравьев охотно обращается к эпистолярным жанрам. К нравоучительным одам Хераскова восходят письма-рассуждения на «философические» темы («Эпистола к Н. Р. Р. ***», «Об учении природы. К В. В. Ханькову» и др.) с тем различием, что у Хераскова нет настойчивого тяготения к постижению «естества великой книги». Другие письма превращаются в сентиментальные медитации. В стихотворении «К Хемницеру» традиционное противопоставление душевного спокойствия мирных «селян» угрызням совести жителей роскошных чертогов, естественной красоты природы — городу подготавливает фон для появления образа поэта, меланхоличность которого запечатлена в самой позе:

О, кто меня в страну восхитит вожделенну,
Где на руку главу склонил бы утомленну,
В древесной сени скрыт!

Муравьев — ученик Ломоносова. В лирический поток размышлений вливаются думы о бесчисленных мирах, горящих солнцах. Но чувствовать он учится у Руссо, молодого Виланда, Юнга, Грея. «Тихая» песнь на лоне природы, предчувствие смертного часа, уединенная могила, колеблющиеся на ней цветы, апология дружбы родственных поэтических душ, трепетные объятия и слезы — все это компоненты элегии начала XIX века.

И пусть придет мой день: ты здесь меня покоишь
И, может быть, еще слезами удостоишь
Праха друга своего.

Когда ж со Львовым вы пойдете мимо оба
И станут помавать цветочки сверху гроба,
Поколебавшись вдруг,
Я заклинаю вас: пойте, не бежите!
И, в тихом трепете обнявшись, скажите:
«Се здесь лежит наш друг!»

В собрании сочинений напечатано: «Здесь спит наш верный друг». Но и без исправления эти строки могли бы показаться реминисценцией из Жуковского, если бы они не были написаны за двадцать шесть лет до «Сельского кладбища».

Наряду с письмами-элегиями Муравьев пишет полшуточные-полусерьезные дружеские послания. Тон непринужденной беседы,

подчеркнуто разговорный язык, сочетание бытовых, литературных, а порою и философских тем, легкий стих намечают характерные черты жанра, развитого позднее Батюшковым, Жуковским, молодым Пушкиным, поэтами 1810—1820-х годов.

Элементы послания содержатся уже в начале «Эклоги к Олеше-ву», заключительной строфе оды «Весна», баснях «Суд Момов», «Перо», привнося индивидуальные черточки в сугубо безличные жанры. Из собственно посланий наиболее интересны послания к А. В. Нарышкину, «К Феоне», Д. И. Хвостову, А. М. Брянчанинову.

Новый жанр позволял говорить об эпизодах своей жизни, своих интересах, вкусах. Детали жизни в Архангельске находят отражение в послании к А. В. Нарышкину; в послании 1776 года «С брегов величественной Волги...» речь идет о днях отпуска, проведенных с отцом и сестрой, в послании «К Феоне» — о поездке в Эстонию и т. д. Рядом с поэтом естественно возникают образы близких людей. Нежная сестра, поэт и придворный А. В. Нарышкин, недоброжелательный критик первых сочинений Муравьева — М. А. Засодимский, вдумчивый И. П. Тургенев, разносторонне одаренный Н. А. Львов, «с душою сильною и жаждой просвещения» В. В. Ханыков, неназванная «милая, живая вдова осьмнадцати годов», которая «из Виланда и Гагедорна стихи читает наизусть», и многие другие современники Муравьева появляются в его стихах иногда лишь в кратком упоминании, но в каждом из них поэт пытается уловить что-то личное, особенное.

Найденная Муравьевым манера вплетения в повествование индивидуальных характеристик целиком сохранена Батюшковым: ср. «Сложи печалей бремя, Жуковский добрый мой», «Питомец муз надежный, О Аристиппов внук» <Вяземский> и т. п. Повторяет Батюшков и манеру разговора Муравьева с адресатом, который строится то как не требующий непосредственного ответа полусерьезный монолог («К А. В. Нарышкину», «К Феоне» Муравьева; у Батюшкова — «Мои пенаты», «Ответ Гнедичу» и др.), то в форме лукавых вопросов, свидетельствующих об интимной близости корреспондентов. У Муравьева это — «Послание о легком стихотворении. К А. М. Брянчанинову» (1783), у Батюшкова — «Послание к Н. И. Гнедичу», написанное в 1805 году, когда Батюшков жил у Муравьева. Конечно, вопрос «Что делаешь теперь у Северной Двины» или «Что делаешь, мой друг, в полтавских ты степях» можно найти в миллионах писем, не имеющих отношения к литературе, но в том-то и дело, что этот прозаически бытовой вопрос в русском поэтическом произведении впервые задан Муравьевым и повторен Батюш-

ковым. Характеристика Гнедича вдвое короче, ибо он только поэт, а Брянчанинов еще и судья и волокита, но обе характеристики построены по одному принципу и творчество адресатов определяется одними словами и ассоциациями. Брянчанинов в любовных песнях возводит своих возлюбленных «в лестный чин и Лезбий и Корин», Гнедич поет «мечты, любовь, покой, улыбку томных Корины Иль сладкий поцелуй шалуни-Зефирины». Брянчанинов — «любовных резвостей своих летописатель», Батюшков себя называет «веселий и любви своей летописатель». В обоих случаях сочетание высокого «летописатель» с любовными резвостями придает стихотворениям иронический оттенок, в котором они выдержаны до конца.

Послание к Брянчанинову является связующим звеном между дидактическими эпистолами XVIII века и дружескими посланиями начала XIX столетия. С первыми его роднит попытка теоретически осмыслить литературное явление. Ко вторым оно близко по форме дружеского письма, определяющей подчеркнуто индивидуальное отношение к теме, непринужденность рассуждений, свободный переход от одного вопроса к другому, отступления, автохарактеристики, легкие сатирические выпады. У Батюшкова сохранится и размер: вольный ямб со свободной рифмовкой, позволяющий воспроизвести разговорную интонацию (послания первого типа пишутся обоими поэтами обычно трехстопным или четырехстопным ямбом).

Проскальзывающим в стихах Муравьева сведениям о людях можно верить. «А ты... владелец сих лугов, Начальник и краса окрестных пастухов, Ты музам жертвуешь и мудрости досугом», — обращается он к А. В. Олешеву. Действительно, Олешев был вологодским помещиком, предводителем дворянства, писателем, переводчиком книги «Цветы любомудрия, или Философические рассуждения». Так же точен Муравьев и в других случаях. В этом отношении он близок к Державину. Но интересуют его не столько внешние приметы, сколько индивидуальные особенности души. Он и делает робкую попытку, правда, не в стихах, а в дневнике, нарисовать духовный портрет человека.

Самым близким другом Муравьева был В. В. Ханыков (1759—1839). Капрал Преображенского полка в 70-е годы, гвардейский офицер в 90-е, видный дипломат с 1802 года, Ханыков писал стихи на русском и французском языках, удостоившиеся похвального отзыва Гете¹ (часть его стихотворений напечатана в журналах без подписи).

¹ См.: «Литературное наследство», № 4—6, М.—Л., 1932, с. 240—242.

В рукописях ГПБ есть набросок «Ханыков». После вступления, в котором говорится, что «перемены души» заслуживают большого внимания, Муравьев переходит к описанию характера Ханыкова. «Начертания сердца его сильны, но должно думать, что дух или разум его способен больших предприятий, затем что он слабо ощущает нужду умиления и нежности. Чтобы тронуть его, потребны сильные положения. . . В философии привязывается он к главным началам и не уважает подробностей. Свободен, ветрен, умен до бесстыдства, создан более для хладного рассуждения. . . изыскующийся живо и основательно, имеющий великие способности, наполнен чтением, он будет защитник добродетели, зная соблазны, и стихотворец остроумия и разума»¹.

Если сравнить написанное с автохарактеристиками, подчеркивающими чувствительность, мягкосердечие автора, его «слезы умиления», «слезы сердца», то невольно вспоминается написанный много позднее очерк Карамзина «Чувствительный и холодный». Только Муравьев не осуждает друга, а пытается понять отличительные черты близкого, любимого, но непохожего на него человека. Отголосок статьи о Ханыкове — послание «Душою сильною и жаждой просвещенья. . .». В стихах Муравьев не решается сказать о ветрености, холодности, «уме до бесстыдства». Сравнение характеров превращается в бледное противопоставление двух жребиев, падающих на долю души сильной и души мечтательной.

Сделав шаг к изображению характера другого человека, Муравьев останавливается и сосредоточивается на собственных «переменах души», все более подчиняя воспоминания о событиях, встречах, людях самоанализу, углубленному «размышлению самого себя».

В «Сожалении младости» поэт вспоминает юность, увлечение поэзией, глубину первых петербургских впечатлений, мечты, надежды, самозабвенное восприятие искусства. Романтическая восторженность разрешается поэтическим вдохновением, приходящим, конечно, в «полночный час»:

Во полноту свою тогда восходит дух
И совершаются златые сновиденья,
Тогда подьются безропотные бденья.
Ко сладостным забавам лета глух,
Тогда в полночный час кидаешь лстящий пух,
Творишь, восторга полн. . .

¹ ГПБ, № 23.

Прекрасному прошлому противостоит «угрюмая пустыня» настоящего, по которой влачится поэт, утеравший способность «всё чувствовать».

Если в «Сожалении младости» самоосуждение в какой-то степени затмевается изображением восторженного юноши, то «Отрывок к В. В. Ханыкову» — вопль сердца, как и называет его сам автор, иступленно бичующий себя за душевную опустошенность:

Во скудном круге чувств и мыслей огражден,
Ко побуждению животных приведен,
Без жалости на жизнь взираю преходящу.
Всё трогает тоску, едину в сердце бдящу.

Скука, тоска, разочарование в литературе XIX века будут осознаны как результат конфликта личности с обществом. У Муравьева, одним из первых заговорившего о них, они еще не принимают широкого звучания, ибо он ищет причин «потери чувствительности» прежде всего в самом себе: «...когда вкрался в сердце мое сущий эгоизм, который осушил слезы мои для всех страданий другого, нежели я?» — спрашивает он в дневнике¹. «Я философствую и живу по-скотски», — читаем мы в другой тетради². Самобичевание в письмах и стихах вызвало отклик Ханыкова, свидетельствующий о начале распространения в XVIII веке болезни, столь свойственной следующему поколению, поколению Евгения Онегина: «жить, скучать жизнью и на нее жаловаться есть участь всех разумных чело- веков, более всех человеками быть достойных»³.

С неудовлетворенностью самим собою связана проходящая через все творчество Муравьева мысль об угасании поэтического дарования. В исполненном драматизма «Сонете к музам» 1775 года речь шла о невозможности сочетать служение музам с военной службой. С конца 70-х годов неудовлетворенность собственным творчеством объясняется субъективными причинами.

И дарование согласий иногда
Бывает отнято от духа недостойна.
Дичает лира стройна... —

говорит поэт в одном стихотворении.

¹ ГПБ, № 3.

² ГПБ, № 22.

³ ОПИ ГИМ, письмо Ханыкова к Муравьеву от 28 февраля 1779 года.

Мои стихи, мой друг, — осенние листы,
Родятся блеклые, без живости и цвету, —

вторит в другом.

Беркен наследовал Тибулловым вздыханьям,
Молчанье, тьма — наследие мое, —

пишет в третьем. Оригинальной перефразировкой «Памятника» Горация завершается написанное уже в 90-е годы стихотворение «К Музе»:

Иль лавров по следам твоим не соберу
И в песнях не пройду к другому поколенью?
Или я весь умру?

Тема эта будет подхвачена и приобретет еще большую драматичность у Батюшкова. У Муравьева она ширится, растет, меняет облик поэта, налагает индивидуальный отпечаток на его творчество. Раздумья, поиски причины, самонаблюдения ставят в центр поэзии авторское «я», усиливают элементы психологизма.

Как ни отказывается поэт осуждать кого-либо и что-либо, как ни бичует он себя, но в стихах его проскальзывает неудовлетворенность действительностью. Она дает себя знать в признании, что «скука есть общая участь человеческого рода»¹, в отрицании «сиянья внешнего отличья и честей», желании оставить «свет и все его движение» опостылевшим «легким разумам», отдаться мечте, таящей в себе

... более цены и наслажденья,
Чем радости скупых, честолюбивых бдений
И света шумного весь блеск и пустота.

Естественное следствие нарастающего конфликта — бегство от города, «где честолюбье бдит», на лоно природы. Здесь «раб сердца своего» достигает полного счастья:

Ты предан весь себе, природе и драгой,
Тебе единому присутственной, златой,
И гибнешь в красоте, и зришь души сиянье,
Которой красота есть только одеянье.
Сие мечтание прелестней бытия.

(«Обаяние любви»)

¹ ОПИ ГИМ, письмо к Ф. Н. Луниной от 20 сентября 1789 года.

Любимой нет. Есть любование любовью, созерцанием движений собственного сердца, счастье слияния с природой. Отъединенность души достигает предела в первом варианте элегии «Ночь»:

В любезной тишине погасла мысль моя,
Отринулась душа моя от бытия.

Это уже новое. Предвестие созерцательного романтизма с его противопоставлением личности обществу, культом сердца, мечты и природы.

Стихотворение обрывается многоточием. Рифмы к последней строке нет. И это не ошибка, а введение нового жанра, развитого в XIX веке. Как записи Муравьева — не последовательно ведущиеся дневники, а фиксация мысли или душевного состояния, так в поэзии рождаются лирические фрагменты: «Без титла к счастью...», «Мои стихи, мой друг — осенние листья...», «Видали ль вы прелестную Аглаю...» и др. Первое действительно не завершено, в других иллюзия незаконченности создается сознательно, отсутствием рифм в последних строках.

Экспериментирует Муравьев в области ритма, рифмы, строфики. То он четко выдерживает общепринятую систему, то обращается к свободной рифмовке, охотно вводит тройную рифму, иногда включает нерифмованную строку или сочетает рифмы самым причудливым образом. Так, например, в «Послании о легком стихотворении», написанном свободным ямбом, где, как правило, Муравьев не употребляет более трех одинаковых рифм, двенадцать строк (начиная от «Пином трудно быть, полегче офицером») рифмуются по такой схеме: аБаББаББааБа, причем при всех переделках стихотворения Муравьев тщательно сохранял рифмовку данного куска. Шестистрочной строфой написана уже ода Павлу; разнообразна строфика «Новых лирических опытов». В поисках обогащения метрики поэт обращается к гекзаметру, порою так широко использует пиррихий, что размер теряет свой специфический характер («Желание зимы», «Неверность» и др.).

Муравьев — первый русский поэт, в сознании которого классическое «Cogito ergo sum» («Мыслю — следовательно, существую») сменяется новым тезисом, рожденным «Исповедью» Руссо: «Чувствую — следовательно, живу». Чувствительность — высший дар небес, в ней радость, счастье, жизнь человека.

Во всё вступалась чувствительность моя,
И, боле живучи, был боле счастлив я, —

воскликает поэт в «Сожалении младости».

Дай, небо, праздность мне, но праздность мудреца,
И здравие пошли, и душу, чувствий полную, —

возносит он мольбы к небу. Потеря чувствительности — следствие пороков и наказание за них, ибо бесчувственность — нравственная смерть.

В отличие от всех русских писателей XVIII века, Муравьев не сравнивает искусство с природой и не противопоставляет их, а ставит выше обоих человеческое чувство. Нравственная красота выше физической, человеческое чувство прекраснее и природы, и самых совершенных произведений искусства.

Но света иль теней согласное слиянье,
Тибулловы стихи иль Фидия ваянье
Единую мечту любви заменят?

(«Обаяние любви»)

Задача художника — приблизиться к этому вечному источнику красоты, воспроизведение которого является верным путем к сердцу человека, воспитанию в нем тонкого вкуса и высоких моральных качеств.

Язык классицизма — язык логических понятий — оттесняется в поэзии Муравьева языком чувства. Иногда это эмоциональные оценки: «кроткий нрав и милый», «тихий нрав», «гордый взор», «ребенок злой, прелестный как любовь». Повторяясь, устойчивые эпитеты теряют свое первоначальное значение: «тихий дар», «и в тихом трепете обнявшись», «золотые сновиденья», «золотые дни», «сладкий сон», «сладкий голос», «сладостно цепенеет», «в порывах сладости душа изнемогает», «нежность сердца», «нежные смущенья льются в кровь». Желание проникнуть в «излучины сердец», выразить оттенки настроений рождает многозначные и в то же время почти призрачные, близкие к романтической поэзии образы: «И гибнешь в красоте», «Сердце тонко спит под дымкою прозрачной», «Мечтами красоты, рассеянными в мире» и т. д. Все это призвано найти отклик в душе читателя, столь же тонко чувствующего, как и сам поэт.

Погружаясь в мир души, Муравьев не теряет интереса к науке, природе, искусству. Его Муза — «мыслящая Муза». Бесчувственности сопутствует «мгла понятий», способности чувствовать — высоко развитая интеллектуальность. Лирический герой Муравьева — «праздный мудрец», «ленивец», наслаждающийся радостью познания и творчества. Он размышляет о «горящих солнцах» и учится читать книгу природы «в писаниях Бюффона и Линнея», его волнуют

географические открытия и строение глазной сетчатки, игра Дмитриевского и драматичная музыка Траэтты, безупречный рисунок Лосенко и богатство оттенков Левицкого, он вздыхает над «Новой Элоизой», сострадает Юнгу, учится иронии у Вольтера. Часто все это представлено в виде непосредственных впечатлений, отраженных в стихотворном дневнике или письмах («Сожаление младости», «Искусства красотой...», «Я был на зрелище...» и др.). Иногда то или иное явление вызывает аналогию, которая влечет поток сопоставлений. Поэзия чувства сливается с поэзией мысли.

Однако чувство в трактовке Муравьева не тот Архимедов рычаг, с помощью которого Руссо опрокидывал феодально-крепостническую этику. Ограничив искусство сферой прекрасного, стремясь «добрым гласом» воспеть «душевные красоты», Муравьев ограничивал и сферу чувства. Ему чужды не только ненависть и презрение, но и «красивые» страсти «воинственных сердец». В самой «Илиаде» его привлекают лирические сцены, а не «неистовство сражений». Если в юности он писал сатирические басни и трагедии, то в 1779 году он не хочет ни «срывать маски», как Фонвизин, ни обращаться к страстям Дидоны. Изображение робкого зарождающегося чувства, интимный мир души, полутона, оттенки переживаний, «прелестные ситуации» первой любви — таков круг тем и чувств, волнующих его в драматургии. За эти пределы не выходят «сказочки» Муравьева с их пастушками и пастухами, лишенными каких бы то ни было примет времени и национальности. «Молодому питомцу муз лучше изображать в стихах первые впечатления любви, дружбы, нежных красот природы, нежели разрушение мира, всеобщий пожар природы и прочее в сем роде», — подтвердит через восемнадцать лет программу Муравьева Карамзин¹, требуя при этом от поэтов «личности», «особенных» слов и выражений. А между тем узкий круг «красивых» переживаний неизбежно вел к однообразию тем и трафаретности образов. И потому у Муравьева из одного стихотворения в другое, а иногда из писем в стихи, кочуют сходные поэтические формулы: «резвость, стыдливость, воздыханья», «сладостные забавы», «сладкие слезы», «слезы сердца», «милое мечтанье», «резвые грации», «туман», «мгла». Вся эта «поэтика сладостного»², по определению Г. А. Гуковского особенно концентрированная в поэзии Муравьева, встречается и у других поэтов 70-х годов, а позднее у Карамзина, Батюшкова, Жуковского.

¹ «Аониды», кн. 2, 1797, с. 6.

² Г. А. Гуковский, Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века, Л., 1938, с. 280 и др.

Не узость ли намеченной ими самими тематики рождала в Муравьеве неудовлетворенность собственным творчеством, метания к прозе, историческим и нравоучительным статьям и заставила Карамзина сначала осмеять эпигонов сентиментализма, а затем уйти к широкому простору истории? «С воспоминаниями о протекшей юности литература наша далеко вперед не подвинется», — заметил Пушкин уже в 1822 году¹.

Муравьев сам понимает искусственность вечного погружения в «чувствительность». Посылая сестре роман Гете «Страдания молодого Вертера», он предупреждает: «Я опасуюсь, чтобы чтение «Вертера» не воспитало склонности к печали в твоём сердце...». В других письмах он еще более категорично призывает сестру гнать бесконечные «увы», рожденные немецкой поэзией; пародируя собственную нравоучительность, иронически замечает: «Моралисты только тогда родятся, как умирают мухи», и т. д.²

Противоядием против немецких «ув» становилась ирония. Муравьев — один из создателей так называемой «легкой поэзии», ставшей особенно популярной в России уже в XIX веке и достигшей наибольшего совершенства в творчестве Батюшкова и молодого Пушкина.

Рожденная в предреволюционной Франции «легкая поэзия» развивала традиции анакреонтической и эпикурейской лирики. Проникнутые иронией светские послания и «безделки» Вольтера, «Эротические стихи» и «Стихотворные мелочи» Парни пронизаны антиклерикальными мотивами. Их эпикурензм служит оправданием чувственной природы человека, оружием в борьбе против феодальной и церковно-аскетической морали. Чисто салонный светский характер «легкая поэзия» приобретала в творчестве Берни, Дора, Колардо, Буфле и многих других поэтов, пользовавшихся успехом при дворе Людовика XV и в светских салонах. Галантные мадригалы, бездумные застольные песни, рондо, шуточные послания, романсы, иногда фривольные (Берни и Дора), иногда с оттенком чувствительности и морализма (Леонар, Беркен), были созвучны настроениям правящих кругов Франции эпохи упадка. Популярности «легкой поэзии» способствовало изящество стиха, свободная, не связанная с каноническими традициями классицизма форма.

Муравьев начал писать «легкие стихотворения» в конце 70-х годов (десять из них объединены общим названием «Pièces fugitives»). Это мадригалы, послания, альбомные и просто любовные стихотво-

¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, М. — Л., 1949, с. 16.

² ОПИ ГИМ, письмо от 7 сентября 1777 года и др.

рения, отличающиеся простотою языка, непринужденностью и легкостью стиха, свободной и неожиданной системой рифм. В 1782 году в стихотворении «Общественные стихи» (очевидно, буквальный перевод «*vers de société*») Муравьев с восторгом говорит о Дора и о «порхающих приятных стишках» «большого света». В «Послании о легком стихотворении» 1783 года поэт более сдержан. Он повторяет, что «легкая поэзия» — поэзия придворная, светская, требующая непременно сочетания качеств поэта и светского человека. Популярная во Франции, где издавна «рыцари с пером считали шпагу», она, иронизирует Муравьев, не развивается в России, где остроумие — прерогатива придворных бар, «голов сияющих, не занятых ничем», а поэты, «далекие от общества госпож» (в том числе и автор послания), не имеют навыков «светского болтанья и шпынства».

Порядки общества суть мыслящему цепи,
А тот, кто в обществе свой выдержал искус,
Зевает в обхожденьи муз.

Если вспомнить, что «Послание» написано в том же году, что и «Несколько вопросов» Фонвизина, напечатанных в «Собеседнике любителей русского слова», то нетрудно заметить сходство в характеристике «большого света» у Муравьева и в 14-м вопросе Фонвизина, возбуждившем особое негодование Екатерины: «Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а ныне имеют, и весьма большие?» Именно «шпынство и балагурство Муравьев считает характерным признаком русского придворного общества. Но для Муравьева все это важно настолько, насколько касается непосредственно литературы. Он признает значение «легкого стихотворения» для развития литературного языка, стихотворной формы, но выступает против измельчания поэзии, против рифмованного балагурства. Прекрасны «безделицы» Вольтера, отца «легкого стихотворения». Но право на всеобщее признание и бессмертие он заслужил умением явить «истину во одеяньи разном». Вдохновенный поэт в поэмах и трагедиях, величественный философ, сатирик, автор изысканных посланий и шуточных «сказочек» велик многообразием своего гения. Многообразной, глубокой, совершенной по форме и должна быть истинная поэзия:

За чувствование, вселяющесь глубоко,
За полный мыслей слог, за живописно око,
За прелести ума и мастерство писать
Должна пиитов честь в веках не угасать;

Но не за то, что рифм обилие имели
И ими вещь облечь нестоюще умели.
В стихе изломанном мысль добрая падет,
Но стих есть только звук, когда в нем мысли нет.

Композиция, ироническая интонация, манера дружеской беседы, язык «Послания» показывают, что Муравьев постиг сущность одного из жанров «легкой поэзии». В собственных «легких стихотворениях» Муравьев отступает от своих учителей, избегая присущей им гривуазности, фривольности. Целиком сохраняет он систему намеков, недосказанности. Переводя «Pièces fugitives» буквально — «убегающие стихи», сравнивая их с бабочкой, перелетающей с цветка на цветок («Общественные стихи»), он создает полный недомолвок, быстрых и неожиданных переходов, тонких и неопределенных штрихов узор, логически почти неуловимый.

Пусть тщетно я гоняюсь
И осязаю тень,
Я ею наполняюсь,
Душа моя ей сень.

(«О милое мечтанье...»)

«Осязаю тень»... И в «легкой поэзии» Муравьев усваивал прежде всего то, что соответствовало предромантическим настроениям. И переводит он в это время Леонара, которого считают одним из провозвестников предромантизма во французской поэзии.

Увлечение сентиментализмом и «легкой поэзией» оказало общее благотворное влияние на стих и язык произведений Муравьева, помогло избавиться от риторичности, длиннот; не к месту были и церковнославянизмы, сокращаются усеченные формы прилагательных и причастий. Муравьев тяготеет к разговорному языку, конечно благопристойному языку дворянской гостиной. Лишь изредка мелькает просторечие: «И дюжи и хлипки мне всё заодно», «шалбер», «ободворок» и даже — «Клянешься ль их красой пред умницей и душой».

5

«После моего незнатного явления в литературе российской счастливейшие разумы выросли в исполинов. Бессмертный творец «Фелицы» не сиял еще в полудни славы своей. Рассказчик «Бедной Лизы» и «Натальи, дочери боярской» не видал еще Боннэта и

Виланда, Дмитриев не написал «Сизого голубка» своего. Но Богданович писал тогда плавание Венеры, добрый Княжнин ескисировал трагедии Метастазия... Гордый Петров приневоливал Вергилиеву музу пить невскую воду, Фонвизин унижал свое колкое остроумие «Посланием к Ямщикову», Капнист ссорился с рифмокропателями, Хемницер... сплетал простосердечные басни. Львов писал своего «Сильфа». Ханыков переводил арии или играл <над> «Папской туфлей». Новиков наполнял «Утренний свет» мечтаниями новых и древних нравоучителей. Майков писал травести. Вот эпоха моей недолговечной Музы. От 1772 по 1784»¹.

Этими строками Муравьев определил хронологические рамки основного периода своего поэтического творчества. Во второй половине 80-х и в 90-е годы он обратился к прозе и действительно писал не много стихотворений, но зато среди них были «Богине Невы», «К Музе» и т. д. Печатаясь в изданиях Карамзина в то время, когда сентиментализм, к которому он пришел уже в 70-е годы, становится общепризнанным направлением, Муравьев по-прежнему ищет новых путей. Предваряя поэтов следующего поколения, он создает первые русские баллады.

Первая из них — «Неверность» — написана еще в 1781 году. Автор не назвал ее балладой, но достаточно прочитать стихотворение или даже часть его, чтобы определить жанр.

И запутали тропки
Всюду лешие ждущи.
Совы, филины страшны
С человеческим гласом
И со очи горящи
С сука на сук летают
И крылами своими
Бьют изменничьи плечи.

Мрачная картина, нагнетение «страшного», вмешательство добрых и злых сил в судьбу действующих лиц, полночь, тень девы типичны для европейской баллады и для будущих баллад Жуковского. Но Муравьев предугадывает другой вариант жанра и придает своему произведению национальный колорит. Влюбленные должны клясться Полелю, родных героиня оставила «в Твери любезной», «милый друг» едет на службу «против злых басурманов ко великому князю». Он объемлет «мать сыру землю», «залившись горячими

¹ ГПБ, № 3.

слезами». Безрифменный «русский стих» усиливает «народный» характер произведения, родившегося, вероятно, в результате споров о путях создания национальной литературы, горячим сторонником которой был Львов, или как отклик на напечатанные в 1780 году «Русские сказки» В. А. Левшина.

На сюжет из польской истории, избранный Муравьевым в 1773 году для трагедии, ради которой поэт изучал исторические источники, написан «Болеслав, король польский». Романтика рыцарских времен, любовь двух братьев к одной девушке, братоубийство, раскаяние, «обители святые» — характерные элементы балладной поэзии. Это понял Жуковский и напечатал стихотворение с подзаголовком «Баллада», но напечатал в 1810 году, когда на фоне баллад самого Жуковского стихотворение теряло свой принципиально новаторский характер, и Муравьев выглядел не как предшественник Жуковского, а как его единомышленник.

«Каледонский баллад» (в рукописи — «Романс, с каледонского языка переложенный»), прочитанный в 1804 году на заседании Российской Академии, — бледное подражание Оссиану. Более удачна прозаическая повесть «Оскольд», «почерпнутая из отрывков древних готфских скальдов». «Оскольд» — образец характерного для романтиков вольного отношения к истории. Взяв в основу сюжета летописное предание о походе Аскольда на Царьград, Муравьев подбирает герою в качестве спутников отделенные столетиями образы летописных и фольклорных преданий. Рядом оказываются Добрыня, не покорившийся Рюрику Вадим, исполин Челубей, свирепый Рогдай, нежный влюбленный юноша Радмир, персонажи скандинавских преданий. Все они вместе с населяющими Русь племенами — кривичами, мерей, чудью — тонут в общем тоне оссиановского настроения и повествования. Высоко оцененная Батюшковым, повесть оказалась, как заметили исследователи, влияние на его повесть «Предслава и Добрыня» и предупредила многие произведения русско-оссиановского типа, характерные для начала XIX века¹. Интересно, что образы свирепого Рогдая и нежного Радмира запомнились Пушкину и обрели новую жизнь в «Руслане и Людмиле», сохранив именно те черты характера, которые были намечены Муравьевым.

Одной из отличительных черт предромантической поэзии является новое «чувство природы», понятие «живописной красоты», которое нашло выражение во «Временах года» Томсона, «Весне» Клейста, «Элегии» Грея. Муравьев знал этих поэтов, любил Том-

¹ См. об этом в книге Г. А. Гуковского «Очерки...», ук. изд., с. 295.

сона, но в зарисовках природы он самостоятелен. В «Путешествии», «Роще» и других стихотворениях 70-х годов обнаруживается такое жадное восприятие внешних впечатлений, зрительных образов, поэтических и превращенных в поэзию прозаических деталей, какое обычно связывается только с именем Державина. Пейзаж Муравьева редко бывает статичным. Поэт любит наблюдать за картиной весеннего или утреннего пробуждения природы, хочет уловить наступление вечера, ночи. По мере усиления сентиментальных мотивов в поэзии Муравьева тонкие наблюдения над внешним миром окрашиваются в эмоциональные тона (ненужная осенняя былинка «клонится томна», «нежный пух» снега и т. п.). Иногда живопись уступает место скульптуре (конь в «Роще», образ поэта в послании «К Хемницеру» и др.). Углубление в мир души оттесняет внешний мир, конкретно зримые детали растворяются в эмоциях автора, что легко проследить по двум сонетам «На возвращение весны». В позднем варианте исчезают «мерзлые в земле произрашенья», журчанье вод «под тонким льдом», «гор хребты, луга, леса, селенья», несущиеся к морям «угрюмы льдины» — все, что открывало природу, говорило об умении поэта слышать и видеть. В элегии «Ночь» едва-едва улавливаются тени ночного пейзажа, каждой деталью призванного передать слияние поэта с природой, ощущение величия, тишины, покоя, овладевающие его душой.

Величествен, прост, прозрачно ясен петербургский пейзаж в первых строфах «Богине Невы». Затем, построенное по принципу «*pièces fugitives*» на неуловимой последовательности смены впечатлений, мыслей, чувств, стихотворение рушит грань между явью и мечтой, реальной Невой и ассоциациями, которые она рождает в воображении поэта. Нева становится воплощением многообразия красоты, все грани которой находят отклик в душе человека, способного почтительно склонить голову перед рекой, омывающей «прах Петра», и воспеть богиню Невы, покровительницу влюбленных, услышать в плеске струй отзвуки славы родины и уноситься с ними мечтой до Темзы и Тахо, видеть, как «стая мчится кораблей», «берег движется толпой», «зыби кроет тонка тьма», заметить предутренний «тонкий пар», услышать, «как волшебной серенады глас проносится волной».

«Богине Невы» — одно из лучших по музыкальности стиха, поэтичности, тонкости живописных образов стихотворений XVIII века. Плавные строки:

В недрах моря Средиземна
Нимфы славятся твои:

До Пароса и до Лемна
Их промчались струи —

или интимное:

Я люблю твои купальни,
Где на Хлоиных красках
Одеянье скромной спальни
И Амуры на часах —

звучат как стихи Батюшкова. И потому «Амуры на часах», перейдя в «Ложный страх» Батюшкова, не создают впечатления заимствованной цитаты, а кажутся естественно рожденными ходом стихотворения. И потому скульптурно зримый образ поэта,

Что проводит ночь бессонну,
Опершись на гранит, —

остался жить в «Евгении Онегине».

* * *

Отход Муравьева от классицизма начался тогда, когда он, отказавшись от воспевания гнева «бога браней», от оды, «алчными глазами» взглянул на мир и, перепутав все жанры, превратил свои стихи в лирический дневник. Поэты старшего поколения укоризненно качали головами, советовали петь так, «как Сумароков всем к тому явил дорогу»¹. Насилуя себя, Муравьев печатал оды, надписи, переводы, дидактические стихи, а отличную элегию «Ночь» и другие оригинальные стихотворения оставлял ненапечатанными, доступными лишь узкому кругу друзей, в среде которых шли горячие споры о принципах новой поэзии. И конечно, эти споры и размышления, связанные и с обсуждением стихов Муравьева, нашли отражение в державинском кружке, куда входили те же Львов, Хемницер, поэты, которые, по признанию самого Державина, помогли ему найти свой путь в литературе.

Выдвигая на первый план индивидуальность и окружающий ее чувственный мир, Муравьев верно угадал тенденцию эпохи. Доказательством тому служат автобиографические стихи Н. А. Львова, любовная лирика Ю. А. Нелединского-Мелецкого, некоторые стихи Капниста, усиливающееся в 80-е годы тяготение к «новым тонам»

¹ В. И. Майков, Сонет к Михайле Никитичу Муравьеву. — В кн.: Оды... Михайла Муравьева, <СПб.>, 1775, с. 27.

Ф. Я. Козельского, а главное — творчество Г. Р. Державина. Но поэзия Державина — «полное выражение, живая летопись, торжественный гимн, пламенный дифирамб века Екатерины»¹. У Муравьева нет ни Фелицы, ни блеска празднеств ее вельмож, ни гневного обличения их. Его поэзия — летопись души человека XVIII столетия. Она неизмеримо уже державинской, но с нею входило в литературу стремление отвоевать право поэта говорить о жизни частного человека. Погружаясь в мир души, Муравьев подготавливал почву для Карамзина и раннего Жуковского. Однако интерес к индивидуальности никогда не перерастает у Муравьева в субъективизм, который защищает Карамзин в стихотворениях «К бедному поэту» и «Протей, или Несогласия стихотворца» и который пронизывает лирику Жуковского 1810-х годов. От субъективизма Муравьева предохраняет то, что связывает его с Державиным, — убежденность в реальности объективного мира. Сама красота для него — объективно существующая реальность, понять и познать которую он стремится всю жизнь. И прекрасное в его понимании не прославленное Жуковским «невыразимое», а природа, «деяния человеческие» и создание человека — искусство.

Как поэт, человек, попечитель Московского университета Муравьев сыграл немалую роль в усвоении молодежью XIX века античной культуры и того нового отношения к ней, которое возникло у него самого вначале, может быть, стихийно и которое в широком плане утвердилось в Европе после работ Винкельмана. Учитель А. С. Пушкина Н. Ф. Кошанский придерживался более канонических взглядов на поэзию, чем Муравьев, но, издавая «Ручную книгу древней классической словесности», он выполнял то, что было задумано Муравьевым. В университете учился будущий переводчик «Илиады» и автор идиллии «Рыбаки» Н. И. Гнедич.

Тесны и непосредственны связи между Муравьевым и Батюшковым. Неприятие всякой мистики, языческое поклонение красоте вообще и «величавой простоте» (1, 196) античного искусства в особенности, ограничение искусства сферой прекрасного и утверждение независимости художника, мысль о влиянии национальных особенностей на искусство, любовь к итальянской поэзии эпохи Возрождения, интерес к французской «легкой поэзии», постоянные размышления в стихах о поэзии и поэте, тема угасания дарования, сочетание в лирике эпикурейских и элегических мотивов, обращение к одним и тем же жанрам и многое другое сближает поэтов. Не все было

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. 1, М., 1953, с. 48.

плодом непосредственного влияния, да и жил Батюшков в другую эпоху. «Дней Александровых прекрасное начало», которое казалось Муравьеву недостаточно либеральным по отношению к литературе, обернулось аракчеевщиной, и сыновья писателя, декабристы Александр и Никита, автор проекта Конституции Северного общества, пошли завоевывать независимость не только для искусства. Трагедия 1812 года, наступившая после нее реакция, подъем декабристского движения заставили Батюшкова более глубоко осознать непрочность поэтической хижины, и разлад между мечтой и действительностью приобрел у него трагический характер. Но он следует за Муравьевым в прозе (и не только в «Предсказании и Добрыне»); в «Речи о влиянии легкой поэзии на язык» местами лишь перефразирует «Послание о легком стихотворении», а в «Послании к И. М. Муравьеву-Апостолу» говорит о гении и вдохновении то же и теми же словами, что Муравьев в «Силе гения»; цитатой из того же стихотворения начинается статья «Нечто о поэте и поэзии» и т. д. О словесных совпадениях и родственных поэтических формулах (а их множество) не говорю. Да и как им было не появиться, если взгляды поэтов на искусство в важнейших вопросах совпадали, если отношение к слову было одинаковым, если наметившийся в творчестве Муравьева лирический герой — не рвущийся к чинам «праздный мудрец», «ленивец», славящий дружбу, любовь, радость знания и счастье приобщения к искусству, лишившись излишней сентиментальности, приобретает плоть и кровь в поэзии Батюшкова, а затем, окрасившись уже явно оппозиционными чертами, становится в центр лицейской лирики Пушкина.

Л. Кулакова

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. СУД МОМОВ К М. А. ЗАСОДИМСКОМУ

Ты часто, слушая стихи мои с раченьем,
Прочь гонишь от меня прельщающий туман.
Здесь рифмой оскорблен, там смысла опущеньем,
Свергаешь без чинов мной чтимый истукан.
Послушай: я еще являюсь с сочиненьем,
Чтоб случай дать тебе свой править важный сан.

Насмешник греческий, писатель остроумный,
Такую повесть нам оставил Лукиан,
 Что будто в день какой-то шумный
 Нептун, Минерва и Вулкан
Похвастать вздумали верховностью своею
 В художествах: кто лучше из троих
Покажет образец способностей своих —
 И Мома выбрали судьбою.
 Известно, парень вострый Мом:
 Ума имеет он палату
И уж не спустит он приятелю, ни свату,
 Лишь только бы блеснуть умом.
Условье сделано, и день суда назначен.
 Вулкан к мехам, Нептун во глубину,
Богиня мудрости в Афинскую страну —
 И ну трудиться. Труд удачен.
 В условный день, лишь начало светать,
 В какой-то роще отдаленной,
 В низу Олимпа насажденной,
Изволили мои художники предстать
 Суда во ожиданье.

Работу рук своих, Нептун вола привлек;
Минерва — на столпах великолепно зданье;
Вулканом изваян (возможно ль?) человек.

Приходит Мом. И что вы, добры люди,
Подумаете — он учтивость сохранит?
«Твой вол — прекрасный зверь, — Нептуну
говорит, —
Но он бы был сильнее, рога имел у груди».

Минерве: «Сей фасад
Сияющ и по всем он правилам построен;
Но ежели сосед и зол, и беспокоен —
Что сделаешь? Нельзя перенести палат».
Впоследствии очередь дошла и до Вулкана:
«Вся хитрость во твоём труде истощена.
Но для чего в груди не сделано окна,
Чтоб правду отличать лъзя было от обмана?»

Окончен суд, и участь всех равна.
Тогда мои узнали поздно боги,
Что трудно и богам на Мома угождать.

Зачем же критике, пииты! вас щадить?
К чему ваш крик и шум? Судьи должны быть
строги.

1772, 1780-е годы

2. КОНЬ

Был конь — добра лошадка,
И статен, и красив собой,
Одна в коне была повадка —
Махал частенько головой.
Хотелось отучить лошадку господину,
И так конюшему боярин приказал,
Чтоб от того коня он отучал.
Конюший рад тому и бьет себе скотину,
Да в голову — не в спину;
А конь головушкой поболее стал махать;
А конюх боле драть;
Из силы конь избился;
А конюх говорит: «Вот конь и отучился
И уж махать не стал».

То правда, что махать головкой перестал
И пал.
Головушка разбита.
Лошадушка зарыта.

Но дело мне не до коней.
Вы, коим поправлять досталось людей,
На пользу сей пример себе употребляйте:
Не силой — тихостью порочных исправляйте.

<1773>, 1780-е годы

3. СТРЕКОЗА

Полей и тучных жать любитель,
Крестьянин некогда кузнечиков ловил.
Цыпляточкам своим копил их сельский житель,
И бил,
И крыл,
Их брил.

Тогда крестьянину попалася под руки
Невинна стрекоза:
Час ужаса настал, приблизилась гроза
И люты стрекозе стоят готовы муки;
Она, глас жалостный насилу испустив,
Молила мужика явить свою щедроту.
«Когда я, — говорит, — плоды вредила нив
И поглощала вмиг вселетнюю работу?
Лишь то во весь мой век утеха мне и труд,
Что, с былия на стебель всходя и возвышаясь,
Во сладких песнях я неслась и восхищалась;
Увы! почто даешь ты мне толь строгий суд?»
— «Не обвиняй меня, — мужик рек на прошение. —
Зачем в сообществе была ты таковом?»

О души, коих есть невинность украшенья!
Бегите общества с злодеем и врагом.

<1773>

4. ЛИСИЦА И КОЗЕЛ

Я басенкой хочу читателей почтить,
Да и немножечко их в ней попроучить;
 Вы уши протяните,
Поведать предприял я вам то, как Козел
На дно колодезя глубокого сошел;
 К себе сей случай примените
И тщитесь в пользу то себе употребить.

Он некогда с своею шел кумою,
Прехитрою на вымыслы Лисою;
Чему дивиться — вдруг им захотелось пить.
«Послушай, кум, а кум, — Лиса ему сказала, —
Послушай, куманек, какая мысль мне вспала:
Колодезь в стороне здесь недалёко есть,
Чтоб жажду утолить, в него мы можем влезть.
В бадью взмостимся мы, ей должно опуститься;
Спустившись, из нее мы выйдем там напиться;
Туда лишь бы нам влезть, нетрудно вылезть вон».

Наш роконосец согласился,
Вскарабкались в бадью, и вместе поместился
С своею кумушкою он;

Сошли и, по ее словам, в нем напились,

 Но не всегда им пить,

 И не в колодезе им жить;

Не зная, как вон лезть, они за ум взялись;

 Лиса на вымыслы прытка,

 В Лисе мысль глубока.

Увидев, что бадья ушла вверх из колодца, —

 Бадья упрямей новгородца,

 Лисе с ней не сбороться,

 Да и нельзя повыше встать,

 Чтобы ее достать;

Но как же быть? а вылезть надлежало,

И так уже они промедлили немало, —

Лиса, подумавши, сказала наконец:

«Куда как жаль — козлом не сделал мя творец;

Внемли, что я реку: уприся, кум, рогами

 И цапкими ногами

 И по тебе мне вылезть дай;

 Когда же выйду я за край,

Тебя в колодце не оставлю
И так себя с тобой избавлю».
Лиса — разумный зверь,
И не теперь
В разумные он вбился;
Совет бородачу лисицын полюбился.
Он стал,
Лисице вылезть дал;
Лиса изволила убраться.
Козел блеял,
Козел кричал,
На помощь звал,
Но уж Лисицы не видал;
И поздо клялся он в обманы не вдаваться,
Однако принужден в колодце оставаться.

Но что плодить нам слов?
Мы множество всегда везде узрим козлов;
Так иногда-то Красс в пески парфянски вкрался
И вечно там остался.

<1773>

5. КУЧЕР И ЛОШАДИ

Не ведаю того, в каком то было лете
И точно коего то месяца и дня;
Лишь ехал господин по улице в карете, —
То только знаю я.
На козлах кучер был с предолгими усами
И тамо управлял упрямыми конями.
Не так на небесах гордился Фаетонт
Иль Ахиллесов вождь коней Автомедонт
В то время, как то он без правил и закона
Скакал к стенам прегорда Илиона,
Как козел с высоты, скиптр кучерский в руках,
Подобно как индейский шах,
Гордился кучер мой и так превозносился:
«Какая часть моя!
Где я?
В какой высокий чин на свет я сей родился?»

Се подданны мои, на них мне власть дана,
Тварь бедна, для меня лишь ты сотворена!»
Но в час, плачевный час, как хвастал он надменно,
Неслыханное зло в то время совершенно:

Конь в брюхо брык,

Упал мужик.

Поднялся крик.

Кто прежде в высоте вверху был над конями,
Тот стал под коньими ногами.

О вы, великие и сильны на земли!

Толь страшну истину из уст моих внимая,

Страшитесь, чтобы не могли

Вы гордостью дойти погибели до края.

И вы, всевышнего подобие и вид,

Цари, я к вам мой глас днесь обращаю,

Простите мне, коль я вспоминать дерзаю:

Что не презрение любовь к вам в нас родит.

<1773>

6. МИРОТВОРЕЦ

Был-жил мужик

Зуб о зуб со своей женою,

Старинна леса кочергою;

Долгонек был у ней немножечко язык,

У муженька ее еще он был подоле.

В драчливый кой-то день рассорились дотоле,

Что за святые им пришло хватить власы.

Сомкнулися их лбы, сперлися их носы,

Взнесенны руки их главу превосходили,

И персты, впущенны в власы, их зацепили.

Подобно так или и меньше горячо

«Евстафий» с кораблем сцепилися неверным;

Подобно так они с усилием безмерным

Друг другу голову склонили на плечо.

Не знаю, для чего за волоса схватились, —

Не волосы бы им наказывать — язык;

Но видно, что сперва они не сговорились,

И говорят притом, мужик был так, как бык,

По-русски бык упрям. Поболе мы упрямы:
Мы часто не хотим и выходить из ямы,
В котору ввергло нас упрямотво лишь одно;
Послушать не хотя, мы падаем на дно.
На крик, на вопль, на шум сосед один склонился;
На место мигом он сражения явился.
Три раза кашлянул и плюнул три раза
В глаза

Обоих сих героев,
Что уж по множеству начатых снова боев
Держали вырватых по клоку волосов.
Старинушки мои, его не слушав слов,
Друг с другом съединились
И, ссору позабыв, на друга вооружились.
Тут разнимальщик мой насилиу дверь нашел
И, спину понагрев, домой скоряй ушел.

Где двое ссорятся, тут третий не мешайся
И в ссоры сверх того супружни не вступайся.

<1773>

7. КОШКА И ЛИСИЦА

Что с Кошкой и Лисой, скажу, происходило:
Желанье странствовать идти их побудило;
Идтить,

Не говорить —

То б Кошке и Лисе, конечно, скучно было:

Ин ну т-ко говорить;

Но говорить об чем, как не других бранить

Или себя хвалить?

Напомни, муза, мне их горды разговоры,
Напомни, как то зверь, имеющ остры взоры,
Соперницу свою, Лисицу, победил!
Подобно как Уликс с Аияксом в споре был,
Подобно Кошка так имела спор с Лисою,
Но, Кошка, ты в сей день вознесена судьбою,
И ваше счастье измерил сам Зевес:
Во преисподнюю лисицыно упало,
И мышеловкино взошло на верх небес.

Ах! счастье! ты в сей день Лисе неверно стало;
Иль так ты смертными играешься всегда?

Все хитрости свои Лисица исчисляла

Пред Кошкою тогда,

Но Кошка на всё то: «Одно лишь я, — сказала, —
Имею средство ко всему».

Тут вдруг бегущих псов они узрели тьму;

Их лай, пристрашный лай, их устрашал тем вяще.

Но Кошка, воспрянуv на древо, близ стояще,

«Вот, — говорит она, — в чем средство всё мое;

Посмотрим, сделает искусство что твое?» —

Рекла и речь скончала.

Как быстрая стрела, Лисица побежала,

Но видя: переход собак к ней невелик —

Прыг

Лисица на сторонку;

А псы вдогонку

Плясать,

Скакать,

Хвостом махаться;

А в тот час дале убираться,

Скок

В норку.

Все псы пришли в задорку.

Но так судил уж рок:

Пришло псам отдаваться;

А Кошки не могли собаки докастаться.

Спасаться из беды — бери один совет.

И, к многим ты не прибегая,

Но постоянен лишь в едином пребывая,

Мужайся, не страшись, береги его ты след.

<1773>

8. ОБЛАКО

Ум не приходит пред годами,

А ум приходит с сединами;

Нет в колыбеле мудреца,

И молод всяк имел игрушки:

Лишь куколки и брякотушки
В те годы тешат молодца.
Без перьев птица не летает,
Ничто пред временем не бывает.
Послушайте-ка, господа,
К сему хочу приплесть я сказку
И к сказочке-то дать той таску.
Вы знаете вить, что вода
Пары густые собирает
И облака из них рождает.
В какой то было стороне,
Была река лишь там — какая,
Мала ль была, была ль большая,
Пожалуй, всё равно по мне:
Поднялся лишь при ней туманчик,
Но тонок был на нем кафтанчик,
И мало сил еще имел,
А уж в умишке засвербелось
И быть на небе захотелось.
Но как того он ни хотел,
Его туда мать не пускала
И всё его в руках держала.
Но молодость ли удержать?
Туман мой с ветром сговорился
И скоро на небе явился,
Свою пренебрегнувши мать.
Таков Икар, презрев Дедала,
Где днёвная звезда блистала,
Туда направил свой полет.
Но как же облако ошиблось!
Оно упало вниз, расшиблось
И дало всем, что есть, совет:
Себе раненько не вверяться
И за высоким не гоняться.

<1773>

9. СОБАЧКА

Собачка маленька на кресельцах сидела
И спать хотела,
Но там ли спят,
Где много есть робят?
Мальчишка к ней подсел, с собакой стал
ворзаться;
Собаку он дразнить, собака —огрызаться;
И всё пошло на лад,
Унять их не велют:
Везде вой, лай и крик идет великой;
На шум толикой
Тут баба с розгами пришла
И их разогнала;
Собака завизжала
И поскорей под лавку убежала,
А кто ее дразнил
И бил —
За печкой спрятался робенок,
И более не смел дразнить он собачонок.

Таков-то завсегда душ подлых характер,
Что с низшими себя они не знают мер
И храбры перед тем, кто токмо им по паре;
Приди лишь кто постаре,
Они так сделают, в сей басне сделал как
Робенок с собачонкой.
Кто хочет взять еще в смысл тонкой,
То скажем, что таков конец всех в черни драк.

<1773>

10. ВЕРХУШКА И КОРЕНЬ

Когда-то Корень так в себе сам говорил:
«Зачем мне истощать своих лишь токмо сил,
Чтобы Верхушку,
Таковую лишь вертушку,
Кормить,
Поить
И на себе носить?»

Затем ли сделан я, чтоб ей слугою быть?
Ниже́ она мой повелитель,
Ниже́ и я ее служитель:
Всегда ль мне ей оброк платить?
Вить

И без тебя, мой друг, могу же я прожить.
Ин сем-ка ей давать свои не стану соки,
Не сохнут ли ее авось-либо широки
Боки,

На коих лишь сидят вороны да сороки».
Так страшно, в ревности своей, мой Корень рек
И с словом все пути к Верхушке он пресек,
Чрез кои он ей слал питательную воду.
Приблекло деревцо, свернулись ветви вдруг.
И наконец Верхушка бух;
И Корень мой с тех пор стал превращен в колоду.

Что ж?
Вить то не ложь,
И басенка моя не простенька игрушка.
Итак, какой же бы из ней нам выбрать плод?
Правительство — Верхушка,
А Корень — то народ.

<1773>

11. ПОЛОВИЦА

Когда-то половица
Изволила поднять носок
И вздвинуть свой бочок
Так, что другая уж сестрица
Высокородия ея
Была подножием сестрицы ног сея.
«Поди, — она ей говорила, —
И с нами не якшись;
Поди и побегии во всю досочью рысь,
Поколе будет сила».
Увидев господин то, что досочка взнялась,
Велел ее стесать: она с другой сравнялась.

Я, горделивец, баснь пишу тебе сию, —
Подобно унижят кичливость и твою.

<1773>

12. МЫШЬ И КОШКА

Стояла на Руси мужицкая изба;
Меж прочих жителей жила-была в ней Мышка.
Не так чертей боятся робятишка,

Судьи — столба;
Не так, мне мнится,
Боится

Подьячишка кнута,
Как опасается мышачий род кота.
Под тот час Мышь моя была небоязлива
И горделива

Затем, что Кошки тут не видела она,
Которая в тот час вкушала сладость сна.

«Собратья моя, о мыши! не страшитесь
И на мою теперь вы храбрость положитесь
(Таков-то Мышеньки был гордый глас):

От Кошки злых когтей обороню я вас;
Живите вы в своих пределах безопасны.
Все Кошки вымыслы вам будут впредь

напрасны».

Рекла, и вдруг, подъяв веселый Мышка клик,
Прыг,

В избушке поскакала,

В подпечку убежала

И, невзначай

Попав на кошкин край,

Изволила покласть и ножку

На Кошку;

А Кошка свой отверзла рот,

И Мышка кончила в зубах ее живот.

Слова без дел лишь тщетны
И часто могут быть нам вредны.

<1773>

13. ВОЛК И ЛИСИЦА

Лисице может ли приятелем быть Волк,
О том неравный толк.
Но если сделать лъзя по нравам заключение:
Так тот, кто бедных куриц бьет,
Быть может дружен с тем, кто кровь овечек пьет.
По крайней мере так случилось в походе,
Которое Фонтень сказал передо мной.
В леску, поблизости спокойна сельска крова,
Волк встретился с Лисой.
«Здорово, Волк». — «Лиса, здорово.
Каков твой промысл?» — «Что! я бросить уж
готова:

Опасности везде, а пользы никакой:
Всегда принуждена за курами скитаться.
Мне скучилось тайком в курятники входить.
Вернее моего ты можешь пропитаться:
Пожалуй, научи меня овец ловить,
За милость я тебе потщуся услужить».

На просьбу Волк согласен.

Метод преподавать порядочен и ясен:
Всегда лисиц согласие и волков,
Невинность слабая, тебе готовит ков.
Не знаю, где в лесу находят волчью кожу:
Обнова делает Лису на Волка схожу.
И в первую ноченьку на стадо пырь Лиса.
Пастушка и пастух от Волка испужались
И кто куда лишь мог по полю разбежались.

Все скрылись, даже и до пса,
В глуши дремуча леса.

Не так в оружие Ахиллеса

Патрокл в злосчастный день страшил дарданский
полк,

Как стадо наш притворный Волк.
Одна Овечка лишь, воспитанна пастушкой,
Нежалостной судьбы осталася игрушкой.
Она не ведала убийцных когтей.

Злодей!

Что сделаешь ты с ней?

Но что? стоит она, стоит с ней и Лисица!
Неужто сжалился над бедною убийца?

Лиса достигнула желанья своего,
Да то беда: с Овцой не сделать ничего.
Затем что сил Лисе по злобе недостало,
Так и злодейское желание отпало.

Такие тщитесь желания иметь,
В которых можете успеть;
Но бойтесь суетно к предмету прилепляться,
Которым не судил нам жребий наслаждаться.

<1773>, 1780-е годы

14. СКВОРЕЦ И ЯСТРЕБ

Когда-то в иногдашнее время
Жил-был в лесу Скворец.
И был по-птичью он прескаредный певец,
По-нашему сказать, препакостный творец.
Я сим не трогаю творцов всех наших племя:
Творцы
Вить не скворцы;
Да этот лишь Скворец в слагатели втолкнулся.
Но что же от своей я басни отшатнулся?
Ин пусть, положим так, к пенью он был охоч
И пел и день и ночь;
Что ж выйдет из того? Послушайте рассказа.
Понеже учинил, в противность-де указу,
С ним Ястреб имярек немалую проказу,
А именно-де-скасть,
На лисий образец и на приказну стать:
Знав, что, как сих тварей ум рифмой заразитися,
Нимало-де ума в главах не состоится
И рифм в последний слог тогда уходит он,
Он тако рек ему: «О стран сих Амфион!
Довольно долго ты уж мест сих был забава,
Другая ныне ждет тебя и больша слава;
Последуй по стезям великих тех мужей,
Которы пред тобой тем были одаренны:
Пустынный род подвиг во Фракии Орфей
И гласом Амфион возвысил Фивски стены;
От пенья твоего подвигнут стал днесь я,
Распалась вся, что есть, жестокость вдруг моя;

Жестокий ястребов подвигнуть нрав потщися,
Оставь сии леса и к нам ты преселися.
И коль угодно, я тебя могу провесть;
Какая ж возгремит твоя в потомках честь!»
Творцы умеют лгать, и ложь охотно внемлют,
И лживы похвалы за истинны приемлют.

Поверил молодец,
И в путь со Ястребом отправился Скворец.
Летит глупец;

Оставлен лес взади; тут вдруг застава.
«Стоп, — Ястреб мой сказал, — другая здесь
расправа,
Не делают, мой друг, здесь шумных од герою.
Здесь Гектор поражен Ахилловой стрелою,
Здесь волки бьют овец,
И здесь тебе я дам конец».

Не ослепляйтесь пустыми похвалами
И знайте ястребов вы разнить меж льстецами.

<1773>

15. СТОЛИК И КОЛОКОЛЬЧИК

Не знаю, Столик где жил-был об одной ножке.
Коль спросите меня вы на сии слова:
Сей Столик маленький был свойства каковá? —

Он сделан был не из лутошки,
Из коей делают лукошки,
А был из красного он сделан деревá.

Не знаю
И ведать не желаю,
К чему бы он способен был
И точно для какой потребности он служил:
Иль чтоб на нем сидеть собачке или кошке,
И для того ль, чтоб есть на Столике лепешки, —
То знаю, что на нем лишь Колокольчик был
И тако Столику сему он говорил:
«Что сделал нынче ты и сколько ты трудился?
Я целый день звонил, а ты лишь всё стоял».
— «Напрасно ты, мой свет. Я всё же работал, —
Мой Столик отвечал, — хоть я нигде не мчился,

Но боле я тебя людям полезен был.
И дела все на мне, что положат, служил».

В многоглаголаньи нет пользы ни малейшей,
И боле кто занят, не тот самоделейший.

<1773>

16. ПЕРО
К ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
АЛЕКСАНДРУ ПЕТРОВИЧУ ЕРМОЛОВУ

Не на берегах прозрачной Аретузы,
Но там, где Вологда медлительно течет,
В смиренну сень мою спустились кротки музы,
И прелесть некая с тех пор меня влечет
Их несть приятны узы.
Уже и Олешев внимал стихам моим
Средь сельских до́лов.

Теперь хочу я именем твоим
Украстить басенку, чувствительный Ермолов.

Когда-то (может быть, теперь)
Перо со Автором быть стало не согласно,
Сказало так ему: «Мой друг, себе не верь
И не хвали свое сложение прекрасно.

Напрасно

Ты стал бы без меня головушку ломать.
Тебе бы никогда стихов не написать;
Когда бы за меня не думал ты приняться,
Не стал бы ты со мной за рифмою гоняться.

А ты меня отнюдь не бережешь,
Раз со сто всякий час в чернила обмакнешь, —
Так, милостивец мой, ты скажешь сам, я чаю,

Чей тут

Поболе труд.

Спокойно ты сидишь, я только что черкаю —
И после то ж мараю.

Так потому стихи сии,
Без прекословия, мои».

Писатель, тронутый, сказал во оправданье:
«Неправедно сие, мой свет, твое желанье:
Орудьем было ты стихи сии писать,
Но я их сочинитель».

Сильнее можно бы сказать:
Невидимый в нас ум деяньям повелитель;
Льзя быть деятельным, хотя не хлопотать;
Победой славится не воин — предводитель.

<1773>, 1780-е годы

17. ПЕС

Был Пес,
И был со псами тот охотник Пес сражаться.
А именно: был Пес охотник покусаться;
Он псам на горло лез.
Лес
Стал полн его чудес:
Иной был без ноги, хромал и волочился,
Другой без уха был, визжал и колотился.
Был Пес,
И Пес уж был другой, а был то Пес подъячий
Собачий;
Он Воеводою в том околотке слыл,
И с виноватых он и с правых равно брил.
Не у одних лишь псов такие воеводы,
И можно доказать чрез сильные доводы,
Что много инные имеют их народы,
Не псиной лишь породы.
Весть страшных тех обид его сразила слух,
От зверств тех стал смущен и Воеводин дух.
О чудо! в первый раз смутился Воевода!
Смущается ль когда приказная порода!
Разбойник пойман Пес;
Под тягостью желез,
При токе горьких слез
Бледнеющих очес,
Он взлаял горестно и вопиял к народу:

«Не мне судите казнь, не мне сонм тяжких мук!

Вы бейте Воеводу:

Он был пример и вождь преступничьих сих рук».

Тут все, кто были, псы престрашно забрежали,

Во гневе, обуяв, рвалися, топотали,

И спертый вскоре стогн от лаю застонал.

Во брани так Лукан Июлия с Помпеем,

С ревушим бурными усты злой вихрь Бореем

Прекрасных воинов мятущихся сравнял.

Как Оссы на холмах лесистых он застонет

И с треском вниз верхи древесные поклонит.

С размаху сринется его дуб, чуя гнев,

И, вспять колеблющись, воспрянет, загремев.

Сие я положил здесь очень больно кстати;

И в случае таком не худо и украсть;

А всё то сделал я, чтоб наконец сказати,

Что псы разверзли все на Воеводу пасть,

Не давши вымолвить ни разу

«Понеже», «якобы», «но в силу-де указу»

И прочих всех крючков непостижимый сбор,

Которыми есть полн приказных разговор.

О вы! которых власть поставила над нами

Расправы учреждать, повелевать полками,

Скрывайте слабости от подчиненных вам,

Стыдитесь: вашим вслед идут они делам.

И помните, что всех глаза суть устремленны

На ваши перемены.

<1773>

18. ЗЕВЕС И ГРОМ

Зевес свой кинул взор на землю: развращенья

Явилася она наполненной ему.

«Ударю, — говорит средь горестна волненья, —

И мир небытия низринется во тьму.

А ты, виновный род, род столько мной любимый,

Предел твой положен, ты в сей погибнешь раз».

Так рек богов отец свой суд неумолимый,

И не был тщетен сей его всесильный глас.

Едва охотничий лишь токмо внемлю глас, —
В тот час
Парю и на руку охотничью спускаюсь,
Господских ни на миг я слов не ослушаюсь».

Сокол! когда б ты зрел толико соколов,
Как есть на вертеле индейских петухов,
Не стал бы ты тогда Индея порицати:
Не должно по себе об инных рассуждати.

<1773>

20. ЗЕРКАЛО

Венецианского искусства труд чудесный,
Стояло Зеркало в палате золотой,
И прямо против точки той,
Где солнце из-за волн спешит на свод небесный.
Уж первый луч его взливался на буграх
И нежным горизонт румянцем багрянился.
Пастух, что мучим быв любовью, пробудился,
Бродил глухой стезей с овечками в полях.
Уже настал тот час, что солнце выходило
Из туч
И, луч
В пространство устремив воздушное, открыло
Во тьме лежавший свет.
За ним вослед
Такой же солнца круг и в Зеркале явился,
И золотом кристалл горящим воспалился.
Сиянье Зеркало в кичливость привело,
И вот какую речь оно произнесло:
«Вселенной взоры днесь я с солнцем разделяю
И всё то презираю:
На что я ни гляжу,
Сиянья равного ни в чем не нахожу».
Но туча мрачная закрыла солнце с краю.
Весь блеск пропал.
Кристалл
Сумрачен стал.

Лучами милости вельможа осиянный
Мечтает, что пред ним преклонится весь мир;
Но только станет ветер дышать непостоянный —
Льстецы бегут, один останется кумир.

<1773>, 1780-е годы

21. КРЕСТЬЯНИН, ЛИСИЦА И СОБАКА

В деревне ль было то или в селе каком,
Молчит история о том,
Заживный Мужичок, крестьянин жил богатый, —
Лишь знаю, что Лиса, сей зверь замысловатый,
Хотела Мужичка на старости подъесть,
Цыпляток перевесть.
Уж целые три дни Лисица добывает
И целые три дни Лисица голодает.
Не позволяется Лисе в курятник вход:
Пес бодрый у ворот;
А Пес Лисе не доброхот.
Терпением должно взять, чего не можно силой,
Таиться долго за углом,
Питаться пищею постылой,
Чтоб только видеть Пса, обремененна сном.
«Во что ни станет мне, клянуся, Стикс, тобою, —
Лисица говорит, —
Добыча от меня моя не убежит.
И кто бы без того почел меня Лисою,
Когда уж не могу крестьянских кур достать?»
Итак, в ненастну ночь, минутой роковою,
Подметила Лиса, что начал Пес дремать.
И тотчас мой герой подвигнул сильну рать.
Я мню Улисса зреть с прехрабрым Диомидом,
Как разъяренным видом
Разил он Резов стан.
Подобно так Лисе курятник в добычь дан.
И солнце на восходе
Едва от ужаса не совратилось вспять,
Как прежде скрылось оно при непогоде,
Как боги Ромула к себе хотели взять.

В каком, Крестьянин, был ты горе,
Когда открыл злодейства ночи день!
Напал было на Пса ты вскоре
Со множеством пристрашных пень.
Но Пес хозяину сказал довольно смело:
«Зачем желаешь ты, чтоб, сна себя лиша,
Я только то берег, в чем нет мне барыша?
Беречь свое добро — твое, хозяин, дело».

Ах! Сколько счастлив тот,
Кто, скуча жить в толпе, один жить может дома!
Пусть кроет дом его не золото, а солома.
Но сколько же за то и страхов и хлопот!

<1773>, 1780-е годы

22. БАСНЬ

Подражание Де Ла Фонтеню

Гора в родах
Стон страшный испускала
И причиняла смертным страх.
Вселенна представляла,
Что город та родит, поболее, как Париж, —
Она родила мышь.
Когда себе сию я баснь воображаю,
Рассказ в которой лжив,
Но смысл правдив,
Я стихотворца представляю,
Что в восхищенье восклицает:
«Пою, как поборал врагов Великий Петр!» —
То много обещать, что ж из того бывает?
Ветр.

<1773>

23. РАЗДОР В УЛЬЕ

В недавних временах у Геллерта я чел,
 Что некогда меж пчел
 Раздор произошел.
Творца я сих стихов премного почитаю
И мню, что немец лгать не может никогда,
 Но в том-то вся беда,
Что я на русску стать ту сказочку сплетаю.
Мне сил недостает с Вергилием гласить,
Вещая мастериц иблейска сладка сота,
Но всякого своя влечет всегда охота
И должно своя судьбины злость сносить.
 Так пусть же ведомо то будет
 (То век грядущий не забудет,
 Ни настоящи времена):

Плачевны нам всегда раздора бремена.
Уж жатвы был зачин; косым железом персты
И радостью сердца исполнились селян, —
А Яновы врата во пчельнике отверсты:
Разрушилось в улье спокойство меж граждан.
Шумящие полки за первенство восстали,
Погиб порядок их с любезной тишиной;
Уж пчелы на цветы к трудам не вылетали, —
Иссяк сладчайший мед, почув военный зной.
Расторглись кельи их и связи восчаные,
И ниспроверглись их сосуды медовые.
Всяк первенства хотел. О! ненасытна страсть!
Когда спокойства нет, к чему нам служит власть?
Вопили пчелы так: «Не суть достойны трутни
Иметь степень меж нас и сладкий мед точить.

 Известны нам их плутни,
Потщимся из числа граждан их исключить!»
А трутни так к своим собратиям вещали:
«Довольно рабства их мы иго ощущали,
И если нам еще не скучил свой живот,
Потщимся потребить сей сущий злобный род.
Ударим в их полки!» — «Ударим!» — отвечали, —
И обе стороны друг в друга буйство мчали.
Но рок их погубить еще не попустил:
Единую пчелу меж их он просветил.
Сия смущенье их внезапно прекратила,

Во рвение к трудам раздор их превратила,
Вещала им: «Никто не буди впредь пчела,
Когда не лучше суть других ее дела».

<1775>

24. УЛИССОВЫ СПУТНИКИ

Сказать ли сказку вам постаре, как «Бову»

И выдумки еще покойного Гомера?

Какому (вот рука) не только что в яву,

Да, полно, сыщешь ли и в сказке где примера.

Ну, слушайте ж. Был-жил царь, вольный человек

А именем Улисс, и, светик наш, весь век

Из города в другой изволил протаскаться,

Не знаячи своей отчизны доискаться,

Затем то был в нем толк.

А вокруг себя, как царь, имел народа полк.

Случилось стать ему по дальном в море беге

У дочери Солнцевой Киркеи на ночлеге.

Киркея ли, Цирцея ли она,

Да только баба зла и зляй, чем сатана.

Ворожея-плутовка

И льстива, как торговка.

Улисс собою взял; дородство ль, рост ли, стан?

Всем на всё прямо пан.

Не может на него она налюбоваться,

Не хочет расставаться.

А царь мой свой корабль велит уж оснастить.

Она кабы так-сяк, а он — такая ль стать?

«Постой же, — думает, — придет меня послушать».

Сама ему челом: «Пожалуй хлеба кушать,

Душа моя, мой свет,

И всех с собой возьми, пожалуй на обед».

От пиру царь не прочь, хозяйку посещает.

Она богáтейшим обедом угощает,

И тамо прямо пир,

Слывет что на весь мир.

Хозяйка в суетах гостей покушать просит

И чашу спутникам Улиссовым подносит,

А в ней напиток будто мед,

Да только с ядом;
И чуть кто прихлебнет,
Ума уж нет,
И превращается тотчас скотом иль гадом.
Все стали волки, львы и в лес вдруг побрели.
А мудрый мой Улисс — рак будто на мели.

Сей басни разум тот:
Пошел в кабак мужик, оттуда лезет скот.

Вторая половина 1770-х годов

25. СОЛОВЕЙ И ЖАВОРОНОК

Перевод из Геллерта

Однажды Соловей с большим искусством пел
И гласом все пленить окрестности успел.
Листочки на верхах древесных всколебались
И тайной прелестью влеклись,
На ветках птички пробуждались
И Филомелу внять пеклись.
Забылась утра мать на горизонте доле,
Затем что ей певца хотелось слушать боле.
Прекрасной Филомелы глас
Богов прельщает так, как нас.
Тогда богине в честь в другой раз Филомела
Еще и сладостный пропела
И смолкнула, пропев.
К ней Жаворонок так вещает, прилетев:
«Пред нами ты, дружок, запеваешь превосходно,
И песен всех в лесу твоя прелестный трель;
Одно, коли сказать, в тебе мне не угодно:
Ты в целый год поешь лишь несколько недель».
Но Филомела ей, смеясь, отвечает:
«Твой горестный упрек меня не огорчает,
И честь моя чрез то не может претерпеть.
Немного я пою. Зачем? Чтоб славно петь.
Я следую в пеньё природе осторожно:
Доколь она велит, дотоле и пою;
Коль скоро воспретит, тотчас перестаю,
Затем что нам ее принудить невозможно».

Певцы! о соловье потщитесь вспомянуть
И пойте до того, покуда петь хотите.
Природа и сей жар, которым вы блесстите,
Немного вам годов благоприятны суть.
Коль льстите заслужить вселенной восхищенья,
Так пойте вы, доколь ваш дух приносит плод,
И, тщася произвестъ бессмертные сложенья,
Откройте в вечность вход.

Вторая половина 1770-х годов

26. ИЗГНАНИЕ АПОЛЛОНА

На Феба некогда прогневался Зевес
И отлучил его с небес
На землю в заточенье.
Что делать? Сильному противиться нельзя.
Так Аполлон тотчас исполнил изреченье.
В простого пастуха себя преобразя,
В мгновение с небес свое направил странство
Туда, где пенится Пенеев быстрый ток.
Смиренно платье, посошок
И несколько цветов — вот всё его убранство.
Адмету, доброму Фессалии царю,
Сей кроткий юноша услуги представляет
И скоро царскими стадами управляет.
Находит в пастырях худые нравы, прю,
Сердец ожесточенье,
О стаде нераченье, —
Какое общество поборнику искусств!
Несчастлив Аполлон. Но сладостной свирелью
Старается еще открыть пути веселью,
Поет — и се уже владыка грубых чувств,
Влагает в пастырей незнаемую душу,
Учтивость, дружество, приятный разговор,
Желанье нравиться. К нему дриады с гор
И нимфы ручейков сбегаются на сушу.
Внезапу вокруг себя большой он видит двор:
Небесны боги сами,
Один по одному,
С верхов Олимпа вниз сходилися к нему,

И сельские поля сравнились с небесами.
Зевес изгнанника на небо возвратил.

Искусства исправляют нравы.
Тот первый варваров в людей преобразил,
Который выдумал для разума забавы.

1786

27. ОДА

НА СЛУЧАЙ БАГУЛЬСКИХ БИТВЫ

Не сами ль музы мне внушают
Священный стих во ушеса?
Водой Кастальской орошают
Они мои днесь очеса.
Ударьте бурные перуны!
Взыграть готовы лирны струны,
Кагул! твой славный день поя;
Восторг мой разум ощущает,
Устами смертного вещает,
Великий Марс! душа твоя.

Бегут тьмочисленны народы
И аравийский лжепророк,
Бегут объять Кагульски воды
И ускорить паденья рок.
Какие страшны исполины!
Покрыты ими все долины,
Покрыты ими гор хребты.
Таков, ко страху человеков,
Шел Ксеркс на погубленье греков,
На показанье суеты.

Се под секирой янычара
Бугры упали в мрачный ров,
И вокруг объехали татара
Со разглашеньем буйных слов.
Тогда (о, роде дерзновенный!),
Надмен быв гордостью мгновенной,

Забыл ты срам свой, оттоман;
Луна не усрамилась веять,
И ты не устыдился сеять
С твоею злобой твой обман.

Собрав вождей, визирь вещает
Вождем, пришедшим в сень его,
Речет — и льсти не ощущает
У стен и сердца своего.
«Доколе солнце не восстанет, —
Речет, — под сим мечом увянет
И не спасется росс ничем!»
Исполн кичения, ругался,
На многу силу полагался,
Уснув в безумии с мечем.

Но солнце мрак не одолело
И не сиял еще восток,
А росско воинство гремело
И полился кровавый ток.
Румянцев рек: и только стали —
Уже срачины смерть сретали
На ложах, где вкушали сон;
Пустились долом янычары,
Но вопль и тщетны их удары
Предвозвещали их урон.

Стремглав срачины с их раскатов
Помчали свой с Магметом срам,
Палящи жерла сопостатов
Поколебались по буграм.
Рыкают чада Измаила,
Хотят, чтобы их поглотила
Земля, пиюща крови их;
Горит повсюда жарка сеча,
Падут окровавленны плеча
Далече от голов своих.

Постой, срацин: тебе достойно
Свою принять от россов казнь;
Но всё их воинство нестройно,
И кроет путь их мглой боязнь.

Дунай с Кагулом взволновались,
Куда продерзостны девались?
Их верх касался небесам;
В Дунай, в Кагул они вбежали,
Валов стремленье удержали,
И им примером вождь их сам.

Бугры в три яруса изрыты,
В три яруса изрыты рвы,
Раскаты жерлами покрыты, —
Свирепы войска таковы.
Но небо тучьми одеваяй,
На крыльях ангел почиваяй
Умеет стерть гордыни рог,
А росс кровей не пожалеет,
Положит жизнь иль одолеет,
И с ним его предыдет бог.

Коль ты велик в сей день явился,
Премудрый росских вождь полков!
Твоей мир славе удивился,
Восшедшей выше облаков.
И се священные судьбины
Со именем Екатерины
Тебя гласят, великий муж!
Твои дела пребудут громки,
И нарекут тебя потомки
В числе геройских славных душ.

1770, <1775>

28. ДРУЖБА
К ПВАНУ ПЕТРОВИЧУ
ТУРГЕНЕВУ

Внемли, Тургенев, глас бесхитростных стихов.
Не сильну брань пою, не ссоры пастухов,
Вспеваю пред тобой я чувство сердечно,
Которо нас пленит и пребывает вечно,
Сию сестру любви, небесну паче дщерь:
О дружбе пред тобой хочу гласить теперь.

Я вашего просить, о музы, стал внушенья,
Когда б не ощущал довольно поощренья
О дружбе возгласить, быв дружбою вперен, —
Она известна мне: я чувствовать рожден.
Исчезните навек вы, тщетны украшенья, —
Не нужны мне слова, мне нужны ощущенья:
Вы сделаны для лести, а мне противна лесть;
Быв искренен, речей не знаю хитрых плесть;
Что сердце говорит, устами повторяю,
А сердце мне не лжет, ему я поверяю.
Умолкните вы днесь, клеветущи усты,
Гласящи дружбу быть подобием мечты,
Не ощущаю вас, сердца ожесточенны, —
Нечувственными быть они приобученны, —
Глаголете вы так: «Корысть всему предмет.
Она есть дружбы мать, без нужды дружбы нет».

1770(?)

29. СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

Поэма

Не раздающийся пою по накрам глас
Зовущия трубы на бранный ратей час,
Когда в противничьи полки смерть в ряд из ряду
Метал Еней, разил, кто представлялся взгляду,
Под острым как мечом ток крови Турн излил
И негодующий из уст дух испустил.
Жизнь сельскую пою, пою лугов зеленость
И тучных гор верхов приятную пологость.

С небес склонися к нам, невинна простота.
Стихов моих ты будь едина красота.
Склонись, вещай: почто твоих чрез многи веки
Толь мало прелестей познали человеки?
Неподражаемых где нежностей собор?
Толь много может быть обманчив смертный взор!

Уже я пышности градские оставляю,
Которы чтит народ, а я днесь презираю;

Мне всё, что мило там: забавы, пиршества —
Пред зрелищем всего постыло естества;
Я не в пространных тех палатах обитаю,
Где часто сам себя ищу, не обретаю.
Притворно всё там в них, стезей природы нет:
Светило красных дней не прямо внутрь падет,
Зима там не зима, и лето там не лето,
Средь самых хладных дней жилище их согрето,
И в пышных их домах среди тех толстых стен
Ни в осень, ни в весну там нет у них премен.

1770(?)

30. ЭКЛОГА
К ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬНОМУ
АЛЕКСЕЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ОЛЕШЕВУ

Пастушьи прения впервые воспеваю
И сельски божества со страхом призываю.
Помедли, Вологда, останови на час
Поток поспешных волн, чтобы свирельный глас
Раздался, по твоим носясь струям прозрачным,
И чтоб живущие по рощам нимфы злачным,
Собравшись толпой ко берегу твоему,
Умолкли с кротостью, когда свирель возьму.
Вы юному певцу, о фавны, не мешайте
И прочь с сатирами отсюда поспешайте.
А ты, любитель рощ, владелец сих лугов,
Начальник и краса окрестных пастухов,
Будь юности моей советником и другом.
Ты музам жертвуешь и мудрости досугом.

Еще скрывались тьмой небесные красы,
Стада не сотрясли с себя ночной росы, —
Уже два пастуха, два юноши прекрасны,
Искусны оба петь и в песнях их согласны,
С горы высокой в дол овечек повели
На паства, где цветы весенни расцвели.
Уж птички, пробудясь, на ветвях воспевали
И ветви, тихо их качая, трепетали.
Аврора бодрая оставила свой сон.
Так Дафнис говорил, так после Коридон:

Дафнис

Послушай, как вокруг певцов древесных хоры
Соединились петь пришествие Авроры.

Почто и нам молчать? Отверст природы храм,
И дневный луч звезды играет по горам.

Смотри, как ключ здесь бьет, как дале

в расширенья

Бежит из-под куста, где скрыл свое рожденье,

Приятность же потом на пользу пременив,

Стремится утолять струями жажду нив

И в рощу темную уходит прочь отселе

Журчаньем отвечать тоскливой Филомеле.

Коридон

Пой, Дафнис, между тем как вол, оставив луг,

По черным глыбам нив влечет тяжелый плуг.

Здесь близко скромная фиалка расцветает

И влюбчивый зефир над розою порхает.

Чья лучше будет песнь, рассудит Палемон,

Свирели новыя испытывая тон.

Залог мой — агнец сей, что, стоя над волною,

Глядит на тень свою, колеблему водою,

И, ново небо зря и новые луга,

Желает испытать рождающихся рога.

Дафнис

Из стада ничего закладывать не смею:

Я дома мачеху сердитую имею,

Которая овец считает дважды в день.

Вот чаша, коей край древес обходит сень:

Под нею пастушок, на травке протяженный,

Оплакивает гнев пастушки раздраженной.

На память Мелибей ее мне подарил,

Когда со стадом прочь с сей паствы уходил.

Не найдут ей хулы в суде и самом строгом.

Ее, коль хочешь ты, даю своим залогом.

Палемон

Так пойте ж, пастухи, сидя в траве густой.

Теперь природа вся сияет красотой,

Теперь цветут древа, теперь весна золотая, —

Гласите, череду друг с другом соблюдая.

Ты, Дафнис, зачинай, ты следуй, Коридон:
Угодно музам так, так любит Аполлон.

Д а ф н и с

И ты был пастухом, делийский бог прекрасный,
И ты пастушек взор носил во мысли страстной:
Любимым лавром я алтарь украшу твой,
Коль равну песнь внушишь с Дорисиной красой.

К о р и д о н

О ты, пафийский бог, ты, коим я страдаю,
К внушенью твоему теперь я прибегаю.
Я сердце в дар тебе, могущий, принесу,
Когда поможешь петь Еглену красу.

Д а ф н и с

Дориса сладостней благоуханья розы,
Белее лилии и гибче юной лозы.
И гнев пленителен, горя в ее очах, —
Что ж, если явится улыбка на устах?

К о р и д о н

Еглея тишиной дню майскому подобна,
Невинна, как любовь, как агница, незлобна:
Все хитрости ее в смиренной простоте;
Мила собой — на что убранство красоте?

Д а ф н и с

Недавно на лугу Дориса отдыхала.
Я к ней приблизился — Дориса побежала;
Бежит — но на бегу ей хочется узнать,
Смотрю ли ей вослед, хочу ль ее догнать.

К о р и д о н

О, как со мной вчера Еглея говорила!
Ты, нимфа горная, слова те разносила,
И внемлющий Зефир красавицы словам
Их на крыле своем переносил к богам!

Д а ф н и с

Здесь ясны воды бьют, усыпан луг цветами,
Здесь пчел рой жужжат и холм покрыт стадами.

Дориса здесь живет, но прочь уйди она —
Луга завянут все и замолчит волна.

К о р и д о н

Еглея с паствы сей недавно отходила
К Эгону: тягость лет Эгона удручила,
Он коз своих пасет в пустыне, на скалах;
Еглея подошла — исчез пустыни страх.

Д а ф н и с

Дориса каждый час является мне новой —
Веселой, томною; лишь только б не суровой!
Как зрелым дождь плодам, овечкам волчий зев
И мразы деревьям, так мне Дорисин гнев.

К о р и д о н

Пока меня «своим» Еглея называет
И посох мой сама цветами увивает,
Не знают овцы глаз завистливых вреда
И небо для меня безоблачно всегда.

Д а ф н и с

Скажи, под коими то было небесами,
Что корабли неслись по суше парусами
С вооруженными ко приступу людьми, —
Скажи мне, Коридон, и чашу ты возьми.

К о р и д о н

Ты, Дафнис, сам скажи, где кротки, нежны птицы,
Летаючи впереди пафийской колесницы,
Огонь носят под крылом и сожигают град.
Скажи мне — и тогда пусть будет твой заклад.

П а л е м о н

Не мне, о пастухи, решить меж вами пренья.
Журчанья чистых вод приятней ваши пенья.
Прекрасно Дафнис пел, прекрасно Коридон:
Достоин агнца ты, достоин чаши он.
И счастлив тот стократ, кто часть имеет вашу.
Дай агнца Дафнису, дай Коридону чашу.
Уж солнце в небесах высоко поднялось.
Вы пели — а меж тем всё стадо разошлось.

1771, начало 1780-х годов

31. ОДА

Осьмнадцатый ныне раз
Для счастья россов и покою
Настал желанный день меж нас,
В который ты нам дан судьбою,
Чтобы державой предков править
И с нами вдруг себя прославить.

Ликует росска днесь страна
И с ней большая часть полсвета,
Что ей столь сладка часть дана
В залог господнего обета,
Петрова к сохраненью племя
На позднее потомков время.

Се зрю: отверзлись небеса
И раздралась веков запона.
Предвечны там стоят веса
Всевышней воли и закона.
Там книга предлежит судьбины,
Где разных смертных суть години.

Там Павла славные дела,
Рука господня всемогуща,
От века в век произвела
Твоя всех славы слава пуца.
В край земные разнесется
И в все страны твой звук прольется.

Там новый ряд веков встает,
Подступит Ахиллес под Трою,
Там новый «Арго» преплывет
За кожей агнца золотою,
Кавказ на холмах воскурится,
Евфрат в России воскружится.

Тогда науки процветут,
Из тьмы невежества там греки
В свет прежний приходить начнут
И все страны, коль ни далеки,
Твою знать щедрость к музам будут,
Твоих хвал музы не забудут.

Но что средь мирных лет сей флот
Средь волн стремится парусами?
Природы где стоит оплот,
Там хочет ли плыть росс судами?
Туманы север где собирает
И тьмой, мглой, смрадом покрывает.

В конце земли там влажный дол,
Где вечно Эола жилище,
На бурях там его престол,
В деснице держит ратовище.
Он им сокровища хранит,
И смертными он ввек претит.

1772

32. ЖАЛОБЫ ДИДОНЫ

Драматический отрывок

Что трачу время я? смеется мой мучитель.
Не сын богинин ты, не Дардан-прародитель.
Неверный! с ужасом Кавказ тебя родил.
В ирканских ты степях млекó злых тигров пил.
Ты первый свет узрел в пустынях непроходных.
Но что? и тамо нет с тобой в свирепстве сходных.
Нет, лютостей таких нельзя изобразить,
К которым бы тебя могла я применить.
Почто уж прибегать к притворствам бесполезным?
Могла ль я стон извлечь моим потоком слезным?
Могла ли я его на жалость преклонить?
И вздохи любящей могли ль его смягчить?
Чем жалобы начну? Еней отъемлет душу.
Я флот его спасла, поставила на сушу,
Его покоила от ярости морей
И власти приняла в сообщество моей.
Ах! для чего тебя, в отчаянье пловуща,
Тебя изверженна, надежды не имуща,
Меж тем как вал, ревя, на берег извергал,
Не погружала я опять в шумящий вал?
Мне, мне тебя губить! — я жизнь мою
Еще жертвую, коль ты спасешься ею.

Пускай бы плыл в свой путь, не стала б я держать,
Когда бы ты имел еще куда бежать,
Когда бы вражеской не пал Приам рукою
И не поверг бы рок на землю древню Трою.
Неверный! для чего, к мученью моему,
Как упованию всё спорит твоему
И злобствуют зимы дыханием пучины,
Ты хочешь гнев опять испытывать судьбины?
Меня ль бежишь? Тебя я сим потоком слез,
Коль бедной мне уже надежды луч исчез,
Твоей десницею, любовью заклинаю:
Не оставляй меня погибели у краю.
Останься, я прошу, коль место просьбе есть.
Жестокий! Зри, чего твоя мне стоит лезть,
Зри, странник (ты других имен не позволяешь)!
Кому кончающуюсь Дидону оставляешь:
Уже Иарб идет, идут уже враги.
Ах! если жалость есть, останься, не беги.

1772 (?)

33. ЖИЗНЬ ХЕРИЛОВА

Уж два разá семь лет прошло Херилу с роду,
И знал уж распознать свою Херил породу:
Умел по пальцам он всех предков перечесть,
Которых шумная гремела всяда честь;
Смеяться над людьми — он знал то в совершенстве, —
О, коль великий ум имел Херил в младенстве!
В чужие краи наш готовится Херил:
О, коль достойный труд себе он в мысль вперил!
Тогда, иссохшие подъемля к небу руки
И правила, как жить, премудрыя науки
Преподавая, так рекла старушка мать:
«О сыне мой! потщись того не забывать,
Кем в свет ты сей рожден и кто тебе есть дедом;
Тебе трудом моим довольно род наш сведом,
Бывал ли столыника кто ниже предок твой.
Итак, за честь свою всегда упорно стой:
Знакомства не своди, кто ниже благородством;
Чти всё, кроме себя, невежеством и скотством.

Храни здоровье ты и сладко ешь и пей:
Быть знатной без того нельзя душе твоей.
На мягкой почивай постеле и пуховой,
Являй всем гордый вид, вид важный и суровый,
Некстати морщись, ври, брюзжи, повелевай,
Кроме романов, книг других ты не читай.
О, коль с сим знанием ты будешь в свете шумен!
Предвижу я: всегда ты будешь и разумен».
Слов несколько тогда французских проворчав
И буйною Херил головкой помотав,
Рад, вырвавшись из рук он матушки-болтушки,
Прыгнул и чуть, задев, с ног не свалил старушки.
Богини мощные! прорцыте новый глас,
Приемля труд велик, жду помощи от вас:
О музы! вы меня днесь взором ободрите
И к пению и мысль и разум мой прострите!
Уже Херил средь волн; младый Тифис, Херил,
Далеко от земли к чужим брегам поплыл;
Стопы свои Херил на оны направляет,
Херил уж мой в странáх днесь чуждых пребывает,
В забавах, пиршествах Херил проводит век, —
Коль будет мой Херил премудрый человек!
Уже науки он все купно понимает,
Единым махом он вселенну обымает.
Народов пóвести Херил мой пробежал
И брани и труды геройские познал.
Течение наук Херил мой совершает,
С плодом в отечество великим поспешает.
Познал, как в свете жить, умел играть, плясать
И общество речьми своими забавлять.
Чего же моему Херилу не достало?
Жениться моему Херилу надлежало.
Женился; и потом, в награду всех трудов,
Достойных был Херил родителем сынов.
Покоился Херил, пил, ел и забавлялся,
И, к сожаленью всех, он с жизнью расстался;
С великолепьем был Херил мой погребен,
И стих ему в хвалу надгробный соплетен:
«Се славных дел творец! Дела колики оны,
Крестины то гласят, женитьба, похороны».

<1773>

34. ОДА
НА ПРИМЕРНОЕ ВЗЯТИЕ ГОРОДКА
НА ВЫБОРГСКОЙ СТОРОНЕ
1773 ГОДУ

Где я! кто меня похитил?
Сном божественным насытил
Я свои днесь очеса:
Грозны тучи заревели,
И внезапно загремели
И отверзлись небеса.

Из земли встают раскаты,
Ископали сопостаты
Вкруг подземные пути;
Знамена по ветрам веют,
Громы грянуть лишь успеют,
Затрубят на бой идти.

Молнии молниям отвечают,
И полки полки встречают,
Подвизаяся во рвах;
Наступают осажденны,
И уходят спровожденны
Бывшие на их стенах.

О, коль долго не вершилась
И в сомненье не решилась
Пря, кипяща меж полков!
Победивши побеждались,
И мгновенно осаждались
Умышлявшие злой ков.

Под небесной высотой
Ухищренною чертою
Полетела в бомбе смерть;
Зашипела, запылала,
Вихрем огненным устлала
Вкруг трясущую твердь.

Бездна мглы на воздух взвилась,
Бурным громом изъясилась
Серна молния, сверкнув;

Медны жерлы с ревом блещут,
Раскаленны ядра мещут,
Рвут бугры земли, блеснув.

Что за вопли раздаются?
Звуки громки вопиются,
Победивших внемлю клик;
Средь покрытыя дороги
Здесь гремят единороги,
Причиняя страх велик.

Се кровавая долина
Обошла вокруг равелина,
Заграждая путь к нему;
Устремились на раскаты,
Но воздвигли сопостаты
Здесь на них подземну тьму.

Одолели град сей громы,
И сожгли прекрасны дома
Ополчившиеся нань;
Побежденны уступили,
Победители вступили —
И окончили их брань.

Тако, тако в Петрополе,
При Неве на бранном поле,
Росский воин гром метал;
Здесь Минерва председадала,
Громы взором учреждадала,
Как на стены росс летал.

1773

35. ВОЕННАЯ ПЕСНЬ

Младые воины, сберитесь
На сродный вам военный глас
И боле славой возгоритесь:
Не для других пою, для вас.
Для вас я лиру восхищаю

И в дерзких мыслях обращаю
Петра Великого дела.
Он мир наполнил громкой славой.
Мужайтесь, зрите под Полтавой
Паренье русского орла.

Ах! как мне петь дела Петровы?
О них я мало бы гремел,
Когда б мой глас был глас громовый
И перси б медяны имел.
Мне скудны силы препинают,
Но музы гласом ободряют,
Велят на лире петь Петра.
Отец российского народа!
Прости, что дерзостна свобода
К вещанью дел твоих скоро.

Царей со знаменем российских
Се ново войско, новый флот;
Нева несет до волн Балтийских
Врагов разметанный оплот;
Надменный Ругодев трепещет;
И только меч Петров возблещет —
Пылают мстительны огни!
Без пользы в росские пределы
Преносит Карл громовы стрелы:
Погасли пред Петром они.

Петра мнил Карл дванадесятый
Наветом хитрым одолеть:
Отринут умысл предприятый;
Он пал, в свою уловлен сеть.
Напрасно льстит ему Мазепа:
Уже пылает брань свирепа
Перед полтавскою стеной.
В полки полки там ударяют,
И медны жерла огонь рыгают,
Сокрыв куреньем свет дневной.

Катятся смертоносны звуки
По облаку багровой мглы,

И Марс простер кровавы руки:
Несутся паки с ним орлы.
Зияет смерть, земля багреет,
Отсветом небо пламенеет,
И стоном богатится ад.
Герой удары направляет,
Победу к россам преклоняет
Его величественный взгляд.

О день, навеки незабвенный,
В который гордый готф упал!
Тверди собой во слух вселенной,
Что ков противных россам мал.
Что жизнь и вольность тот положит,
Кто мир священный востревожит
Твоих, Россия, тихих сел;
Что, крепок силою толикой,
Врага увидел Петр Великой —
И злобный враг оцепенел.

Кавказски холмы воскурились —
Стремится в знойных Петр полях.
От слуха персы ужасились
В дербентских жаждущих степях.
Белеет Каспий под кормами;
Полки, водимые орлами,
Вошли в Железные врата.
Огромна тень возникла Кира,
Когда другой владетель мира
Вступил в знакомые места.

Пребудьте, славные деянья,
Присутственны в очах вождей
И им от вашего сиянья
Своих доставьте часть лучей.
Герой! ты днесь творишь героев;
Зри, дух твой их ведет средь боев,
С небес приинкни на сынов;
Возри на труд Екатерины:
В архипелажские пучины
Гремит твой флот среди валов.

Простер скиптродержавны руки
Монарх к претягостным трудам,
И раздаются млатны звуки
По зюйдерзейским берегам.
Ты б петь, Вергилий, устыдился,
Что флот Енеев превратился
В богинь, живущих под волной.
Твой Иды дровом флот спасался —
Здесь венценосец не гнушался
Священной строить флот рукой.

Велик был Петр на ратном поле,
Велик был Петр в морских волнах,
Как царь, сидящий на престоле,
Иль как мудрец в чужих странах.
Ему в победах славы мало;
Его понятье обымало
Все нужды царств, весь долг царя.
Как бог, внушающий творенье,
В народ он свой вложил паренье,
Ко славе перед ним паря.

О! как я счастлив, что судилось
Гласить мне воинам младым!
Что в сердце мне давно твердилось,
Изрек я сверстникам моим.
Пылайте, юноши, пылайте,
Того часа и дни желайте,
Как Павел с нами загремит.
Он пойдет вслед делам Петровым,
Когда велением суровым
Война в пределах закипит.

Пойдем и мы, как наши деды
На жатву славных шли побед:
Пред ними пали персы, шведы —
Падет пред нами перс и швед.
Не се ль с путей своих склонились,
В пределах русских воскрутились
Евфрат, и Нил, и Еридан?

Восток и Запад изумился:
«Не паки ль с россом устремился, —
Рекут, — каратель готфских стран?»

1773, вторая половина 1770-х годов (?)

36. ХРАМ МАРСОВ

О вы, которых долг породы
Зовет в путь чести к знаменам,
Держайте в ваши нежны годы
Проникнуть в страшный Марсов храм.
Не бойтесь, что герои пали
В пути, где с гордостью ступали,
Внесенны славой до небес:
Они упали как герои
У стен великолепной Трои;
Так Гектор пал и Ахиллес.

Погибнет жизнь одна средь бою —
Не может слава умирать.
Простой неведомы толпою
Пути учитесь выбирать.
Презрев тропу простонародну,
Имейте гордость благородну
Топтать геройский славный путь
Известный воинов судьбою,
Ведущий к храму стремниною,
Откуда толь легко скользнуть.

Высокий храма верх восходит
Блистающих к пределу звезд
И основание приводит
До безотрадных, мрачных мест.
Врата Беллона обрегает
И ужас робких отвергает.
Се слава! вы стремитесь к ней.
Ее сияньем освященны,
Брегитесь рано быть прельщенны
Слепой горячностью своей.

Идите тихо, постепенно.
В преддверье видите ли вы
Сие согласие священо?
То муз небесные главы.
Ищите их вы обхожденья.
Средь шуму стана, в день сраженья
Несется их любимцам глас.
Они внушали Ксенофона
И были подле Сципиона,
Когда пожар Ливийский гас.

Урания своим размером
Морей, земель объемлет шар,
И Каллиопа льет с Гомером
В сердца молодые брани жар:
Душою Ахиллеса полны,
В Скамандровы бросайтесь волны,
Но будьте жалостней его.
Енею следуйте в Вергилье:
По тщетном он в бою усилье
Отца спасает своего.

Но боле труд недовершенный
Внимайте русского певца,
Как, истиной одной внушенный,
Гласит отечества отца,
Онежски горы преходяща,
Ко граду войска предводяща,
Где волны ладожски шумят.
Им Шереметев воспрещает,
И краткость лестниц не смущает,
Голицын всходит на раскат.

Не руша с истиной союза,
Свидетельница древних лет,
Истории там важна муза
Свои уроки раздает.
Мужей великих исчитает
И их примером побуждает
Забыть себя для блага всех,
Позорной роскоши чуждаться,

Ударов счастья не бояться
И небу поручить успех.

Ко мне Евтерпа прилетает:
Я внемлю звук военных труб,
Лиясь по жилам, кровь пылает, —
Я ощущаю жар сугуб.
Бесстрашен вержусь в пасть раздора,
На бой предводит Терпсихора,
Полигимнии глас в полках.
И се священная Паллада
Величием священна взгляда
Лиет благоговейный страх.

Одета бранною хламидой
И потрясая копие,
Своею страшною эгидой
Градов спасает бытие.
Любимцами своими зрима,
Против врага необорима,
Дает в час бою свой совет;
Или меж тем как воин дремлет,
Во мраке полководец внемлет
Ее божественный полет.

Меж тем предстал пред наши взгляды
Сокровищ Марсовых собор.
Я зрю воинские снаряды:
Се страх врагов и ваш убор.
Мечи, и копья, и шеломы,
Орудья, кои мещут громы,
Погибель множества мужей!
На день кровопролитной брани
Сии металлические гортани
Застонут в ярости своей.

Но вы сперва приобучитесь
Сии громады управлять.
И после их не устрашитесь
Из рук противных извергать.
Имеет всё свою науку:

И огонь, производитель звуку,
Разит вдалече чугуном.
Со возгоревшимся пожаром
Грозит погибельным ударом
Из уст жерла летящий гром.

Преддверие прошедши храма,
Во внутренний войдешь чертог,
Где сердца мужественна, пряма
Не отвергает брани бог.
Каким объемлюсь восхищеньем!
Се неизвестным мановеньем
Разверзлась храма глубина:
Здесь слава, подвигов свидетель,
Увенчивает добродетель.
Героев храмина полна.

Не смертных персты начертали
Сии велики чудеса:
Искусство в том истощевали
Рукой держащи небеса.
Встают покрыты стены прахом,
И, мнится, подвигают страхом
Еще геройские сердца.
Я гибель зрю домов и храмов:
Богинин сын и сын Приамов —
Пылают злобой их лица́.

Бегут полки, падут преграды,
Звучат трубы́, мечи блестят.
На Марафоне Милтиады
Пошли на сильных сопостат.
Со Фемистоклом Аристида
Делит вражда, делит обида,
Дружит отечества любовь.
Эпаминонд с стрелою в ране
Внимает, что бегут спартане,
И с духом изливает кровь.

Не се ли римских стен зиждитель?
Близ той реки, где брошен был,

Тебе, Юпитер-покровитель,
Он храм и добычь посвятил!
Пред счастьем горда Аннибала
Громада Рима погибала,
Когда б ты не был, Сципион!
Помпей победами венчался,
Но слуха кесарска боялся
И кинул град без оборон.

Но здесь пред взорами затъмьтесь,
О древни мира чудеса!
К победам росским устремитесь,
Мои плененны очеса.
Победы, коих не забудут,
Доколь сияти звезды будут,
Громада мира не падет.
Греми военною трубою
И двигни нашу судьбою,
О муза, удивленный свет.

Пред цареградскими стенами
На греков Игорь двигнул рать.
Олег по суше ладиями
Спешит коварных мочь попрать.
Спасался бѣлгар с печенегом
От Святослава скорым бегом
И царь Цимисхий Иоанн.
Гремел Владимир за Дунаем
И колебал окрестным краем,
Премногих победитель стран.

О князь! почто свою державу
Ты разделил своим сынам?
Я зрю убийц, раздор, отраву
По сопротивничьим полкам.
Затем татарам покорилась,
Во узах варваров томилась
Сия великая страна.
Но Александр и в самом бедстве
Рассеял страх в твоём соседстве,
Священна невская волна!

Донской Димитрий на Мамаю
На берегах Непрядвы шел;
Ордынску мочь искореняя,
Он русский утвердил престол.
Куда, чета тезоименна,
Меня влечете, утомленна,
Венчанны славой дед и внук?
Вы язвы царства затворили,
Вы целый Север покорили
И распростерли в Запад звук!

Престол в междоусобье царской
Крепят геройскою рукой
Два мужа, Минин и Пожарской,
И ты, их общник, Трубецкой.
В царях кто Алексея боле
В советах и на ратном поле,
Когда бы Петр не превзошел?
Какой язык его прославит?
И само время нас оставит
Во изочтеньи славных дел.

От сильного Петрова духа
Родится новый ряд веков.
Исполнилась вселенна слуха
Вождей российских и полков.
Глаза сомкнув, Петровы други
Оставили свои заслуги
Преемникам, достойным их.
Сияет Миних, как Евгений,
И входит Ласси без сражений
В средину, Крым, полей твоих.

Среди торжественного клика
Какой внезапно вождь восстал,
Из рук который Фридерика
Две краты лавры исторгал?
То важный образ Салтыкова,
Которого рука готова
Твой гром бросать, Елисавет!
Се Чернышев из россос плену

Приводит помощь им в замену
Семи трудами полных лет.

Вождей какое ополченье,
Румянцев коего главой!
Луне навел он помраченье
И на Дунае стал пятой.
За ним какие исполины
С эгидою Екатерины
На турок вержут тучи стрел?
Готовит Панин стен проломы,
Репнин, Каменский — бранны громаы,
Суворов — быстротой орел.

Дела пев русских полубогов,
Радею меньше Марса петь!
Вещал Петра среди сих чертогов —
Мне боле не о ком греметь.
Уже в очах мне всё здесь тьмится,
Однако муз собор стремится,
Велит начатый труд скончать:
«Тебе ль преслушаться велению?
Иль мнишь: по своему хотению
Ты можешь сей трубой звучать?»

Я муз прещенья устранился,
Уже послушен воле их
И паки к лире устремился
Богинь велением моих.
А вы, грядущие со мною,
Готовьтесь смелою ногою
Со мной в святилище вступить.
Врата на петлях заскрыпели
Что чувства в нас освирепели?
Иль Марса хочет грудь вместить?

Се он! вы взоры уклоните:
Густой обымет очи мрак,
Когда их дерзко устремите
На бога браней грозный зрак.
Его любимцы при престоле

Подобно так, как в ратном поле,
Сядят с владыкою своим.
Из первых *Храбрость* заседает,
Ее *Искусство* спровождает,
И быть нельзя в разлуке им.

В руках имея жезл начальства,
Седит со строгим взором *Власть*
И *Твердость духа*, враг нахальства,
Душ слабых страх, героев часть.
Там *Силу* зрю *воображенья*:
Ее мгновенные внушенья —
Спасенье войскам, честь вождям.
Уста спирает *Тайна* перстом,
И в будущем, всегда отверстом,
Читает *Прозорливость* там.

Великодушие прощает
Врагов своих среди побед,
И *Труд* покоя не вмещает
И всюду идет Марсу вслед.
Взирая любопытным оком,
Седит в молчании глубоком
За ними *Опыт* многих лет;
Благоразумье, *Добродетель*
И *Честь*, деяний всех свидетель, —
Се Марсов, юноши! совет.

Прошли мы бога громких боев
Теперь святилище и храм,
Стремясь в обители героев
По мрачным безднам и буграм.
А вам, богини сладка пенья!
За ваши кроткие внушенья
Да будет ввек моя хвала.
Вы робкий возраст мой вперили
И светом очи озарили
Воспеть геройские дела.

1773, вторая половина 1770-х годов (?)

37. ОДА

НА ПОБЕДЫ, ОДЕРЖАННЫЕ РОССИЙСКИМ ОРУЖИЕМ В ПРОДОЛЖЕНИЕ ПЕРВОЙ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ

Сокрыт во облаке багровом
Не храм ли Памяти я зрю?
Не росса ли в венце лавровом,
Ведуща с музульманом прю?
Се мудрый лик императрицын,
Се здесь Румянцев, здесь Голицын —
Я вас, герои, познаю.
Не се ли Бендер победитель,
А там Афин освободитель? . .
Украсьте, музы! песнь мою.

Иль паче песнь не украшайте,
Но разгоните сердца страх
И столько силы мне вы дайте,
Чтоб петь о славных сих делах.
То Петр или Екатерина:
Душа во обоих едина,
Одних исчадие небес.
Как Петр, россиян прославляет
И тот же круг возобновляет
Дотоль неслыханных чудес.

Представь, как Эол в волны свищет,
Как ставит в пропастях валы,
Как, между волн потерян, рыщет
Корабль средь молний блеску, мглы.
Как мал, как робок в океане, —
Так между россов агаряне:
И слабость их, и спешный бег,
И многих плен мужей плачевный,
И невозвратный рок их гневный,
Как тьмами взял их Стиксов брег.

Голицын первые удары,
Хотин, на твой возносит верх.
Переплывают янычары:
Во преисподню меч их сверг.
Врата хотински без защиты;

Поля молдавские открыты
Для торжествующих знамен.
Грядет Румянцев: всё покорно
И оттоманам не позорно,
Румянцев! твой прияти плен.

Душа невидимая войска,
Спокоен ты и движешь всех.
И духа каждый полн геройска:
Ты всем порукой за успех.
Твои везде достигли взоры,
Измерили поля и горы,
И сил движенье, и покой.
Меж тем как турок изумленный
В стране быть чаёт удаленной —
Уже он под твоей рукой.

Побед со слухом Салтыкова
Волна дунайска потекла;
На прутском бреге ветвь лаврова
Тебе, Репниц, произросла.
Но что за грома ударяют?
Не се ль при Ларге низлагают
Несчетну россы рать врагов?
Румянцев грянул — и в пределы
Пустил молниевидны стрелы
И степь наполнил их голов.

Покрыт срацинскими полками,
Лиясь в Дунай, Кагул ревет.
Визирь, объявший горы тьмами,
Магмета в стан с собой влечет.
Уже трикратными стенами
И троекратными он рвами
Свой стан и горы оградил,
Но стан и горы он оставил,
Хоть силы к силам он прибавил
И мнил, что россов победил.

Подвиг Румянцев с полуночи
Не тьмами — сердцем страшну рать.

У янычар сверкают очи:
Не могут тверди разорвать.
Как буря, сила их пустилась,
Где темна рытвина таилась
Перед стопами русских чад.
Уже с железом устремленным
Явился видом изумленным
В середине строя сопостат.

О страх! се наши уклонились:
Румянцев здесь — и росс восстал.
И паки россы устремились,
И паки росс врагов попрал.
Их стерлись стены и преграды,
И сокрушились их громады,
И стал пленен их пышный стан.
Визирь бежит, бегут срацины
И, пад в дунайские пучины,
В валах со всех теснятся стран.

Но там туман луч солнца кроет
И вихри пламенны крутит.
Трепещут горы, берег воет:
То Панин Бэндеры разит.
Подземны порох рвет заклепы,
И россы, так, как огонь, свирепы,
В мгновенье всходят на раскат:
К ногам их сыплются раскаты,
И ужасенны сопостаты
Герою свой вручают град.

Ужели взор мой заблуждает
Или несусь я меж валов?
Эгейским понтом обладает,
Пленяет Грецию Орлов.
Чесмесски волны запылали,
Кровавой пеной понт устлали,
Смешавшись с смрадом и смолой.
Достиг сей слух волны пермесской,
И возвеличен бой Чесмесской
Военной громкою трубой.

Победы греков были дивны;
Их выше римлянин сиял.
Но их пиитов песни льстивны
Размножили сей слух похвал.
Тебе, Россия, лести чужды:
И нет Екатерине нужды
Во громогласных похвалах.
Ее бессмертно имя будет,
Доколе россов не забудет
Дунай, Евксин, Архипелаг.

1773, конец 1780-х годов

38. ОДА

**ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНЕ
ЕКАТЕРИНЕ II, ИМПЕРАТРИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ,
НА ЗАМИРЕНИЕ РОССИИ С ПОРТОЮ ОТТОМАНСКОЮ**

Какая светлость озаряет
Мою отеческу страну?
Меня мой пылкий жар вперяет
Гласить любезну тишину.
Бряцати начиная в лиру,
Хощу вещать пространну миру,
Что может, боже, власть твоя;
На струнах глас мой извещайся,
С моей душою восхищайся
К отечеству любовь моя.

Блаженства русского причина,
Царица душ и наша Мать!
Ликуй, ликуй, Екатерина!
Сподобясь мир воспринимать.
Почувствуй наши восхищенья,
Вообрази те ощущенья,
Которых русска грудь полна;
Вообрази и успокойся:
Навеки брань кровава скройся,
Навеки буди тишина.

Гряди, гряди, блаженство наше
И услажденье держав!

Прекрасный мир, всего ты краше.
Ты дар небес, вина забав.
Тебя мы повсечасно ждали,
Когда противных побеждали,
Когда гремела наша рать;
И в час, как с нами разлучался,
Как Мустафой ты огорчался,
Мы все летели помирать.

И россов Мать оскорблялась,
Жаленьем дух ее кипел,
Как брань жестока растревлялась
И Марс кровавый свирепел.
Ее душа славна войною,
Славней приятной тишиною
И милосердием своим;
Ее перун разил срацина,
А мудрость — далее Евксина
И всех градов, плененных с ним.

Но Мустафа, смущая царства,
Мечтал и веру поплнить.
Исполн хищения, коварства,
Сарматов в греков пременить.
Он, сон оставя, раздражался
И, отягчаясь, погружался,
Дремля на троне, оттоман;
Оставив пратись янычаров,
Не разбуждался от ударов,
И очи скрыл его туман.

Надменным буйством быв, метались
На нас срацинские толпы,
Ишед, и тьмами сил скитались,
Стремя ко пагубе стопы.
Они невинных похищали,
И меч и пламень обращали
На безоружных поселян;
Завидя нас, на нас рыкали,
На нас погибель нарекали
И все злодейства агарян.

Узрев в народах распрей плевы,
Что хищный враг посеял в них,
И ухищрения царевы,
Алчбу его советов злых, —
Над польской сжался строною,
Богиня двинулась войною
На раздирающих покой;
Рекла: «Да молнии возблещут
И нарушати вострепещут
Исмаильтяне мир святой».

И се от Севера вспылала
Война, несущись на Восток,
Земля срацинска восстонала,
Пия кровей сыновних ток.
И что рекла Екатерина,
То нам исполнила судьбина
И ей подвластный русский род;
Он понт и сушу обтекает
И там противных посекает,
Где солнца запад и восход.

Седьмь лет мы в их полях стояли
Со обнаженными мечьми,
Когда срацины обуяли,
Биясь с российскими людьми.
Седьмь лет Румянцев торжествами
Над побежденными главами
Превозносился агарян;
Седьмь лет срацины побеждались,
Но в давней злобе утверждались
Своих разгневанных племян.

Они средь молний, вкруг летящих,
Не зрели бедных дней своих,
Нас побуждая, не хотящих
Свершить над ними гибель их.
Поверх их бури порывались,
И искры в вихри завивались,
И раздражался с треском гром;
Они, алкая буйством, мчались,

Когда их очи помрачались,
И опустел их скорбный дом.

Уже текли кровавы реки
И пленный их разился стан, —
Толико слепы человеки! —
Еще гордился оттоман.
Еще он тьмами понт покрыти,
Еще хотел нам ров изрыти
На задунайской стороне;
Над силистрийскими стенами,
Гордясь своими сединами,
Бунчук был припряжен к Луне.

Срацин метал свирепы взоры,
Когда рыкали росски львы,
Он шел — и вокруг обстали горы,
И вокруг его обстали рвы.
Он, гневен будучи, грозился,
Ревел и паче раздражился,
Когда, быв сперт, затрепетал;
Срацины, пад, оцепенели,
Когда вокруг громы загремели,
Что в них Румянцев с гор метал.

В ливийских так песках ярится
Сетьми запутавшийся лев,
Доколе сам не изнурится,
Свой тщетно разверзая зев.
Как путник пропасти над краем,
Визирь, бесчувствен за Дунаем,
Затрясся, став над стремниной;
Уже он гордость отлагает,
К мольбам поносным прибегает,
Прося об жизни лишь одной.

Преемник царска достоянья,
Преемник гордому царю,
Султан, людей зря обстоянья,
Винит неправедную прю.
Речет: «Не может смертный браться

И с тем народом препираться,
Кого всевышний сам пасет», —
Речет, и боле не дерзает,
Объемлет мир и лобызает,
Рукой оливну ветвь несет.

Града и села ликовствуют,
Благословляя небеса,
И безмятежно торжествуют,
Привя сей слух во ушеса.
Земля уж боле не дымится,
И сын ко матери стремится,
И к брату разлученный брат;
И та, котора огорчалась,
Когда с любезным разлучалась,
С весельем мира ждет возврат.

Увидел друг любезна друга,
Которого влекла война,
И чает милого супруга
Узреть скорбящая жена.
И ратай не страшится боле,
Чтобы его пожала поле
Иноплеменничья рука;
Настала милая отрада,
Побегли брань и брани чада,
И не течет кровей река.

Нагбенный старец ликовствует,
Его вспалился хладный дух,
Еще он труд свой повествует
Стоящим юношам вокруг.
Там слезы радости лиются,
Повсюду клики раздаются,
Где есть российский человек;
Ее ты видя добродетель,
Годами нашими, содетель,
Умножь Екатеринин век!

1774

39. ЭПИСТОЛА
К ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ИВАНУ ПЕТРОВИЧУ ТУРГЕНЕВУ

Не тот еще, мой друг, свободный человек,
Что, предан сам себе, ведет беспечный век
Без пользы для других, без плану и без дела,
Как мысль умом его внезапно овладела.
Я разных зрю его невольником страстей,
Под игом праздности стнящего своей.
Напрасно в свете он рассеянья желает:
Свет, зримый всякий день, его не забавляет.
И между тем как все в движенье вокруг него,
Он только осужден не делать ничего.
Напрасно бы жезлом какой всесильной феи
Он видел все свои исполнены затеи;
Вновь тысячи бы он желаний соплетал
И посреди воды был жажден, как Тантал.

Но тот, кто властвовать умеет над собою,
Один свободен тот. Не спорит он с судьбою,
Но всюду следует призванию ея
И знает, живучи, всю цену жития.
Без наслаждения минуты не проходят,
Раскаяний они и скуки не приводят;
Любовью истины, любовью красоты
Исполнен дух его, украшены мечты;
Искусства, вас к себе он в помощь призывает;
От зависти себя он в вашу сень скрывает.
Без гордости велик и важен без чинов,
Для пользы общия всегда служить готов;
Он чувствует родства священные союзы
И, чтоб свободным быть, приемлет легки узы.
Внимательный супруг и любящий отец,
Он властью облечен по выбору сердец;
Счастлив, кто может быть семейства благодетель —
Что нүжды, дом тому иль целый мир свидетель.
Таков Эмилий Павл равно достоин хвал,
Как жил в семье своей иль как при Каннах пал.

Конечно, жребий тех достоин удивленья,
Что поприще честей прошли без умедленья:

Служить отечеству — верховный душ обет!
И долг стремиться всем, куда оно зовет.
Но коль во множестве ревнителей ко славе
Мне должно уступить, или я буду вправе
Пренебреженною заслугой досаждать?
Мне только что служить, правлению — награждать.
Из трёхсот праздных мест Спартанского совета
Народ ни на одно не выбрал Педарета.
«Хвала богам, — сказал, народа не вина, —
Есть триста человек достойнее меня».

Полезным можно быть, не бывши знаменитым:
Сретают счастье и по тропинкам скрытым.
Сей старец, коего Вергилий воспевал,
Что близ Тарента мак и розы поливал
И в поздну ночь, под кров склоняся домашний,
Столы обременял некупленными брашны, —
Он счастье в хижине, конечно, находил
И пышности вельмож душой превосходил.

И счастью может ли способствовать богатство?
Желанье собирать есть более препятство,
Чем способ к счастью. «Ах! если б к куче той
Прибавить удалось еще мешок-другой!» —
Вот собирателя одно воображенье.
И расточителя не лучше положенье:
Для роскоши его отверстая душа,
Всечасно к новому веселию спеша,
От коей прочь бежит, ту скуку покупает
И хладно меж забав шумящих засыпает.
Богат, кто, знаючи своим достатком жить,
Желаниям предел умеет положить.
И словом, счастлив тот и тот один свободен,
Кто счастья в крайностях всегда с собою сходен,
В сиянии не горд, в упадке не уныл,
В себе самом свое достоинство сокрыл;
Владыка чувств своих, их бури утишает
И скуку жития ученьем украшает.

Ты, юность подвигам военным посвятив,
В училище трудов дни нежны проводив,

Приятны старости готовишь воспоминанья.
С тобою почерпать мы прежде тщились знанья:
Счастливы отроки, в возлюбленных местах,
Где, виючись, Москва в кичливых берегах
Изображает Кремль в серебре своих кристаллов,
Где музам храм воздвиг любимец их Шувалов,
Где, Ломоносова преемля лирный звон,
Поповский новый путь открыл на Геликон,
Где Барсов стал по нем ревнитель росска слова
И Шаден истину являет без покрова, —
Там дружбы сладостной услышали мы глас;
Пускай и в седилах обрадует он нас.

1774, 1780-е годы

40. СКОРОТЕЧНОСТЬ ЖИЗНИ

Седины не возвращают
Нам потерянных годов;
Спокоенье возвещают
От заботы и трудов.
Сила жизни изнурится —
Пребыванье разорится
Некончающей души.
Всё оставим за пределом,
С сим что сродно бранным телом.
Смертный, ты сие внуши.

И, затем вспоминая
Скоротечность дней своих,
Не достигнувши до края,
О цене помысли их.
День, который улетает,
Крылий вспять не обращает
И скрывается навек.
Наша жизнь кратка довольно;
Что ж ее ты своевольно
Расточаешь, человек?

Пожалеешь, но напрасно,
Невозвратный свой урон.

Жизнь — мечтание прекрасно:
То минутный утра сон.
Протекло, что было прежде;
Ты живешь всегда в надежде
Быть счастливей, чем теперь.
Ах! живи, не медля мало.
Половина — дел начало,
И ты времени не верь.

Наше счастье к нам столь близко;
И Природа, нежна мать,
Положила дар сей низко,
Чтоб могли его достать.
Следуй ты ее внушенью,
Воспретив воображенью
Заблуждать сей верный путь.
Старость, дней твоих отрада,
Как вечерняя прохлада,
Успокоит томну грудь.

<1775>, 1780-е годы (?)

41. ОДА ВТОРАЯ
К А. М. БРЯНЧАНИНОВУ

Сколько крат ни вспоминаю
Я в отсутствии тебя,
Столько крат я восстонаю,
Дни покойны погубя.
Брянчанинов! то неложно:
Мне уж боле невозможно
Муз прельщаться красотой;
Музы! вы меня прельщали,
Но в то время не смущали
Бранны громы суетой.

Лухта! ты своей волною
Мне вселяла жар к стихам,
Как прозрачной быстринною
Вал лила по мягким мхам.

Но волна та прокатилась;
Ах! когда бы возвратилась
И лилась бы паки вспять;
Льется там она, как прежде,
Но не буду я в надежде
Зреть брега ее опять.

Брянчанинов! я простился
И с стихами, и с тобой,
Богу браней посвятился
Неминуемой судьбой.
А пермесские богини
Стали днесь мои врагини,
Коль влекут еще меня;
Пожалей меня в отсутствие
И един, не в многолюдстве,
Ты посетуй, восстения.

Наша жизнь полна превратов,
Наша жизнь — игра страстей:
Мало ль сих нам сопостатов,
Мало ль к смерти нам путей?
Или должно устремляться
По кончину утомляться
И не ведать, что покой?
К претекающему веку
Льзя ль прибавить человеку
Хоть часá черты одной?

Скоро, скоро, может статься
(И кто ведает когда?),
Час приблизится расстаться
Мне с тобою навсегда.
Мой любезный брат скончался
На брегах, где ополчался
На противников, возжжен;
Мы судьбы своей не знаем:
Гром метая за Дунаем,
Он пал, громом поражен.

<1775>

42. ОДА ТРЕТИЯ

Смертный суетен родился
И навеки осудился
Суетою себя прельщать;
Он чувствителен, он страстен,
Он влияниям подвластен,
Быв рожден, чтоб ощущать.

Суета есть идол мира,
Выше нет сего кумира,
Им живут, им дышат все;
В суете нам нет упрёки:
Чем бы стали человеки
Утешаться в тесноте?

Скорбный век препровождая,
В самом счастья страдая,
Горьку желчь всегда пием;
Дух мятется, тело страждет,
Страсть воюет, сердце жаждет
В колебании своем.

Земнородных обладатель,
Не судья — лишь оправдатель
Беззаконий наших ум;
Велеречивей Орфея,
Во скудели Промифея
Он вития наших дум.

Суета его учитель,
Смертный, сам себе мучитель,
С суетою брань творит;
Льзя ль с рассудком воевати?
И возможно ль отмщевати,
Если ум наш говорит?

<1775>

43. ОДА ЧЕТВЕРТАЯ

Стихотворство нам открыло
Путь в лазурны небеса,
Стихотворство сотворило
И богов и чудеса.
Справедливые уставы,
Укротивши дики нравы,
Стихотворцев суть труды;
Земнородные стекались —
И мгновенно пресекались
Межусобные вражды.

Обуявши, подвизался
На природу исполин,
Но согласьем он стязался
Струн твоих, священный Лин.
Древни дубы изумлялись
И за лирой устремлялись,
В кою ты бряцал, Орфей;
Укротив свирепость дику,
Не возмог ты Евридику
Вывести паки от теней.

Ах! супруг, супруг несчастный,
Ты, сидя на бережку,
Ты един на лире страстной
Извещал свою тоску.
Ты во льдах иперборейских,
Ты стенал в снегах рифейских,
На танайских берегах;
Кровь лиюща истощалась,
Евридика лишь вещалась
В хладенеющих устах.

Амфион ударил в лиру —
И составила стена;
Он отторг млаты, секиру,
И бряцала лишь струна.
Камни звуком извождались
И в чертоги созидались,

Как содейством неких уз;
Но доколь мне стих влачить?
Можно ль в слабу песнь включить
Все благодеянья муз?

<1775>

44. ОДА ШЕСТАЯ

Как яры волны в море плещут,
Когда громовы стрелы блещут
И рассекают горизонт,
Корабль трещит и рвутся снасти, —
Средь неминуемой напасти
Пожрать пловца зияет понт.

Сей понт есть нашей жизни время,
И наша жизнь есть наше бремя,
Ревут, на нас несясь, валы;
Нас грозны громы поражают,
И вокруг беды нас окружают,
Как туча непрозрачной мглы.

Едва родимся мы, уж стонем
И прежде в бедствиях потонем,
Чем будем помнить мы себя;
А время, невозвратно время,
Бежит и косит смертно племя,
Их тлен и память потребя.

Напрасно смертный возгордился.
Он рек: «Затем я в свет родился,
Чтобы повелевати им», —
Но чуть лишь рок его погонит,
Чело он гордое уклонит
И слезы даст бедам своим.

Уничжи свою кичливость,
Прерви ленивую сонливость
И внидь в себя, о человек!

Какое мудрое строенье!
В тебе я зрю изображенье
Того, кто царствует вовек.

Ты мудр, ты можешь быть спокоен,
Затем в тебе твой ум устроен,
Чтобы повелевать собой;
Ты слаб, ты страстью колебаем,
Самим собой обуреваем,
Ты век караешься судьбой.

О смертный! смесь уничиженья,
Превыше ты воображенья,
И мал бываешь и велик;
Со кедром можешь ты сравниться —
Ты можешь так, как трость, клониться,
Хоть украшал геройский лик.

<1775>

45. ОДА

Восприял я лиру в длани
И хочу гласити песни,
Песни громки и высоки.
Но мои незвонки струны
Не хотят бряцати песни,
Песни громки и высоки,
А хотят гласить природу,
Обновившуюсь весною.
Я, покинув звуки громки,
Не для вас пою, потомки.

<1775>

46. ОДА СЕДЬМАЯ

О вы, которые хотите
Вступить под бранны знамена!
Вы очи ваши обратите

На ваши трудны бремена.
Прелестно в виде нам ироя
Скакать впреди гремяща строя
И битвы чин устроевать;
Но прежде чем в сраженьях мчиться,
Довлеет, други! научиться
Собой самим повелевать.

Вождям своим повиноваться,
Уметь сносить и не роптать,
С свободной жизнью расставаться —
Вам всё то должно испытать.
А срамный шаг исполнь позора,
Не дрогни вражеского взора,
Рази иль буди поражен;
Вокруг тебя перуны стонут,
В крови их ратоборцы тонут,
А ты будь храбростью возжжен.

На день военна неустройства,
Когда ты все дела сочтешь,
Явится более иройства,
Как сколько в повестях прочтешь.
В тот день, как бури завывают,
И пламень жерла изливают,
И устремится меч на меч,
Природа вся изнемогает,
А смертный храбрость собирает
И не робеет в поле лечь.

Тщетна вся храбрость без науки
И без величия души:
Исправи ум, настави руки
И лишню буйность потуши.
Товарищ Фабиев гордился,
Но сам собою осудился,
Презрев диктаторскую власть;
Не ограждаясь боле валом,
Минуций шел за Аннибалом
Во неминуему напасть.

<1775>

47. ОДА ДЕВЯТАЯ

Душой и сердцем сокрушенным
К тебе, владыко, вопию:
Умедли гневом совершенным
Сразити бедну жизнь мою.
Я согрешил, но зри: я каюсь,
Я признаю, что претыкаюсь,
И плачу, будучи столь слаб;
Во всем перед тобой виновен,
Во всем перед тобой бессловен
Тебе молящийся твой раб.

Ты дал мне от часа рожденья
Уведать путь твоих стезей;
Но, боже! я средь заблужденья
Чуждался истины твоей.
Наполнясь сердце срамотою,
Прельстилось мира суетою
И не вспомнило тебя;
Светильник чистоты блаженной,
Тобой в душе моей возжженный,
Погас, свой пламень потребя.

К тебе я длани воздеваю,
Мои покрылись очи тьмой,
Я колеблюсь, но уповаю,
Что ты всегда спаситель мой.
Мое я знаю преступленье,
Но зри души моей жаленье,
Мой бог! ты кающихся бог;
Одежды нет, и я лишаюсь
Той mzды, которой утешаюсь,
И затворился твой чертог.

Увы! я трачу безвозвратно
К отцу прибежище мое;
Ах! лучше, лучше бы стократно
Мое пресеклось бытие.
Твой образ, боже! осквернился,
И с бессловесными вменился
Студодеяньми человек;

Меня творец мой осуждает,
И кто пред ним мя оправдает?
Погиб, погиб уж я навек.

О, ужас скорби беспримерный!
Рази, великий бог, в меня, —
Я в горести моей безмерной
Еще молю тебя, стена.
Внемли моления, создатель, —
Я раб, ты мира обладатель,
И буди воля в том твоя;
Должник твой в узах и в темнице,
Но славно ль то твоей деснице —
Разить толь малу тварь, как я?

<1775>

48. ОДА ДЕСЯТАЯ ВЕСНА

К ВАСИЛЮ ИВАНОВИЧУ МАЙКОВУ

Весну хочу гласить я ныне
И Филомелиных подруг.
Взнесись, оставив море сине,
Владыко дней, земли супруг.
Нева, в струях своих откройся,
Варяжский паки понт устройся
И ощути приход весны;
Да будут лирны звуки внятны
И вам мольбы мои приятны,
Певицы сладкой тишины!

Не эхо ль гласы повторяет,
И мчится слух их по водам,
Нептун трезубцем ударяет
С Балтийских волн по толстым льдам?
Речет — и льды как пламенем тают,
Вещанья бурных уст сретают
И их влекут в шумящий понт;
Брега волной своей поятся,
И всюда волны их струятся,
Как много объял горизонт.

Ключи шумят, заливы стонут,
И мшистый ил их тока полн,
Питаясь, в сладкой влаге тонут
Брега в своих разлитье волн.
Уже в полях потоки выются,
Журча по камышкам бьются,
Стократ свивающись, струи;
Ишед, им ратай рвы копают,
И влага силе уступает,
Лиющись в новые ручьи.

Замолкли вихри непогодны,
И бурны спер Борей уста,
Почув веленья неугодны,
Летит он в мрачные места.
И только лишь любовник Флоры
От восхода утренней Авроры,
Колелясь, прохлаждает день;
Непостоянный! лишь коснется —
И вдруг уже он инде вьется,
Из сени прелетая в сень.

Из скучной хижины выходит
Пастух с пастушкою своею
И паки тьму утех находит,
Привыкши жить среди полей.
Опять свою свирелку ладит,
Опять своих овечек гладит,
Которы вкруг его блеют;
Он ищет тех лугов и речек,
Близ коих летось пас овечек,
И кои, с гор разлившись, бьют.

Дождевны капли оросили
Едва согревшись поля,
Луга в ночи росу вкусили,
И угобзила земля.
А между тем как влага плещет,
Фаумантиска дева блещет,
Прекрасна спутница дождей;
И, ставши новою денницей,

Лазурь и злато с багрянницей
Нам кажет в радуге своей.

Наполнен воздух стал парами,
И воздымилась земля,
И меж мельчайшими шарами
Туман снисходит на поля.
Эфир в объятия земные
Поверг частицы водяные,
Растений сельных семена;
И се с упитанной пылинки
Встают колеблющись былинки,
Почув прекрасны времена.

Зефир, меж листьев повевая,
Живит в влагалищах их сок
И, тучный прах их согревая,
Творит на стебле цвет высок.
Одушевляясь, ветви древа
Не ощущают ветров рева
И внемлют соловьиный свист;
Крутится влага под корою,
Замерзша зимнею порою,
И паки зеленеет лист.

Им паки жизнь их возвратилась,
А наших дней возврата нет,
Когда один раз прокатилась
Весна цветущих наших лет.
Престанет мраз, снега растают,
А седины не расцветают,
И не исчезнет в жилах мраз;
Помолодеют древни дубы, —
Не будут наши дни сугубы,
Когда один увянем раз.

Я, Майков! в лиру ударяю,
Котору мне настроил ты,
Звещащи гласы повторяю,
Поя весенни красоты.

Я прежде пел сраженья звучны,
А днесь гласил растенья тучны,
В полях биющие ключи;
Ты брани петь меня наставил,
А я тебе сей стих составил
Во знак чувствительной души.

<1775>

49. НЕИЗВЕСТНОСТЬ ЖИЗНИ

Когда небесный свод обымут мрачны ночи
И томные глаза сокрою я на сон,
Невольным манием предстанет перед очи
Мгновенье, в кое я из света выду вон.

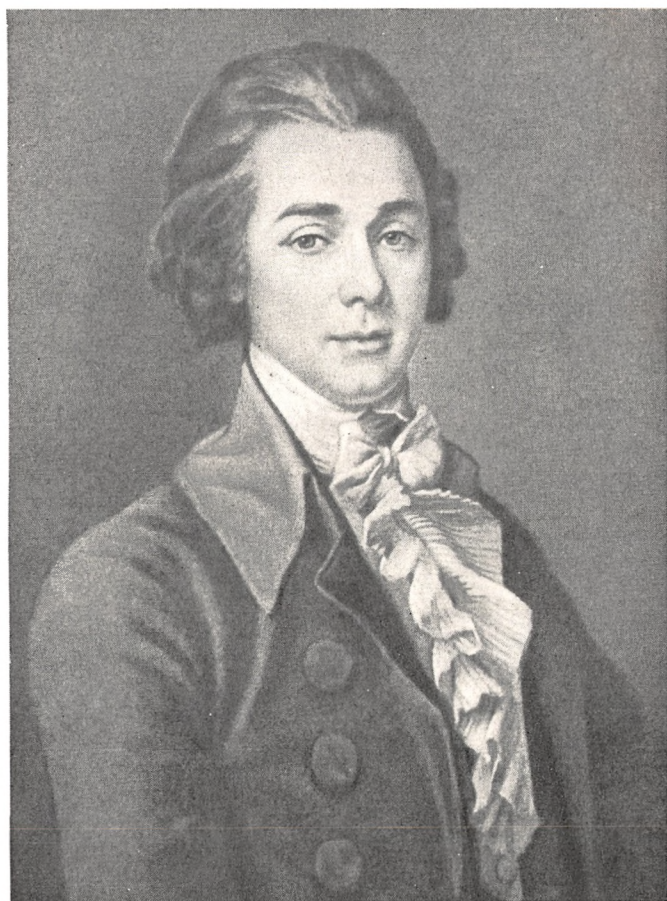
Ужасный переход и смертным непонятный!
Трепещет естество, вообразив сей час,
Необходимый час, безвестный,
безвозвратный, —
Кто знает, далеко ль от каждого из нас?

Как вихрь, что, убежав из северной пещеры,
Вскрутится и корабль в пучину погрузит,
Так смерть нечаянно разрушит наши меры
И в безопасности заснувших поразит.

Гоняясь пристально за радостью
мгновенной,
Отверстой пропасти мы ходим на краю.
Цвет розы не поблек, со стебля
сриновенный, —
Уж тот, кто рвал ее, зрит бедственну ладью.

На долгий жизни ток отнюдь не полагайся,
О смертный! Вышнему надежды поручив
И помня краткость дней, от гордости
чуждайся.
Ты по земле пройдешь — там будешь вечно
жить.

<1775>, <1802>

50. НА «ЧЕСМЕССКИЙ БОЙ»

Внимая славный бой, Херасков, под Чесмою,
Который ты воспел военною трубою,
Восставши, гречески воскликнули певцы:
«Росс знает собирать и петь свои венцы!»

<1775>, вторая половина 1770-х годов

51. СОНЕТ

К ВАСИЛЮ ПИАНОВИЧУ МАЙКОВУ

Я, Майков! днесь пленен твоей согласьем лиры,
С которой я свою учился соглашать.
Сей лиры звонких струн места не внемлют сиры,
И рок судил Москву их гласом утешать.

Ты счастлива, Москва! твои, веясь, зефиры
Прекрасну будут песнь со шумом рощ мешать,
Под осенением монаршеской порфиры
Главу твою древа пермесски украшать.

А бог Невы скорбит: не внемлет той он трели,
Что раздавали вкруг любимы им свирели
И коих сладку песнь он слушать толь любил;

Я мнил: на сих берегах я бранной пел трубою,
Так лзя и днесь... но то я, Майков, пел с тобою.
А без тебя боюсь, чтоб я не сорубил.

1775

52. СОНЕТ К МУЗАМ

Исчезните, меня пленявшие мечты!
Владычицы мои, а днесь мои врагини!
Мрачатся предо мной все ваши красоты, —
Оставьте ввек меня, пермесские богини!

Нельзя мне прославлять едиными усты
И бога браней гнев, и ваши благостыни,

И не довлеет мне едиными персты
Касатися меча и ваша святыни.

И како ныне мне възграти на струнах?
Не обитает Феб в воинственных станах,
Здесь нет пермесских вод, ниже коня крылата.

Я к лире не коснусь дымящейся рукой,
Потребны для стихов и время и покой,
А му́ка мне моя — трудов одна заплата.

<1775>

53. ПИСЬМО К А. М. БРЯНЧАНИНОВУ
НА СМЕРТЬ СУПРУГИ ЕГО
ЕЛИСАВЕТЫ ПАВЛОВНЫ

Елизы боле нет! . . Я лью потоки слезны,
Для твоея, мой друг! утехи бесполезны.
Се радости твои! . . их нет уж для тебя,
Но ты чти божью власть, отрады погубя.
Вот чаемых забав какое совершенье!
Одна лишь грусть твоя твое днесь утешенье;
Возри на тлен вещей: ум, юность, красота,
Увы! пред божиим величьем суета.
Удары, коими твою сразил он младость,
Преобратили в желчь всех удовольствий сладость.
Стени, и я стению; но стон свой прекрати,
Коль можешь, так сие писание прочти.
Не плач твой унимать, не сетованье стану —
Я боле раздирать хочу твою днесь рану.
Плачь, плачь, слезами тщись то место омочить,
Где сердца часть ты мог от сердца разлучить,
Терзайся, говорю, и рвися над гробницей,
Отъятой от тебя всевышнего десницей.
Рыдай. . . но, жалуясь, брегися согрubitь
Пред тем, кто восхотел тебя так оскорбить.
Любезный друг! мы все волнуемся, как в море,
И бурно житие свое окончим вскоре;
Достойна ль наша жизнь, чтоб нам ее жалеть,
Когда мы бед своих не можем одолеть?
И кая польза в том была б твоей любезной,

Скоряе иль поздей нить кончить жизни
слезной?

Родясь, человек умрети осужден,
А век, отсрочки миг, в темнице провожден.
Не сегоуй, коль того хотел так вседержитель, —
Душа жены твоей теперь небесный житель,
Подобием моря претекшего пловца,
Спокоилась она в объятиях творца.
Окончивши свой век и с ним молодые лета,
Не зрела всех перемен непостоянна света,
Цветок, что только цвел во утренни часы, —
Не оскорбил еще Борей его красы.
И лучше так увясть, как увядают розы,
Как нежель цвеств затем, чтоб претерпеть
морозы.

Как ты ее любил, люби ее ты век
И помни, что к бедам родился человек.

<1775>

54. ОПЫТ О СТИХОТВОРСТВЕ

О вы, чей пылкий дух и несозрелы лета
Завистным именем пленяются поэта,
Которых к музам страсть есть страсть души
моей, —
Позвольте, юноши, мне вам гласить о ней.
Как сыплет тучная земля произрастенья,
Горящая душа желает упражненья.
Коль тайным к пению влияньем побужден,
Пой смело: Аполлон не будет раздражен.
Но к испытанию возьми ты прежде время,
Какое рамена снести возмогут бремя:
Природою к тому поставлен всем предел,
И Гений в каждого свой выбор впечатлел.
Вспомните сих двух прославившихся россов:
Военною трубой Петра пел Ломоносов,
Златою лирою героев воспевал;
А Сумароков стон с Ильменой издавал,
Рассказывал лесам Тирсиса нежну пеню,
Беседовал с зверьми, подобно Лафонтеню.

Один красавицы умеет слух пленить,
Другой сердца мужей ко брани вспламенить.
Каких красот искать и убегать пороков,
Вам скажет Буало, Гораций, Сумароков.
Вникайте, тщательно учась в писаньях их,
Как можно образцов достигнуть вам своих.

Любите здравый смысл; пленяйтесь простотою,
Она должна стихов быть ваших красотою.
Бегите ложного искусства и ума:
Природа красоты исполнена сама.
Вкус должен избирать, но всё отверстно дару:
Он может по всему парить свободно шару,
Промчаться видимой вселенная за край,
Низринуться во ад и вознестися в рай.
Любимец чистых муз всё вымыслить свободен,
Однако вымысл сей быть должен с правдой сходен,
И в своенравиях мгновенная мечты
Явите истины великия черты.
Предметом полн своим будь пржеде начинанья,
Обмысли всё и жди мгновения влиянья,
Потом стремлению предайся своему:
Священный пламень то, — не дай простыть ему.

С восторгом ощущай, но мысли беспристрастно;
Что явственно поймешь, то выразится ясно.
Умей располагать и бойся долготы:
Бывают иногда пороком красоты.
Ты помни цель свою, умей без сожаленья
Честолюбивые отбросить украшенья.
Излишества отнюдь красы не придают,
Слог здравый никогда ни пышен, ни надут.
Так корень дерева садовник орошает,
Вершину листвия роскошного лишает.
Всему свою чреду и чин определи,
Из всех частей одно составь и не дели.

Не только правилен и нравиться удобен, —
Слог должен быть реке прозрачнейшей подобен:
Стремителен, но чист и без разливу полн,
Носящий вид небес среди спокойных волн.
Будь ясен сверх всего. Беги туманов ночи,

Да мысль разит умы, как солнце наши очи.
Будь точен и радей с порядком размышлять.
Не должно праздных слов без мысли поставлять:
Пускай последует за мыслью выраженье
И с вещью сходствует ее изображение.
Тщись в сердце проникать, чтоб нравиться уму,
И прежде пристрастись к предмету своему,
Будь полн приличности, разителен и внятен,
Без пышности высок и без прикрас приятен.

Страстей постигнуть глас и слогу душу дать,
Сердечны таинства старайся угадать.
Движенье — жизнь души, движенье — жизнь и слога,
И страсти к сердцу суть вернейшая дорога.
О, сколько счастлив тот трудом своим творец,
Который чувствовал и мыслил как мудрец,
Которого восторг, стихов его содетель,
Умел прелестною представить добродетель,
Воспламенял огонь, которым он пылал,
Заставил слезы лить, которы проливал.

Со всею красотой и силой размышленья
Брегитесь нанести вы слуху оскорбленья:
Противу силы их не принуждайте слов
Всходить неволею в сложение стихов.
Бегите жесткого стечения согласных
И мере нужных слов, для разуму напрасных;
И рифмы тщитесь упрямяство победить:
За смыслом, как рабе, ей надобно ходить.
Кто укротил ее, того сама собою
С неожиданной сретаею красотою.
Но более всего, имея нежный слух,
Согласья прелестью чтецов пленяйте дух.
Прекрасный наш язык приял в свое участие
Италианского не мягкость, но согласие:
Он с Ломоносовым гремел и утихал,
Как в буре по валам понт пену расстилал.

Законы, языку природой сообщенны,
И в исступлениях да будут вам священи:
Невежества нельзя в писателе простить
И прежде, чем писать, умеете говорить.

Но хладен весь восторг и без души слова,
Коль в них не узнаю подобья естества.
В витийствах силы нет, пускай лишь сердце

пишет:

Что пел Анакреон, теперь любовью дышит.
Не возгласением лъзя чувства вселить —
Молчанье иногда заставит слезы лить.
Свершившего удар, зри Оросмана сира,
Один в устах его твердится вопль: «Заира!»
Меропа в чувстве зол не внемлет ничего:
«Нарбас нейдет! узрю ль я сына своего?»

Затем, любимцы муз, в нежнейши ваши годы
Внимайте каждому движению природы,
Учитесь действию сношенья обымать:
Премудрости она и стихотворства мать.
Любитель мудрости причины испытует —
Поэт, природу зря, ее живописует.
Толкует философ создание земли:
То ветры вещества горячие зажгли.
Но Этну зрит поэт горящу, воспаленну,
И тучу с пламенем и дымом устремленну.
Волнуется земля, мрачится солнца свет
И с треском рушится в рассеяньи комет.
Вдруг пламенный металл рекой течет в пучину
И мира, кажется, предшествует кончину.

Картезием страстей источник нам открыт,
И нравов начертал науку Стагирит,
Но Федру сотворил Расин виновну, томну,
Достойну жалости, хотя и вероломну.
Но зря в сердцах Мольер глазами мудреца,
Представил списки нам живее образца.

Великих сих творцов любите дарованья,
Они природы вам дадут истолкованья.
Их дар и чистый вкус, твердяся всякий час,
К соревнованью им приурочивают вас.
Достигли письменна изящества толика
В столетьях Августа, и Льва, и Лудовика,
Что сделались они потомству образцом
И должен ведать их, кто хочет быть творцом.

Красой напоено да будет выраженье,
И всюду видится поэта вображенье.
В повествованиях будь краток с простотой,
Во описаниях сияющ красотой.
Восторжен, коль поешь ты муз небесных в хоре,
И более всего естествен в разговоре.

Две разные страны вмещает Геликон:
В одной Гомеров зрим, в другой Софоклов трон.
Внушаем музою, Гомер пел славну Трою,
Богов и смертных труд эпической трубою.
В Софокловых стихах вздыхает Филоктет
И возвещает гром: «Эдипа боле нет!»

Брегитесь рано в путь пуститься эпопеи:
То верх поэзии. Ахиллы там, Енеи
С богами равное бессмертие делят
И, грозны ужасом, сражения кипят;
В чудесном образе является природа;
Там весит сам Зевес судьбины смертных рода
И души странствуют, забвение пия,
Которы свет потом увидят жития.
Трубою мог звучать великий Ломоносов
И тот, что проводил в Чесмески волны россов.
Не празден дух его, и со Вергильем Тасс
Увидят своего соперника у нас.

В легчайших опытах себя вы испытайте:
Пастушке из цветов венки вы соплетайте
Или в элегии любви гласите власть —
Так сверстник ваш Тибулл свою прославил страсть;
Или с Горацием увенчивайте вина
Дышащей розою и белизною крина
И с ним же, отложив любовны суеты,
В посланьях мудрости рассыпьте нам цветы.

Но к драматической стремитесь ли сцене?
Имейте чувства, угодны Мельпомене,
Иль дар веселости, чем Талия смешит.
Особенный ваш нрав пусть выбор сей решит.
Немного таких любимцев щедра неба,

Которым все равно дары отверсты Феба.
Фонвизин вводит ряд комических личин,
С Дидоной слезы льет вздыхающий Княжнин.

В комедии хотим мы света зреть картину,
Черты, пристойные и возрасту, и чину,
Движенье общества, злоречья, суеты
И самолюбия изменчивы мечты.

Но трагик, общих сцен пренебрегая малость,
Со мрачным ужасом соединяет жалость:
Ореста посреди являет евменид
Иль Филоктетов стон и скорбей бледный вид.

Да будут твоего вниманья целью строга
Единства времени, и места, и предлога.
Лиясь по степеням смятение в сердца,
Пусть держит зрителя в незнанье до конца
И, рушив катастроф всех силой соплетенье,
Великой истины оставит впечатленье.

В театре страшное судилище творцов.
Как лестно получить плесканья знатоков,
Так грозно множества подвергнуться роптанью
И целью сделаться его негодованью.
Заблаговременно имейте вы друзей,
Которы б строгостью спасали вас своей
И слабые места бесщадно порицали,
Которы вы в свою защиту восприяли.
Так строгий Буало, полн древности начал,
Трудные сочинять Расина научал.

Счастливы ваши дни, коль Гением внушенны
Иль созерцанию природы приглашенны,
Останетесь всегда любителями муз.
Предрассуждения свободны тяжких уз
И вещи малые оставив их волнению,
С собой жить будете другому поколенью,
И слава, распростря о вас свои уста,
Бессмертных посреди назначит вам места.

1775, 1780

55. ВРЕМЯ

Постойте, вообразим, друзья, бегуще время:
Недавно упал без силы солнца свет —
Се, в нивах брошено, проникло в класы семя
И жателя зовет.

Я солнце проводил вчера в вечерни воды.
«Покойся; и тебе приятно в волны лечь», —
Вещал я; но оно, обшедши антиподы,
Умело день возжечь.

Однако, думал я, покоится мгновенье.
Уже за третий люстр два года я претек;
Счастлива жизнь! увы! ты бросилась в забвенье.
Не сон ли целый век?

Во времени одну занять мы можем точку.
Минута, кою жил, длинная году сна,
И бабочка, чья жизнь привязана к листочку,
Не тесно включена.

Мгновенье каждое имеет цвет особый,
От состояния сердечна занятой.
Он мрачен для того, чье сердце тяжело злобой,
Для доброго — златой.

Все года времена имеют наслажденья:
Во всяком возрасте есть счастье свое.
Но мудрости есть верх искусство соблюденья
Утех на житие.

Раскаянье есть желчь, котора простирает
Во недра времени противну грусть свою.
Но время наконец с сердечной дски стирает
Ржу чуждую сию.

Коль сердце между волн ты спас от сокрушенья,
Пусть будет наконец угодно так судьбе
Дней ясность помрачить, коль много утешенья
Останется в тебе.

Пускай завистники ругают
 И плевых с ядом изрыгают
 На труд моих молодых годов:
 Мое тщеславье забавлялось,
 Когда ко лире устремлялось,
 И я признаться в том готов.

Пусть я влиянья не имею,
 Но то всегда сказать посмею,
 Что я давно служебник муз.
 Тринадцать лет не миновалось, —
 Охотой сердце порывалось
 К творцам стремиться в союз.

Влеком непобедимой страстью
 Ко неминуемому несчастью,
 Влюбился в гибель я свою;
 Стихи влекли меня насильно,
 В устах я их носил обильно
 И душу восхищал свою.

1775 (?)

57. СТИХИ НА ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

Санковскому стремлюсь я ныне подражати,
 Апреля первый день стихом моим сражати;
 Химеру древнюю сразил Беллерофон,
 Сразим и мы сие чудовище, как он.
 И се воспосажден поверх коня крылата,
 Несусь и зрю уже ужасна сопостата.
 Нестройный изувер, змей, тигр и человек,
 И боле, нежелъ всё, что ныне я изрек,
 Блестящей чешуей слоистый хвост свивая,
 Шипит, крутяся вкруг и жало сокрывая.
 Едва неравный бой кипети зачинал,
 Робел крылатый конь. Я сам в себе стонал.
 При горизонте вдруг се тучи появились,
 Внезапу небеса пред нами растворились,

Спустившись с небес, туман от глаз пропал, —
Богиня к нам снизшла — я Истину узнал.
Не так перед весной снега с полей катятся,
Не так перед зарей верхи гор пламяются,
Как пред богинею исчез сей изувер.
Богинин луч очей моих преграду стер,
И видел я обман и кроющую злобу,
Составивших сего чудовища утробу.
Притворство зрел я в нем и хитростию лезть,
Что с легковерностью старались ложь соплесть.
Тогда богиня мне рекла: «О человек,
Обманываться так привык ты весь свой век».

1775 (?)

58. РАЗМЫШЛЕНИЕ

О, пагубная сеть страстей необоримых!
Вы всех причиною несчастий, нами зримых.
Я ваши иногда излишества хвалил,
Но паки сам в себе то мнение хулил.
И праведно сие мое сомненье стало,
Коль сердце бы мое о том не трепетало!
Я б мог спокоен быть, но в младости моей
Возможно ль быти мне спокойну от страстей.
Я зрю предолгий путь, путь, в коем преткновенья
Не могут нам вовек подать отдохновенья.
Я подвиг зрю велик, а буря настаёт,
Уж стонут берега, уж воздух вихри бьет,
Отверсты хляби вокруг, и правый путь уходит,
А туча серная от севера восходит.
Обманчива стезя, в распутиях виясь,
Колелется нога, о камени биясь.
Непостоянная богиня вокруг летает,
Полет ее как вихрь: никто его не знает.
По безднам, по буграм и редко по пути
Льзя ищущим его по счастье вслед идти.
Ее щедрота нам лишь ока мановенье,
Но лестен есть сей час, он в нас сугубит рвенье.
Он множит жар страстей: тщеславие кипит,
И только в нас его довольство усыпит,

Корыстолюбие, и ненависть, и страх
Терзают сердце в нас, сверкаящи в очах.
А зависть, ревность в нас, как червь неумирающ,
Влекут из тела дух, на чуждое взирающ.
Пылает человек, и гибнет слабый ум,
Преобратившись в хранилище злых дум.

1775 (?)

59—63. ЭПИГРАММЫ

1

Всегда о суете Дамон лишь рассуждает.
Зачем? Дамон ее получше прочих знает.

2

Что ты не лжешь, Дорант, себя ты заклинал,
Но что ты и не лжешь, то первое солгал.

3

Скажите, для чего Полоний так гордится?
Породу показать он подлюю боится.

4

Что хвалишь, Селимен, ты Цицерона так?
Все знают, что он был умен, а ты дурак.

5

Ты хочешь лишь со всех, Алкандр, бесчестья брать;
Зачем к бесчестию бесчестье прибавлять?

1775 (?)

1

Прохожий, воздохни в сем месте мимоходом:
Расстался Гарпагон здесь ввек с своим доходом.

2

Почтите хладный прах, который здесь лежит,
Насилу здесь уснул пресвѣрливый пиит,
Он в весь свой век не мог ни с кем имсти миру
И в ад затем пошел, чтоб написать сатиру.

3

Кому хочу я днесь надгробный стих сплести?
Тому, кто твердо знал по форме суд вести,
Кем ябеды устав подробно собрегался,
Кто с смертию одной лишь только не тягался.
Того ль хочу я петь, кто был в крючках горазд?
Счастлив! коль на меня он явки не подаст.

1775 (?)

67. ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЕСНЫ

В последний раз пустил дыханье Аквилон:
Служебники весны, прохладны дуновенья,
Берут Орифии любовника в полон.
Против приятности что служат дерзновенья?

Воздушны жители воздвигли сладкий стоп.
Сбегают воды с гор, прияв свои теченья.
Роскошствуют струи, лияся без препон,
И сыплет нежные земля произрастенья.

Свирель пастушеска приемлет голос свой.
И свет, весепний свет, счтаясь с синевою,
Льетса, как река, в небесные долины.

Но в сердце пастуха весны приходу нет.
Твой, Ниса, хладный взор мрачит мой ясный свет.
Как всё приемлет жизнь, я жду своей кончины.

1775 (?), <1802>

68

Прекрасной всход зари
Всегда поутру зри,
Чтоб утром наслаждаться,
Как сходит мрачна тень
И возвещает день
Природе пробуждаться.

Тогда росой прохладной
Смочен цветочек жадный,
Вздымается с земли,
Кругом зефиры пляшут
И крылушками машут
В <лесочке> издали.

А солнца только часть
Еще на горизонте,
Другая — в тихом понте;
Стада уж гонят пасть
Украшенны венками
Пастушки с пастухами.

Прелестной Филомелы
В последний <лучший> раз
Просвищет в роще глас, —
Без ней все птички смелы,
Взлетев на древеса,
Ударят в голоса.

1775 (?)

69. ИЗБРАНИЕ СТИХОТВОРЦА

Природа, склонности различные вселяя,
Одну имеет цель, один в виду успех:
По своенравию таланты разделяя,
Путями разными ведет ко счастью всех.

Глас трубный одному на бранном поле сроден,
Победы шумной клик и побежденных стон;
Другому сельский кров и плуг косою угоден
И близко ручейка невозмущенный сон.

Я, блеском обольщен прославившихся россов,
На лире пробуждать хвалебный глас учусь
И за кормой твоей, отважный Ломоносов,
Как малая ладья, в свирешый понт несусь.

Первая половина 1770-х годов (?)

70. ПУТЕШЕСТВИЕ

Прости, спокойный град, где дни мои молодые
В сени семейственной вкушали сны златые.
Я твой меняю кров на пышный Петрополь.
Но память мне твою с собой унести позволь,
Ах! память жизни сей, толь сладко провожденной
С нежнейшим из отцов, с сестрою несравненной.
Уже церковей твоих сокрылися главы,
О Вологда! Поля, лишены травы,
Являют сентября дыхание сурово, —
Но нас повсюду ждет друзей свиданье ново.
Тебе обязанных сердца, родитель мой,
И в путешествии сопутствуют с тобой,
В гостеприимный кров, кров сельский, приглашают
И старца седины цветами украшают.
Затьмила было скорбь твои цветущи дни,
Любезная сестра, но в дружеской сени
Небесно здравие с тобою рассмеялось.
Пространство новое пред нами разверзилось,
Где Ухра быстрая приносит дар Шексне.
День целый на ее мы странствуем волне.

Тяжелы неводы влекут там рыболовы,
И дым являет их в лесах таящихся кровы.
Преходим, от валов теченье удаля,
Железом устюжским усеяны поля.
Ты принял нас в твоей сени благословенной,
Муж, важный твердостью, родством соединенный.
Ты, от волнения себя уединив,
Находишь счастье среди спокойных нив.
Отголь лежал наш путь по холмам каменистым,
Дающим в недрах их озерам место чистым.
Сквозь темный свод лесов приходим в те места,
Где льет полезный ток величественна Мста.
Несчетной тьмой судов ее покрыты бреги,
Судов, к Петрополю свои стремящих беги.
Там к брату своему в объятия спешит
Родитель мой! и слез в восторге не щадит.
О старцы! вашёго свидания свидетель,
В двух образах я зрел едину добродетель.
Так два источника, в начале разделясь,
Странами дальними друг от друга катясь,
Внезапу в ток един, щедротою судьбины,
Сливаются, журча и не страшась пучины.
Остаток нашего к Петрополю пути
Намереваемся водою перейти.
Носимы ладией средь влажные дороги,
Мы видим, Мста, твои шумящие пороги.
Преградою их скал в пути раздражена,
Кипящая твоя свергается волна,
Но после, возвратясь к естественному чину,
Тиха, являет нам берегов своих картину,
Доколь, распространив течения свои,
Вливает в озеро прозрачные струи,
Прекрасно озеро, близ коего потоков
День Труворов затьмил в полудни Сумароков.
С восторгом, Новгород! к тебе кидаю взор
И зрю Софии храм и Ярославов двор.
Потом по той реке, где древний Волхв катался,
Где, Рурик, твоего жилища знак остался,
Дошли до ладожских неистовых валов,
Где тихий ход судам назначил дух Петров;
И се река его, славна его делами,
Нева пред алчными открылася глазами,

И скоро сбылися любимые мечты:
С своими зданьями предстал, Петрополь, ты.
Се ты, прекрасный сад, героем возвращенный,
Се Марсов храм, се храм, наукам посвященный.
Здесь Ломоносов пел, Лосенков там писал.
Я чествую тебя, брег, к коему пристал.

Первая половина 1770-х годов

71. ЖАЛОБЫ МУЗАМ

О вы, что первые моею страстью были,
Вы, коих я привык внимать прелестный глас,
Простите, музы, мне, я жалуясь на вас, —
Ах! нет, я слезы лью, что вы меня забыли.
Жестоко хлад сносить от друга своего,
А зреть его от вас жесточее всего.
Кто в ваших не был ввек приятностях участен,
Так тот, лишаясь вас, не может быть несчастен.
Он вашим жаром грудь свою не проникал,
Не трогался до слез и к вам не привыкал.
Так что ему терять? Угрюм, он тем гордится
И, что прельщает всех, тем тронут быть стыдится.
А я... Мой слабый ум! где был ты отлучен,
Сей милой суетой в дни юны омрачен,
Со Федрою вздыхал, Оснельдою прельщался
И музам, их еще не зная, обещался.
Вы наполняли жизнь, вы, музы, лишь 'одне;
Но ваши милости теперь упрекой мне.
Упрямые! мой ум досада отравляет,
Скажите, что меня днесь с вами разделяет?
Не отвращались вы моих нежнейших лет,
Я льстил, что со мной и дух ваш возрастет.
Но скорые года без пользы прокатились,
С мечтами вы ушли и вспять не возвратились!
Ах! дайте зреть опять, свой дайте зреть возврат
Вы, младости мечты, я в вас паду назад.
Вы легкими меня толпами окружите,
И путь склоните мой, и очи превяжите.
Пусть буду с вами я и буду заблуждать,
Чем медленно идти и хладно рассуждать.

А ты, божественной десницы в нас возженье!
Ты, сила сотворять, пылай, воображенье!
Где я? иль это мной играет сладкий сон?
По рощам днесь меня священным водит он,
По коим и струи прохладные катятся
И ветры сладостным дыханьем тяготятся...
Но как всходит вновь заря по высотам?
Не слышится ли ног бегущих топот там?
Находит трепет вдруг, с пресекшимись словами...
Вас, музы! вас я зрю и пасть лечу пред вами.

1776

72. ЭПИСТОЛА

К Н. Р. Р ***

Благополучие, которо нам толь лестно,
Любезный друг! оно с сей жизнью не совместно.
Вотще его умом объемлют мудрецы:
В благополучии подобны им глупцы.
Невольник, коего тягчат весь век железы,
Кичливец, что, стыдясь, вотще скрывает слезы;
Почто таиться нам? Таков есть человек, —
И счастья?.. Нет, его не знает он вовек.
Пускай мне спорит в том Сенека с Эпиктетом —
Немного человек утешен их советом.
Мне мнится, счастье то походит лишь на бред,
Которое всё в том, коль скажешь: я без бед.
В темницу ввержен быв, гласишь ты: я свободен.
Полезен вымысл сей и с правдой очень сходен.
Я в бедности стену — будь беден и молчи:
Не то же ль быть впотьмах и видеть без свечи?
Ах! Зéнон, ты вотще нам плакать запрещаешь,
Счастлив, коль ты в бедах и бед не ощущаешь,
Иль, ощущая их, и можешь счастлив быть!
Иль человечество возмог ты позабыть?
Ужели бедства нет и нет на свете счастья?
Хоть есть ли разность уж меж вёдра и ненастья?
Скажи мне только то и боле не внимай.
Так всё тебе равно, генварь ли то иль май?
Пускай свирепый мраз природу умерщвляет,

Пускай ее весна зефиром оживляет —
Тебе то всё равно: счастлив ты много раз!
Тебе не жарок зной, тебе не хладен мраз.
Уж яростный борей поля и понт терзает,
Из туч валится снег и грудой замерзает,
Мрачатся небеса, под льдом река молчит,
Лес воет, ветер ревет, вихрь вьется, мраз звучит.
Чудовище лесов, медведь сокрылся в яме.
Погнала всё зима, — один ты всех упряме.
Когда померзли все, гласишь: морозу нет,
И только весь тебе противоречит свет.
Ах! нет, мы рождены влияниям подвластны,
Мы чувствуем печаль, мы можем быть несчастны.
И то, что человек здесь счастием зовет,
Престало б счастьем быть, коль был бы он без бед.
День летний по дожде прекрасней становится,
Несчастье кто видал, тот счастию дивится.
Коль счастье льстит тебя, ты должен ждать его.
Что должен ждать, так нет с тобой еще того.
Которого ж не жду, то счастье не льстивно,
Что вижу я всяк час, то скучно и противно.
И если счастье в том, чтоб оным лишь скучать,
Не дайте ввек, судьбы! его мне получать!
Когда у немощных язык в сухой гортани
Не может собирать довольной вкусу дани,
Что в том, что станешь их сластями угощать,
Коль горечи они не могут ощущать?
Так, стало, счастья нет и ждем его напрасно...
Такое мнение поистине прекрасно.
Нет, друг мой, эдак ты скоренько заключил;
Так дай мне, чтоб теперя тебя я поучил:
То счастье для глупцов, ты кое проповедал,
Прямое же не то, и если ты не ведал,
В чем прямо состоит, так ты себе внуши:
Блаженство наше есть спокойствие души.
Его у нас ни тать, ни случай не похитит,
Им нищий и богач равно себя насытит,
И словом, кто душой спокойный человек,
Один тот мудр, богат и в узах волен век.
Приятель, признаюсь, я тем ошибся много,
Однако ты суди меня не очень строго;
Не может счастья нас никто лишить сего, —

А знаешь ли зачем? Затем, что нет его.
Найди мне понт такой, чтоб вечно не терзался,
Коль сильно б ветров зев над ним ни разверзался,
Тогда и я скажу: есть в свете человек,
Которого душа была спокойна век.
Еще ль мне повторять то старое сравненье,
Что наша жизнь всё то ж, что в море бурь волненье?
Там бури — страсти здесь, наш кормщик — этот ум,
Что правит нас без звезд и часто наобум.
Мятеся путь его, изменчиво кормило,
И заблуждение свое лишь только мило:
Изрядный вождь — души спокойства досягнуть!
Иль мнишь: к нему прийти — довольно раз шагнуть?
Нет, долог этот путь, и как тут не упасти,
Где должно наперед преодолеть все страсти?
Сенека лишь того велит счастливым звать,
В ком добродетель есть отрады тихой мать;
Кто совести одной своей улик боится
И только чистотой ее же веселится,
Кого упрямством рок не взносит, не разит,
Кто, в честности ходя, вовеки не скользит,
Кто чуждых благ себе всю прелесть презирает,
Чья роскошь только в том, что роскошь попирает.
Довольно мне, сыщи такого одного —
Отстану я в тот час от мненья моего.
Однако ж ты не мни, что б, скучной предан злобе,
Хотел я доказать, что лучше быть нам в гробе,
Что самый счастья верх на свет сей не возреть,
Потом, чтобы, родясь, скоряй как лъзя умереть*.
Нет, это уж чресчур. Погибни то ученье,
Которо божий дар нам ставит в злоключенье!
Довольно мне того, и не поспоришь ты,
Любезный друг, что всё здесь счастье суеты, —
Мудрец о нем твердит, однако ж не имеет,
Лишь лучше, может быть, спокоеиться умеет.
Не спорю, чту его, но верю не тотчас
И собственных своих не отрицаюсь глаз.
Изящнейшим умам положены преграды:
Картезий вихри сплел и Лейбниц здал монады.

<1776>

* Так думали многие из древних мудрецов; между прочим — Феогнид в своей «Гномологии», ст. 425—428.

С берегов величественной Волги
 Пишу к тебе, любезный друг,
 Где в самые дни летни долги
 Едва писать к тебе досуг.
 Так упоен своим я счастьем,
 Что жить могу в семье своей, —
 Доволен сердца беспристрастьем
 К сиянью света и честей.
 Живу простой природы в лоне,
 Простой, но полной красоты,
 В естественном моральном тоне
 И забываю суеты.
 Святое сердца наслажденье —
 Зреть каждый день перед собой
 Того, от коего рожденье
 И жребий мы прияли свой.
 Ты знаешь кроткий нрав и милый
 Добрейшего из человек,
 Который тихостью, не силой
 К добру сыновне сердце влек,
 Которому я всем обязан:
 Не только жизнью одной,
 Но чем и к жизни я привязан —
 Ума и сердца правотой.
 Ему любовью просвещенья
 И сим служеньем чистых муз,
 Ему я должен, без сомненья,
 Коль письмен мне приятен вкус.

1776

74. ОДА

Священный замысл порывает
 Военный усугубить тон,
 Меня бог брани призывает,
 Меня взывает Аполлон.
 О лавры! вокруг чела обвейтесь,
 Но только прежде вы напейтесь

Волной, над коей возросли;
Направьте, музы, дерзки руки,
Чтоб струн златых не втуне звуки
Их громку песнь произнесли.

Ах! тщетно я гордиться смею.
Продерзкий! я себя забыл,
Греметь хочу и лишь немею, —
Когда б еще здесь Майков был!
Его здесь нет! Прервитесь, струны,
Ударьте, частые перуны,
На холм, где знал я чистых муз!
И только лиру лишь расстрою,
Пойду, свой срам в шелом сокрою,
Подъяв оружий бранных груз.

Так должно лиру мне расстроить!..
Расстроить должно — и в сей час;
Но дух свой прежде лъзя ль покоить,
Ах, лъзя ль хотя в последний раз?
Жесток, жесток я безвозвратно,
Коль растерзаю, что приятно,
Что мило сердцу моему;
И много ль тем я обинуюсь,
Что ею только полюбуюсь
И, разлучаясь, обыму?

Вот, Майков, плод твоих советов!
Жалей питомца своего,
Преступник он своих обетов
И наставленья твоего.
Но ты мне склонным покажися
И на того не раздражися,
Сердечно любит кто тебя;
Услышь: коль ты меня не любишь,
Так знай, что тем меня ты губишь
И ненавижу я себя.

1776

Тревожится кипяща младость,
 И рушится мой сладкий сон,
 Весна вливает в чувства сладость,
 И увлекает Аполлон.
 Ты петь велишь, — зефир взвевает
 И надо мною помавает
 Зеленых ветвей нежну сень;
 Здесь соловей подружки ищет,
 Постой: пусть он еще просвищет,
 Покуда не наступит день.

Он просвистал. Бряцайте, струны,
 Вас внемлют тихи небеса,
 Зефир, крутись, молчат перуны,
 Кропят потоки древесна.
 Повсюда мирные оливы,
 Шеломы кроют горделивы,
 И меч влагалище познал;
 Обезоружен спит бог брани,
 Окованы раздора длани,
 И мир подруг его прогнал.

Светляе солнце здесь сияет,
 И нет вокруг кровавой мглы,
 Встает — и тихо озаряет,
 И тихо клонится в валы.
 Меж тучных там берегов томится
 И плавно искрами струится,
 Переливаясь, синева.
 Но только мир свой образ скроет,
 В пещерах север вдруг завоюет
 И задымится мурава.

И вдруг из дому теней, жадна,
 Взвиваясь, мчит свой серный гром,
 Любимица хаоса смрадна,
 Богиня с медяным челом.
 Но что за звуки раздаются?
 Там два героя в гневе бьются,
 Уже из них падет один;

С главы полн крови шлем валится,
И победитель веселится.
Бежит и зрит: его то сын.

Умчись, умчись, война ужасна!
Нам днесь любезна тишина.
Она мила, она прекрасна,
Она нам матерью дана.
Далече прежде бранных строев
Мы были люди без героев,
Героя прежде человек;
Для похищенья тленна злата,
Когда не ведали булата,
Тогда златой был в мире век.

1776

76. ОДА

Бежит, друзья, бежит невозвратно время;
Давно ль зефиры здесь смягчали лютый мраз?
Успело уж взойти в земле зарыто семя,
Настал и жатвы час.

Отсюда солнышко недавно закатилось,
И кажется оно сзад этого бугру,
А завтра посмотри: когда не очутилось
Не там, где ввечеру?

Проходит скоро год, — да скоро возвратится,
Увядший цвет теперь раскинется весной;
А смертный человек уж младостью не льстится,
Бел ставши сединой.

Вотще заржавит меч и возвратится в ножны,
Вотще от яростных укроемся валов,
Вотще от непогод мы будем осторожны:
Все снидем в мрачный ров.

Ах! правда то, друзья, и боле чем желаем.
Оставим землю, дом и милую жену,

Погаснут страсти в нас, которыми пылаем,
И склонимся ко сну.

Сон будет ли тогда иль вечно разбужденье?
Ах! пусть то будет сон, коль страшно нам восстать!
Но нет: похощет ли творец свое рожденье
В сон срамный отметить?

Не дайте вашего, судьбы, мне видеть гнева,
Коль дней своих еще не скучил я длиной,
И пусть еще того слаб будет корень древа,
Что в ров сойдет со мной.

Блажен я, коль главу власы покроют седы,
Коль доведется мне жезлом стопы блюсти
И вам, уж старикам, средь тихия беседы,
Друзья! сказать: «Прости».

Теперь нам мило то, чтоб буйным вихрем мчиться,
И псами, и коньми, и полем прельщены,
А после будет нам противно отлучиться
На час от тишины.

Однако ж, о судьбы! коль буду я порочен,
О милосердии к вам дланей не простру,
Да рок мой ни на миг не будет мне отсрочен,
Пускай я млад умру.

1776

77. К ХЕМНИЦЕРУ

Спокойствия пловец желает, бурю видя,
Желает и герой, войну возненавидя,
Спокойству уступить.
Но смутны души их того желают ложно,
Чего ни серебром, ни златом невозможно
Им, Хемницер, купить!

Мучитель убежать не может от тревоги
Ни в восходящие ко облакам чертоги,
Ни в Алциноев сад;

И целая толпа рабов его смущенных
Не может воспятить вокруг кровов позлащенных
Летающих досад.

С ним горькая тоска беседует всечасно,
И что приятно всем — ему лишь то ужасно:
И дружество, и сон.
Угрызы желчь лиют во снедь его любезну:
Он ярость в чаше пьет и видит тамо бездну,
Где прочи видят трон.

А тихий сон селян смыкает очи томны
И вносит на крылах в их дома неогромны
Ласкающи мечты;
Спокойна их душа подобием природы,
И лучше день один весенняя погоды
Всей мира суеты.

Блажен, кто, лишь зарей поутру пробуждаем
И в сени собственной зефиром прохлаждаем,
Всходяще солнце зрит!
О, кто меня в страну восхитит вожделенну,
Где на руку главу склонил бы утомленну,
В древесной сени скрыт!

Примите вы меня тогда, сладчайши музы!
И дайте существа проникнуть мне союзы,
Природы вечну связь:
Какою склонностью миры одушевленны
К горящим солнцам их согласно устремленны,
Колеблются, катясь.

Я буду петь в свирель у сей волны священной;
Ты будешь спровождать на лире позлащенной
Глас пенья моего;
И пусть придет мой день: ты здесь меня покоишь
И, может быть, еще слезами удостоишь
Прах друга своего.

Когда ж со Львовым вы пойдете мимо оба
И станут помавать цветочки сверху гроба,
Поколебавшись вдруг,

Я заклинаю вас: постоит! не бежите!
И, в тихом трепете обнявшись, скажите:
«Се здесь лежит наш друг».

1776

78. ОДА ШЕСТАЯ
[К Д ***]

Твоею возбужден хвалою, воспаляюсь
Охотою вещать;
Ко лире я спешу и жадно устремляюсь
Восторги ощущать.

Лишь струны вдруг ее золотые забряцают —
Яснеют небеса,
И воздух сладостны дыханья проникают,
И смолкнут древесна.

Лесбийский гражданин ходил в потоках крови
И волны преплывал,
Однако ж чистых муз и с Вакхом мать любви
Муж бранный воспевал.

Разлившаяся река глубокой быстринною
Рвет берег и кружит,
Так Пиндар, от очей взвиваясь, стремнинною
С величеством летит.

Но кто ему вослед, бессмыслен, направляет
Свой дерзостный полет,
Тот крылья себе из воску соплетает
И с шумом в понт падет.

Я, слабый ученик любовника Глицеры,
С трудом собираю сот
И, в мягких утаясь убежищах пещеры,
Склоняюсь от высот.

Там зыблущаясь тень и падающи воды
Прохладу мне дарят,

И с нимфами вдали сатиров хороводы
Прельщают и манят.

Со лирою моей взывают тамо рощи
И эхо при волнах,
Доколе снидет тень и мрак священной ночи
Умает в тихих снах.

1776

79. ПРИСКОРБИЕ СТИХОТВОРЦА

К ***

в 1777 году

Узнаешь ли томну лиру,
Коей голос ты слышал,
Зря отверженну и сиру
Ту, на коей я вздыхал?
Часто с ней я глас мятежный
Услаждал струною смежной,
В размышленье погружен.
Не угоден Аполлону,
Я лишился песней тону
И томлюсь уничижен.

Где девались те мгновенья,
Кои целы я вкусил,
Как таящиеся рвенья
Во груди моей носил;
Как в исходе тихой ночи,
Углубясь в распутья рощи,
Почерпал творенья дух;
Осязаем свежей тенью,
Ко Горацьеву ученью
Приклонял свой робкий слух?

Нет, тебя я не таился:
Снисходительно ты зрел,
Коей лестью упоился
Жадный дух мой и горел.

Как, чуждась сует общенья, .
Эолийски восхищенья
Мнил я в перси воспрять. . .
Миновались надежды,
И не могут тяжки вежды
Слез завистливых унять.

Так не будет увязенно
Лавром век чело мое,
И мгновенье то бесценно
Не получит бытие,
Чтоб мои творенья чтущей
Девы, юностью цветущей,
Умилилися глаза.
И чтоб, сладко похищенна,
Со ланит ее священна
Уронила слеза!

Я хочу, чтоб слезы лились,
Сам их чувствую урон! . .
Музы, вы переменились,
Вы ушли из сердца вон.
Ты, в котором добрый Гений
Воспитал тьму ощущений
Для искусств и для друзей
И который, где ступаешь,
Путь цветами усыпаешь
В мудрой праздности своей,

Прииди во кров мой дальный,
Где, вдаясь во мрачный сон,
Стихотворец твой печальный
Искушает лиры тон.
Разговора сладким током
Ты созижди перед оком
Зданья блещущей мечты, —
Может быть, я возвращуся,
Может быть, достигь потщуся
Дальной поприща меты.

1776, 1777

80. ЖЕЛАНИЕ ЗИМЫ

Проникнув из земли, былинка жить не чаёт
И клонится, томна,
И кажется, сама природа примечает,
Что рушится она.
Вотще ей иногда ласкает день прекрасный,
Чтоб после обмануть;
Она уж, отступясь, свой видит труд напрасный
И хочет отдохнуть.

На листьях цветов их нежны нити стерты,
Объемля стебли, мрут.
Матерых трупы древ на землю ниц простерты,
Младой природы труд.
Страдание земли зрит солнце потаенно.
Се суть Борея дни.
Во мрачны облака всё небо облеченно,
И ходят вокруг они.

Приди скорей, зима, и ветров заговоры,
Владычица, низринь;
Меж ними рождена решить их буйны споры,
Ослушных в бездны кинь.
Стели свой нежный пух воздушною тропею,
С зарею иней сей
И с играми спешి со пляшущей толпою
Со праздностью своей.

Поля их белизной луч солнца заражают,
К себе его сводя;
Воздушны шарики друг друга отражают
И скачут, с ним сходя.
О, как я, восхищен, влеку свое дыханье!
Сверши, зима, сверши!
Лишь крылья ты сплеснешь, пойдет их осязанье
По жилам до души.

Но что? не гласы ль мне сдаются вопиющих?
Не се ли рога звук?
Дианиных подруг я зрю, богинь бегущих,
Златой на раме лук.

Ты медлишь здесь, олень, а рок твой близко ходит;
Оставь свой сладкий мох.
Пугливый житель рощ напрасно след отводит:
Издаст последний вздох.

Любови не совсем отходят в заточенье
И дышат и зимой;
Не та же ль Хлоя днесь и граций ополченье
Опасно ей самой?
Блюди, чтобы на дни мои не искосился
Завистливый Сатурн,
Зима, чтоб твой певец спокоен покусился
Кичливый вздеть котурн.

1776

81. НОЧЬ

К приятной тишине склонилась мысль моя,
Медлительней текут мгновенья бытия.
Умолкли голоса, и свет, покрытый тьмою,
Зовет живущих всех ко сладкому покою.
Прохлада, что из недр пространная земли
Восходит вверх, стелясь, и видима в дали
Туманов у ручьев и близ кудрявой рощи
Виется в воздухе за колесницей нощи,
Касается до жил и освежает кровь!
Уединение, молчанье и любовь
Владычеством своим объемлют тихи сени,
И помавают им согласны с ними тени.
Воображение, полет свой отложив,
Мечтает тихость сцен, со зноем опочив.
Так солнце, утомясь, пред западом блистает,
Пускает кроткий луч и блеск свой отметаёт.
Ах! чтоб вечерних зреть пришествие теней,
Что может лучше быть обширности полей?
Приятно мне уйти из кровов позлащенных
В пространство тихое лесов невозмущенных,
Оставив пышный град, где честолюбье бдит,
Где скользкий счастья путь, где ров цветами скрыт.

Здесь буду странствовать в кустарниках цветущих
И слушать соловьев, в полночный час поющих;
Или облокочусь на мшистый камень сей,
Что частью в землю врос и частью над ней.
Мне сей цветущий дерн свое представит ложе.
Журчанье ручейка, бесперестанно то же,
Однообразие своим приманит сон.
Стопами тихими ко мне приидет он
И распрострет свои над утомленным крылы,
Живитель естества, люющий в чувства силы.
Не сходят ли уже с сих тонких облаков
Обманчивы мечты и между резвых снов
Надежды и любви, невинности подруги?

Уже смыкаются зениц усталых круги.
Носися с плавностью, стыдливая луна:
Я преселяюся во темну область сна.
Уже язык тяжел и косен становится.
Еще кидаю взор — и всё бежит и тьмится.

1776, 1785 (?)

82. ЗРЕНИЕ

О превосходное души орудье, Око,
Благословенно будь! Ты взносишься высоко
Над тучи, коими одеты небеса,
Испытывать творца несчетны чудеса.
Ты холмов и долин объемлешь окруженье,
Где, может быть, мудрец живет в уединенье.
Не кроется Сатурн в небесной синеве,
И слабый червячок, ползущий по траве,
Ты зришь в огромности, ты зришь природу

в малом,

Равно сияюще премудрости началом.
Вселенной живопись ты носишь на себе,
Изображенья всех предметов по чреде.
Со светом сродственно отверстие зеницы,
Где перст напечатлен всеильная десницы,
Всечасно льющися пьет солнечны лучи
И их, сквозь влажностей кристаллы несучи,

На сеть, сплетенную из нервов, низлагает,
Где, скрытый зритель, дух вселенну созерцает.
Отвсюду он берет понятия о вещах,
И нет того в душе, что не было в очах.

Но тем ли кончится весь долг и подвиг зренья,
Что внешние душе приносит впечатленья?
Нет, искренней еще присвоено оно
И чувства изъяснить ему поручено.
Во глубине души сокрытые движенья
Особые в очах находят выраженья.
Брегущим иногда молчание устам
Сказали очи всё взирающим очам.
Язык, как молния, скор и силен без искусства,
Свой передает другим живые чувства;
Полета быстротой огонь души своей
Вспалает он в душах взирающих людей.
Как искра, бодрый взор приемлется сердцами,
Всё может нежный глаз, сияющий слезами:
И радость, и печаль, любовь, и гнев, и страх
Изображает глаз мгновенья на крылах.
Понятий нежные оттенки представляет,
Природной чистоты он их не умаляет;
Души ближайший друг, в согласье тесном с ней
Перебегает он бесчисленность вещей
И, зря всевышнего руки произведенья,
Восторженной души готовит наслажденья.

Коль многих радостей лишиться суждены
Те, кои в вечну ночь, живя, погружены!
Которых тяжка скорбь зеницы погасила.
Не зрят они лучей всходящего светила,
Ни зелени лугов, ни розы багреца,
Ни, смертный, твоего величия лица.
Какая для тебя, Гомер, безмерна трата —
Не зреть природы сей, чем мысль твоя объята;
И ты, другой слепец, чувствительный Мильтон!
Еще несется твой свозь веки жалкий стон.

Но если зрения толь тягостно лишенье,
Какой небесный дар внезапное прозренье!

Надежная рука искусного врача,
Орудием плену со глаза совлача,
Рожденному слепцу природы вид дарует.
Небесна благодать ему вспомоществует.
Таков был юноша осьмнадцати лет
Во граде, где свои Тамиза волны льет,
Дарами юности и счастья пресыщенный,
Но кроме зрения. Душе его прельщенной
Вотще сияющи мечтаются цветы:
Не может славимой понять их красоты.
Он знает прелести небесная музыки
И Бетси сладкий глас. Ее знакомы клики
И речь вполголоса, дыханье уст ея
Дают ему вкушать всю цену бытия.
Но солнце, но сии небес лазурны своды. . .
Закрыто перед ним позорище природы.

Случилось, что один из тщательных мужей,
Употребивших жизнь к спасению людей,
Над ним целения всю хитрость истощает.
Он зрит: уж луч его небесный освещает.
Уже он руку зрит (которую держал,
Покуда врач свое целенье совершал),
Подруги своя возлюбленная руку.
Приобретаючи видения науку,
Уже он познает стан Бетси, и уста,
И очи, где блестит умильна красота.
Он видит — и вместить толь много восхищенья
Бессилен дух его. Полн нежного смущенья,
Врач добрый принужден больного огорчить:
Из храмины его свет дневный исключить.
Исчезло счастье с возлюбленным призраком:
Ему казалось — объят он прежним мраком.
Но Бетси милья присутствие, нежна речь
Умели дни его ко счастью сберечь.
Привычку делая ко свету постепенно,
Благодаря любви он видит совершенно.

1776, 1785 (?)

83. БЕДСТВЕННОЕ МГНОВЕНИЕ

Сказочка

В деревне мальчик рос, Олешей звали.
Полугода отца и матери отстал,
Безроден, у чужих в опеке возрастал,
Но разум в нем блистал.
Невинность и краса с ним вместе представляли
И милость зрителей сиротке доставали.
Не медлил он свое сиротство угадать,
Робенком разумел искусство угождать,
Не смел поморщиться, не то чтобы рыдать.
С годами блеск души в нем делался явнее,
Благообразней стан и взор лица важнее,
Вид нежной жалости во образе его,
Простое действие, глас, полный изъяснения,
И более всего
Два глаза огненных, которым нет сравнения, —
Таков Олеша был. Он все искусства знал,
Искусства нужные, известные в деревне,
Которые во время древне
Народ даянием бессмертных почитал.
Он правил плуг, коня он укрощал,
На легком челноке пускался он в погоду,
Не унывал ни в чем
И ничего не баивался сроду.
И Фирс, богатый Фирс, души не знает в нем
И хочет взять Олешу вместо сына.
Вверяет он ему несчетные стада,
Которыми покрыта вся долина.
Под стражею его овечки без вреда.
У пастухов других, бывало, вечно волки
С хозяином в части;
Теперь у волков другие толки:
Олеша не заснет, овцы не унести,
И сердце Фирсово в великом восхищенье.
Олешу любит он для самого его,
Но также и затем, что любит он именье:
Богатым быть невозможно без того.
В один прекрасный день (весною это было)
Олеша вспоминал сон детских дней своих,
И сердце у него тоскою сладко ныло.

Приходит вечер тих,
И стадо медленно выходит с ним на реку.
Откуда ни взялась пастушка перед ним.

О красота, ты в поле без примесу
Сильна сиянием своим:

Пятнадцать лет, и шляпка, и корзина
С цветами, свежими не столько, как сама,
И граций гибкий стан — вот вся моя картина.
Пастушка говорит: «Меня застала тьма.
Боюсь, чтоб медведь не вышел из берлоги.

Ты сжался надо мной
И покажи, куда мне выйти на дорогу.
Ее лишь мне найти, сама дойду домой».
Хотел он показать, но, на нее взирая,
Остался взор его на взорах у нее,
И, робкие шаги пастушки провождая,
Он стадо позабыл свое.

Прошло мечтание. О, бедственно мгновенье!

Бежит с гор в доли впопыхах
И видит стадо всё в рассеянье, в волненье
И агниц кровь, текущу на стезях.

Куда не бегал он, следуя бляеню
Испуганных овец!

Проводит целу ночь и к дневному сиянью
Сбирает слабые остатки наконец.

Приходит Фирс, и может всяк представить,
Как принял он питомца своего.

Олеше более стадами уж не править,
Не ожидать от Фирса ничего.

Олеша потерял всё счастье мгновеньем.
Подумайте о том,

О вы, которых всё невинность украшеньем,
Сколь много важности в мгновении одном.

1776

84. ПРИМИРЕНИЕ

Прелестная и резва Нина
Поссорилась с товарищем своим,
С Имером, и причина

Я думаю, была безвестна им самим:

Играя, побранились.

Но подозренья лъзя на друга возыметь?

Быть может, Нину он заставил покраснеть?

Довольно, что они друг со другом чинились.

Представьте ж, каково

Быть вместе каждый день с знакомым человеком,

Быть в принуждении, считать упреком

Холодный взор его.

Коль тяжко то везде, тягчай стократно в поле,

Где заключается вселенная во двух.

И наконец пастух

Вещает ей: «Прости, я не могу снести боле,

Чтоб Нина мучилась присутствием моим.

Имер тобою не терпим.

Имеру всё противно в этом доле,

В котором дышащу природы прелесть зрим,

Где более тобой природа украшалась

В Имеровых очах,

Когда пастушка не гнушалась

Забавы находить в Имеровых речах,

Во обхождении несмелом и слезах,

От коих дружба в нас росла, не погашалась.

Еще дыхание весны

Цветами сеет луг и воздух проникает

Своею сладостью; еще у сей волны

Тоскливый соловей согласно восклицает,

Но ненавистна мне природы красота,

Которая сии места

Присутствием услаждать еще не отрицает,

Когда не чувствуешь ты больше ничего.

Пойдем, овечки, прочь от паства своего».

— «Изволь себе идти, куда тебе угодно, —

Вещает Нина вслед. — Ты чаял, верно, злой,

Ты чаял быть упрашиваем мной.

Пастушкам сожаленье сродно,

Но ты обманешься. Я здесь пасла с тобой, —

Зачем же без тебя пасти овец не можно?»

— «Ты можешь, верю я, — отвечает Имер, —

Но твой пример

Мое уж сердце ввек не переймет тревожно.

Всегда мечтатися мне будет счастье ложно,

Которо я вкушал,
Когда сидел с тобой у сей волны прозрачной,
Когда власы твои цветами украшал
И не видал в полях приходу ночи мрачной.

Тогда сей холм, сия долина
Казались мне жилищем всех отрад.

Переменилася теперь сия картина,
Я вижу в ней отверстие ад.

Я сени сей бегу, тебе котору строил,
Бегу источника, которого струи

Являют мне черты твои,
Бегу сей муравы, где сон меня покоил,
Как овцы вкруг тебя теснились мои.

Я не хочу напоминаний
Благополучия, которое прошло.
Тесьму, которую из разноцветных тканей

Твое искусство соплело,
Снимаю с шляпы я. Вот эта роза ала,
Котору я неделю берегу.

Вот ленточка. . . Ее отдать я не могу:
Она власы твои прекрасны украшала,
Как я узрел тебя на этом берегу.
Со мной она пойдет во скорбно заточенье,

Свидетельница слез,
Которы извлечет противно разлученье.

Но что я вижу. . . Для небес. . .
Ты, Нина, слезы льешь, ты знаешь сожаленье.

Несчастный, что соделал я?
Тебе ли приключить дерзнул малейшу муку!
У ног твоих я жду, что будет часть моя».

— «Жестокий, — говорит пастушка, давши
руку, —

Ты знал то наперед, что я прошу тебе.
Моей ты слабостью играешь,
Но так уж быть моей судьбе,
Что, прав иль виноват, ты мною обладаешь».

В любви всё водится: брань, мир, и брань опять,
И перемирия, и мрачны подозренья.
Терпенья никогда не надобно терять —
И сладостней еще по ссоре примиренья.

Рассеивалася зарею темнота.
 В поре был сенокос, деревня вся пуста.
 Прохладный ветерок едва что ощущался,
 Где вкруте косогор к востоку обращался;
 Склоняясь вдоль его, созревшие бразды
 С серпами поселян сзывали на труды.
 Пастух в свирель играл, сгоняя стадо в поле,
 И несся далеко в отзывах глас оттоле.
 Уже и тонкий дым по кровлям восставал
 И, плавно поносясь, на воздух улетал.
 Нет хижины в селе, котора б не топилась.
 Одна лишь дочь твоя, Эгон, не торопилась.
 Ты, быстро шествуя, с косою преходишь луг,
 А Зилу в томном сне удерживает пух.
 Для ней и сны свои картины истощают
 И, виучись над ней, ее отягощают.
 Зефир, касаясь, до завес доходил
 И тихо колебал, но Зилы не будил.
 Спи, Зила, сладко спи: мне мил твой образ спящей,
 Мил образ юности, заботы не терпящей.
 Пусть медлит долее румянец на щеках,
 У ног твоих любовь пребудет на часах.
 Ты видишь, может быть, что ты с подружкой в поле
 И возле вас пастух. Обманывайся доле:
 Тебя ждет тяжкий труд. Зри полны вретена,
 Зри: нити твоего смешались полотна.
 Но скоро сон с собой мечтания уводит.
 Скрыпит на петлях дверь, и мать пастушки входит,
 И розы утренни сокрылися с ланит.
 Уж Зиле слышится, что мать ее бранит.
 Возводит к ней глаза, пощады вопиючи,
 Склоняются глаза, виновность признаючи,
 И мать ей говорит: «Ты спишь, а солнца зной
 Во старости отец испытывает твой;
 Ты утро целое свои покоишь члены,
 А рамена, трудом и старостью согбенны,
 Отдохновения не знают целый день.
 Увидишь ты его, как снидет с неба тень,
 Влачащего стопы, работой изнуренна,
 Точаща пот с чела. О юность, негой пленна!

Не знаешь ты, чего нам стоит каждый год
Неблагодарная земли доставить плод».
Так мать вещала ей, и тронутая Зила
Проступок скоростью поправить поспешила:
Кров легкий на плечах, и обувь на ноге,
И спящий возбужден огонь на очаге.

1776 или 1777

86. ФЕОФАНУ ПРОКОПОВИЧУ

Се пастырь Феофан, что клира чин устроил
И лик учителей российских освятил;
И Петр его жезлом святительским почтил
И тайною своей и дружбой удостоил.

Апрель 1777

87. К < НЯЗЮ > АНТИОХУ ДМИТРИЕВИЧУ КАНТЕМИРУ

Сей, в лоно русских муз младенцем восприят,
Родителява был изгнания наследник.
Со лирою мудрец, венчанных глав посредник,
Знал правду, пел ее и рано небом взят.

Апрель 1777

88. НИКОЛАЮ НИКИТИЧУ ПОПОВСКОМУ

Таков Поповский был, что Попом быть родился:
Он первый путь в Москве открыл на Геликон.
Ах! если б рок его жестокий отвратился,
Гораций был бы он!

Апрель 1777

89. АНТОНУ ПАВЛОВИЧУ ЛОСЕНКОВУ

В сем виде Рафаил узрел в России свет.
Еще в очах его дух творческий блистает,
Но Живопись вотще его желаньем тает
И ждет к себе вотще. Лосенкова уж нет!

Апрель 1777

90. ЕВГРАФУ ПЕТРОВИЧУ ЧЕМЕЗОВУ

Здесь видом грации любуются того,
Кем столько раз они прекрасней становились;
Но, Чемезов! они и боле бы дивились,
Когда б и сей пера был образ твоего.

Апрель 1777

91. РОЩА

Дашь ли свободный мне вход под тихо колеблющихся
тени,
Роща!.. Святыни твоей стихотворец нарушить не может.
Прочь злодейство отсель! да ввек неповинного кровью
Древние корни сии обагрены без мести не будут!
Да не почитет здесь ввек преломивший темничные узы,
Бледный, несущий злодейства, написанный в образе
смутном!

Дай лишь в лоне своем убежище мыслящей музе;
Скрой в себя ты ее в те полны чувствий мгновенья,
В кои с небес дарованье снисходит и душу колеблет.
Здесь я буду вперед собой наслаждаться и мыслить.
В темной прохладе здесь бодрствовать буду я утреннюю
стражу:
Зритель безмолвный, поникну в явлениях сельския
жизни;
Взором внимательным буду шаги спровождать
земледельца.

Месяц спускается ниже и, кажется, падает с неба;
Свет вливается в воздух; волны востока зарделись...
Ах! я видел мгновенье, в которо заря выходила.

И дотолѣ приподымается, ежели сразу
На ноги вскочит: волосы с выи на спину спадают,
Двигутся ноздри округом, и пар рассыпается в воздух.
Зрелища в поле друг за другом следуют и помрачают
Все взаимно себя. Какая меня ожидает
Там картина вдали? Бугорок, освещенный лучами,
Вдруг покрывается облаком тихо носимого праха.
Или сюда кто-нибудь, отдаленного города житель,
Тенью прельщенный, заходит почить в мгновение зноя?
Пусть он придет, сей путник уставший: здесь

мягкие травы,
Здесь и журчащий ручей вливает сон в очи. Здесь нимфы
Шепотом тихим весь вечер прохожего слух удивляют.
Нет, не прохожий идет: это ратая нежна супруга,
Ествы полдневны несущая, ествы, варенные ею,
К этому смуглому юноше, коего первые взоры,
Первы похитить умела желанья хитрою лаской,
Узы его на себя наложила она своевольно,
Ставши супругой, быть хочет рабою, любимой им только.
Зрите умильные очи ее, устремленны к супругу,
Столь вображающи живо всё то, что сказать она медлит.
Нежность в них изъясняется с робостью,

с этим смущеньем,
Кое тем сладостней зреть, чем более скрыть она хочет.
Ах! сей взор награждает его за труд его с лишком
И наперед наслажденье дает его собственну сердцу;
Будто взошли семена, как будто поспела уж жатва.
В черные очи его проникает пламень внезапно,
Руки простерты его: единое их прикосанье
Млеющую вержет на перси к нему; ах! он ощущает
Сердца биенья, которым его ответствен тотчас.
Как заблуждаюсь я, кисти моей поверяя толь много?
Можно ль подслушать супругов и тайны, одним
им известны?

Только небесный певец, единый Мильтон то умеет:
Все восхищенья представить, и в самой их страсти
безвинны,
И серафимовъ собор показать Адаму вокруг Еввы.

92. УСПЕХ БРИТСКОЙ МУЗЫ

К В. П. ПЕТРОВУ

О ты, чей гордый дух и мужественный слог,
Подобно Дрейдену, Вергилья выражают,
Прими стихи сии почтения в залог,
Которое в меня дары твои внушают,
Сии разительны черты,
Чем бы прославился и на Тамизе ты.

Тамизы любят брег аттические музы
И сладость льют свою в британские слова.
Слепец, другой Гомер, свергает смертны узы
Мильтон, чтоб созерцать сиянье божества
И мать смертных рода
Облечь твоей красой, всесильная природа!

Колоссу равен, там выходит исполин.
Как некий сильный волхв, он действует над миром.
Неправильно велик, мечты любимый сын,
Владыка британских сцен, зовомый Шекеспиром.
Природы дар его устав,
И им сотворены Отелло и Фальстаф.

А там пиит-мудрец природу испытует
И цепи зрит существ несчетные звена.
Всё благо то, что есть, и смертный слепотствует,
В очах которого природа — зол вина.
Престав быть мизантропом,
И Тимон горестный утешен был бы Попом.

Что есть прекраснее Томсоновых картин,
Где видим рай весны или стихий раздоры
И ту счастливу сень, где с тайною один
Любовник зрителем пловущей Мусидоры.
Ты знал, о Томсон, зной,
Что девы российские внушают и зимой.

Ты читатель их, Петров, участник той же мощи,
Которою они творили чудеса,
Со снисхожденьем зришь моей мечтанья «Рощи»,

Сии убежище дающи древесна,
Сии прохладны своды,
Где я хочу внимать учению природы.

1778

93

Любовник прелести, где я ее найду?
Я чествую ее в творениях природы:
Приемлют сердца дань искусства в их чреду
Они, что радость льют в мои цветущи годы.
Счастлив, что я могу лить слезы и дрожать,
В Вергильевых стихах учуся знать Дидону,
Душой ответствую Дмитревского я стону
И лъзя ль, Белинду зря, ее не обожать?

1778

94

Ириса! ты в слезах, стыдясь того лишиться,
Что будет днесь тебе столь много потерять;
Когда бы мой совет хотела ты принятьь,
Сегодня бы тебе уж нечего страшиться.

1778

95

Искусства красотой ты зришь меня прельщенна.
Из храма выхожу, искусствам посвященна,
Искусствам сродственным, но более тобой,
Всемощна живопись! восторжен разум мой.
Природу видел я под кистию Лосенка,
Жива Левицкого малейшая оттенка,
Российских вижу вокруг художников труды.
Стремитесь, образцов достигнете среды.
Да будет красоты идея вами зрима.

Явите чудеса Венеции и Рима,
Черты Рафаэля и Тициана тень,
Представьте древние деянья, как Пуссень,
И, граций оживив в изображенье свежем,
Что живописцы вы, почувствуйте с Коррежем.

1778

96. ЖИВОПИСЕЦ

Сказка

Питомец Рюбенсов, гласит повествованье,
Такой, в котором сам учитель открывал
Всечасно новое таившее дарованье,
Во граде, коего запомнил я названье,
Свое жилище основал
И кистию своей пленял и сам пленялся,
В художестве своем прекрасном упражнялся.
Одною он чертой красавиц оживлял.
Здесь мать свирепую любовью изъявлял,
Вкруг резвятся любви.
Там бога Фракии грядуща представлял —
Лиются токи крови.
Цари любят зреть кисть в его руках,
Дивятся мудрецы, и знатоки толкуют,
Завистники в углу и шепча критикуют,
Богач, на Гектора взираючи в очках,
Едва жалеет о мешках.
Нет девушки, собой хотя немножко страстной
(Не ставлю этот пол я подле богача,
Но всё ль бы я сказал, довод сей умолча?),
Нет девушки, на это несогласной,
Чтоб кистью мастера подоле быть прекрасной.
В таком-то счастье дни катилися его.
Владычества того владетель,
Наполнен чувствий сам, художеств благодетель
И, может быть, таков, как первый Медицис,
По гласу коего науки родились,
Не мнил унизиться, влеченью повинуюсь
Предупрежденная души своей к нему,
И, кисти нежные твореньями люблюсь,

Творца их пригласил к общенью своему,
В свои чертоги ввел: дал место в приближенных,
Где тысячи уходищ потаенных
Служили, кажется, всем прихотям его,
Уединения не руша самого.
Сначала мнил свою он душу омраченну.
Ее к самой себе возврату ожидал.
Оставив часто речь в середине пресеченну,
Уединялся, кисть без пользы утруждал:
Но дар упрявился, когда он принуждал.
Покинула его сия волшебна сила,
Котора на платно все чувства преносила.
Исчез художник в нем — остался человек,
Всех прелестей лишен; тем боле в униженье,
Что дарованья он терпел изнеможенье.
И се уж разум гас, и цвет лица поблек,
И медленно его ко гробу влек
Недвижимости сон и чувство упадка.
В своих рисунках взор питает каждый день,
И с ним задумчивость. Там почерк, свет иль тень
Становится виной воспоминанья сладка.
Однажды, вшед к нему во храмину, сей князь
Пред собственной его картиною сретает,
Не зряща, сладостной тоской обременясь,
Вкушающа слезу, что вдоль ланиты тает:
Завидующего руки своей чертам.
Когда же, разлиясь, отрады упоенье
Прешло в успокоенье
И душу забавлять оставило мечтам,
Он князя зрит; его колена он объемлет:
«И ежели твой слух несчастных стону внемлет,
Неблагодарного ты жалобы прости,
Над коим погубил ты столько даров счастья,
Не могши ничего чрез них произвести,
Как только бедного лишить его пристрастья.
Оно вся жизнь моя.
Ты дал мне злато, честь, пожаловал досугом,
Из низкой хижины извел и назвал другом.
Но в хижине писал сию картину я.
Возри, какая разность!
Сокровища пришли — и дар меня убер!
Послушался чресчур я роскошей и пег

И к сердцу допустил отмщающую праздность.

Ах! я за то плачú!

Другим веселья, честь и общества угодны —

Мне труд, и легка кисть, и зрелища природны.

Зачем я жребия другого захочу?

Коль смею, государь, твою вспомнить нежность —

Возьми сокровища сей блеск, сию мятежность,

Возьми прочь роскоши, от коих, признаюсь,

С жаленьем расстаюсь.

Отдай мне бедность ты, отдай мою прилежность.

Все пышности сии — не буди прогневлен —

Сравняются ль чертой с малейшею корыстью,

Я кои похищал из недр природы кистью?

И их вкусил ли я? был только удивлен.

Ах! есть ли кто-нибудь, кто б не был ослеплен?»

Скончался разговор обоих умиленьем,

Простерты руки их друг друга обняли,

И слезы их текли.

И не поставил царь сих чувствий преступленьем.

Повествование сказует нам потом,

Что в хижине нашел художник дарованье,

Что часто царь к нему украдывался в дом

И живописец ввек не сожалел о том,

Что дара своего исполнил он призванье.

1778

97

В горящей юности любви волнованье

Из усыпления выводит дарованье

И, прелестью маня питомца своего,

Являет вдруг ему все способы его.

Мгновенье, в кое нас приготавлиют годы

И дополняется творение природы,

В которо чувствуешь, что толь приятно жить,

Что сделано затем, чтоб нас обворозить,

Не мчись ты от меня, едва успев родиться,

И дай мне от твоих мечтаний насладиться, —

Иль жребий от меня мой будет похищен? . .

Любовь! я не умру, тобой не насыщен.

1778

98. СТИХИ,
ПИСАННЫЕ В ДЕРЕВНЕ, ПРИВЕШЕННЫЕ
К КАМИНУ ЧЕСТНОЙ ЖЕНЩИНЫ,
КОТОРАЯ МЕНЯ ОБМАНУЛА

Ты лаской мне манила;
Здесь май был в ноябре.
Но ты мне изменила —
Я в мае здесь топлю, как будто в декабре.
Любовь мне горницу во храм переменяла —
Теперь мне горница, что храм был в той поре.

1778

99

О милое мечтанье,
Родись в душе моей
И тайно обитанье
Создай себе ты в ней.

Из розы неопадшей,
Коль можешь, живость вынь,
Из граций самой младшей
Чертами вид накинь.

Что в свете есть прекрасно,
Похитить поспешай
И, чтоб представить ясно,
Все виды вдруг смешай.

Нас светлость дня ласкает
И зрению мила.
Меня здесь привлекает
Твоя приятна мгла.

Случается, скрывает
Нева свой пышный ход
И тонким одеваает
Туманом зыби вод.

Я с Тагом чту совместной
Ее; оцепенясь,

Пройду: уж зрю, прелестной
Во сумрак притаясь.

Пусть тщетно я гоняюсь
И осязаю тень;
Я ею наполняюсь:
Душа моя ей сень.

Не знаешь, что вздыхаю
Я, Ниса, по тебе,
Но то я открываю
Едва ли и себе.

Не ввидет нагла дерзость
В то сердце, в коем ты.
Бежит порока мерзость
Соседства красоты.

Где может начертаться
След зрака твоего,
Не может там остаться
Дурного ничего.

Клянусь, не покраснеешь:
Тебя ль мне оскорбить?
Но в том уж не успеешь,
Тебя чтоб не любить.

Я жизнью доволен,
Ходя твоей тропой,
Оставить приневолен —
Ты следуешь за мной.

Сама не зная, входишь
Во храмину мою.
По сонму, кой ты водишь,
Тебя я познаю.

Затем, что при движенье
Одной твоей стопы
Бегут в препровожденье
Приятностей толпы.

Потом не предаются
Они уж никому
И верным остаются
Отсутствию твоему.

1778

100. К ФЕОНЕ

Внимая ветров грозны споры,
С крутых Балтийских берегов
К тебе я обращаю взоры,
Сестра, предмет моих стихов,
Предмет нежнейшего союза,
Природы драгоценный дар!
Ты будь моя в отсутствие муза,
Явись, как легкий утром пар,
Вносящийся от невских токов
Под свод небесный, голубой,
И сладостных своих уроков
Меня в сем замке удостой,
В сем замке, или просто мызе,
Меж ревельских и нарвских стен,
Где я, последуя Елизе,
Семьей почтенной угощен.
Меж тем как сна ленивы маки
Содержат пленных наших дам,
Через долины, буераки
Мужчины ездят по лесам
Того часа во ожиданье,
Когда нас к чаю позовут, —
Я здесь один, в спокойном зданье,
Прелестных несколько минут
Тебе и музам посвящаю,
Дорогу в Питер нахожу,
Тебя внезапно посещаю,
Между подруг твоих сижу —
Меж той, котору бог любви
Своим сам именем крестил,
И между той, которой брови
Он важным хладом вооружил;

Благодеяньем рифмы с вами
Делю я быстрые часы
И тщусь изобразить словами
Природы здешния красы.
Мне кажется, что я вещаю:
Вообразите брег крутой
И море, где не видно краю;
Над той наш замок высотой.
Но берег, унижаясь скатом,
Меж нас и моря стелет луг,
В убранстве Флора где богатом
С Зефиром резвится вокруг.
Отважны парусы летают
По синим яростным волнам,
Явятся мельком, убегают,
Стремятся к дальним берегам.
Вокруг роскошная природа
Пленяет разностию вид.
Долины, холмы, чисты воды,
Что проседают сквозь гранит
И с гор, шумя, бегут в ущелья,
Несут форели и жемчуг,
Эстонским нимфам ожерелья,
Причину зависти подруг.
Вблизи свой верх возносит дерзкий
Остаток древности седой,
Старинный замок кавалерский;
Во стены плещет вал морской.
Мне кажется: на них взирая,
Выходит витязь с корабля,
Что с добычью из дальня края
Приплыл в эстонские поля;
За той решеткой увядает,
С чужих берегов увезена,
Никем не слышима, вздыхает
Боярска дочь или княжна.
Сих нравов нет меж нами боле —
Дверей железных, ни темниц;
Не похищаем в чистом поле,
Не запираем мы девиц.
У нас они во всей свободе,
И в мызе барышень пять-шесть,

Которы самой новой моде
Собою могут сделать честь.
И с ними милая, живая
Вдова осьмнадцати годов,
Котора, скорбь позабывая,
Не думает в супружний ров
Вослед за скучной Артемизой
Влачить печальные стопы;
Не отгоняет мрачной ризой
Любовей и забав толпы,
Но остроумными словами
Забавит наши вечера;
По струнам бегают перстами,
Как записные мастера;
Из Виланда и Гагедорна
Стихи читает наизусть;
Резва, свободна, беспритворна,
Не знает, что такое грусть.
Но что сказать вам о дороге?
Как вихрь, летя на почтовых,
Мы очутились на пороге
Желанных теремов своих,
Не думавши о наблюденье
Земель, и жителей, и трав:
Как будто в тонком сновиденье,
Верст боле двухсот проскакав.
Эстонов, финнов мы встречали
В соломою крытых шалашах,
Которы все свои печали
Топили в чашах и ковшах.
Мы зрели ямбургски палаты
Близ быстрой лужския волны,
Где овцы дань несут косматы
Ткачей в стучащие станы.
Мы зрели древний град, носящий
Напечатление времен,
С хребтов ивановских висящий,
Соперник ругодевских стен;
В ногах его, быстра, сурова,
Свергаясь с каменной скалы,
Бежит, шумя еще, Нарова
В морские броситься валы;

Насупротив его раскаты
Искусством новым созданы,
Петром и русской грудью взяты —
И прежни траты отмщены.
Но мы опять бы зреть желали
Великий город у Невы,
Где пребыванье основали
Искусства, грации и вы.

1778 или 1779

101

Дай, небо, праздность мне, но праздность мудреца,
И здравие пошли, и душу, чувствий полну,
И слезы радости, как, став за волжску волну,
На персях лучшего покоюся отца.

1779

102

Товарищи, наставники, друзья,
О книги! к вам украдываюсь я
Мгновенье скрыть оставшейся прохлады,
Вкушая в вас полезные отрады.
Я наслаждатися меж вами прихожу
И время течь скоряе обяжу.
Ах! несмотря, что время скоро мчится,
Мгновенья есть, когда оно влачится,
Коль числит их душа, в бездействие впад.
Единый труд отъемлет скуки хлад.

1779

103

Успех твой первый возвещая,
Питомец Талии Хвостов,

Меж тем как ты далек от края
Прекрасных невских берегов,
Среди семьи, в Москве пространной,
Готовишь, может быть, другой, —
Жалею, что в сей день желанный
Не зрел ты труд увенчан свой.
С какой бы радостью безмерной
Ты слышал плески знатоков,
Когда твой вышел Легковерный,
Поверить каждому готов,
Не зная, чем решить сомненья,
Как с древа легкая кора,
Ниспадша в бурные волненья, —
Зефира резвого игра.

Комедии пространно поле,
Где новых тысячи цветов
Ты можешь собирать на воле
С своею Музою, Хвостов.
У нас теперь один Фонвизин,
Который солью острых слов
И меткой силой укоризен
Срывает маску с шалунов.
Княжнин кичливой Мельпомене
Дарует бдения свои.
Известен той и этой сцене,
Любимец целыя семьи
И муз, и граций, и амуров,
Он любит более Дидон,
Енеев, нежели балагуров,
И Сганарелей, и Мартон.
А я любил бы чрезвычайно,
Когда бы дар позволил мой,
Входить в сердца, хранящи тайны,
Быть зрителем минуты той,
Как склонность первая зачнется
Во всей невинности детей
И сердце юное проснется
<Под колереттою> своей.
Привел бы я тогда Линдора
Алины робкия к стопам
И, скрывши их от прочих взора,

Наперсник страсти был бы сам.
Прелестных этих ситуаций
У вас бы занял мастерство,
Творец «Оракула» и «Граций»
И ты, друг женщин, Мариво.
Но мне осталось удивленье —
Вся участь в вашем ремесле;
Доволен, видя на явленье
Со Флоридором и Мишле.

Не уступает Флоридору
Театра русского Ле Кень:
Дмитревский знает разговору
Придать приличный свет и тень.
Умеет рваться он в «Ревнивом»,
В «Честном преступнике» вздыхать
И в Лорде страстном, горделивом
У ног Евгении стонать.
Но где стыдливые Нанины?
Твой, Юлиана, жребий сей:
Любови, грации кончины
Не могут позабыть твоей.

Творец, достойный Аполлона,
В театре вкуса властелин,
Мольер воспитывал Барона
И Шанмеле учил Расин.
Когда б Синава Сумароков
Не сделал Трувору врагом,
Дмитревский бы у невских токов
Не возбудил плесканий гром.
Вы только бдений не жалейте,
Вы, слышащи таланта глас,
Пристрастьем общим овладейте —
Родятся Росции у нас.

Осень 1779

104. ОБ УЧЕНИИ ПРИРОДЫ

ПИСЬМО К В. В. ХАНЫКОВУ

С какою ревностью бежим мы зреть картины,
На коих плавный скат простерты долины
Иль изобильный ток глубокия реки
Живописала кисть художника руки!
Отъемля красок блеск и вымысла свободу,
Мы чувствуем еще, что любим мы природу.
Мы склонны похвалы художнику давать,
Который в лоно к ней нас хочет призывать.
Что может нас вовлечь приятней в восхищенье,
Как сладких перемен природы ощущение,
Безмолвие ночей, полудня тяжкий зной
И пременяющийся погоды с тишиной!
Но страсти зрелище природы взволновали,
Отъяли светлость душ и грады основали.
Возмнили наперыв с природою творить,
Труднейшие пути ко счастью отворить.
Умножили себе мы средства наслажденья,
Но горестей толпы им вместо спровожденья.
Забавы мы нашли, но во скудели мук.
В чертогах скорбь живет и входит в сень наук.
Сей труд, к которому нас скука обращает,
Сей труд веселым быть жизнь целу поглощает.
Какие могут нас препятства удивить,
Чтобы вельможи взор незапный уловить,
Иль сделаться толпы кумиром и игрушкой,
Или, томяся дни, богатей стать полушкой?
Неумолимая меж тем приходит смерть
Различия, людьми поставленные, стерть.
За гроб сокровища, ни честь не спровождают,
Но душу вечности там недра ожидают,
А здесь — почтение потомков иль хула.
Пристрастье замолчит, возопиют дела.
Однако жизнию не будет тот терзаться,
Чье сердце радости удобно отверзаться —
Небесной радости, что образ есть тоя,
Котору бог имел, творенье создая, —
Кто дарования не погашает ленью
И чувствует, что он влечется к размышленью.
Счастлив с избытком он, когда Софии свет

В таинственный мрак природы призовет!
И к чтению естества великой книги зрея,
В писаньях учится Бюффона и Линнея! . .
Но чтобы строк моих суровость умягчить,
Хочу их басенной чертою заключить.
Во древности герой, вливая свет в народы,
Едва исшедшие из дикия природы,
Отправил несколько из юношей своих
Во грады гречески занять искусства их:
Во Спарту множество и одного в Афины.
Сей прожил там за срок назначенной години,
И так он, возвратясь, царю отчет свой дал:
«В Афинах, государь, я сладко ел и спал;
И мню, что было бы чему там почудиться,
Когда бы я себя принудил потрудиться.
Пространство города такого обозреть,
Их стогны посещать, их здания смотреть,
Казалось, что себя без пользы там состарю.
Такому труд, как ты, приятен государю;
А мне на свете сем приятнее всего,
Насытись, отдыхать, не делав ничего.
Их нравов, их наук узнать я не труждался,
Я вина их вкушал, плодов их наслаждался
И, чтобы снов моих никто не разорил,
Кроме, что сам с собой, ни с кем не говорил».
И мы в Афинах все: и столько ж о причинах
Мы знаем всех вещей, как этот об Афинах.

1779

105. ФАРСАЛЬСКАЯ БИТВА

Какое зрелище, самим собой сраженный,
Даешь ты, Рим, земле, тобою побежденной?
Земли пределами владеющий народ,
Ты днешь сражаешься о выборе господ.
Куда стремишься ты, Асканиев потомок?
И ты, Помпей, и ты, с дней юных славой громок!
Преградой бывший вам, несчастный Красс упал:
Сражайтесь, рок того мгновенья ожидал.
Давно кичлива страсть обоих сердце гложет.

Сей вышнего терпеть, тот равного не может.
В Фарсальски прю свою преносите поля,
Пускай решат, кому подвергнется земля.
Полки, победами бесчисленными дивны,
Несут с обеих стран орлы, орлам противны.
С обеих также стран, законам вопреки,
Предходят консульски с секирами пуки.
И там и здесь главы почтенные Сената,
И тот же рати чин, и брань без сопостата;
Виновная родня со обоех сторон
И боги — с Цесарской, с Помпеевой — Катон.
Ты, величайшая из фурий, адска сила,
Вражда, к сраженью знак, свой страшный вопль пустила.
Продерзки множеством, надменны похвальбой,
Взвились всадники Помпеевы на бой.
Как вихрь крутящийся, который дубы клонит,
Мнят: тяжкий их удар строй Цесарев погонит.
Но Цесарь повелел молчание своим,
И воин ждет к себе ударов недвижим;
Дождавшись, копий лес противу поставляет,
Начально всадников стремленье притупляет.
Кипит кровавый бой, жесточее родством,
И горестнее смерть междоусобья злом.
Единой матери сыны вооруженны
Льют в чуждой ниве кровь, друг с другом протяженны.
Конь бодрый, прободен, свергается назад,
И, им низринутый, нисходит всадник в ад.
Сей юношества блеск, убранства, попеченья,
Чем римски всадники искали отличенья,
Преобращаются им в пагубу самим.
Меж тем как Цесарем быв воин предводим,
К трудам, к опасностям в походах приученный
И ранами в бою одними отличенный,
Не знает роскоши, ни неги, ни красоты
И прямо зрит на смерть в решительны часы.
Предвидел Цесарь, где начаться должно бою,
И твердь полков своих поставил он с собою:
Испытанный в войнах десятый легион,
Которым победить еще желает он.
Помпей, которого прельщает конных сила,
Мнит: тьмами окружив врагов, ударить с тыла.
Но скрытые в боку когорты, отразив,

Явили, сколько сей Помпеев замысл лжив.
Бегущих трупами покрылось поле вскоре,
И Цесарь чувствует среди победы горе,
Что кровью римскою становится велик
И осуждающий веков внимает клик.
Раздор возликовал над жертвой потребленной.
Фарсала римлянам отмстила рок вселенной,
И кровью их потек смущенный Енипей.
Меж тем оставленный победою Помпей
Едва зрит конницу, бегущу и разбиту,
Отчаясь, небесам вручает Рим в защиту
И, обратив коня, взади оставив бой,
Безмолвен, поражен, бежит сквозь стан пустой,
Один и ничего с собою не имея,
Кроме минувшего величия Помпея.
Спешит к Корнелии, чтобы в очах ея
Вкусить бесславную кончину жития,
Усекновенну быть невольником презренным
И на берегу морском лежать непогребенным.
Свершился суд богов — и рушилась собой
Громада, бывшая вселенная главой.

Вторая половина 1770-х годов (?)

106. СЛАВА РОССИИ

Воззри, вселенная, на лавровы венцы,
Снесенны россами во все земны концы:
К Алфею с Невских струй, от Селенги до Истра —
И, меряя полет их шествованья быстра,
Познай преемников и римлян и ахей.
Россию приучись красою чтить своей.
Россия нив своих плодами изобильна,
Она народа мать великодушна, сильна,
Который чуждых уз неволю разорвал,
Из зол волнения величествен восстал;
Ей чада смелые Олеги, Святославы,
Ее Владимир тот, чьи мудрые уставы
Во тьме язычества явили веры свет.
Ее сей Ярослав, чье имя не умрет.
К спасению ее от гибели избранны,

Сияют Александр, Димитрий, Иоанны.
Исчезли грозы волн, утих свирепый ветер:
Кормило корабля воспринимает Петр.
Великий именем, делами выше славы.
Из чуждых государств зовет он новы нравы,
Искусства новые и мира и войны;
Как животворный дух преходит все страны
И силою своей приводит всё в движенье.
Скончался, — но душа осталася в правленье.
С тех пор величию российских храбрых чад
Не полагается ни меры, ни преград.
Европа новое давленье ощущает.
Россиянин брега вечерни посещает:
Его отважный взор изображает Рен.
Очаков с Хотиным дымится раздроблен.
Встают, чтоб ниже пасть, разгневаанные шведы;
Из прусских сильных рук исторжены победы,
Луны бледнеет свет: уже ее рога
Ломает сильная Румянцева рука.
Кагул со ужасом в Дунай вливает волны,
Неверных трупами, неверных кровью полны.
Российски корабли, оставив град Петров,
Несутся по зыбям Эгейских островов,
И огонь, свирепствуя над мрачной глубиною,
Парение Орла являет над Луною.
Но звук оружия — один ли славы звук?
Россия стала днесь убежищем наук.
На чести утвердить правления пружины,
Сердца образовать есть часть Екатерины.

Вторая половина 1770-х годов (?)

107. ВИДЕНИЕ

В тот день, как солнцева горяща колесница,
Оставив область Льва, к тебе, небесна Жница,
Стремится перейти в прохладнейший предел,
Как ратай точит серп и желтый клас созрел,
Уж солнечны лучи вселенну освещали,
А над главой моей сны легкие летали.
И вдруг мне видится прекрасная страна,

Где вечно царствует прохладная весна,
Где извиваются между холмов долины
И смотрятся в водах высоких древ вершины.
Близ рощи зрел себя: лавровый лес то был,
Откуда старец мне навстречу выходил,
Со взором огненным и со челом открытым,
В руке он свиток нес. С сим мужем знаменитым
Я, робость отложив, вступил во разговор.
«На сей священный холм взведи свой жадный взор, —
Сказал он. — Здесь живут тобою чтимы музы.
Доколе сон свои с тебя не снимет узы,
Ты можешь в тайное жилище их войти.
Пойдем, мои следы потщися соблюсти».
С благоговением я руки простираю
Ко старцу мудрому и воздух осязаю.
«Ты видишь только тень, — вещает старец мне, —
Со смертным телом в сей не можно жить стране.
И я был некогда во тленном вашем свете,
Царицы бодрья участвовал в совете,
Ученьем услаждал труды гражданских дел,
За то мне был отверст по смерти сей предел.
Ты мест сих насладись видением мгновенным».
Вещая так, пришли к пределам сокровенным,
В которых странствуют тьмы счастливых теней,
Что лирным славились согласьем в жизни сей.
Там неразлучные Тибулл с Анакреоном.
Там сладкий Феокрит беседует с Вионом.
Там Сафу мне Лонгин указывал рукой
(Так именуется путеводитель мой).
Как пчел шумящий рой, погодою прельщенный,
Собравшись на лужок, цветами испещренный,
Летает, сладкою добычей отягчен,
Так зрится в рощах сих пиитов сонм стеснен.
Стезею тайною приближась, мы узрели
Великолепный храм. Коринфски капители
Высокий с легкостью поддерживали кров.
Изображения пиитов меж столпов
Служили красотой пространных переходов.
«Здесь, — вождь мой говорил, — пииты всех народов.
Все современники верховные умы,
И новых с древними не знаем распри мы.
Расинов образ здесь зришь возле Еврипида,

С Эсхилом — Шекеспир неправильного вида,
Истолкователь мой со мною Буало,
И Попа к нам в союз бессмертье привело.
Те, кои в жизнь свою внушались Аполлоном,
Все удостоены сим общим Пантеоном,
И часто музы зреть приходят их черты,
Сбирая для венцов им свежие цветы».
Беседа, вошли во внутренность мы храма,
Где разносилися куренья фимиама,
Который на верху треножного стола
В одежде жреческой бессмертна нимфа жгла
Пред алтарем твоим, даров даятель, Гений!
Четыре лика вокруг со тьмой изображений.
По правой стороне твой лик был изваян,
Божественный певец ахеев и троян,
Мелесов сын, Гомер: сияющ красотою,
Не связан взор его телесной слепотою.
Как пламень, сильный дар и слово, как река.
В подножии его из адаманту дска,
В которой Ахиллес является с раскату
И взор его побег влагает сопостату;
В глубокоу ночь Приам приходит, сокрушен,
Ту руку лобызять, которой сын сражен.
Насупротив сего величественна лика
Вергильев лик стоит: почтенья полн велика,
Он внемлет, кажется, Гомеровы уста.
Одушевляет взор небесна красота,
Сей — вкус приличности, любезная стыдливость
И Августовых дней сиянье и учтивость.
Внизу на дске золотой пылает Илион,
Енеев зреть побег Дидона рушит сон,
И тени сильные, днесь тихи, после громки,
Анхизов слышат глас Енеевы потомки.
С Гомеровоу страны, на третьей чреде,
Четыре лебедя, Олимпа посреде,
Торжественную вверх вносили колесницу.
В ней Пиндар превышал всходящую денницу,
Когда героев он хвалами восхищал,
Премудрости учил, гордиться воспрещал.
Противу Пиндара являлся Пиндар россов,
Краса отечества, бессмертный Ломоносов.
Превыше облаков, скоряй летящих стрел,

Со молнией в когтях взвивался с ним орел,
И лился глас рекой с верхов Рифейских снежных.
В щите представлен Петр среди стрельцов мятежных,
В полях, морях герой и первый из царей.
Виденьем наслаждаясь чудесных сих вещей,
Мой слух ко пенью муз, казалось, отверзался,
Уже в святилище вступить я покушался,
Как вдруг: «Остановись», — сказал мне Аполлон,
Сказал — и храм исчез, оставил очи сон.

1770-е годы

108

Порока иногда успехом раздражаюсь
И дерзкия стихом сатиры вружаюсь,
Сорвать с обманщика личину я хочу
И в сердце принести коварного свещу,
Совлечь с торжественной неправду колесницы
И клевету прогнать вселенной за границы.
Горящей краскою описываю зло,
Которое на мир подвластный налегло,
Заразу роскоши, ничем ненасытиму
И расточением несчастью служиму,
Что целы области съедает до конца
И портит негою народные сердца.
Пишу и сам с собой сужу свои зачины.
Но мне не нравятся толь мрачные картины.
Порок один суров в вещаниях своих,
А добрый глас души, и порицая, тих.
Что в том, что Ювенал кричал, как проповедник?
Гораций нравится: он милый собеседник.
Умеет слабостями игратья, не озлясь,
И в сердце друга влить все правды, веселясь.
О муза, я тебе кисть мрачну возвращаю,
В прекрасном виде зреть природу поспешаю.
Погибни мрачна кисть, когда ее черты
Бессильны выражать душевны красоты.
Лишь только что тогда природе подражают,
Коль черные тона ее уничижают.

1770-е годы

К какому божеству с мольбой вздымаю длани,
 Когда в груди моей страстей внимаю брани?
 Благоразумие, ты будь светильник мой
 И предводи меня, густой покрыта тьмой.
 Даяние небес, ты опытностью зреешь
 И действуешь тогда, как чувства одолеешь.
 Кто ж будет юности неопытной вождем?
 Не с другом ли с небес невидимым идем,
 Который тщательно отводит нас от бездны,
 Меж тем как нас влекут мечтания любезны?
 Отца и матери вздыханья и мольбы
 Не отвергаются от вышних судьбы.
 Их наставления в младенцев впечатленны
 И в юношах еще совсем не истребленны.
 Хоть пагубный пример заразу в сердце льет,
 Привычка добрым быть от нас не отстает.
 Благоразумие, по коем воздыхаем,
 Угадываем мы, хотя не постигаем.
 И страх прельщения нам служит так, как щит,
 Которым посреди сраженья воин скрыт.
 Что делает Улисс средь волн, вокруг биющих,
 Плывя меж островов, жилище нимф поющих,
 Опасных так, как смерть, и сладостных сирен?
 Улисс, премудрости богинию вперен,
 Пловцам, ни самому себе не доверяет,
 Воск мягкий приложив, их слухи затворяет
 И, руки вервию скрутить себе веля,
 Стоит привязанный у древа корабля.
 Такие меры взяв, спасается от бездны
 И посрамляет нимф прельщенья бесполезны.
 Хотите ль ваш покой, о юноши, спасти? —
 От искушения старайтесь уйти.

1770-е годы

110. СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

К АФАНАСЬЮ МАТВЕЕВИЧУ БРЯНЧАНИНОВУ

Не слава, о мой друг, не шум оружий бранных —
Жизнь сельская зовет согласия мои,
В долинах, муравой цветущею усталых,
Где Лухта льет тебе прозрачные струи.
Где ты из терема, куда ни кинешь взоры,
Повсюду мирное свое владенье зришь.
Тебе окружные желтеют жатвой горы,
Поля, где шествуешь, присутствием ты живишь.
Спешат кругом тебя прилежные селяне,
И нимфы вьют тебе венки из васильков.
С зарею восстают восхода солнца ране,
Железом вооружась блистающих серпов.
Ах! счастливы стократ, свое коль счастье знают!
Трудятся, суетно свой ум не бременя,
Гуляньем летни дни иль пляской заключают
И песенки поют у зимнего огня.
Что нужды, что зима, — еще им лето длится,
И счастье годовых не ведает времен.
Работы и забав единый круг катится,
Без скуки долги дни, здоровье без измен.
Такие дни текли вселенныя в начале,
Когда не ведали обманов, ни вражды,
Никто не странствовал знакомой сени дале
И всяк возделывал отечески бразды.
Не заблуждались их смиренные желанья
В исканье пагубных сокровищ и честей,
И связи родственны, и нежны воздыханья,
И нужда добрым быть спасали от страстей.
Так, Брянчанинов, ты проводишь дни спокойны,
Соединяя вкус с любовью простоты,
Из лиры своя изводишь гласы стройны
И наслаждаешься хвалами красоты.

1770-е годы

Ах, может быть, мой рок той чести не судил,
 Чтоб верх мой увенчан был лиственным лавровым
 И чтобы поздний род меня произносил
 С певцами наших дней Херасковым, Петровым.

Представлю жребий сей —
 И слезы зависти катятся из очей.

1770-е годы

Душою сильною и жаждой просвещенья
 И прелестью стихов
 Тебя благоволил украсить в час рожденья
 Твой Гений, Ханыков.
 Мне жребий менее сияющий и лестный
 Достался от небес:
 Дни праздны в тишине вкушати неизвестной
 Под сению древес.

1770-е годы

Я был на зрелище: какие ощущенья
 Во глубину души прельщенные влились!
 Почто я вас узнал, минуты восхищенья,
 Когда вы от меня так быстро унеслись?
 За вами поневоле
 Душа моя бежала
 И, вас не видя боле,
 Хладела и дрожала.

1770-е годы

**114. ПРИСВОЕНИЕ СЕИ КНИГИ
ФЕДОСЬЕ НИКТИШНЕ**

Кому собранье сих писаний посвящу,
В которы стаскивал с трудом немножко знаний,
Усилья чувствовать, черты воспоминаний,
В которых сам себя, но тщетно я ищу?
Хранилище идей, в котором я ласкался,
Что, быв писателем, я буду почерпать,
Где сердца рвением невольным увлекался,
Во сокровенности дерзал его вступать.
Кому, как не тебе, сестра моя дражайша,
О ты, в которой чту я лучший дар небес,
Чья чистая душа, душе моей ближайша,
Мне держит общество и радостей и слез.
Я столько умствовал, и, может быть, напрасно,
К порокам, может быть, еще я побегу.
Ты, друг мой, ты зови к добру меня всечасно —
Из вежливости я свой разум сберегу.

1770-е годы

115. НЕРАВНЫЙ БРАК

Знали ль нежную Елену
Лучших лет ее в цвету
С стариком совокупленну,
С безобразьем красоту?
Покрывают нежны газы
Шитый брачный положок,
И везде горят алмазы,
Но далек ее дружок.

Часто старец заблужденный
Мнит, что молод стал он вновь,
И улыбкой принужденной
Прогоняет он любовь.
Около его пролазы
Собираются в кружок,
Их манят его алмазы,
Ей сердечный мил дружок.

Счастье, коль поедет старый
На охоту с соколом.
Вечерком одна с гитарой
Пела, сидя под окном.
«О противные заразы, —
Так поет, — о злобный рок,
Вы достали мне алмазы,
Отнят вами мой дружок.

Что отрады в пышном доме,
Если нет того со мной,
С кем бы в поле на соломе
Мнила царской быть женой.
Мне на что кристальны вазы,
Золоченый потолок?
Мне не надобны алмазы,
Милый надобен дружок».

Перестала петь Елена,
Слышит голос под окном:
«Не забыла ты Пармена,
Вот вздыхаешь ты по ком.
Вспомни ты любви проказы,
<Ров>, что видишь, не широк.
Покидай свои алмазы,
Милый ждет тебя дружок».

Вы, которые любили,
Вы скажите мысль свою,
Как бы строго осудили
Вы любовников вину.
Я так знаю те проказы,
Что творит любви божок,
Покидаются алмазы,
Коль потребует дружок.

Из дому только, что за встреча:
Не мужа ль старого несут,
Вложив рабов его на плеча?
Не много жить ему минут.

Кричит: «Простите. Смерти мразы
Пересекают крови ток.
С тобой теперь мои алмазы,
С тобой и миленький дружок».

1770-е годы

**116. К ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬНОМУ
АЛЕКСЕЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ НАРЫШКИНУ**

Ходатай юной музы,
Нарышкин, моя!
Признательности узы
Взложил ты на меня.
За колесницей счастья,
В рассеяньях двора
Не бросил ты пристрастья
И нежного пера,
Которым воздыханья
Ты Хлое изъяснял
И радость и стенанья
Стихами прославлял.
Моей военной лиры
Предстателем ты был,
Под славну сень порфиры
Ты дар мой положил.
Ты к кроткому вельможе
Хвалою мне доступ дал, —
Что может быть дороже
Вниманья и похвал?
Коль не совсем не сроден
Мой Марса глас поя,
Так тем, что я угоден,
Тебе обязан я.
С твоим я прежде братом
Жил лето у Двины,
Где солнце и закатом
Не сходит сверх волны.
Пловущих зреть наряды
И слушать звук рогов
Всплывали вверх наяды

До влажных берегов.
Народов дальних флаги
Там веют на судах,
Что стран теплейших благи
Преносят и во льдах.
Ни смокв, ни абрикосов
Не знают там сады;
Но письмен Ломоносов
Там вырастил плоды.
Мне время средь веселья
Златое там текло
Во чтении Корнелья,
Расина, Буало. . .
Но я воспоминаю
Мне милы суеты,
Тем их лестней вкушаю,
Что мне доставил ты.

1770-е годы

117

Мерсьер и ле Турнер и кавалер Ретлидж
Стоят за Шекеспира;
А де ла Гарп и латинистов спира
Против Вилиама на стогнах кличут клич.
И в этой Франции умы не одинаки:
В политике, в войне и у Парнасских гор —
Везде раздор,
Разноголосица и драки.
Но если нравиться должны какие враки,
Так Шекеспиров то величественный вздор!

Конец 1770-х или начало 1780-х годов

118

Итак, опять убежище готово,
Где лености свободно лъзя дышать.
Под сень свою, спокойное Берново,
Позволишь мне из Твери убежать.

Мне кажетъся, что древние пенаты,
Не отягчив морщинами чела,
Вошедша гостя зрят. Они мне святы,
Хранители прекраснаго села,
Где тишина не знает грозной бури,
Где под вечер при пении подруг
На мураве младая пляшет гури
И зрителей обворожает круг.
Не вижу ль в них хозяина почтенна
Со скромною улыбкой на устах,
Которому забава драгоценна,
Пускай она и в детских суетах.
Прекрасны дни — увы — одно мгновенье,
Потщимся их остановить с собой.
И наша жизнь — зефира дуновенье:
Нет боле игр за мрачною волной.

Но кто идет из терема знакома
С веселостью и лаской на лице?
Не госпожа ль гостеприимна дома
Гостей своих встречает на крыльце?
По древнему российскому поверью
Не из чинов, а <в прямоте> души:
Обряды все оставили мы с Тверью —
Пусть там они, а здесь нехороши.
О милый друг, чувствительный и нежный,
Сестра моя, ты в руки к ней спешишь,
Ты здесь себя в сей жизни безмятежной
Дыханием свободным оживишь.
Ты любишь сень безмолвную Бернова,
И древний дом, и плодоносный сад,
И этот холм, что роци глыбь сосновой,
И мельницы шумящий водопад.
Смиренна Тьма, какой своей прослугой
Название ты сие приобрела?
Вияся сей прекрасною округой,
Ты льешь струи прозрачнее стекла.
Иль для того, что, кроясь своенравно
В подножии высокия горы,
Меж берегов крутых струишься плавно,
Маня к себе нимф сельских для игры;
Кидая темь, как плещутся пастушки,

В кустарниках скрываешь пастухов.
Узнавши то, завистные старушки
Сказали: «Тьма течет среди сих берегов».

Но мы пойдем в убежище зверинца,
Где наш чудак, как новый Сведенборг,
Внимаючи внушениям мизинца,
Нечаянный почувствовал восторг
И наяву увидел пред собою
Трех нежных нимф, в одежде так, как снег,
Воздушною спустившихся тропую, —
Он видел их по травке легкий бег.
Конечно, то живущи здесь дриады
Иль феи здесь свой держат хоровод.
Летайте вокруг, мечтания, отрады,
В охране древ, у падающих вод.
Зачем стеснять пределы воображенья?
Нам мал тот мир, что видим каждый день,
В невидимый мы любим посещения,
Прелестных снов мы осязаем тень.

Где можно спать спокойнее и доле,
О храмина, сокровищница снов?
Здесь, нега, всё твоей послушно воле:
И мягкий пух, и свет уйти готов.
И красота, свежее став покоем,
Пред зеркалом свою улыбку зрит.
Окружена забав и смехов строем,
Любови мать ей пояс свой дарит.

Но, раза два прошедши < x > по аллее,
Не ждет ли нас обремененный стол,
Во светлой сей большой оранжерее
Оставленный гостям на произвол?
Здесь персики румянятся пушисты,
И розы здесь теряют позже цвет,
Там птички вокруг порхают голосисты,
У коих всё, — одной свободы нет.
Пускай идет общественная чаша .
От одного к другому вокруг стола.
Здоровье пью твое, мой друг Любаша,
Будь счастлива ты столько, как мила.

Пускай тебе божок соименитый
Не изменит, летая за красой,
И ямочки румяные ланиты
Улыбкою украсят образ твой.

Сентябрь 1780

119

Видали ль вы небесную Аглаю,
Когда, спустясь Аврориным путем,
Сестер своих оставив легку стаю,
Является в подлунном мире сем
С улыбкою, что небо отверзает,
Со взорами, где кротость и любовь.

17 ноября 1780

120. УТРО

Тревожится кипяща младость,
И рушится мой сладкий сон.
Опять земле приносит радость
Из волн спешащий Аполлон,
Предвозвещаемый денницей,
С своей горящей колесницей
Поверх является валов.
В востоке злато разлиянно,
И вещество благоуханно
Льетса в воздух со цветов.

1780

121. ШЕСТОЙНАДЕСЯТЬ ВЕК

Счастливым век, ты был зарею Просвещения,
Ты зрел великие вещей преобращения,
Вселенная, свои пределы распростира,
Дотоль незнаемы увидела моря,

Ей земли новые, чад новых приносящи.
Светилы в небесах открылися висящи.

1780

122

Любовь — отрада душ, коль юность посещаешь,
Любовь — отравя есть, коль старость обольщаешь.
Ты мещешь мрачный огонь на снежны седины,
Нет боле прелестей близ Стиксовой волны.
В Афинах так Эгей, любовью поздней млея,
У ног твоих вздыхал, коварная Медея.
Ты, дом родительский Язону посвятив,
Оставивши отца и брата погубив,
Сама оставлена изменником подобно,
Сильна волшебствами, вкусила мщенье злобно:
Сожгла соперницу невидимым огнем
И, на змеях несясь подоблачным путем,
Дрожащи члены чад Язону показала,
Которы мать сама — о, ужас! — растерзала.
Кто мог бы зреть злодейств виновницу таких?
О сила красоты! ты уменьшила их.
Возрела — и, твоей повержен красотою,
Эгей клялся, что ты гонима клеветою,
Что вероломством ты была раздражена
И что красавица не может быть винна.
Уже Медея с ним чертоги разделяет,
Богини чистыя присутствие оскорбляет.

1780

123. СОЖАЛЕНИЕ МЛАДОСТИ

О юность! зрелище явившая мне света,
Преддверье, может быть, ненастливого лета,
Исшед из области волшебной твоя,
Угрюмой странствую пустыней жития
И, робко преходя к явленью от явленья,
Всей траты моя питаю сожаленья.

203

Неудовольствия из сердца льется ток,
И каждый час родит роптание на рок.
Вотще ко мягкости я сердца прибегаю,
Печали терние с усилием исторгаю,
Но умиления не нахожу того,
Что сердца счастьем бывало моего.
Во узничестве негр ожесточенный, дикой,
Став европейскою добычей и уликой,
Безжалостно в страны чуждые преселен
Из отческих дубрав и вечно ясных сцен,
Во мраке гор свои воспоминает степи
И, потрясаючи звена тяжелой цепи,
Запекшимся усты струящийся слезы пьет,
Во узах движется и ими воздух бьет.
Воспоминания отечества, семейства
И воображение, что жертвой он злодейства,
Съедают мужество в убежищах его,
Доколе наконец не станет ничего,
Что б человечества являло хоть упадок.

Но, затмеваючи мечтаньями порядок,
Куда неровный слог мою заводит речь,
Нетщательным стихам дая свободу течь?
Во юности моей сколь было мне удобно
Стихосложения красами мысль облечь,
Из сердца полного подобие извлечь,
Природу в целом зреть и зреть ее подробно,
Раденье чувствовать ее благоутробно!
Во всё вступалася чувствительность моя,
И, боле живучи, был боле счастлив я.
Желанье славы знал: желание незлобно
И душу возбудить к деяниям способно.
К бессмертным очи я картинам пригвождал,
В которых через Стикс Енея спровождал
Твой пастырь, Мантуа, чувствительный,
стыдливый,
Когда согласную свирель он надувал,
Но грозный, как Гомер, с трубою горделивой
Над оставляемой отеческою нивой.

Я помню, что тогда, без сил, без образца,
Нетерпеливое познал я побужденье

В служенье чистых муз истратить жизни бденье
И, песнями воспален российского певца,
Со тщаньем воспитал душевно заблужденье
Услышать гордое название творца.

Пекущейся потом воззрением судьбины,
Как некий слабый знак, проникнувший из тины,
Что пахаря рукой или отлитьем волн
Живяе прозябет, дыханьем чистым полн,
Свободен окончатъ в далеких вѣсах странство,
Петрополь я узрел, и радостей пиянство
Из чаши полная, счастливый отрок, пил.
Мнил розы попить, где только я ступил,
На каждой находил стезе очарованья,
Дань сердца низлагал пред стопы дарованья.
Надежда, что в сердцах у юношей живет,
Мечтаниями мне наполнила весь свет.
Всех другом быть хотел, со всеми соглашался,
Всё чувствовать, всё знать и делать покушался.

Со откровением дотоль нечувствовавших сил
На что свой алчущий я взор ни преносил,
Знаменовалось всё присутствием восхищенья.
Надежды счастья, надежды просвещенья,
Искусства зданья, знакомства, суеты
И добродетели высокие черты
Глубокие в душе влиянья оставляли.
Все действия мои восторг знаменовали.
Я плакал сладостно, Дмитревский, в первый раз
Твой сердцу сродственный, волшебный слыша глас,
Трепеща, спровождал твое рукодвиженье,
Всесильно быстрое делил обвороженье
Неудовольственной и ропщущей любви
Иль стужу ужаса, лиющусь по крови.

Вливались по чреде во чувства обольщенны
То Метастазьевы творения священны,
То чащи сладостна витийствия соты,
В которых таяла, о Бонафини, ты!
То Колтелиньевы разительны черты,
Восторга полными согласьями одеты,
<Заченьшимись> в душе премрачного Траеты.

Наставлен чтением, иль лучше — обольщен,
При слове «отчество» я зрелся восхищен
И образ одного мечтательный составил
Из черт, которые в душе моей оставил
Певец величия, героев и заслуг,
Что был Шувалова любимец или друг.

Могу ль здесь посвятить жаления той тени,
Котора, в злачные сходя блаженных сени,
Прекрасной музою была спровождена
И, жизни видя нить, скользящу с вретена,
Не возлагаючи на очи покрывала,
Влияния души своей начертывала.
Изобретатель игр и резвых чертежей,
Где им рисованы игрок и Елисей,
Являющий черты, изъяты из Вергилия,
Он быстро преходил и будто без усилья
К восторгам, коими дух Пиндаров горел,
И лирою его Екатерину пел.
Обильные красы, в душе его хранимы,
В стенаньях сладостно лились Иеронимы.
Под кистию его Овидий оживал.
И что бы письменам еще он даровал,
Когда б, не похищен нечаянной волною,
Он юность превзошел премудрой сединою.
Итак, уж сотворял себе он кисти вновь
И песнью посвящал небесную любовь
И граций нравственных, которых прелесть зрима
Тобой иль равными тебе, о Диотима!

Ах! он не воспрещал исканиям моим
Без хитрости ему пред очи представляться,
Стесняться толпой, чтоб к сердцу устремляться, —
Он делал более и, чувствием водим,
Со снисхождением отвечивал он им.

Вообразите же, коль можно, ощущенья
Пиита-юноши, которому во слух
Катятся радости и гласы ободренья.
Усилен, осиян сей честью защищенья,
Во полноту свою тогда восходит дух
И совершаются златые сновиденья,

Тогда подьемлются безропотные бденья
И оставляется во полночь лъстящий пух.
Творишь, восторга полн, и сладки изумленья
Влекут перед тебя готовы умиленья.

Но, юноши, чтоб огонь сей в персях не потух,
Блудитесь пагубных начал прикосновенья.
Такая ж быль и мой недолог славы сон,
И дар я чувствовал, чтоб знать сговор.
Еще пристрастие к искусству сохраняю,
И кажется, что дух восторгом наполняю,
Твоей священныя внимая звук трубы,
Увенчанный певец казанския судьбы!
С твоей прелестною Сумбекою в изгнание
Я слышу волжских нимф безгласное стенанье
И верю каждому волшебству чудеси,
Когда до третьего взлетаю небеси;
До преисподнего спускаешься помоста —
Ты вырываешь кисть из рук у Ариоста,
Животворящу кисть, которыя черты
И в своенравиях не тратят красоты;
Но дух мой твоего внушенья недостоин:
В сени знамен твоих последний самый воин,
Меж тем как за тобой идти боюсь,
В бесславной праздности я ныне остаюсь.
Ах, долго, долго ль так и мне себя томить,
Теряя дни мои во праздности поносной?
О размышление, приди ты жизни косной!

1780

124. ОТРЫВОК
К В. В. ХАНЫКОВУ

Стыдяся праздности, ее оковы рушу,
Желаю чувствовать, что я имею душу.
От продолжающась сего небытия,
Во бездну коего уходит жизнь моя,
Желаю, трепетный, спастись в твои объяття
И именем твоим рассеять мглу понятия.
Вопль сердца моего услышишь ли в своем
И слогу моему дашь чувствия взаем?

Нет, красок мрачности такой не существует,
Котора жизни вид моей изобразует.
Во скудном круге чувств и мыслей огражден,
Ко побуждению животных приведен,
Без жалости на жизнь взираю преходящу.
Всё трогает тоску, едину в сердце бдящу.
Но, пишучи моих последованье пень,
Я света более употребляю тень
И потому, что все признания жестоки,
Чертою заключить стараюсь все пороки.
Сей дар, который я не смею называть,
Искусство тихие свирели надувать
Ушло. И так оно пороком угнеталось.
Ах! добродетели едва ли мне осталось
И столько, чтоб жалеть лишения ея.
О, если б ложною нашлася кисть моя!

1779 (?) или 1780 (?)

125. ПИСЬМО К ФЕОНЕ

Во ослаблении томящейся души
Вообразиться мне, Феона, ты спеши
И сердце, коего ты голос разумела,
Которое в своем владении имела,
Присутствием своим потщишься озарить,
Терпи, что я с тобой днесь буду говорить.
Бывало, что, стихов писатель неоскудных,
Я вольно странствовал в стезях и самых трудных,
И, смертных к сладостной неволе приманя,
Я сам заставить мог, чтоб слушали меня.
Теперь, о милая, себя тем забавляю,
Что будтомышлю я, коль стопы составляю.
Снедается всё то, что памяти вверял,
И, всё теряючи, я слезы потерял;
Но в трате сей меня что более терзает —
Прекрасный образ твой из сердца исчезает;
Понятий, склонностей и чувствий страж моих,
Из сердца моего я зрел бегущих их.
Со добродетелью они лишь обитают.
Со добродетелью и музы отлетают!

От коих прочь она ушла во облака,
И «Россиада» тем без живописи дска.
Феона! твоего молю я возвращенья!
Прибавь глубокость мне и силу ощущенья
И в памяти моей возобнови черты,
В которых в лучши дни являлася мне ты.
Довольно ль, что ко мне ты нежность ощущаешь,
Коль счастья чувствовать ты мне не сообщаешь?
Порочный человек! Какая часть моя?
Вздыхания мои суть дики так, как я.
Сильнейшее во мне рождающесь понятие
Едва ль в душе твоей есть чувства начатые.
Люблю, но мне любовь не есть сладчайше чувство,
Нетронут прехожу творения искусства,
И чувство зависти во мне не столько живо,
Что славы поприще оставил я лениво.
Нравоучение, коль есть во мне оно,
Своих небесных черт, мне зрится, лишено,
Не столько для того, чтоб сделался я злобен,
Но ум к прекрасному стал менее способен.
Надежда, слабый друг несчастливых людей,
Забвенной хижины преходит праг моей.
Но дружба, но родство, как ты их ощущаешь,
Бесценны нежности, ты кои освящаешь,
Не отвращаются несчастного оне.
Пристрастия свои присвоила ты мне.
В отсутствии со мной, заемлешься ты мною;
Ты мыслишь о Неве над волжскою волною;
И, с нежным целый день родителем деля,
Тьмой маленьких услуг дух отчий веселя,
Не забываешь ты отсутственного брата,
Желаешь каждый день его к себе возврата;
В дышащих нежною душой твоей листах
Ты пишешь мне мой долг — ах! во твоих устах
Все добродетели спасительной уроки!
Приди — и не дерзнут приблизиться пороки.

1781

За кусточком девица
Горько плачет и рвется:
Темна ночь наступает,
Милый друг не приходит.
Милый друг обещал ей
Поздно под вечер быть тут,
Чтобы клясться Полелю
И при месячном свете
В путь отправиться вместе
В чужу дальну сторонку,
Прочь от Твери любезной.
В ней оставила бедна
Мать, отца, род и племя.
Друг оставил несчастну,
Чтобы ехать на службу
Против злых бусурманов
Ко великому князю.
Плачет бедная, плачет
Тихо. . . В полночь не стало
Боле плакати силы,
И терзания стали
Сердце рвати девицы.
Милосердый небесный
Дух помог ей кончатся
И убавил мученья,
Бедной, ей половину.
Тень возвеялась девы
В рощи добрых усопших.
Тело усопшей осталось
Бездыханно, покойно
И нестрашно, хоть бледно.
Возвратилась улыбка
Беспорочности знаком,
И легли так одежды,
Как быть должны девицы.
Между тем не находит
Друг дороги из Твери,
И запутали тропки
Всюду лешие ждуши.
Совы, филины страшны,

С человеческим гласом
И со очи горящи,
С сука на сук летают
И крылами своими
Бьют изменничьи плечи.
И, бросаясь, объемлет
Мать сыру землю странник,
Зарыдав, залившись
Горючими слезами.
Ему мстилось: тряслася
И земля, и слышал
По спине он колесы
Громовой колесницы.
Пораженный, скитался
Девять дней и ночей он.
Со десятой зарею
Набежал на любезну.
Совершил он ей тризну,
Совершил — и тут умер.

1781

127. К АЛЗОРЕ

Пленен приятностью твоих невинных лет,
Вкушаю сладость
Направить за тобой мечтания полет,
Твой образ в сердце звать и вкупе с ним же радость,
Котору бог любви из глаз твоих лиет.
Ты сердца простоту в поступках возвещаешь
И, мнится, всех любя, не любишь никого.
Но ты, Алзора, ощущаешь
Сладчайший сердца миг биенья твоего.
Спешит уж время то, что сладостным присутствием
Ты будешь юношей толпы останавливать.
Тогда, знакомый твой, я буду с многолюдством,
Но их счастливее, их вздохи разделять.

1781

128. К И. Ф. БОГДАНОВИЧУ

Любезный человек и живописец граций,
Скажи мне, кто тебя учил:
Албан или Гораций, —
Когда ты живопись с поэзиею слил
И мать любви великолепно
Заставил с негою носиться по волнам
Или велел несчетным женихам
Вздыхать и Душеньке молиться раболепно?
Твой Гений так хотел,
Душою мягкой одаренный,
И стихотворец, им вперенный,
Писал, что друг его невидимый велел.
В сии минуты восхищенья,
Конечно, Богданович, ты
Имел перед собой понятие красоты
И бытия живейши ощущенья,
Конечно, счастлив был дыханием мечты.
Ах, некогда и я, хоть не с твоим талантом,
В обманах сладких вел свои спокойны дни
И, уклоняясь военныя брони,
Во пиитической сени
Мечтал Авзонию с Евандром и Паллантом,
Ентеллом брошены в средину кистени —
Мечты Вергилия, боготворенна Дантом
И подраженного Ринальдовым певцом.
Я предлагал себе быть их учеником,
Ко добродетели имел благоговенье.
Пороком менее влеком,
Прекрасного почти я видел откровенье;
Я был величествен: я был в повиновенье
Моральныя души, и чувством, языком<...>

11 июля 1782

129. ОБЩЕСТВЕННЫЕ СТИХИ

Доратом быть! какое заблужденье
Творить стишки, сияющи умом.
Сей легкий смех, сей вкус во обхожденье —

Кто даст мне их? Доратовым пером
Амур писал свое изображение.
Он снял с него одиножды шелом
И граций дал ему в повиновенье;
И жрец его, ушедший в преселенье
На Стиксов брег, живет в приосененье
С Овидием и Тейским стариком,
Душ легких сонм их слушая во мленье.
Мне быть нельзя его учеником.
Принадлежа по случаю ко скопу
Медлительных, безогненных особ,
Которые рифмуют, сморща лоб, —
В сердитый час я видел Каллиопу.
Свирель моя, служившая Циклопу,
Приводит нимф испуганных в озноб.
Сношенья нет от кедра ко иссопу.
Мгновенья плод, приятные стишки
Рождаются в большом прекрасном свете
И так, как он, свободны и легки;
Как бабочки в роскошном лете,
Летают вкруг, садятся на цветки,
Но на одном не могут быть предмете.
Счастливы те, которы цвет ума
Соединить умели с рассуждением:
Знаток на них взирает с снисхожденьем,
Красавица читает их сама.

1782

130

Иной бы стал непостоянством
Тебе, Клариса, попрекать,
А я гнушаюся тиранством,
Красавиц знаю почитать.
Я уважаю ваше право
Любить, покуда вам кто мил,
И, рассуждая очень здраво,
Не спрашиваю свыше сил.
Счастлив, кто нес твои оковы,
Что нужды, месяц или день,

213

Пусть он приемлет узы новы,
Твоих красот не найдет тень.
Где сыщет эти своенравья,
Улыбку, гнев и гордый взор,
Сии внушения тщеславья,
Злословья полный разговор?
Все эти злости, столь любезны,
Твою непостижиму власть,
Твои оплошности, полезны
Рассудок наш и сердце красть.
Клариса, ставши постоянной,
Была бы меньше хороша:
Самой Киприде изваянной
Недостает еще душа.

1782

131. ПРАВОУЧИТЕЛЬ

Когда бы откупиться
От смерти мы могли,
Льзя было бы скупиться,
Чтоб денежки спасли.
Но бедно иль богато
Коль должно умирать,
На то серебро и злато,
Чтобы его мотать.

Премудрость нас приводит
Ко счастью тишиной.
Но к нам она приходит
С жезлом и сединой.
Дней наших половина
Еще не перешла:
Пускай заморски вина
Обходят вокруг стола.

Любовны подлипалы,
Смотрите, как смешно:
Алкид у ног Омфалы
Крутит веретено;

Но Нисы томны взоры,
И Хлои нежна трель,
Аглаи разговоры. . .
Подайте нам кудель.

1782

132. ПОДАРОК

Темире ленточка! подарок в именины!
А что ж? Когда она в Темириных власах,
Простая ленточка тогда в моих глазах
Дороже, нежели все перлы и рубины.

1782

133. ОТЪЕЗД

Любови, грации, простите
И за подругою летите,
За Ниной вашей и моей.
Ах, вашей, вашей несомненно,
Затем, что здесь уединенно
Я только слезы лью по ней.

Но вы стократ благополучны:
С своею милой неразлучны,
Как воздух, зыблетесь вокруг,
Как ветер, веете власами,
Ее играетесь красами,
Как вами Душенькин супруг.

Играйте осторожно с Ниной
И берегите над стремниной
<Раскат> ее бегущих ног,
Смотрите козней и препятыя,
Чтоб не схватил ее в объятья
Какой-нибудь бегущий бог.

1782 (?)

Воспоминаю дни, с тобою провожденны,
 Мечтами заняты и ими услажденны,
 Как в мыслях суетных мя сердца слышать глас,
 Любили мудрость мы, бежавшую от нас;
 Воспоминаю те счастливые мгновенья,
 Как, делая себе взаимны откровенья,
 Со жаром юности, со искренностью лет
 Друг другу добрых дел показывали след.
 Спокойно, при огне хлад зимний умягчая,
 Сретали счастье, найти его не чая.
 То британский муж¹ в «Ношах» изображал нам свет
 Картиной, в коей мрак снедает слабый свет,
 Возлюбленных детей оплакивая тризны;
 То Беренису чли, творящу укоризны
 Герою, кой себе лишь был немилосерд.
 Судили, что Расин превыше мрачных черт
 Пиита, кой для слез оставил брег Тамизы.
 Мы льстились ощущать вздыханья «Гелонизы»;
 Сниспосылали дань почтения и слез
 Туда, где лучших зрит позорища небес
 И наслаждается премудрых разговором
 Руссо, проникнувший грудь смертных тайным
взором.

Сии мечтания, чувствительности глас,
 Приидут ли опять и усладят ли нас?
 Не прокатились ли в сердцах они однажды,
 Источник осушив спасительныя жажды
 Быть тронуту, вздыхать, позабывать себя
 Во состраданиях, существовать любя?
 Те трепетания, что чувствуешь в шестнадцать,
 Вместишь ли в сердце их, переступивши двадцать,
 Когда уже, с мечты бросаем на мечту,
 Ты видел мрак и волн измерил высоту,
 И душу чувствовал, скользящу в бездну смерти,
 Когда действительность сердечну дал ты стерти
 Насильным чувствам и яростным страстям,
 Сим добродетелям и счастья татям?
 Без добродетели где сердце успокоить?
 Без счастья рушишь всё, что думаешь ты строить.

¹ Юнг.

И подлый эгоизм, тобою овладев,
Все чувства любви во свой поглотит зев.
Без восхищения ты узришь лучша друга,
И нежных дней твоих прекрасная подруга
Простой девицею предстанет пред тобой.
Ты умер, — и почто во сердце длится бой?
Не остановит кровь во жилах обращенья, —
Но красота прости, любовь и восхищенья!
Ты будешь зреть еще, но всё, что зришь, мертво,
И всюду грубое ты встретишь вещество.
Приди, чувствительность! и воскреси несчастна
Ты, оживления даятельница властна,
Воспламени в нем жизнь, биенья возврати,
Отверзи чувства заросшие пути.
Пусть бедный отдохнет, еще узнав природу,
И плачет с радости, причтен ко смертных роду;
Он будет сын, отец, любовник и супруг, —
Расскажет чадам он минувший свой недуг,
Свое отторженье, чувствительности трату
И будет их просить, любви своей в уплату,
Чтоб юные сердца не отлучались ввек
От чувствий, чем одним и счастлив человек.
Блажен, мой добрый друг! что, сам себе подобен,
Строг только для себя, ко всем другим незлобен,
Свободно носишь ты налоги жития,
Чувствительности страж ревнивый своя.

<1783>

135. ПОСЛАНИЕ О ЛЕГКОМ СТИХОТВОРЕНИИ

к А. М. БР(ЯН)ЧАНИНОВУ

Любвных резвостей своих летописатель,
Моих нежнейших лет товарищ и приятель,
Что делаешь теперь у Северной Двины?
Совсем ли погружен в Фемидины ученья,
Дедала ябеды проходишь кривизны
И пишешь заключенья,
Отрекшись рифм и муз
И бросив навсегда любовны приключенья?
Или, не скинувши еще сердечных уз,

Вздыхаешь и еще любовны песни пишешь,
Богат любовью, которою ты дышишь?
Какою хитростью содержишь ты союз
Меж смуглой красоты и между белокурой,
Обеим верен быв?
Клянешься ль их красой пред умницей и дурой,
Во увереньях тщив?
И занимаясь еще литературой,
Возводишь ли ты их стихами в лестный чин
И Лезбий и Корин?

Послушай моего раскола толкованье:
Какими средствами хочу,
Чтобы досталось рифмачу
Любви достойного писателя названье.
Два титла разные — «любовник» и «пиит» —
Сливаются в одно и могут разделиться.
В Кифере более Гомера знаменит
Вздыхающий Мимнерм¹: он лучше знал
любиться.

Нет, Муза не бежит сообщества любви.
Охотно странствует она ее стезею
И наслажденья длит приятностью своею, —
Счастливый спутник их! цветы весною рви.

Таков сей Колардо, исполнен чувством счастья,
Которым он в руках Глицеры упоен,
Слагал стихи, вдыхаючи пристрастья
И сыплющие огонь, которым был он сжен;
Таков Дорат, Бернис, быв маленьким игумном,
Бессмертью предали их юную любовь.
За ними тысящи являющихся вновь
Творцов, сияющих в народе остроумном.

Меж наших баричей зачем я меньше зрю
Произведеньями хотящих удостоить
Российския поэзии зарю?
Кому ко вкусу нас удобнее настроить,
Как не судьям рожденным щегольства

¹ Plus in amore valet Mimnermi versus Homero. Propert. (Стих Мимнерма в любви гораздо Гомерова выше. Проперций (Пер. А. Фета). — Ред.)

И собеседникам при столиках уборных?
Ваш легкий разговор наполнен мастерства,
Вы не скудаетесь в речениях отборных;
Зачем не уделить от ваших дел придворных
Немножко праздности, чтоб слова два
Стишков бесхитростных набросить на бумагу?
Французски рыцари с пером считали шпагу

И не были смешнее от того.

Пезей недавно жил — живет Буфлер — Овидий:
В стихах и на платне он пишет нежных Лидий

И в обществе не тратит ничего.

Какое счастье! какое заблужденье
Достойно заменить прямое наслажденье!
Во сокровенности внимать обмана глас,
Что письмен в области считают люди нас;
От наших разумов желают славной дани
Картин, согласия и чувстваия утех;
Во начертаньях нашей длани
Старинных витязей желают видеть брани,
Вверяют править свой в явленье плач и смех.

Я был тщеславнее, когда я был моложе
(Признание, видите, гораздо с правдой схоже):
Я зачал было вдруг два разные пути,
Во расстоянии идущие далеко:
Хотел способности себе я запасти,
Чтоб стихотворцем быть и светским человеком

И удержать в согласье неком

Со философией рассеяния вкус.
Обоими забрел в непроходимы степи.
Порядки общества суть мыслящему цепи,
А тот, кто в обществе свой выдержал искус
Зевает в обхожденье муз.

В науке нравиться учу я основанья
И, старый ученик, не знаю и аза;
И не задремлетя со мной лоза,
Которой свет дает свои увещеванья.
Меж тем умедлены успехи дарованья,
Которо льстился я в поэзии иметь.

Умедлены? . . я выражаю мало:

Их уничтожено в душе моей начало.
Прелестна лень поставила мне сеть,
Из коей я не выду:
Не быв Ринальдом, я нашел свою Армиду
И, обленяся, забыл искусство петь.

Пиитом трудно быть, полегче офицером.
С Доратом я успел сравняться в том,
Что он был мускетером.
Но пусть я напишу урывков том —
Не буду чтом:
Не удостоюся Дората взять примером
В его фантазиях, посланьях, «Холостом»,
Ни во «Ельвириной ошибке» за кустом.
Или в сем воздухе отягощенном, сером
Не можно стать Буфлером,
Не можно красоты быть сладостным певцом
И вместе ревностным ее же кавалером?

Не хладным воздухом стесненна голова:
Причиной то, что мы вне общества коснеем.
Мы этих не имеем
Болтанья и шпынства:
Робчае испускать слова мы остры смеем,
Которы с лихвою уходят в общества
И упражняют злобу
Голов сияющих, не занятых ничем,
Которые зевают от систем
И слышать чувства не могут без ознобу.
Творцы, далекие от общества госпож,
Самодвигалища, в искусстве жить невежи,
Готовы впасть во вертопрашьи мрежи,
На коих дамы взор наводит дрожь, —
Напишут ли они в своих посланьях то ж,
Что щегольский Дорат и школьники Волтера,
Сего чудесного столетнего шалбера,
По превосходству мудреца,
Который говорил прекрасными стихами,
К которому стихи в уста входили сами.
Его приветствия не чувствуют писца,
Но просвещенного и тонкого маркиза.

С той разностью, что тот не мог воспеть бы Гиза,
Не мог бы написать — шестидесяти лет —
Вступающа в Китай великого Чингиза,
Унизить свой потом трагический полет
К маркизу де Вильет,
И во власах седых бренчать еще на лире
Младые шалости, и растворять в сатире
Свой лицемерный слог,
И философствовать с величеством о мире,
О мироздателе — Волтер всё это мог.
И славну старость вел, со завистью у ног,
Превыше хвал, превыше порицаний.
В Париже сколько восклицаний,
Когда явился он к принятию венца!
Изящные умы, боярыни, вельможи,
Придворных легкий рой из королевской ложи
Плескали долго в честь великого творца.
За ними вся толпа плескала без конца.
Неподражателен во легоньких твореньях,
Каков величествен в мудреческих пареньях,
Писал безделицы и сказочки точил
Друзьям своим, начинены соблазном,
Всегда смышлен, сияющ, мил,
Являя истину во одеянье разном.
Такой-то нравится во обществе творец,
Перебегающий все чувствований струны,
Который изжил бы во свете лета юны
И сделался мудрец
Волненьями Фортуны,
Открывшими ему излучины сердец.
Умеет строить он свой голос важно, резво,
И верный вкус и рассужденье трезво
Хранят его пути,
На высоту ли он иль хочет вниз идти.

Затем, что вить совсем другое балагурить,
Другое — умствовать в стихах.
В издевошном письме, не мысля о вещах,
Касаются их вскользь: и воля бедокурить
Двойными рифмами, на свой, однако, страх,
Чтоб скуки через них не вышло удвоенья.
Под защищением словца

Проходят молнией пустые выраженья,
Полурисованны чертой изображенья,
Уподобленья без конца.

Таким-то тоном
Пиянствуя, Шапелль, поддержан Башомоном,
Описывал свой путь
В Шампанью.

Но должно тростие свое перевернуть,
Коль обратим его к учебному писанью.

Желает философ,
Чтоб столько весу, сколько слов,
Вмещалось в стихах простых и благородных,
С своим предлогом сходных.

Чтоб слог исполнен смысла тек,
От возглашения надменного далек;
Чтоб мыслей правильны все были переходы
И в полном виде их представлены доводы.

Но суд удобен всем: искусство тяжело.
Посудим-ка себя, нахмуривши чело.

Увы! . . я не сорвал без терний розу.
Мое достоинство — писать на рифмах прозу,
Без воображения, противу языка,
Всечасно падая под критикову лозу.
Осталось ли со мной сравненье виртуозу,
Пленяющему слух движением смычка?
Его художество прекрасно, благородно;
Мое — удобно всем и слуху неудобно.
Чтобы возвыситься, поэзия должна
Из живописи быть с музыкой сложена.
Достоин Ариост идти с Паизиеллом,
Но сельский скоморох достался мне уделом,
Который, на гудке заставлен поскрыпеть,
Мешает мужикам согласно песню спеть.

За чувствование, вселяющесь глубоко,
За полный мыслью слог, за живописно око,
За прелести ума и мастерство писать
Должна пиитов честь в веках не угасать;
Но не за то, что рифм обилие имели
И ими вещь облечь нестоюще умели.
В стихе изломанном мысль добрая падет,

Но стих есть только звук, когда в нем мысли нет.
Писать есть обще всем — писать, как мастер, редко.
Затем-то видим мы, что мелочи умов,
Каков Гораций был, суть прелестью веков;
Меж тем как книги в лист сжирает время едко
Иль оставляет жить для сраму их творцов.
Пишите, коим кисть дала природа в руки
И взор, чтоб облететь безмерной круг науки,
Пишите, не боясь, что зависть станет грызть, —
Восторги ваши вам успехов суть поруки,
Вселенной красота — для ваших черт корысть.

1783

136. НАДПИСЬ
К ИЗОБРАЖЕНИЮ АЛИНЫ

Алины здесь ты зришь изображенье,
За коей вслед идет обвороженье
И нежные смущенья льются в кровь.
Ребенок злой, прелестный как любовь,
Которой всё убранство в небреженье,
Которая, сводя людей с ума,
В безумстве всех спокойствует сама.

1784

137. МИЛОЕ ДИТЯ

Ты мне делаешь приветства,
Пляшешь весело со мной,
И во всех забавах детства
Я всегда товарищ твой.

Ты со мной не умолкаешь,
Песни мне свои поешь,
Мне отсутствие попрекаешь
И со мною в пальцы шьешь.

Но когда язык отважный
Станет страсть изображать,

Вдруг ты сделаешься важной —
Я не смею продолжать.

А, Розана, ты плутовка,
Ты уж вышла из детей.
Хладный вид — одна уловка,
И Амур смеется ей.

Между 1779 и 1784 (?)

138. ПОСТОЯНСТВО

Воздыхати приученно,
Сердце может ли мое,
Не прервавши бытие,
Зреть, о небо! пресеченно
Упражнение свое?

Я могу тебя, сурову,
Без надежды обожать,
Слезы в сих глазах держать
И оставить жизнь по слову,
Не преста <вши> воздыхать.

Между 1779 и 1784 (?)

139. ИСТИННАЯ КРАСОТА

Взор сияющ, очи ясны,
Сладок голос уст твоих —
Все черты твои прекрасны,
Нина, — лучше сердце их.

Мы сперва к тебе влекомы
Внешней вида красотой.
Более с тобой знакомы —
Забываем образ твой.

Удивленья наше данью
Добродетелям твоим.

Дух, отверстый состраданью,
Тьмою прелестей ценим.

Разум твой, небесный Гений,
Из стыдящихся ланит,
Сладких гласа наклонений,
Из улыбки говорит.

Крылья время низлагает
У твоих, драгая, ног,
И в объятья прибегает
Твой питомец — нежный бог.

Мнит, что видел он Киприду,
Но Киприду без вины,
Как предстала смертных виду,
Только вышел из волны.

Как весна твоя прекрасна,
Будет осень хороша.
Старость прелестям опасна,
В вечной юности душа.

Между 1779 и 1784 (?)

140. РАЗЛУКА

Боги! всё, что злее в муке,
Всё то в сердце сем брегу:
Я с Еглеею в разлуке,
Быть несчастней не могу.
Я чувствителен был ею,
Для нее я трепетал.
Вы похитили Еглею,
Я теперь бесстрашен стал.
Я бегу приятной неги,
Мрачну зреть желая твердь,
В море слышать ветров беги,
Ощущать пришедшу смерть.

Между 1779 и 1784 (?)

Любимцы гения от самой колыбели
 Прекрасного заедают нежный вкус,
 И водят граций хор, и слышат песни муз.
 Тьмой разных он путей ведет их к славной цели
 И расточает тьму даров:
 И плески множества, и почести дворов,
 И душ отменных дружбу.
 Дыханьем гения тревожится пиит,
 И умствует мудрец, и рвется сибарит
 Из рук отчаянной любовницы на службу,
 И в двадцать лет уже победой знаменит.
 Но менее сердит,
 Сей гений резвости влагает в пустомелю,
 Который при дворе на службе ту неделю
 С Темирой томною на арфе он звенит,
 Внушает сказку Мармонтелю
 И с Бомарше смешит.
 Не может тяжкий труд и хладно размышленья
 Мгновенным гения полетам подражать,
 И сокровенную печать,
 Которая его дает благоволенья,
 Нельзя искусству похищать.
 Сей огонь божественный, сие одушевленье,
 Которое творит, —
 Он, он его своим возлюбленным дарит;
 Он обращает им все средства в наставленья.
 Вергилиев, Корреджев колорит,
 Иль поражающий и живописный вид
 Природы дикой, мрачной,
 Иль сердце нежное, которо тонко спит
 Под дымкою прозрачной, —
 Всё служит гению. Малейшие черты
 Источником ему бывают красоты,
 Но со счастливейшим души образованьем,
 Когда бы льстился мирт со лавром соплетать,
 Сердечный терн быть может дара тать;
 Душевно здравие владеет дарованьем.
 Ах! если дух тесним страстей обуреаньем
 И свет покрыт густою тьмой,
 Тогда и гений сам светильник гасит свой.

Воспитанник его, оставленный и сырый,
С расстроенною лирой,
Заросшей странствует тропой.
Соперник дерзостный Албана
Иль Тассов ученик,

Произведет ли он дышащий граций лик
Или Арמידин сад в середине океана?
Услышит *Духа бурь* во песнях Оссиана
Иль с Юнгом, может быть,
Он будет слезы лить.
Но сей покров волшебный,

Который для него природу одевал,
Рукою снят враждебной,
И мир без своего очарованья стал.
Не будет боле он в сени уединенной,
У тока чистых вод,

Взирати, восхищен, на ясный неба свод
И жить с природою, потерян во вселенной.
Без нужды воздыхать, возможно ль петь любовь?
И между тем как томна кровь
Влачится тягостно Меандром,

Изобразит ли он любимую Леандром,
Уединенную священницу любви,
Прекрасну Иро, во крови

У башни, где вела счастливейшу неволю,
С возлюбленным своим деляшу горьку долю?
Изобретет ли он волшебный островок
И посреди его лиющийся поток,
Над коим зыблются древесные вершины,
Остановляющий журчание свое
Для восприятия стыдящихся Лины,
И шорох листвивя, пугающий ее?

Ах! должно быть природы милым чадом,
И слышать глас ея,

И в полноте вкушать всю сладость бытия.

Коль беден тот, что скорби хладом
Зрел юности цветы поблекши своя;
Неосторожно свел две сцены жития,
Со утром сумерки, надежды с сожаленьем,
И, чашу роскоши стремительно пия,
Все выпил радости и вместе с вожделеньем!

Черта, как молния, незапна и сильна,
 Блеснув по разуму, во сердце ускользнула,
 Изнемогающе под тягостию сна.
 Шенстона, Колардо она воспомянула.
 Мое отчаянье влачится по следам
 За ними
 <К потомственным> родам, —
 Не без отличия меж старшими моими.
 Воспоминание минувшия мечты,
 Зачем приходишь ты
 В сем сердце пробуждать желанья бесполезны?
 Из смертных кто дерзнет восхитить дар небес,
 Сии движения, всеильны и любезны,
 Которых ты, рождаясь, не принес?
 Другие излиют душ нежных ощущенья
 Под сенью миртовых деревьев,
 Других вздыхания составят восхищенье
 Чувствительных прекрасных дев.
 И дарование согласий иногда
 Бывает отнято от духа недостойна,
 Дичает лира стройна,
 И стоит тяжкого труда
 Согласье разбудить в струнах ее заснувших.
 Отяжелевшая и грубая душа
 Едва сквозь облако вспомянет дни минувши,
 Когда для красоты, для чувства дыша,
 Жила природы в лоне
 И в хижине своей быть чаяла на троне.
 Воспоминания ей силы не дают,
 С ней музы не поют,
 Не беседуют так тайно, как подруги,
 И восхитительных не открывают снов.
 Пиит скрывается: печальный философ
 Бессилен врачевать, зря собственны недуги.

1786

Богиня сильная согласия и лиры!
 Ты, коей лишены, сердца томятся сиры;
 Приди, чувствительность иль резвая мечта,
 Во одышаемы от Севера места.
 Из рощей, зыблемых во океане Юга,
 Приди и прикоснись, о нимфа! персей друга:
 Да обаяния Любви воспою,
 Другой волшебницы. Предай их бытию
 Картины счастья. . . Какое положенье,
 Когда, оставив свет и всё его движенье
 Тем легким разумам, которых вечно зрим
 Другими скученных и скукой мстящих им,
 Во обиталище задумчивости входишь —
 Простертие лесов — и, млея, препроводишь
 Дня светлые часы, раб сердца своего!
 Меж тем как ни одно биение его
 Без ощущения в груди не исчезает.
 Никая мрачна мысль тебя не угрызает.
 Ты предан весь себе, природе и драгой,
 Тебе единому присутственной, златой,
 И гибнешь в красоте, и зришь души сиянье,
 Которой красота есть только одеянье.
 Сие мечтание прелестней бытия. . .
 Всё зрится в образе любимой твоя,
 На сретенье к тебе спешаше отовсюду
 И новы красоты влекуще из-под спуду,
 Которым без того природа кроет их,
 Ненадлежащий взор чтоб оных не постиг.
 Влюбленного очам ясная день сияет:
 Волшебства смутные природа исполняет,
 Душа величится, и силы, спящи в ней,
 Восходят в полноту деятельности всей.
 Легчайша воздуха, другого мира житель,
 Тобой приемлет жизнь окрестная обитель:
 Плавнее льется ток, лияся близ тебя,
 Вздыхающий Зефир вздыхает, любя,
 И после жизнь твоя вся преидет в восхищенье.
 Армидин остров что, когда не ощущение,
 Не повесть зиждимых любовию чудес,
 Котору Тасс нашед, нам в басню перенес?

Чье твердо сердце, зря Ринальда в заблужденье,
Стоически ему предпишет осужденье?
Какой на свете есть враг граций и нахал,
Кто в первой красоте, по коей воздыхал,
Не видел всех приятств? Чего ты смертный боле?
Искусства! у Любви воспитаны вы в школе.
Любовь, я думаю, всех перее была,
Которая с небес согласья принесла
И дарованию давала наставленья.
Она безоблачно представила явленья,
Которых существо для прочих туне есть,
Но живописец зрит и может произвести.
Она-то головы Албана рисовала,
К Расиновым словам пристрастье приковала,
Дидоне в ярости велела умереть,
Соперницу ее дала в Сумбеке зреть.
Не зрите ли, что тем искусства и прекрасны,
Чем сходства их черты с любовью боле ясны,
Чем боле красоты в них виден образец,
Чем легче отверзать умеют путь сердец?
Но света ль и теней согласное слиянье,
Тибулловы ль стихи иль Фидия ваенье
Единую мечту любви заменят?
Ах, сколько есть таких, которы их винят?
Наставник Юлии изрек им осужденье,
Любви — нет. Она природы насажденье,
Орудие ее, нерушимый обет,
Отрада, нужная для равновесья бед.
Не только что сердец любви не затворяет,
Он воздыханий их невинность одобряет,
Он жилу счастья не хочет отвратить,
Котора в сердце бьет и коей сильна нить,
Вселенну обходя и движа все пружины,
Всеобща племени связует половины.
Не рушит прелесть он и бережет обман,
Которым человек быть любит обаян
И коим ты его, природа, обаяешь.
Ты сладостью любить все вещи напояешь;
Дыханье мощное, преходишь небеса,
Глубоко дно морей, и долы, и леса,
И целая тобой колеблется громада.
Любовью дышит всё: от небеси до ада.

Но что я говорю? Во хладный дом теней
Любовью не был ли препровожден Орфей,
Когда уврачевать боления сердечны
Бесстрашен снисходил во мраки бесконечны?
Любовь свещу несла. За нею он ступал,
Могущество любви на лире воспевал.
Рассеявалась мгла, и чувствованья страстны
Неволею лились в сердца их непричастны,
Сердца жестокие ужасных Евменид,
И чаял царствия лишиться Аид.
Уже несчастными вкушалася отрада,
Еще мгновение — и не было бы ада,
Но жалость чувствует вовремя бог теней.
Не милосердствуя и жалостью своей,
На возвращение Орфею Евридики
Дает согласие: бегут подобий лики,
Выводят из толпы оплаканну жену,
Супругу отдают в объятья; но в цену
Великодушия условие налагают:
Ему да следует — да взоры не дерзают
Орфея бедного воскинутися к ней,
Покуда не прейдут всё царствие теней.
Скупые, что обман в любви употребили!
Скажите вы, сердца, которые любили:
Возможно ль было сей исполнити завет?
Уже на праге тьмы, уже вступал на свет —
Взглянул: и стопы вспять несчастной покатались,
И девы за нее свирепы ухватились.
Се очи плавают во хладном сне ея.
«Прости, Орфей! — гласит. — Се паки гибну я».
Вина, достойная избегнуть этой пени,
Когда бы извинять умели строги тени.

1784 или 1787

145. ПОСВЯЩЕНИЕ ТЕБЕ

Ты, к которой толь приятно обращаться сим словом выразительным, от которого любовь и дружество умеют отнимать грубость, — ты не знаешь в своем ненарушимом спокойствии, счастлива простотою и ясностью не-

порочной души, что дерзкий друг твой, который молчит в твоём присутствии от робости, вызывает на себя самовластные порицания публики, предстая пред суд её с какими-то произведениями своей неистовой музыки. Он извинителен; он тебя не видит. Один посреди множества, не разумеет семи сияющими особами большого света, не разумея их сам, он отдаётся первому своенравию, которое так его заблуждает. Отсутственному от тебя какое счастливое намерение может представиться? И честолюбие, и стихотворство, и остроумие, и знания стоят ли улыбки, которую ты восхищаешь?

Да, Гловера читать, Томсона, Шекеспира,
С сей стаей агличан соединить Омира, —
То стоит пышностей и городских сует
И взоров ласковых придворного кумира.
Но сердце их мое с охотой отдает
За непорочный твой, невинный взор, Темира.

1780-е годы

146

Во друге истинном какое наслажденье!
Выводит нужды он из сердца твоего,
Предупреждает униженье
Открытья самого.
Его смущает сновиденье,
Безделка, ничего,
Когда касается любимого его.

1780-е годы

147

Кто эту написал «Дидону»,
Не должен попрекать погрешности Прадону.

1780-е годы

Я, по Горацию, в счастливы не гоюсь:
Смеюсь, толстею, сплю; не мышлю, не тружусь.

1780-е годы

149. СТИХИ

НА КОНЧИНУ ЯКОВА БОРИСОВИЧА КНЯЖНИНА

Княжнин окончил жизнь. Умолкни, Мельпомена, —
Неутешимые так скорби говорят.
Но, слава! мертвых друг! ты буди ей замена;
Пускай уста твои урон ее гласят.
Пускай почувствуют свою глубокую рану
Герои, коих он воздвигнул от теней,
И кроткий дух творца, подобно Владисану¹,
Да снидет воспрять жаления друзей.

Начало 1791

150. БОГИНЕ НЕВЫ

Протекай спокойно, плавно,
Горделивая Нева,
Государей зданье славно
И тенисты острова!

Ты с морями сочетаешь
Бурны росски озера
И с почтеньем обтекаешь
Прах Великого Петра.

В недре моря Средиземна
Нимфы славятся твои:
До Пароса и до Лемна
Их промчались струи.

¹ Герой одной трагедии г. Княжнина.

Реки гречески стыдятся,
Вспоминая жребий свой,
Что теперь в их ток глядятся
Бостанжи с кизляр-агой;

Между тем как резвых граций
Повторяешь образ ты,
Повергая дани наций
Пред стопами Красоты.

От Тамизы и от Тага
Стая мчится кораблей,
И твоя им сродна влага
Расстилается под ней.

Я люблю твои купальни,
Где на Хлоиных красах
Одеянье скромной спальни
И амуры на часах.

Полон вечер твой пролады —
Берег движется толпой,
Как волшебной серенады
Глас приносится волной.

Ты велишь сойти туманам —
Зыби кроет тонка тьма,
И любовничьим обманам
Благосклонствуешь сама.

В час, как смертных препроводишь,
Утомленных счастьем их,
Тонким паром ты восходишь
На поверхность вод своих.

Быстрой бегом колесницы
Ты не давишь гладких вод,
И сирены вокруг царицы
Поспешают в хоровод.

Въявь богиню благосклонну
Зрит восторженный пиит,
Что проводит ночь бессонну,
Опершися на гранит.

1794

151. НАДГРОБНАЯ

ЕЛИСАВЕТЕ ЛЬВОВНЕ НАРЫШКИНОЙ,
СКОНЧАВШЕЙСЯ ИЮЛЯ 1-го 1795 ГОДА

Вчера красавица, сегодня ангел света,
Прах чистый, почивай легко, Елисавета.
Горда для радостей единого часа,
Ты только зрела их, спеша на небеса.
Не держит смерть тебя в уединеньи строгом,
Жила с невинностью — живешь, конечно,
с богом.

1795

152. К МУЗЕ

На крыльях времени мои прекрасны дни
С собой похитили и смехи, и забавы,
И нежные мечты, и обещанья славы:
Ты, Муза скромная, урон их замени.
Вернее их в своих щедротах
Отдай мне суеты ребячества; доставь
Еще мне счастье зреть старинны басни въявь
И воздыхать еще о нимфах и эротах.
Кому ты в юности спутницей была,
Того и в охлажденны леты,
Когда суровый ум дает свои советы,
Ты манием зовешь волшебного жезла
В страны роскошны и прелестны,
Страны, одной тебе известны,
Послушные тебе где льются ручейки,
Где сладостной твоей улыбкой
Яснеют небеса, вздыхают ветерки

И вьется виноград с своей лозою гибкой.

Но где равно, когда нахмуришь бровь,

Во основаниях колеблется природа,

И меркнет свет, и стынет кровь,

И потрясаются столпы небесна свода.

Игры мечтания, которых суета

Имеет более цены и наслажденья,

Чем радости скупых, честолюбивых бденья

И света шумного весь блеск и пустота!

Любимцам, Муза, ты Елизий сотворяешь

И щедро сыплешь вокруг соковища весны!

Где ты присутствуешь, там счастье водворишь

И украшаешь все страны.

От греков уклонясь Ионии роскошной,

От сени тайныя, где твой Гораций пел,

Ты посещаешь днесь край западный, полнощный

И зиждешь граций там удел,

Где дики племена вели кровавы ссоры.

Приступна всем равно и смертным и странам,

Не уважаешь ты народов перекоры

И благосклонствуешь враждебным берегам.

Делясь меж Галлии и между Албиона,

Внушаешь Валлеру и Лафонтену ты

Неподражаемы черты,

Которым нет ни правил, ни закона.

Влагаешь чувство красоты

И в резвое дитя мечты

На берегах Авона,

И в гордого певца,

Который убежал из хижины отца

От влажных берегов архангельского града,

Чтоб всюду следовать, дочь неба, за тобой

И лиру смешивать с военною трубой.

Тобою внушена бессмертна «Россиада»,

Тобою «Душенька». Ты с бардом у Невы

Священны истины вливаешь смертным в уши

Иль водишь сладостно в окрестностях Москвы

За бедной Лизою чувствительные души.

И мне с младенчества ты феею была.

Но, благосклоннее сначала,

Ты утро дней моих прилежней посещала.

Или рассеялась густая мгла

И ясный полдень мой своей покрыла тенью?
Иль лавров по следам твоим не соберу
И в песнях не преиду к другому поколенью?
Или я весь умру?

1790-е годы

153. БОЛЕСЛАВ, КОРОЛЬ ПОЛЬСКИЙ

Замолчала многих слава
И героев и царей;
Ты содержишь Болеслава,
Польша, в памяти своей.

Посреди верховной власти,
Верен дружбе и любви,
Сохранял он сильны страсти
В воскипающей крови.

Счастлив, ежели бы брата
Не имел Збигнея он,
Что глазами сопостата
Болеславов видел трон.

Не давал он мщенью места,
И виновного любя;
Ах! Збигнеева невеста!
Для чего он зрел тебя?

Как лелеет в осененье
Розу нежная весна,
Так цвела в уединенье
Ты, воллинская княжна!

Зреть, любить тебя Збигнею —
То мгновение одно.
Приступить ко Именю
Было слово уж дано.

великие души, великие
добродетели

~~нечуждая~~

величественные восторженные
души при
милых

все смерти помыслив меня
ища собою

Смирившись смертию

вздохнув зови меня

Май - 6. 1890

Раздались внезапно бубны,
В поле прах столпом стоит,
К бою звали гласы трубны, —
Побежден, Збигней бежит.

Так, как ангел-покровитель,
Входит в город Болеслав,
Зрит княжну — и победитель
Просит уз, пред ней упав.

Со Збигнеем обрученна,
Во слезах гласит княжна:
«Хоть навеки разлученна,
Буду ввек ему верна!»

Две луны прошло теченья;
Полн любовныя тоски,
Царь забыл свои раченья,
Позабыл свои полки.

Между тем не без успехов
Злобный дух Збигнеев был,
И с огромной силой чехов
Под Воллин он подступил.

Тщетно всё: от Болеслава
Побежала чехов тьма,
Взят и вождь свирепа нрава;
Не снимает он шлемá.

Пленна витязя сретае
Царь у ног княжны своей;
Меч во грудь его вонзает,
Шлем валится — то Збигней.

Где возьму я выраженья,
Чтобы горесть описать,
Коею лишась движенья,
Царь не знает, что начать.

Обратил, жестокосердный,
Меч он к сердцу своему:

Приближенных сонм усердный
Вспротивился тому.

Свой оставив трон высокой
И во рубищах простых,
Ходит в горести глубокой
По обителям святых.

Предо всеми, кто б случились,
Исповедует свой грех,
Просит он, чтоб помолились
За него владыке всех.

Должно думать, что спокойство
Наконец сошло с небес.
Ах! ни чести, ни геройство
Не спасают нас от слез.

1790-е годы

154

Величие души, заслуги, добродетель,
Военно счастье, которым мир гремит, —
Всё смерти покорил вселенная содетель.
Смиритесь, смертные: Суворов здесь лежит.

6 мая 1800

155. РОМАНС,
С КАЛЕДОНСКОГО ЯЗЫКА ПЕРЕЛОЖЕННЫЙ

Лес священный помавает
Со крутых своих вершин.
Кажется, что он взывает:
«Оссиан, Фингалов сын!

Встань, возьми шелом пернатый
И златую булаву.
Здесь стоя, твой конь крылатый
Ронит слезы на траву».

Ты взываешь — сын Фингала
Зву не внемлет твоего;
Смерти хладно покрывало
Не сорвет рука его.

Ах, несчастная Мальвина,
Здесь в полночные часы
Ищешь друга, но судьбина
Не снисходит для красы.

Сник, как утренней росой
Оживленный только цвет
Пожинается косою,
Так упал он в цвете лет.

Здесь невидима ограда
Держит друга твоего.
Слезы — вот твоя отрада, —
Слезы дойдут до него.

Или лучше взор слезящий
Возведи на горный круг:
Зри со облаком парящий,
Зри его блестящий дух —

Так, как некогда с полночных
Устремляясь берегов,
На горах гремел восточных
Посреди своих врагов,

Как советы витязь юный
Старцам мудрым подавал
Или арфы стройны струны
Гласом сладким провождал.

Он окончил дней течение —
Нас волнует жизни ток.
Бейтесь, струны, в небреженье;
Всё уносит лютый рок.

156. ЖРЕБИЙ ДЕКАРТОВ

Декарт, которого премудрое сомненье
Разрушило мечты, что разум соплетал,
От злобы убежать не мог в уединенье;
Он в хладном севере убежища искал.
Но только восприят в сообщество царицы —
Железный смерти сон сковал его зеницы.

157. К СЛАВНОМУ МОРЕХОДЦУ БЕРИНГУ

Твой остров ждал тебя, о Беринг! средь пучины,
Когда ты отделил две света половины.
Сердитый океан шумит в твоих ногах:
Твоя огромна тень ему наводит страх.

158. ПРИГЛАШЕНИЕ

В спокойствии природы
Луны приятен свет,
Когда молчат погоды
И туч на небе нет.

Теперь утихли страсти,
Движение людей:
Душа одной лишь власти
Покорствуется своей!

Приди, в сии явленья
Со мной перенесись,
Эмилий! размышленья
Мгновеньем насладись.

159. НЕСЧАСТИЕ

Единым манием вселенну управляет
Источник правды, бог, всеильный, всеблагой;
Но добрых иногда несчастье оскорбляет
И злобою своей корыствуется злой.
Кто знает, может быть, в руках твоих, содетель!
Несчастье способ есть возвысить добродетель?

160. БУРЯ

Какие громы ударяют,
Мне ужас в перси водворяют,
Висящему над стремниной?
Густой покрыто небо мглою,
Разимый яростной волною,
Разносит брег унылый вой.

Один, стихий в грозящем споре,
Не зрю ли я вселенной горе?
Не се ль ее последний вздох?
К кому прибегну я, несчастный?
Никем не слышим вопль напрасный:
Далеко все — со мною бог.

Со мною бог, не страшны громы;
Его десницею несомы,
Они вещают власть его:
Его на землю сыплют благи;
И колебанья буйной влаги
Не прейдут брега своего.

Не бойтесь, смертны, грозной бури.
Ничем не движим свод лазури
Превыше грубых облаков.
На все страны, на все творенья
Отверсто око провиденья.
Земля! не в небе ль твой покров?

161. БОЖИЕ ПРИСУТСТВИЕ

Возвысьте, земнородны, глас,
Леса, ликуйте, горы, волны:
Грядет всевышний между вас.
Все вышнего пределов полны.

Повсюду бог, где кинем взоры,
И сердце чисто — храм его.
К его подножью мысли скоры
Падут с полета своего.

Не гибнет доброе деянье,
Ни мысль добра, ни сердца вздох.
Готово в небе воздаянье,
И близко нас свидетель — бог.

Вселенной жизнь — присутствие бога;
Не умрет век душа моя.
Могила хладная дорога
Ведет в обитель жития.

Очей не можно здесь отверсти,
Чудес не видя естества.
А там, свободен грубой персти,
Увижу славу божества.

162. РАЗМЫШЛЕНИЕ

Сиянье внешнее отличий и честей,
 Души тщеславной пища,
Благополучия не доставляют ей,
Коль нет внутри ее спокойствию жилища.
 Для добрых, незлобивой души
Минуты счастья текут во всяко время;
Не вне, а в нас самих и бед и счастья семя,
И дни прекрасные лишь нами хороши.
Сие отверстие пространство ясна неба,
В котором плавают прозрачны облака,
 Озлащены лучом вечерня Феба;
Сия кристальная, покоящаясь река,

Сии кустарники, ее что осеняют,
И словом, все черты и тон картины сей
Тогда лишь нас пленяют,
Когда мы счастье храним в душе своей.

163

Мои стихи, мой друг, — осенние листья:
Родятся блеклые, без живости и цвету,
И, восхищаемы дыханий злых усты,
Пренебрегаемы разносятся по свету,
Не чтомые никем. Но дух во мне кипит
И слезы зависти катятся по ланитам,
Что, указуемый гражданами пиит,
Не достигаю я в сообщество к пиитам,
Биющим верные удары во сердца,
Со воздыханьями влекущим слезы сладки.

164

Все прелести увидишь в этом взоре,
Какие глаз вмещает голубой;
И ежели не дорожишь собой,
Зри подлинник: узнаешь, что есть горе.

165

Благодарен вам, друзья.
Сладко ем, живу беспечно
И любим еще сердечно, —
Сколь завидна часть сия!
Но какой ворожея
Или бог, явясь мгновенно,
Мне докажет несомненно,
Что любим взаправду я?
Знать, что в сердце сокровенно, —
То-то было бы бесценно,
То-то прелесть жития!
В сладости сего питья
Утоплю я сожаленье
И за ваше поздравленье
Благодарен вам, друзья.

ПЕРЕВОДЫ

166

Гнев, богиня, воспой Пелеева сына Ахилла
Пагубный, иже бесчисленны грекам содеял болезни,
Многие души великие в ров испустил преисподний
Витязей, их же самих добычею псов сотворил есть.
Также пернатых всех. Убо Диев совет совершался...

27 марта 1778

167

Ужасно возгремел отец богов и смертных
С превыспренних; Нептун неизмериму землю
И гор высокие верхи восколебал;
Во основаниях вострепетала Ида
И с нею град троян и гречески суда!
И царь теней, Плутон, ужася в преисподней
И с трона воспрянул и возопил, страшася,
Чтобы Нептун земли заклепов не расторг
И взору не открыл и смертных и бессмертных
Его владычества печальна, безотрадна
И ненавистного богам и человекам!

Вторая половина 1780-х годов

**168. ТРИ ПЕРВЫЕ СТРОФЫ СОХРАНЕННОЙ
ЛОНГИНОМ САФОВОЙ ОДЫ, СЛЕДУЯ Г. БУАЛО**

Счастлив, кто близ тебя тобой единой тлеет;
Кто внемлет, восхищен, слова из уст твоих,
Кто сладостно твоей улыбкой цепенеет,
Превысят ли его и боги счастьем их?

Узрю тебя, и огонь тончайший пробегает
Из жилы в жилу вдруг по телу моему;
В порывах сладости душа изнемогает:
Я трачу глас, к лицу прильпясь твоему.

Се облак мглы очей отъемлет представленье,
Я слышать перестаю, томлюся, во мрак впад;
Без цвета, задышась, во ужасе, во мленье,
Вдруг трепет пробежит, вокруг сердца станет хлад.

30 октября 1778

169. ОДА ИЗ АНАКРЕОНТА

На челе моем морщины
Изъявляют лет урон,
И конец моей судьбины
Мне мечтается как сон.
Вы прощайте, игры, смехи,
И забавы, и любовь;
Хладенеет в жилах кровь,
Удаляются утехи,
Скоро сниду к мертвым в сень,
И покроет очи тень;
Но об том как рассуждаю,
Обымает сердце хлад:
Мы всегда у смерти краю,
Запрещен оттоль возврат.

<1773>

170. ОДА ИЗ АНАКРЕОНТА

Испод и верх земной
Питается водой;
И в поле лес широком
Земным крепится соком;
Ее же воздух пьет
И солнце вверх берет;

Водой, что Феб метает,
Свой месяц свет питает;
Кто ж может запретить
И мне также не пить?

<1773>

171

Мелибей

Ты почиваешь, Титир, под лиственным дуба широким,
Муза твоя между тем вымышляет сельские песни.
Чужды отечества, мы оставляем милые паства,
Мы оставляем отечество — ты же, о Титир, счастливец!
Ах! в роскошной тени о любовнице воздыхаешь...

Титир

О Мелибей, мне бог сотворил сию праздность, затем что
Будет он богом мне, будет он вечно — и нежный
Часто от стад моих агнец омоет алтарь его кровью.
Он-то телицам моим бродить по пажитям тучным
(Зри, как они заблуждаются тамо), он-то позволил
Мне самому на свирели играть, как волнуется сердце.

Мелибей

Пастырь, будь счастлив! Я не завидую, я удивляюсь,
отвсяду
Что у владельцев паств их мило стяжанье отъемлют.
Я несчастный, я сам, с недугом насилу борясь,
Козлиц влачу во изгнанье: сию на верви, о Титир!
Здесь недалеко она в густом орешнике двойню,
Стада надежду, увы! на голом оставила камне.
Часто мне бедство сие предвещали громовые стрелы,
Кои, ниспад предо мной, пробежали древние дубы.

Весна 1778

Не спрашивай, мой сын, о горестной сей трате.
Покажет только рок и вмиг его похитит.
Через меру римский род вам силен показался.
О боги! если бы сей дар остался нам!
Какие вслед за ним стенанья устремятся!
И ты, о Тиберин, какой увидишь плач,
Как мимо новья гробницы покатишься!
Никто б из юношей от рода илионска
Так Рима не вознес, и Ромулов бы град
Питомцем таковым вовек не похвалился.
О благочестие, о верность древних лет!
Непобедимая десница на войне!
Никто бы с ним не мог безбедно в бой вступить,
Хотя бы на врагов он пеший подвизался,
Хотя бы на коне он бурном прилетал.
Ах! отрок жалостный! коль прейдешь жребий свой,
Маркелл ты будешь. Ах! где свежие лилеи?..
Багряные цветы ему рассыплю в честь:
Я душу отрока сим даром успокою
И тщетный долг свершу.

Вторая половина 1780-х годов

173. ОДА

CARMI<NUM> IV LIB<ER> I¹ ИЗ ГОРАЦИЯ К ЛЮЦИЮ СЕКСТУ КОНСУЛЯРНОМУ

Зимы упругость уступает,
Весна приятна настает,
Зефир прохладный оживляет
Покрытый мразным снегом свет.
Пловец, готовясь к дальну бегу,
Влечет ладью сухую с брегу,
Стада выходят на поля,
На нивы ратай поспешает
И огонь свой зимний погашает, —
Открылась мерзлая земля.

Сама цитерская богиня
Ведет толпы нимф за собой,
Разносит клики их пустыня,
И граций пляшет тамо строй.
Меж тем Вулкан уже трудится,
И дым издалека курится,
Исшед из преисподних стран,
Циклопы мощными руками
Биют тяжелыми млатами
Поверх сваянный истукан.

Главы цветами увенчайте
Иль паче миртовым листом,
Овцу иль козля предлагайте

¹ Ода IV книги I (лат.) — *Ред.*

Вы Фавну днесь в лесу густом.
А смерть и в хижины убоги,
Мой Секст! и в царские чертоги
Идет единою ногой.
Дни нашей жизни скоротечны
Велят желанья бесконечны
Оставить и приять покой.

Уже и над твоей главою
Развьется скоро мрак ночной,
И скоро, скоро пред тобою
Предстанет баснословный строй;
Когда же к мертвым преселишься
И в преисподнюю вместишься,
Ты к нам не возвратишься вспять;
Не будешь боле забавляться,
Царем беседы¹ нарицаться,
В пирах не будешь заседать.

<1773>

174. ОДА CARMINE<NUM> IX LIB<ER> III² ГОРАЦИЯ

Г о р а ц и й

Доколь приятен был тебе
И нравиться тебе лишь тщился,
Завидовать я не учился
Там перского царя судьбе.

Л и д и я

Доколь другой ты не горел,
По Хлое Лидия не чтилась,
Тогда моя лишь слава мчилась,
Мой лучше Илии рок цвел.

¹ В римских пиршествах был сей обряд избирать царя беседы (bibendi magister), которого установлениям должны были повиноваться все собеседствующие.

² Ода IX книги III (лат.). — *Ред.*

Г о р а ц и й

Мне Хлоя лютнею своей
Одна угодна днесь фракийска,
Искусна знанья мусикийска, —
Я б принял смерть, чтоб жизнь дать ей.

Л и д и я

Младый Калай меня пленил
Взаимною любовью ныне, —
Дала б жизнь дважды, коль судьбине
Льзя было сделать, чтоб он жил.

Г о р а ц и й

Что, если придет прежняя страсть
И помирит меня с тобою,
Из сердца коль извергну Хлою
И Лидье снова вдамся в власть?

Л и д и я

Прекрасен тот, но как презреть?
Неверный! я тебя любила
И счастливой себя б почтила
С тобою жить и умереть!

<1773>

**175. ОДА CARMĪ<NUM> XVIII LIB<ER> ИЗ ГОРАЦИЯ
К ФАВНУ**

О Фавн! любитель нимф бегущих,
Среди моих полей цветущих
Пройди медлительной ногой;
Тебе прольется кровь козлиная;
И Бакху в жертву будут вина,
Дым жертвенник покроем твой.

Овечки по полю играют,
Как ноны декабря бывают,

¹ Ода XVIII книги III (лат.). — *Ред.*

И вол ликует в праздник твой;
Между овцами волк гуляет,
Лес в честь тебе лист опускает,
Крестьянин землю бьет ногой.

<1773>

176. ОДА CARMĪ<NUM> IV LIB<ER> IV¹ ИЗ ГОРАЦИЯ

Каков страж молнии крылатый,
Которому богов царь дал
За то род править птиц пернатый,
Что Ганимеда похищал;
Орел, дел отческих тропую
И буйностью своей младою
Гнездо оставить побужден,
Возьмет, как дождь прейдет весенний,
Труды незаобыкновенны,
Парит над тучьми поощрен.

И вдруг налетом незначайным
На стада агнцев он падет,
Иль, сжен желаньем брани крайним,
Змиев по воздуху влечет,
Что ядовитыми устами
Свистят под острыми когтями,
Иль как телица в нивах зрит
От матери льва отлученна
И к добыче неприученна,
Ее что хочет поглотить, —

Не инак жители альпийски
Творяща зрели Друза бой,
Народы сильны винделийски,
У коих есть обычай той:
Секирой руки вооружати
И сопротивных устрашати
Своих великих сонмом сил.

¹ Ода IV книги IV (лат.). — *Ред.*

Хоть долго всем ужасны были,
Того упругость ощутили,
Кто их наветы сокрушил.

Они на пагубу познали,
Каков есть мужественный дух,
Что тщанья кесарски влияли
Во внуках Нероновых двух.
Герои суть геройски чада,
И добродетель их награда
И их наследие отцов;
Так кони резвость получают
И силу в чресла принимают
Юнцы родивших их волов.

Не робку горлицу рождает
Парящий в воздухах орел,
Но в нас наука воспитает
И смысл и дар великих дел.
Талант без просвещенья нравов
В противестественных уставов
Коснеет, в мраке сокровен;
Колика ж предков добродетель,
Тому метаврский брег свидетель,
И вождь нумидский побежден.

Как Евр в сикански волны дует,
С восхода солнца заревев,
Или как огонь в лесах бушует
И рвет верхи матерых древ, —
Так Афр жестокий разъярялся,
По градам нашим разливался
И влек пожары, смерть и глад;
Но наши рати ободренны
Отместили храмы разоренны
Строптивых смрадом сопостат.

«На нас свирепство устремляют, —
Вещал зловерной Аннибал, —
И как еленей нас сражают
С тех пор, как брат мой в поле пал.
Почто с народом сим воюем,

Когда об том мы торжествуем,
Что убежим от их оков?
Сей род — остаток илионский,
Что внес чрез понт в града авзонски
И чад, и старцев, и богов.

Как лес, подобно возрастает
Под поражающим мечем
И тем он паче возмужает,
Чем паче мы его сечем.
Не так Ираклом пораженна
Змия Иракла раздраженна
Страшила силою своей;
Таких чудовищ не видали
Те, кои Фивы населяли
Или колхидских круг полей.

Его в валы ты погружаешь —
Прекрасней вверх восходит он,
Стократ его ты попираешь —
Тебя он вержет без препон.
Не будут вестники надменны
Гласить мной грады покоренны,
Когда погибнул Асдрубал.
Над нами Клавдий торжествует,
Ему Зевес поспешествует;
Он браней хитрости познал».

<1773>

**177. ИЗ ГОРАЦИЯ ОДА II. КНИГА III
К ДРУЗЬЯМ**

Пусть отрок к бедности привыкнет
И возмужает меж трудов,
Пусть к жизни воинов приникнет
И после поразит врагов.
Да все он ужасы переходит
И дни и ночи препроводит
Открыт под зноем и дождем;

Да зрит его жена царева
И с верху стен страшащась дева
В полках летающа с мечем.

Узря его, уже трепещут,
В очах мечтают гибель их,
В сраженье робки взоры мещут,
Не пал царевнин бы жених.
Он их полками управляет,
Хотя науки той не знает,
Чтоб в брань полки устревать;
А наш герой, как лев, стремится,
Когда внезапно возгорится
В нем гнев врагов его попать.

Велико есть и славно дело
Свое за отчество умереть,
И смерть бегущу мужу смело
Свою подобно ставит сеть.
Плещи страшливых поражает,
Младых она не пощаждает,
И гонит вслед, и в тыл сечет;
А твердый дух воссиявает,
Не тем он славу утверждает,
Что весь народ об нем речет.

Кому умереть не подобало,
А пал за отчество в полях,
Того бессмертно имя стало,
И он жить будет в небесах.
Уже он низкость презирает
И от лица земли взлетает,
Паря крылом, на небеса;
Подобно верное молчанье
Свое примет воздаянье;
Молчанье есть мужей краса.

Не вниду ввек под кров единый
Со презирателем богов,
Ниже дерзну через пучины
В ладье с ним плыть среди валов.
Зевес с злодеем поражает

· Того, кто вкупе с ним бывает
И со губительми седит;
Во всяко время наказанье
Последует по злодеянье
И тако делающим мстит.

<1774>

**178. ПЕРЕВОД ПЕРВОЙ ГОРАЦИЕВОЙ ОДЫ
К МЕЦЕНАТУ**

О царский правнук Меценат!
О мой покров и украшенье!
Се зри, коль радостно летят
На Олимпийское сраженье.
Они, размахом их колес
Взвивая прах поверх небес,
Стремглав по поприщу пустились;
Чело венчанно вознесли,
И со владыками земли
Они — с богами — соравнились.

Иной лишь токмо льстится тем,
Когда мятежные квириты
Его в избрании своем
В чины воздвигнут знамениты.
Пшеничны класы ратай жнет
И в отчих нивах плуг ведет,
Железо рально изощря.
Хоть был богат бы, как Аттал,
Нельзя, чтоб плавать перестал
Пловец, в морях свой век теряя.

Купец спокойство хвалит сел,
Страшась, чтоб Нот с страны ливийской
Ему вопреки не заревел,
С волной борюущись икарийской.
Но паки он чинит свои
Избиты бурями ладьи,
Доволен малым быть не зная;
А сей в роскошах век ведет,

Из чаш вино кампанско пьет,
Сластями чрево наполняя.

Под сенью древ средь тишины
Свои он члены простирает,
Или священные волны
Он при исходе почивает.
Иным угоден трубный звук,
Оружий бранных треск и стук
И беспокойные походы;
Свою забыл супругу, зря
Стрелок оленя иль вепря,
И с псами терпит непогоды.

А я взнесусь на небеса,
Коль лавры верх мой увенчают;
Меня прохладные леса
С простым народом разлучают.
Уже я к лику нимф спешу,
Евтерпин глас себе внушу,
Орган настроит Полимния;
Коль лирным звоном прослывусь,
Я звезд, воспрянув, докоснусь
Челом средь радости такая.

<1775>

179. ГОРАЦИЕВА ДЕВЯТАЯ ОДА КНИГИ ПЕРВОЙ К ТАЛИАРХУ

Вобрази ты очесам
Гор верхи, фалискам смежны¹,
Что кребты вздымают снежны
Ко соседним небесам.
Зри со мной древесно племя,
Что снести не может бремя,
Преклоняясь от снегов;

¹ Гора Соракт, ныне именуемая Св. Силвестра, затем что, как сказывают, внутри ее в пещере жил долгое время сей затворник.

Реки, забываясь разом,
Не текут, скреплены мразом,
И не ведают берегов.

Разложивши огонек,
Прогоняй холодно время
И беседуй, дров беремя
Повергая в комелек;
А для зимней непогоды,
Что стоит четыре годы,
То вино ты в чашу лей;
И тогда, мой друг любезный,
Кинув ропот бесполезный,
Насыщайся, не жалея.

Впрочем всё оставь богам:
Им когда благоволится,
Буйность ветров удалится
И не дунет по берегам;
Понт свирепствовать забудет,
Колебаться не будет
Кипарис, ни древний дуб.
Мни, что час последний прожит,
А меж тем, что рок приложит
Каждый день, чти в дар сугуб.

Юны дни в забавах мчи,
Ощущай любовну сладость
И не мни унижить младость,
В короводах пляшучи.
В день — беседы, зрелищ зданья,
К ночи тихи ждут свиданья
Во условный час тебя;
Хлою тайна сень вмещает,
Но усмешка возвещает
Вдруг все умыслы ея.

<1776>

180. ЕГО ЖЕ ПЕРВАЯ НА ДЕСЯТЬ ОДА КНИГИ ПЕРВОЙ
К ЛЕВКОНОЕ

Брегись, вопреки людской судьбины,
Предел испытывать кончины
И о предбудущем гадать;
Пусть проживешь ты годы многи
Иль днесь твои скосятся ноги —
Умей терпеть и ожидать.

Меж тем вина исполни чашу
И, видя жизнь толь кратку нашу,
Надежду горду пресекай;
Мы говорим, а время мчится,
Что было — то не прилучится,
Что есть — того не упускай.

<1776>

181. ПИСЬМО ГОРАЦИЕВО К ВИННИЮ АЗЕЛЛЕ

Попомни, как тебя и сколько наставлял,
Как к Августу с своей посылкой отправлял,
Я то тебе еще перескажу десятью:
Вручи ему мой труд, как есть он, за печатью.
Коль Август весел, здрав, коль вспомнит он об нем,
Чтоб не пропасть тебе, стараясь о моем;
Чтоб книжке не навлечь судьбины злополучной,
Коль просьбой досадишь ему нехстати скучной.
Когда ж покажется тебе не в силу несть,
Так лучше отложить, чем вдруг прийти да сесть.
Беремя о пол с плеч: как будто столько стало,
Чтоб сонмище господ тебя не освистало.
А то вить тут, мой друг! лишь только б так ты вшел,
Все вспомнят, что отец твой прозвищем осел.
Ну! Винний! поспешай, употребляй всю силу,
Чрез реки, по буграм, чрез пустыри, по жйлу
Ступай; когда ж придешь, путь трудный окончав,
Прими врученный дар, да не под мышку взяв.
Так книг ты не держи, как овцу на продажу,
Как Пиррия в хмельку украденную пряжу,

Как гость, у своего что свата пировал,
В одной руке колпак и туфли засовал.
Не разболтайся ж ты, что много пролил поту
На самых тех стихах, что кесарску охоту
Заслужат, может быть, и паче возбуждать,
Стараясь слух его и очи услаждать.
Толькратно прошен быв, ступай, исполнить тщися,
Прости; не проступись, спеши и возвратися.

<1776>

182

Все купно суеты играют мной во граде.
В неволе общества и в скуке и в досаде
Проходит день, и я, вздыхая, говорю:
«Жилища сельские! когда я вас узрю?
Когда позволено мне будет небесами,
Иль чтением, иль сном и праздными часами
Заботы жития в забвенье погрузить
И нивы своя произведеньем жить?»
О пиршества богов! я вами не прельщаюсь,
Коль в хижине моей с друзьями насыщаюсь,
Вспомоществуемый усердьем слуг моих
(И добрый господин не забывает их).
Не знает никаких чинов беседа наша,
И ходит вокруг стола общественная чаша
Без принуждения и частых перебор.
Приятный между тем заходит разговор
Не о домах чужих и дачах подгородных,
Но о предлежностях гораздо превосходных,
Которых здравый толк со счастьем сопряжен:
Извне ли человек или собой блажен?
Что к дружеству влечет — корысть иль
совершенство,
И что такое здесь верховное блаженство?

Около 1789

Хотелось мне иметь землицы уголок,
И садик, и вблизи прозрачный ручеек,
Лесочек сверх того: и лучше мне и боле
Послали небеса. Мне хорошо в сей доле,
И больше ни о чем не докучаю им,
Как только, чтоб сей дар оставили моим.

Около 1790

184. КЛЯТВА ИЮНИЯ БРУТА ПО ЗАКОЛЕНИИ ЛЮКРЕЦИИ

Сей непорочнейшей я кровию доселе
Клянусь и, боги! вас беру порукой в деле,
Что дерзкого царя с супругой, с родом всем,
Как можно, пожену и пламем, и мечем
И царствовать не дам я племени их злому —
Ни чадам, ни ему, ниже кому другому!

Тит Лив <ий>, к <нига> 1, гл <ава> IX.

<1773>

185. ПЕТРОНИЯ АРБИТРА ГРАЖДАНСКАЯ БРАНЬ

Поэма

Земля, над коей бег свой солнце обращает,
И море, что вокруг всю землю обымает,
Вселенная вся пространство и предел,
Уж всё то Рим в своем владычии имел
И не был насыщен: повсюда кораблями
Покрылися моря, борющиеся с волнами,
И если золотом был какой народ богат,
Не мог безбеден быть и был уж сопостат.
Оружья римляне на бедных подымали,
Ручьями лили кровь и золото похищали.
Уж не было для них в забавах тех красот,
Которыми блажен слывет простой народ,
И роскошь боле их любезна не прельщала,
Котору нам сама природа даровала;
Лишь воин в глубине ассирийских шумных вод
Хвалил жемчугами усыпанный испод,
Они подземные заклепы раздирали,
И глыбы в их руках вид новый принимали.
Нумидских тамо древ одежда и покров,
Служила корка стен красотою их домов,
Для них сидонские народы шелк свой ткали,
И эфиопы их куренья истощали.
Едва лишь мир привел желанны времена
И бранные с их рук ниспали бремена,
Се новый ков спешит разрушить дни золотые,
От Мавра просятся вдаль звери дорогие,

И исторгается в песках своих Аммон¹,
На римски зрелища свирепый всходит слон.
И тигр, что меж валов рыкающ преплывает,
В златых, где был везом, заклепах выступает,
Чтоб человечью кровь неистым ртом пожрать
И ярости своей плесканья получать.
Срамится дух изречь злодейств их половины
И гиблющие их поведати судьбины!
Неистовству персан дерзнувши подражать,
Страстей их под ярмом спешат изнемогать.
Презорством обуяв, роскошствуя бесстыдно,
Ругались естества уставом зверовидно,
Дабы спешащих лет стремленья удержать,
Коснеть во срамоте и дух уничтожать.
Здесь ищет естество себя и не находит.
Уже сей злобный яд ко всем в сердца им входит.
Отсель роскоши все, бесстыдство сих невежд,
И сонм имян досель неслыханных одежд,
Которые носить есть мужу неприлично.
Се древо для очей, доселе необычно²,
Изрыто на холмах атлантских берегов,
Их кроет пышный стол различностью цветов.
(О срам! уж древо здесь меняется на злато!)
Блестит поверх его убранство пребогато!
Невольников толпа вокруг служит пред столом,
Приходит сонм друзей, упившихся вином,
И то в единый пир, неиствуя, снедает,
Что воин целый век мечом приобретает.
Чего их алчна пасть не обратила в снеды!
Живой приходит скар³, в сиканску пойман сеть;
Их устерсы пиры лукрински⁴ продолжают.
Потерей денег их, их глад возобновляют.
Фазидские струи лишены птиц своих,
И токмо воет ветер в брегах его пустых.
В судилище у них бунтует алк несытый,
Неиствуют и там закупленны квириды,

¹ То есть храм Аммонов, или край Ливий, где он особливо почитаем был, а воображаем он был обыкновенно под видом овна.

² Цитронное дерево.

³ Рыба здесь неизвестная, ловимая в Сицилии.

⁴ Так называемы от лежащего в Кампании Лукринского озера.

Добычу и корысть — един предмет имел;
Мздоимен есть народ, мздоимен сонм отцев.
И всякому свое богатство благодетель.
Исчезла старческа свободна добродетель.
Преобратила всё господство злата страсть,
Величество пред ним долженствовало пасть.
Отринут был Катон, народом посрамленный,
Но победивший был срамней, чем побежденный.
Народу то позор и гибель нравов их —
Не муж был посрамлен: лишен Рим сил своих.
Враждебен Рим самим собою раздирался,
Добычей быв себе, никем не отмщевался.
Меж тем роскошей плод тот рост истощевал,
Что римлянин с морей обоих ни стяжал.
Ни чей свободен дом, ни чье свободно тело,
Повсюда зло сие, в утробе их кипело,
Как язва, что внезапно лиется в жарку кровь;
Угодна бедным брань: стяжаний жаждут вновь.
Убогая всегда продерзость безопасна.
Средь развращения Рим дремлющий ужасна
Какую мысль возмог иметь среди тех бед,
Как бешенство и брань, и брани мзду предмет?
Воздвигло счастье трех вождей средь бедства она,
Но погубила их враждебная Беллона:
У парфян Красс лежит, и в Ливии Помпей,
И Кесарь обагрил Рим кровию своей.
Как будто бы земля их праху не вместила,
Различным по местам их прах распределила.
Такой они конец и токмо тщетный шум
В возмездие своих прияли буйных дум!
Где град есть Партеноп¹ и дикархидски доли²,
То место разделил глубокий зев на полы³.
Ревет на исподе, волнуясь, Коцит;
Клокочет сера там, и смрад оттоль парит.
Страна сия древес дубровых не питает,
Ни злака сельного, ни жатвы не вмещает.

¹ Неаполь.

² Дицеархея был город, римлянами переименованный Путеоли, ныне же называемый Пуззол.

³ Здесь описывается отверстие горы Везувий.

Не слышен ветвей там беседующих глас,
Когда колеблет их зефир в прохладный час;
Лишь там повсюда мгла, дресвяны камни смрадны,
И кипарисы вкруг обстали безотрадны.
Отсель вознес свое чело Плутон разжжен:
Он, мраком вкруг объят и пеплом покровен,
Казал, что свой чертог оставил днесь не втуне,
И тако рек к всегда летающей Фортуне:
«Владычица людских и божеских вещей!
Что власти не даешь усилиться ничьей,
Едва возлюбишь что — и паки покидаешь,
Иль бремени римлян ты ныне уступаешь?
Или не можешь рог противу их вознесть?
Се римляне себе готовят сами месть:
Не могут той объять, что вздвигнули, громады,
Нет в роскошах у них ни меры, ни преграды.
Кичливы зданья их восходят к небесам,
Камнистые хребты возрастают по водам,
Морские на полях у них валы несутся,
Порядок потеряв, стихии все мягутся,
Хотят в моих меня пределах досягнуть,
И в преисподнюю открыт безумным путь;
Там нутр провергнут гор, и адски хляби стонут,
Там мрамора ища, чуть Тартара не тронут.
Трепещут тени в нем увидеть свет дневной,
Сего для их прерви, богиня, мир войной,
Подвигни их на брань и мне дай жертвы тучны,
Уж смертные давно живут благополучны,
И жаждут фурии, не видя крови течь,
С тех самых пор как свой багровил Сулла меч,
Торжественной во град въезжая колесницей».
Он рек — и съединил свою с ее десницей.
Богиня на сие в ответ ему гласит:
«О ты, кого речет владыкою Коцит!
Коль правду мне тебе поведать подобает,
Внемли: мое с тобой желанье соглашает.
Не меньший и в моем бунтует сердце гнев,
Дары свои себе в упреку возымеv.
Единый бог их мощь воздвигнет и размещет;
Я попереу мужей, и меч в полях возблещет.
Уже меж облаков оружий мчится слух,
Рассвирепела смерть в полях филиппских двух,

Плачевные костры в Фессалии зажжены,
Иверов суть страны их кровью омочены.
Ливийские пески их полны мертвых тел,
Нил стонет, и залив Акийский зашумел.
Стремись, спеша, потщись врата открыты смерти
И муки приготовь кичливцам жало стерти.
Не может перевезть единою ладьей
Пловец Портмей всех сих подобия мужей.
Потребны корабли: возникни, Тизифона!
Взалкай и кровь пожри, не внемля бедных стона;
Да снидет целый мир до Стиксовых предел!»
Успела речь скончать — треск серный заревел,
И туча, разродясь, мгновенно загремела,
Сверкнула молния и в воздух полетела.
Потрясся царь теней и в бездну ускорял,
Робея тех огней, что брат его метал.
Отсель, не укуснев, богов вещанья сущи
Погибель и беды являли предыдущи,
Мрачился солнца луч, луны померкнул свет,
Колебляся, гремел высоких гор хребет,
В знакомых берегах лились иссохши реки,
Мечталось, в небесах сражались человеки.
Военная труба звучала в облаках,
Полн пламени, пылал верх Этны на холмах,
Там тени меж гробов, стнящи, вопиющи,
Плачевным гласом их страшили, восстающи.
Пожары в небесах вел пламенник с собой,
Зевс землю одождал кровавою росой.
Сбылось то так! На мечь подвигнут Кесарь злобно
Оставил галльску брань, воздвиг междуособну.
На Альпах, что в эфир взнесли свой верх крутой,
Там стерт бугров хребет Иракловой пятой;
Он первый проложил поверх сих гор дорогу,
Там жертвенник сему воздвигнут полубогу.
Здесь вечная зима крутит бугры снегов,
И льдистое чело взнеслось до облаков.
Там, мнится, что лежит небесная твердыня.
Светило вешних дней, в полудни благостыня,
Не согревает сих камнистых гор испод.
Лишь в льдах, меж вокруг себя шумящих непогод,
Сей хочет исполин подъять мир раменами.
Взшед Кесарь на холмы с мятежными полками,

Стан воинству избрал и сих с вершины гор
В Гесперские поля свой грозный кинул взор.
И обе к небесам рек длани воздевая:
«Всемощный Зевс! и ты, Авзония драгая!
Которую вознес моих оружий гром
И некогда своим украсил торжеством.
Клянусь, что брань сию неволей предпримаю,
Не сам я меч извлек: злой ков отомщеваю.
Из града изгнан быв, багровя кровью Рен
И галлов отвратив от капитольских стен,
Во мзду заслуг моих навлек я заточенье.
Чрез шестьдесят торжеств, германов низложение
Я вреден начал быть. Но кто ж со мной враждует?
Наемников толпа, какими Рим торгует.
Сонм чад, которых он в утробе не носил,
Но не напрасно он меня днесь огорчил:
Не отразит мой меч! Друзья, вооружайтесь,
Сподвижники мои! мечом вы оправдайтесь.
Едина нам вина, едина казнь нас ждет.
Не я един — и вы участники побед.
И коль чем боле труд, тем боле казнь сулится,
Пусть жребий нам падет и с ними разделится.
Подвигнемся на брань, пойдем и возгремим,
Меж воинов таких могу ль быть победим?»
Он рек; дельфийский вран полетом крыл парящих
Взвился — и вспламенил в сомненье обстоящих.
Дремуча леса там, с ошуея страны,
Был внемлем глас, огни блистали зажженны,
Сам Фебов блеск в круге вседневном расширился
И, новыми лучми блистая, просветился.
Но более всех сих предвестий Кесарь сам,
Десницей емлет меч, стремится по рядам.
Хоть, мразом побелев, земля оледенела,
Не препинала ног, в спокойстве цепенела, —
Когда ж полки меж льдов свой устремляли ход
И боязливый конь оковы рушил вод,
Снега почули зной, и реки волновались,
Но паки мразом в их пределах сожимались.
Скользил и претыкал сей путь стопы мужей,
Погибель и конец оружий и коней.
Сгущенны тучи дождь, сожмясь, истощевали,
И буйны вихри, снег восхитив, бушевали.

Камнистых сонм бугров поверх их шлемов пал,
Обуреваем снег летал, как в понте вал.
Снег землю одолел, и небо мрачны тучи,
С брегами съединил мраз реки нетекучи;
Лишь Кесарь тверд, копьём он путь свой утверждал,
Бесстрашными поля стопами претыкал.
Так шел Алкид средь гор Кавказских неприступных
Иль Зевс, что разметал с небес злой ков преступных.
Меж тем, глася трубой, летит в свой слава путь
Делами древний град мятежных ужаснуть.
От камней и снегов взвиваясь вверх Альпийских,
Касается вершин крылами Палатинских.
Звучит она, что понт покрыли корабли
И храбрые полки чрез Альпы перешли.
Вражда, убийства, брань, пожары, беспокойства
Летают пред очми. Средь она неустройства
Влилася горька грусть в сомненных их сердцах,
Как юг, что, застонав, развьется в небесах,
Подымутся валы, не пользует кормило,
Не нужна снасть пловцам. Един крутит ветрило,
Другой в залив спешит и ищет берегов,
Иной велит на рок пуститься меж валов.
Стремится к бегству Рим; отчаянны квириты,
Сей внемля слух, дома кидают без защиты
И дряхлых их отцов. Иной во цвете лет
Влечет, оставив всё, лишь то, что сердце жжет.
В безумии своем сей всё свое именье
Сбирает и ведет добычу на сраженье.
По суше тот бежит, тот хочет морем плыть,
И безопасней понт отечества стал быть.
Другой на брань спешит, к оружию стремится,
И тем скоряй бежит, чем боле кто страшится.
Меж бедствий сих народ (о жалостный предмет!)
Бежит из града вон, куда лишь взор ведет.
Супруга рвет власы в объятях у супруга,
Родитель лобжет чад, смущен средь недосуга.
Скрывает в недро сей хранителей-богов,
Кропит слезами праг и бьет в мечте врагов.
Но что сие вещать! Помпей, сей страх понтийский,
Идаспских ужас волн, защитник циликийский,
Что Зевса торжеством трикратным удивил,
Кого страшился понт и пленный Босфор чтил

(О срам!), с вождьми он град обоими оставил, —
Толь рок был зол к тому, кого сперва прославил!
О чудо! сонм богов с ним вкупе побежал,
Его побегу страх небес согласовал.
Земля перед лицом бессмертных осквернилась,
От земнородных век их милость отвратилась.
Всех прежде Мир в шелом главу свою сокрыл,
Снисшел во ад и там жилище положил.
Бежала Верность с ним, бежала с ним Астрея
И рубище поверх Согласие имея.
Се ад насупротив разинул в хлябях ров
И сонмище своих отрыгнул злых богов.
Эринния спешит, Беллона раздраженна,
Мегера, Плач, и Смерть, и Хитрость, и Измена.
Но паче всех Раздор все меры превзошел,
На тысячи он ран кровавый шлем надел.
Рукою держит щит, повсюду изъязвленный,
Другой — гражданских битв взнес пламенник
возжженный.

Богов мир ощутил, и звезды сверх его
Искали бремени, лишившись своего.
Затем что в брани сей все боги разделились,
За Кесаря се Марс с Дионой вооружились,
Богиня мудрости дает ему свой щит;
К Помпею Аполлон с сестрой своей спешит,
Меркурий и Алкид, ему приснообразный.
Раздался глас трубы военной преужасный,
Возликовал Раздор: из ада до небес
Он смертных посреди главу свою вознес.
Средь мглы к веждам его кровь смрадна прикипела,
Багровая слеза из глаз его летела.
Заржавел в челюстях зубов железных ряд,
Желчь каплет с языка, в устах змии свистят.
На персях он рукой одежду раздрает
И пламенной свечой вселенну зажигает.
Оттоль восшел на верх он Апеннинских гор
И всюда обозрев, куда лишь коснет взор,
Вопил из глубины гортани разъяренной:
«Исторгните мечи, народы всей вселенной!
Мечите бурный огонь в средину городов,
Да будет погублен, кто сих не внемлет слов;
Младенец, и жена, и старец, устремитесь,

Земля, вострепещи, и кровы, колеблитесь.
Устав храни, Маркелл! вздымай чернь, Курион!
Не тщись предполагать, Лентул! войне препон.
Что медлишь, Кесары! днесь, что врат не разрушаешь?
Что медлишь и богатств еще не похищаешь?
Не знаешь ты, Помпей! днесь Рима защитить, —
Стремися на полях диррахских кровь пролить,
Стремися обагрить фессальские долины».
Он рек — и так сбылось, свершились все судьбины.

186

Ты знаешь, свет таков: в нем боле привлекает
Согласием своим прельщающий Парнас
И в самые сердца слабейшие вникает
Со сладостью стихов священной правды глас.
Так отроку даем, недугом сокрушенну,
Мы чашу с врачеством, но медом орошенну.
Полынно питие обманут отрок пьет
И, возвращая жизнь обманом, восстает.

Вторая половина 1780-х годов

187. ОДА ИЗ ФЛЕМИНГА

Дай волю временам,
Хоть иногда напастью;
Они и правда нам
Путь запирают к счастью,
Минется с ним тьма бед
И не пребудет след.

Погода нынь шумит,
Назавтра будет вёдро,
Времян переменен вид,
И бед, и счастья недро;
Всё смертным подает
Ночь бед и счастья свет.

Хоть солнце и зайдет,
И мраком свет покроет, —
Но как вдруг ночь пройдет,
Роса наш шар омоет,
Заря нам день явит,
Феб землю осветит.

Терпеть злой рок всяк
Нам должно быть готовым,
И должно чтить всяк раз
Не странным и не новым
То, чтоб терпеть его
Средь счастья своего.

<1773>

**188. СТИХИ Г-ЖИ СКЮДЕРИ
НА ГВОЗДИКИ, САЖЕННЫЕ КНЯЗЕМ БОНДЕ**

Гвоздики видя те, что воин возрастил
Победоносною своей всегда рукою,
Вспомни, что стеной вокруг ограждал Феб Трою,
И не дивись тому, что Марс садовник был.

<1773>

189. СОНЕТ

НА СМЕРТЬ РОДСТВЕННОЙ Г. БУАЛО-ДЕПРЕО

Я нежна дружба в приятном восхищенье
Счастливы дни с моей Ирисой проводил,
Ириса, кою я люблю и век любил,
В подобном, как и я, пылала соединенье.

Когда внезапный гром, приав небес веленье,
Предмет моей любви навеки поразил
И всех моих забав течение прекратил,
Оставив вечное желаний продолженье, —

О, как меня тогда удар сей оскорблял!
О, сколько слез я лил! о, как я вопиял!
Стократ от скорби сей тогда я огорчался.

Ириса, ты не так жалка была, как я,
Затем что в те часы, лишаясь тебя,
Увы! я более как чем тебя лишался.

<1773>

190. ЭПИГРАММА

Г. БУАЛО-ДЕПРЕО

К чему, Котень! твои усилья, плач и крик,
Чтоб имя из моих твоё изъять творений?
Чтоб не язвил тебя читателей язык,
Из собственных его изми ты сочинений.

<1773>

191. ЭПИГРАММА
ТОГО Ж

Мне сделалась премена,
И с одного уж дня;
Я думаю, Климена,
Что не люблю ли я?
Сей вестью незначайной
Тебя, мой свет, гневлю,
Брось гнев толь чрезвычайный,
Я не тебя люблю.

<1773>

**192. ОДА Г. ВОЛТЕРА
К ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ КОРОЛЮ ПРУССКОМУ
НА ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ**

Се жизни моя днесь лучший день настал,
Которого ждал свет и ты един страшился,
Великий день, в кой ты земли красою стал,
День, в кой ты воцарился.

Неистовы льстецы! его бегите вы,
Тираны разумов, злодеи суеверны,
Чьи руки соплели и вредные главы
Злодейства непомерны.

Тебя ли слышу я, проклята клевета?
Чудйще! что гнало великие толь лица:
Декарта, Беиля и сильного ума
Наследника — Лейбница.

Ты брала с алтаря меч, смертных чтит кой род,
Священным образом премудрых поразити,
Мой царь тебя пронзит железом, что народ
В руках твоих знал чтити.

Разит он, ты падешь, он отомщает нас,
Родится истина, и ложь искоренится,
Возносит в небеса земля свободный глас,
И небо веселится.

А вы, о Боржжия ученья прокляты!
Наука зло творить, законом покрываясь,

Наука утеснять, — злодейств наука, ты
Царей наукой звалась.

Покиньте ж варварски законы вы навек,
Злодейство нам легко, оно весьма опасно,
Дух слабый есть злодей, а мудрый человек
Есть сердце непристрастно.

Откроем целого мы мира бытия —
Узрим тиранов в них, они все несчастливы,
И гром, что страхом был вселенная вся,
На вы спал кичливы.

В неистовстве с студом скончали свой живот.
Но Антонин, Траян, и Тит, и Марк Аврелий
Прекрасны зрели дни без мрака и погод,
В забавах средь веселий.

Воскреснет весь в тебе собор сих славных душ,
Веленьем он судьбы тобой восстановится.
Владей, живи счастлив; да пусть честнейший муж
Блаженством насладится.

Днесь царствует мудрец: сей век того желал,
Желал он, но своей надеждою не льстился;
Един он управлять людьми достоин стал,
Он просвещать их тщился.

С взнесенным зрели мы невежество челом,
Дерзая попирать достоинства ногою,
Смеюсь знанием, наукой, и умом,
И сердца добротою.

С презорством и с хулой взнося кичливый глас,
Раб льсти, роскошей сын, вещая повсеместно,
Безумец возопил: «Иль знание для нас?
Иль в мире что известно?»

Тебе сокрыто всё, тебе несведом он,
Ты небо презирал, живущ средь темной ночи:
Се пламенник несет полночный Соломон, —
Открой, невежда, очи!

193. БУРЯ

*Перевод восьмой идиллии
г. Леонарда*

Низы утро созревало,
И на персях у нее
Естество окончивало
Сотворение свое.
Заблуждались воздыханья
На желающих устах,
Что Зефиры дыханья
В юных розовых листах.

Уж шестнадцать раз ей риза
Обновлялася дубрав;
В те ж годах Инет, что Низа:
Возраст счастья и забав.
Видя сладость их совета,
Нет, никто не узнает,
В сердце Низы иль Инета
Вящий огонь любовь лиет.

Только б Низа отлучилась —
Ненавидел он всего,
И сердечная мрачилась
Ясность Низы без него.
Снисходил, чтоб их озлобить,
Между ими вечер тих,
И ни с чем не уподобить
Радости свиданий их.

Нежна песенка, им спета,
Ей казалась хороша;

Уст поющего Инета
Слушалась ее душа.
Счастье он свое вкушает,
Глас ее внимая, млеть;
И стократно ей мешает
Лобызаниями петь.

О судеб пределы мрачны! . .
День счастливый прилетал,
Что, свечи зажегши брачны,
Именей бы их сретал.
За день, их водимы роком,
В луг из хижин шли своих
В ощущении глубоком
Счастья, кое ждало их.

Низу что-то огорчает,
Проникает в жилы мраз,
И душа внимати чаает
Некий тайный страха глас.
«Трепещу, — гласит, — напрасно
Вздохи тщусь от сердца гнать! . .
Жить нам было так прекрасно!
Должно ль нам разлуку знать?»

В то мгновенье набегают
Над головой их облака:
Смерть и бури собрегают
Опаленны их бока.
Совершилось! . . Небо тьмится,
В воздух всеялася мгла.
Туча тягостная дьмится:
Молнья с громом потекла.

К персям друга приникает
Низа в ужасах своих.
Молнья с треском претекает
Обымающихся их.
Души их в одном слиянье
В чистый воздух унеслись;
И последне их деянье
Было то, что обнялись.

ПРИПИСАНИЕ

Ты, для коей Леонара
Занимая тихий глас,
Возбуждал я искры дара,
Кой в душе унылой гас;
Ты, что мне природы узы
Сердца счастием творишь!
Ты мне ясность, ты мне музы
Возвращение дарíšь.

<1779>

194. ТРИОЛЕТ

Перевод с французского

Мая первого числа
Был мой лучший день на свете.
Что за мысль мне в ум вошла
Мая первого числа?
Ты мне сделалась мила,
И коль ты склонна в ответе, —
Мая первого числа
Был мой лучший день на свете.

<1778>

195. ПЕСНЯ

1

Здоровье девицы пятнадцати лет,
Здравие вдовушки в сорок;
Жеманщицы, коей весь день — туалет,
Смиренницы, с ней ободворок.

Кубок налей, кланяйся ей, — } *дважды*
Небось не осердишь виною своей!

2

Красавицы с ямкой в прелестных щеках,
И той, что без них восхищает;
Носящей заразы в двух томных глазах
И той, что одним убивает.

Кубок и проч.

3

Нимфы, что снег превзошла белизной,
Смуглой, как смоль будто черной;
Женщины с тьмою забот за спиной
И девушки, им непокорной.

Кубок и проч.

И дюжи, и хлипки — мне все заодно:
Мягко я сплю на сголове;
Нальемте мы рюмки с краями равно
И выпьем сподволь их здоровье.
Кубок *и проч.*

<1792>

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

1. НЕПТУН, МИНЕРВА, ВУЛКАН И МОМУС

ГПБ-12 В предвыспренней стране, где глаз не достигает
И где богов собор всемогущих обитает,
Хоть, истину сказать, я там и не бывал,
Однако от других за правду так слышал:
Был некогда раздор; есть ссоры меж богами,
Ровнехонько же так, как будто между нами.
А именно об чем?

Об том,

Причина та была заклада:

Нептун ли, бог морей, Вулкан ли, иль Паллада,
Кто может из троих их сделать лучше что,
Избрали Момуса судить меж ими то.
Не ведаю того, брать взятки ль он дерзает
И знает ли он все указы наизусть;

Но пусть;

Положим, взятки брать и все указы знает, —
Довольно нам того, что выбран был судьей.
Приял начало труд, и се уж бог морей
Изобразил вола и, следственно, с рогами,
С упрямой головой, со грудью и с ногами.

Минерва лесу нарубила

И в клеточку сложила,

Другими спичками лучинки те покрыла

И дырочек в них нарубила.

Они служили ей и дверью и окном,
Так видно, что она скроить хотела дом.
Да, может быть, его соорудить не умела:
Нет женщин, нет богинь у плотничьего дела,
Они обходятся с иглой, не с топором;

Иглою не скропаешь дом.

Сие я говорю без лжи, не лицемеря.

Вулкан, циклопов бог, того соделал зверя,

Что человеком свет зовет.

Разумнейшим из всех животных он слывет;
Но должно б, мню, ему глупейшим называться;
Как бы то ни было, не стану в том я драться,
Я мненья такова. Иной инако мнит,

Однако свет не переменит.

С трудами боги все пред Момуса предстали
 И все в молчаньи решенья ожидали.
 Он рот свой отворил
 И тако говорил:
 «Нептун (Нептун прилежно внемлет)!
 Какое днесь тебя безумие объемлет?
 Зачем быку в груди ты не приставил рог?
 Он лучше б драться мог;
 За рожки чепчика они бы не служили
 И нужны, может быть, к чему-нибудь бы были.
 Сударыня, — Минерве так он рек, —
 Все говорят, ты умный человек;
 Но видно, нет в тебе ума ни на полушку:
 Зачем изволила свахлять таку игрушку, —
 Я думаю, из теста, —
 Что с одного ее нельзя содвинуть места?
 Худого можно как соседа убежать,
 Чтоб всё не разломать?
 А вы, мой государь, — он богу рек огня, —
 Конечно, заслужили,
 Чтоб человеком вы вверху над всеми были, —
 Зачем не сделали в груди его окна?
 Чтобы в нем можно было видеть
 И ближнего пресечь случай чтобы обидеть».
 Сказал — и суд свершил,
 А над другими сам смеяться он спешил.

1772

13

«Басни», Лисице может ли приятелем быть Волк,
 с. 18 О том неравный толк;
 Но если бы пришло сказать мое вам мнение,
 Так басенное вам привел бы приключенье.
 Слышал я, как еще в робячестве мой ум
 Был старушенцыным подвержен всем рассказам,
 Что тако по другим Лиса своим балясам
 Сказала Волку: «Кум!
 Вить ты мне сватушка, а я любезна сватья,
 Я знаю, что к тому мне не оспорим след,
 Затем что прадед твой и мой покойный дед
 Праправнучатые суть меж собою братья;
 По крови ты своей, по сродству своему,
 Склонись к прощению, о Волче! моему.
 Всегда принуждена за курами скитаться;
 Мне скучилось уже бродить и изнуряться;
 И лучше и всегда ты можешь пропитаться.
 Так научи меня, как мне овец ловить?
 За милость ту тебе потщуся отслужить».
 Моленія ее глас не был и напрасен:
 Наш Волк согласен.

Так соглашается с министром воин там,
Чтоб более панеть несчастья людям.
Се на себя Лиса взимает волчью кожу,
И, яко Волк, она воротит горду рожу,
И в <перву ноченьку> на стадо пырь Лиса.
Пастушка и пастух от Волка испугались
И кто куда лишь мог по полю разбежались,
И не осталось ни пастуха, ни пса:
Сокрылись все, кто есть, в глуше дремуча леса.

Не так в оружье Ахиллеса
Патрокл в злосчастный день страшил дарданский полк,
Как стадо наш притворный Волк.
Одна овечка лишь, воспитанна пастушкой,
Превратная судьбы осталась быть игрушкой:
Она не ведала убийцыных затей.

Злодей!

Что сделаешь ты с ней?
Но что? стоит она, стоит с ней и Лисица,
И стало быть, она пречестная девица;
Лиса попала в цель желанья своего,
Лишь не могла с овечкой сделать ничего,
Затем что силы в том Лисице недостало.
Так и злодейское желание отпало.
Учитесь, смертные, желанья в том иметь,
В чем можете успеть;
Брегитесь ж к таким вещам вы прилепляться,
Которыми никак нельзя вам наслаждаться.

<1773>

16. ПЕРО

«Басни»,
с. 24

Когда-то, не теперь,
Перо со Автором быть стало не согласно,
И так ему рекло: «Мой друг, себе не верь
И не хвали свое сложение прекрасно.
Напрасно
Ты стал бы без меня головушку ломать.
Тебе бы никогда стихов не сочинять,
Когда бы не далось тебе я очиниться
И не хотело бы с тобой за рифмой мчиться;
А ты меня всегда кидаешь и грызешь,
Раз по сту всякий час в чернила обмакнешь, —
Так, милостивец мой, ты скажешь сам, я чаю,
Чей боле тут
Труд?
На стуле ты сидишь, а я всегда черкаю,
И я всегда мараю;
Так потому стихи сии
Мои, а не твои».

Тут сочинитель мой сказал во оправданье:
«Неправедно сие, мой свет, твое желанье:

Орудьем было ты стихи сии писать,
А я их сочинитель». —
Чтоб толковитее немножко нам сказать:
Потребно, чтобы ум был действиям повелитель.
Не воин для побед похвален — предводитель.

<1773>

18. ЗЕВЕС

«Басни», Зевес, зря некогда презлые согрешенья,
с. 26 Которыми есть сей наполнен много свет,
«Ударю, — говорит средь горестна волненья, —
Ударю, и сия громада упадет.
А ты, любезный род, а ныне род проклятый!
Предел твой положен, ты в сей погибнешь раз».
Так рек богов отец, злой яростью объятый,
И не был тщетен сей его всесильный глас.
Приемлет в мощну длань Зевес громовы стрелы,
И тренье зачалось погибельных огней.
Уже пустился гром вселенныя в пределы:
Уж грянул, уж упал, мир дрогнул от зыбей.
Я мню, что связь тогда разрушилась природы,
Упал несчастный род в разверстие земли,
И горы двинулись, сошед с мест прежних в воды,
И вспять источники на горы потекли.
Но нет: гром пал на степь, где блаты непроходны.
Жива природа вся, и смертный невредим.
И вы, цари, и вы, о боги земнородны!
Которым вышний дал наш править рок одним.
И вы в деснице гром подобно же храните,
Гремите, но не в грудь, не в сердце нас разите.

<1773>

20

«Басни», Румяной на заре, на восходе красна солнца,
с. 29 Стояло Зеркало напротиву оконца.
Уже червлёный луч взливался на буграх,
И дальный горизонт на востоке багрянился;
Пастух, что мучим быв любовью, пробудился,
Бродил глухой стезей с овечками в полях;
Уже настал тот час, в кой солнце выходило
Из туч
И луч,
В чистейший воздух вокруг ударив, устремило,
И зеленеющую природу оживило,
И нам открыло
Покрытый мраком свет:
С ним вслед

Подобный солнца круг и в зеркале явился,
В кристалле по концам там блеск изобразился.
Сиянья Зеркало толико зря вокруг,
«Се ныне так, — рекло, — красуется мой дух!
В моих объятьях днесь дом солнцев сохраняю.

Я сияю,
И всё, на чтозираю,
Лишь только презираю,
Ни в чем подобного себе не обретаю.
Но туча мрачная закрыла солнце с краю.
Весь блеск пропал:
Кристалл
Сумрачен стал.

Прилично ли тебе, о смертный, возноситься
Дарами, кои ты снискать себе не мог?
Влияньем ли небес возможешь ты гордиться?
Не сам ты свой творец, но всё тебе дал бог.

< 1773 >

21. МУЖИК, ЛИСИЦА И СОБАКА

«Басни»,
с. 31

В деревне ли, в селе ль, иль в городе каком —

Не знаю я о том —

Заживный Мужичок, крестьянин жил богатый;
Лишь знаю, что Лиса, сей зверь замысловатый,
Хотела Мужичка на старости подвести

И штучку сплести:

Цыпляток перевести.

Уж целые три дни Лисица добывает,

И целые три дни Лисица голодает.

Навеки запрещен Лисе в курятник вход.

Стоит Пес у ворот;

А Пес Лисе не доброхот.

Нельзя смотреть Псу в рот.

Бунтуя сильною внутрь сердца непогодой,

«Возможно ли, — рекла Лисица, — мне понести

Удар сей, на мою готовящийся честь?

И коль что страшно есть, клянуся всей природой,

Что, если не могу подвигнуть я богов,

Подвигну страшные я токи Ахеронта,

Взбунтую мрачный Стикс и огни Флегетонта,

Поставлю днесь ужасный ков, —

И кто из смертных впредь мя будет чтить лисою,

Когда не возмогу крестьянских кур попать?»

Итак, в единый раз Лиса ночной порою

Подвигнула пресильну рать.

Я мню Уликса зреть с прехрабрым Диомидом,

Как разъяренным видом

Разил он Резов стан.

Подобно так Лисой курятник растерзан.

И солнце на восходе
Едва от ужаса не совратилось вспять,
Как скрылось иногда оно при непогоде,
Как боги Ромула к себе хотели взять.
Крестьянин не имел, что более зачати,
Как только лишь на Пса вину всю полагати.

А Пес мой говорил:
«Хозяин! если ты не будешь сам стараться,
Как хочешь, чтоб я стал спокойствия лишаться
Об том, в чем никогда участник я не был?»

Не делай ничего ты чуждою рукою,
А делай сам собою.

<1773>

35, 36, 37. ВОЕННАЯ ПЕСНЬ

«*Военная песнь*», Младые воины, сберитесь
СПб., 1774 С краев земли на мой днесь глас;
На слух его вы обратитесь,
Не для других пою, для вас;
Для вас трубу я принимаю,
И в слух вселенной возглашаю
Велики Марсовы дела;
И, почитая труд забавой,
Я мчусь вослед за бурной славой,
Куда охота повлекла.

Я вас на трудный путь наставлю,
Где многим был конец мужам,
Стопы я ваши там направлю,
Где бога браней страшный храм,
Где многи не дошедши пали
И славу многих лет теряли,
Где пал Гектор и Ахиллес,
Биясь у стен Троянских славных,
Где пал собор героев давных,
Взнесенный баснями до небес.

Во храм последуйте со мною,
Чтоб тайны Марсовы познать,
Простой неведомы толпою,
Старайтесь их вы постигать.
Презрев тропу простолюдиню,
Стремитесь храма во святыню.
Не зрите ль сей неравный путь,
Героев кровью обогранный?
Се там храм, в облаки взнесенный,
Где в бездны толь легко скользнуть.

Глава его в эфир восходит
Превыше дальних самых звезд
И медяный помост нисходит
До царства мертвых мрачных мест.
Врата Алекто обрывает,
И с ней смерть купно обитает;
Се слава: вы ступайте с ней,
Она врата вам отверзает,
Но да предаться не дерзает
Ваш дух горячности своей.

Се тамо председатель в зданье
Кастальских чистых сестр собор;
Там представляет начертанье
Уранья вод, полей и гор
И всё в шару изображает,
Земля в себе что заключает.
Там положенье сел, градов,
Земных владычеств сокращенье
И гемисфер изображенье,
Собор различных всех кругов.

Се Каллиопа, окруженна
Питомцами Беллоны злой,
Поет Гектора раздраженна,
Ведуща с Ахиллесом бой;
Уликса, что из бедствий мраку
Чрез двадцать лет пришел в Итаку;
Повинного судьбинам злым,
Благочестивого Енея
И побежденного Помпея;
Годфридом взят Иерусалим.

Великий труд, но нескончанный
Лежит там русского певца,
Где славный подвиг начертанный
Петра, отечества отца.
Ореховец где меж водами
Стеснен вкруг русскими полками,
И серный прах, на град падуш,
И Шереметев, стать претящий,
Голицын, мужеством кипящий,
На стены готфски вверх идуш.

Уже священными устами
Глася дела прешедших дней,
Велику древность чудесами
Вещает Клио купно с ней;
Мужей великих исчитает
И их примером побуждает
Идти прехрабрым вслед мужам;
Велит паденья опасаться,

Единой истины держаться,
Идя по славным их тропам.

Ко мне Евтерпа прилетает,
Я внемлю звук военных труб,
Лиясь по жилам, кровь пылает,
Я ощущаю жар сугуб.
Мой дух в неистовстве бунтует,
Здесь Терпсихора ликовствует,
Полигимния в сих местах;
Меж тем военная Паллада
Священного величьем взгляда
Дает почтение и страх.

Ее любимцы водворились
В сию обитель в век и век
И столько славны учинились,
Колико может человек.
Искусством оных быв попраты,
Пред ними пали сопостаты,
Приявши казнь за свой мятеж.
При ней подобно приседают,
Ее велению внимают
Там Вобан, Паган, Кегорн, Феш.

Их тщаньем грады соруужались,
Оплоты вражеским полкам.
И их наукой низвергались
Раскаты собственны врагам.
Победоносною рукою
Они сражались с судьбою
И исторгали сопостат:
Земли громады воздвигали
И вокруг реками окружали
Едва сооруженный град.

Раскат, предположен раскату,
Разит и очищает ров,
Нельзя явиться сопостату,
Чтоб быть не биту с берегов.
К середине града устремленный,
Волной повсюда окруженный,
Стрежет куртину равелин;
Отсель пристройки униженны,
Одна другою защищенны,
Стоят под тягостью махин.

Меж тем предстал пред наши взгляды
Сокровищ Марсовых собор,
Я зрю воинские снаряды:
Се страх врагов и ваш убор.
Мечи сии узрите грозны,
Орудия молниеносны,

Погибель множества мужей:
На день кровопролитной брани
Сии металлические гортани
Застонут в ярости своей.

Но вы сперва приобучитесь
Сии громады управлять
И после их не устрашитесь
Из рук противных извергать.
Имеет всё свою науку:
И огонь, производитель звуку,
Разит вдалече чугуном;
Со возгоревшимся пожаром
Грозит погибельным ударом
Внутри шумящий серный гром.

Сему подобно ударяет
Перун с превыспренных небес,
Упруги камни рассекает,
Верхи высоких жжет древес. . .
Мой дух пленился восхищеньем,
Се безызвестным мановеньем
Завеса храма раздралась:
Я зрю видение прекрасно,
Вещей собранье многообразно,
Цветущу вечных лавров связь.

Сапфирны стены здесь блистают,
И червляница — их покров;
Геройски лики там сияют
Меж алмазных столпов.
Дела их, там изображены
И на скрижалях иссечены,
Цветут в бесчисленность времян;
С трубой летает шумна слава,
Под игом здесь война кровава,
И с ней и хитрость, и обман.

Не смертных персты начертали
Сии велики чудеса:
Искусство в том истощевали
Рукой держащи небеса.
Встают покрыты стены прахом,
И мнится, подвигают страхом
Еще геройские сердца;
Я гибель зрю домов и храмов:
Богинин сын и сын Приамов —
Пылают злобой их лица.

Бегут полки, падут преграды,
Звучат трубы, мечи блестят:
На Марафоне Милтиады

Пошли на сильных сопостат.
Со Фемистоклом Аристиды
И постоянны Леониды
Соединились на врагов;
Там храбрый вождь лакедемонский
И царь тщеславный македонский
На конях скачут меж полков.

Квирин, сабинов победитель,
И с ним Гостилий, Анк и Брут,
Валерий, Рима покровитель,
Свершили подвиг свой и труд.
Камилл, Маркел, и Павл Эмилий,
И Сципион, Метелл Цецилий
Толпы подвергли сопостат;
Помпей победами венчался,
Но слуха Кесарска боялся
И свой покинул чин и град.

Навек пред взором помрачитесь,
О мира древни чудеса!
К победам росским устремитесь,
Мои плененны очеса!
Победы! коих не забудут,
Доколе россы славны будут,
Доколе север не падет.
Греми военною трубою
И двигни нашу судьбою,
О муза, весь пространный свет.

Пред цареградскими стенами
На греков Игорь двигнул рать,
Олег по суше ладиями
Спешит коварных мочь попрать.
Спасался болгар с печенегом
От Святослава скорым бегом,
И с ним Цимисхий Иоанн;
Гремел Владимир за Дунаем
И колебал окрестным краем,
Премногих победитель стран.

О князь! почто свою державу
Ты разделил своим сынам?
Я зрю убийц, раздор, отраву
По сопротивничьим полкам.
Дрожит злодей пред Ярославом,
С великодушным Изяславом
Всеволод был противным страх;
В бою с кафинским князем бился,
Мечом на греков ополчился
Владимир храбрый Мономах.

Москвы Георгий состроитель,
Андрей, Димитрий, Константин.
Батый, России разоритель, —
Губитель Юрьевых судьбин.
В порабощении томилась,
О, срам! татарам покорилась
Сия великая страна;
Со готфом Александр сражался
И на ливонцев устремлялся,
Где льется нельская волна.

Донской Димитрий на Мамаю
На берегах Непрядвы шел;
Ордынску мочь искореняя,
Он русский утвердил престол.
На Новгород Иоанн стремится,
Сей град послушен становится,
Казань трепещет перед ним;
Смоленск Василий поплняет,
Царя в Казань он посылает,
Оружьем град пленив своим.

Казански стены повалились:
Ударил Грозный Иоанн;
Пред ним вандалы преклонились
И Емтурчей лежит погран.
Почули мощные удары
Ливонцы, крымские татары
И беспокойная Литва;
Цари сибирски ужаснулись,
Новгородцы спотряхнулись:
Их пала гордая глава.

В зыбях погибли Соловецких
Норвежцы русским в льдах мечем,
Хищений спас Феодор шведских
Града, где ныне мы живем.
Там Алексей срацин карает,
Морскую силу созидает
На Понт-Евксинской быстрине;
Ливонски грады трепетали,
Убежища не обретали
В своей поляки стороне.

О, как мне петь дела Петровы!
Об них я мало бы гремел,
Когда б мой глас был глас громовый
И перси б медяны имел.
Мне скудны силы препинают,
Но токмо музы ободряют,
Велят на лире петь Петра.
Отец российского народа!

Прости, что дерзостна свобода
К вещанью дел твоих скоро.

Монархов знаменье российских
Меж наглых веет сопостат:
В валах флот вывел Петр балтийских,
Куруется Ингерский раскат.
Лишь только росский меч возблещет,
Дрожат эстоня, финн трепещет,
Бежит ливонец и вандал;
Азов кидают агаряне,
Мечом избиты померане,
И Левенгаупт побежал.

Петра мнил Карл дванадесятый
Наветом хитрым одолеть, —
Отринут умысл предприятый:
Он пал, в свою уловлен сеть.
Его союзник — льстец Мазепа.
А здесь бунтует брань свирепа
Перед полтавскою стеной:
В полки полки там ударяют
И медны жерлы огонь рыгают,
Сокрыв куреньем свет дневной.

Гремят вокруг смертоносны звуки,
Сквозь огонь развился облак мглы,
И Марс простер кровавы руки:
Сразились буйные орлы.
Зияет смерть, земля багреет,
Ревущим пламенем небо рдеет,
Громады стонут, разродясь;
Герой удары направляет,
Победою повелевает
Великий Петр, в полках стремясь.

О день, навеки незабвенный!
В который гордый Карл упал,
Вещай погибель в слух вселенной
Того, кто против нас восстал.
Герой побег его смущает,
И к Ельсинфорсу спешает,
И близ Стокгольма возгремел;
Вечерни, мирны ныне грады,
При вас премногие осады
Великий Петр тогда имел.

Кавказски холмы воскурились,
Стремится в знойных Петр полях,
От слуха персы ужасились
В дербентских жаждающих степях.
Уже каспийскими брегами

И дагестанскими градами
Великий Петр днесь завладел;
Оружия Петровы скоры
Там утишили все раздоры,
И паки шах на трон восшел.

О, дел священных начертанья!
Мечтайтесь ввек в умах вождей;
Блажен, когда мои вешанья
От ваших зѣмут блеск лучей.
Мой глас, на верх небес промчися,
О тень великая, проснися
И стань среди своих полков;
Возри на труд Екатерины:
В архипелажские пучины
Гремит твой флот среди валов.

Простер скиптродержавны руки
Монарх к претягостным трудам,
И раздаются млатны звуки
По зюйдерзейским берегам.
Ты б петь, Вергилий, усрамился,
Что флот Енеев превратился
В богинь, живущих под волной;
Твой Иды древом флот спасался —
Здесь венносец не гнушался
Священной строить флот рукой.

Велик был Петр на ратном поле,
Велик был Петр в морских волнах,
Велик, сидящи на престоле,
Велик, дая закон в судах;
Монарх был Петр и полководец,
Судья, строитель, мореходец,
И просветитель, и отец;
И как мне петь всё то на лире?
Я внемлю глас в пространном мире
Петру обязанных сердец.

Вещайте вы, и я вещаю,
И музы с нами возгласят;
Я дух усердьем восхищаю,
И все то россы ощутят.
Однако мы не утомимся,
Пойдем и паки устремимся
За росским Марсом на поля;
Воюет Миних перед Крымом,
Покрыта мрачным серным дымом,
Дрожит Очаковска земля.

Против Петровой дщери стали
Вандалы, паки возгордись, —

Перед Петровой дочерью пали
Вандалы, паки преклонясь.
Свою забыли часть сурову,
Но все побегли вспять к Абову,
Не могли прать против судьбин;
Перед Цорндорфом трепетали
И из-под Франкфурта бежали
Оставив пруссы свой Берлин.

Но коим здесь предметом новым
Я стал мгновенно поражен!
Обвит вокруг листвием лавровым,
Не се ль наш труд изображен?
Се мудрый лик императрицы,
Се здесь Румянцев, здесь Голицын:
Я вас, герои, познаю.
Не се ль Средьземны волны плещут,
Орловых турки здесь трепещут, —
Украсьте, музы! песнь мою.

Иль паче песнь не украшайте,
А токмо разгоните страх
И столько силы мне вы дайте,
Чтоб петь о славных сих делах.
Греми, греми, Петрова внука,
Чтоб от твоих оружий звука
Вознесся слух на верх небес;
Петра судьба нам возвратила,
Екатерина воскресила
Петра в знак божиих чудес.

Представь, как Эол в волны свищет,
Как ставит в пропасть валы,
Как между волн кораблец рыщет
Средь мраку, молний, блеску, мглы;
Как мал, как робок в океане,
Таки меж россов агаряне,
И слабость их, и их побег,
И многих плен мужей поносный,
И невозвратный рок их грозный,
Как в поле оттоман полег.

Хотин поверх стремнин дымится,
Сражен перуном на бугру,
Срацин бежит, срацин стремится,
Пустившись смутен по Днестру.
Стремглав летит янычар, павши,
Молдавски грады встрепетавши,
И пал раскат их, аки тлен;
Румянцев громы устремляет,
Мечом и пламенем погоняет
И их полки влечет во плен.

Я зрю: се он, — и Яссы пали,
И Букхорест, Воложский град,
И наши воины прогнали
Из-под Фокшань всех сопостат.
На Журжу Штофельн устремился,
И, сколько Челубей ни злился,
Бежал от Журжи Челубей;
О Штофельн! вождь неутомимый,
Тебя се рок неутолимый
Сразил средь ярости своей.

Репнин при Пруте в ратоборство
Вступил и с ханом, и с пашой,
И наших воинов проворство
Преодолело сильный бой.
Но что за громы ударяют?
Не се ль при Ларге низлагают
Несчетну россы рать врагов?
Румянцев грянул — и в пределы
Пустил молниевидны стрелы
И степь наполнил их голов.

Покрыт срацинскими полками,
Лиясь в Дунай, Кагул ревет;
Визирь, объявши горы тьмами,
На брань с собой Магмета мчет.
Уже трикратными стенами
И троекратными он рвами
Свой стан и горы оградил;
Но стан и горы он оставил,
Хоть силой вокруг себя обставил
И мнил: теперь я победил.

Блеснул Румянцев с полуночи,
И загремела дружна рать;
У янычар сверкают очи:
Не знают, с кем и как им прать.
Однако буйность их промчала,
Когда труба на брань звучала
И дух их яростью зажгла;
Они со взором распаленным
Бегут с железом устремленным,
Куда их ярость повлекла.

О, страх! се наши уклонились;
Румянцев здесь — и росс восстал,
И паки россы устремились,
И паки росс врагов поправал.
Их стерлись стены и преграды,
И сокрушились их громады,
И стал пленен их гордый стан;
Визирь бежит, бегут срацины

И, пад в дунайские пучины,
В валах со всех теснятся стран.

Какой туман луч солнца кроет
И вихри пламенны крутит?
Трепещут горы, берег воет:
Се Панин Бендеры разит;
Подземны порох рвет заклепы,
И россы, аки львы свирепы,
Тряхнули гордый их раскат;
Поколебалися раскаты,
Поколебались сопостаты,
Мехмет вручил герою град.

Но паки дух мой взбунтовался, —
Уже несусь я меж валов,
Эгейский понт возволновался,
Пленил всю Грецию Орлов.
Чесмесски волны запылали,
Кровавой пеной понт устлали,
Смешавшись с смрадом и смолой;
Я б пел, но се певец пермесский
Давно воспел уж бой Чесмесский,
Глася эпической трубой.

Дела пев росских полубогов,
Я не радею бога петь;
Вещав Петра средь сих чертогов,
Мне боле не о ком греметь.
Уже в очах мне всё здесь тьмится,
Однако муз собор стремится,
Велит начатый труд скончать:
«Тебе ль преслушаться веленью,
Иль мнишь: по своему хотенью
Ты можешь сей трубой звучать?»

Я муз прещенья устранился,
Уже послушен воле их,
И паки к лире устремился
Богинь велением моих.
А вы, грядущие со мною,
Готовьтесь смелою ногою
В святыню Марсову вступить;
Врата на петлях заскрыпели —
Не се ль Беллону мы узрели,
Что движет персты дверь открыть?

На вечном мраморе сидящи,
Имея громы при ногах,
Умытый кровью меч держащи,
Сияет тамо Марс в лучах.
Его любимцы при престоле,
Подобно так, как в ратном поле,

Седят с владыкою своим;
Из первых Храбрость заседает,
Ее Наука спровождает,
И быть нельзя в разлуке им.

В руках имея жезл начальства,
Седит со строгим взором Власть,
И Постоянство, враг нахальства,
Душ слабых страх, геройска страсть.
Я силу зрю Воображенья,
Ее суть плод изобретенья,
Полков надежда, честь вождей;
Уста спирает Тайна перстом,
И Прозорливость зрит в отверстом
Всё сердце то, что мнит злодей.

Великодушие прощает
Своих врагов среди побед,
И Труд покою не вмещает
И всюду идет Марсу вслед.
Взирая любопытным оком,
Седит в молчании глубоко
За ними Опыт многих лет;
Премудрость, Честность, Добродетель
И Правда, наших дел свидетель, -
Его соделают совет.

Прошли мы бога громких боев
Теперь святилище и храм,
Стремясь в виталища героев
По мрачным безднам и буграм!
А вам, бессмертные богини,
За всё да будет благостыни
Вовек немолчная хвала!
Вы робкий возраст мой вперили
И светом очи озарили
Воспеть геройские дела.

Блажен, что бранну песнь судилось
Гласить мне воинам младым,
Что в сердце мне давно твердилось,
Изрек я спутникам моим.
Пылайте, юноши, пылайте,
Того часа и дни желайте,
Как с нами Павел загремит;
Он пойдет вслед делам Петровым,
Когда велением суровым
Война в пределах закипит.

Пойдем и мы, как наши деды
На жатву славных шли побед:
Пред ними пали персы, шведы —
Падет пред нами перс и швед.

Не се ль с путей своих склонились,
В пределах росских воскрутились
Евфрат, и Нил, и Еридан?
Восток и Север изумился:
«Не паки ль с россом устремился, —
Рекут, — каратель готфских стран?»

1773

40. ОДА ПЕРВАЯ

Оды, с. 3 Седины не возвращают
Нам потерянных годов,
Приближенье возвещают
Нам конечных лишь трудов.
Ум годами изнурится,
Пребыванье разорится
Некончающей души;
Весь состав наш одряхлеет,
Сердце в нас оледенеет,
Смертный, ты сие внуши.

И сего для вспоминая
Дней течение твоих,
Пожалей их, восстоная,
До часов прихода сих.
День, который претекает,
Паки к нам не прилетает
И скрывается навек;
Наша жизнь кратка довольно, —
Что ж ее ты своевольно
Сокращаешь, человек?

Пожалеешь, но напрасно,
То, нельзя что возвратить,
И мечтание прекрасно
Тя не будет боле льстить.
Ты не медли дожидаться,
И, коль хочешь наслаждаться,
Наслаждайся ты теперь;
Отлагать нельзя нимало:
Половина дел — начало,
И ты времени не верь.

Если ж ты раскаеваться
Не восхощешь до конца,
Тщись заране устремляться,
Где суть праведных сердца.
К добродетели стремися,
В ней с младых лет укрепися

И во старости пребудь;
Старость, дней твоих отрада,
Как вечерняя прохлада,
Усладит твою тем грудь.

<1775>

48

*Автограф ГПБ
Вместо
строфы 10*

Я, Майков, в лиру ударяю,
Котору мне настроил ты.
Твои согласия повторяю,
Но их лишены красоты.
Тебе свои дал Гений крылья
Носиться плавно, без усилья
Возможных в области вещей.
Моей то будет похвалою,
Что я нестройною стопою
Твоею шествовал стезей.

49. СТАНСЫ

Оды, с. 22 Как мрачны небеса явят присутствие ночи
И томные глаза сомкну уже на сон,
То вдруг предстанет мне то ясно перед очи:
Так буду спать, как я из света выйду вон.

Ужаснейший предмет и смертным непонятный!
Трепещет естество, вообразив тот час,
Плачевнейший нам час и паки невозвратный!
Кто знает, далеко ль бываешь ты от нас?

Как буйный вихрь, стремясь из северной пещеры,
Вскрутится и корабль в пучину погрузит, —
Внезапно сей удар, прервав приняты меры,
Нас, мнящих в тишине пребыти, поразит.

О смертный! ты на рок отнюдь не полагайся,
Ты счастлив, но страшись всегда быть несчастлив,
От подлой гордости как можно собирайся:
Тот низок навсегда, кто мог быть горделив.

А смерть между людей быть разности не знает,
Остра коса ее и век не престаает,
Косящая руки ничто не запинает,
И всякий день она багряны токи льет.

<1775>

50. СТИХИ К МИХ < АЙЛЕ > МАТВ < БЕВИЧУ > ХЕРАСКОВУ

Оды, с. 23 Я чел твой славный бой, Херасков, под Чесмою,
Где россов ты дела военной пел трубою;
Героев ты поя, не их нам восхвалял, —
Ты в оном сам себя навеки прославлял.

< 1775 >

54

Автограф Затем во древности смягчались звери дики,
После 76 Как в лиру ударял любовник Евридики.
Гонясь за агнцем, волк гнать агнца забывал,
От волка агнец прочь бежать переставал.
В одной тени тогда ложились зайцы с псами,
Вились с голубкой вран над теми ж древесами.
Ты утро всё, Орфей, ты вечер тосковал
И, ах! уж не свою еще супругу звал.
С тобою грусть твою и волны ощущали,
И нечто берега плачевно отвещали.

67. СОНЕТ НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЕСНЫ

УЗ. с. 29 Уже Борей умолк, и стихнул Аквилон;
Предвестники весны, прохладны дуновенья,
Летают на полях зефиры с всех сторон
И нежат мерзлые в земле произращенья.

Весенние певцы воздвигли сладкий стон,
Сбегают воды с гор: прияв свои теченья,
Журчат под тонким льдом струи днесь без препон,
Открылись гор хребты, луга, леса, селенья.

Природа, веселясь, облéклась в новый вид:
Уже источник сей по камышкам бежит
И наших гор едва белеются вершины.

Се Феб спешит лучи жарчайши устремить,
И двинулись, свое паденье возвестить,
В неистовстве к морям несясь, угрюмы льдины.

1775 (?)

78. ОДА ШЕСТАЯ. К Д ***

Автограф [Но смертного рука продерзка не похитит
После 8 Небес единых дар;
(*зачеркнуто*) Коль муза сладкою росою не насытит
Его мгновенный жар.]

Автограф
ГПБ

В любезной тишине погасла мысль моя,
Отринулась душа моя от бытия.
Спокойство, сон, мечты, мрак, тихость
томной ночи

Со мною приседают, мои смыкая очи.
Воображение, полет свой отложив,
Мечтует тишину, со мною опочив.
Так солнце, утомясь, на западе блистает,
Умаясь, мечет луч и блеск свой отметаёт.

Но что я говорю? Сия овечка дремлет,
Лежа на мураве, не знаю, что-то внемлет;
Не сей ли плеск ее внимание привлеч,
Иль томный ручеек отсюда недалек?
Кустарник, что при нем листы свои качает,
Повсюду образ свой в струях его встречает.
И он теперь молчит и, мнится, не течет,
Окроме как когда зефир его влечет,
Когда его струи собой отяготятся
И, зажурча, на низ друг с дружкой покатаются.
И я тягчусь с волной. . .

96

Автограф
ПД
(без загл.)
После 87

Пусти меня. Авось в уединенье
Я прелести опять сыщу во упражненье.
И нравов простота, и долг, и нужда жить
За мною будут бдеть и могут вкус вложить.

104

«Утренний свет»
После 12

Ты сам, коль Геснера при шуме вод читаешь,
И в сердце тишину внезапно обретаешь,
И радуешься быть, — или не узнаешь
Служенье, кое ты природе отдаешь?

После 42

Коль оком мудреца он может отличать
Повсюду красоты естественной печать.
Он первый новое природы зрит явление,
Предчувствует бытий начала в отдаленье
И бесконечности переходит мрачный путь,
Где бог сретается и миры точки суть.
Убийства взором он свой дух не утомляет,
Вельможам узы их и знатность оставляет.
И жизнь свою бежит в пещеру затворить,
Коль смертных к счастью нельзя уговорить.
Или ко плугу он убежище приемлет,
Где сладкой простоты еще он гласы внемлет.

Там каждый год ему послушная земля,
 На всех его стезях обилие стеля,
 Дарует пищи дань, — а там телиц мычанье,
 И агнцы скачуши, и хладно струй журчанье.
 Но что я делаю, свой слог переменив?
 Вергилию гласить бессмертну славу нив.
 Ему, кой ясно зрел все прелести природы,
 Обезоруживать и к селам влечь народы.
 Мне бремя моя ленивой жизни несть,
 Но в недрах письмен быть, но «Россиаду» честь;
 Ученьем изводить в душе таящись плевы. . .
 Ах! только быть б еще при бреге Любосевы.

123

- Автограф* О возраст! столько же мечтаний и дурачеств,
ОПИ ГИМ Как и рождения величественных качеств,
(отрывок) Всегда в движении, во недостатках мил.
Перед 1
- Автограф* О возраст! коего единое мгновенье
ГПБ Всех радостей души влечет вспоминовенье,
Перед 1 Как толпище забав, изъятых из всего,
 Металось напрерыв, чтоб разделить его!
- Вместо* Которым столько я был счастлив преж сего.
12—18 Так житель той земли, богатой и несчастной,
 Которую открыв испанец самовластный
 Владетелей ее кровями омочил
 И рабством уз своих и веры удручил,
 Во африканские палящи продан степи,
 Приподымаючи звена тяжелой цепи
- Вариант 13* Таков сей сирый негр, чувствительный и дикой
- Ст. 16—17* Лишен сей вольности, с которою рожден,
 В утробе гор свои воспоминает степи.
- Вместо* Я слезы чувства лил, как первый только раз
72—77 Дмитревский моего похитил сердца глас.
 Какое молнии подобно ощущение
 Он мещет в зрителей, произнося отмщенье,
 Но нежен и к ногам Илмены унижен,
 Он кажется толпой любовью окружен.
- После* Ко сладостным забавам лета глух.
ст. 125

Корректура
«Послания
к А. М. Бр.
1783 г.»
Вместо
17—19

И, руководствуем любовью и натурой,
Непринужденные слагаешь ли стихи,
В которых нежные вздыхают пастухи?

Вместо
98—100

Не можно сделаться Буфлером,
Пезеем, Ньюв-Шатом
И должен легонький веночек быть плетом
Боннаром, Имбертом, Парнием иль Кюбьером?

141

*Во всех
четыре-
х экземп-
лях кор-
ректуры*
«Послания
к А. М. Бр.
1783 г.»
Вместо
17—22

И с Бомарше трунит.
Не может тяжелой труд и хладно размышленье
Свободным Гения полетам подражать
И сокровенную печать,
Которой он дает свое благоволение,
Нельзя подделать, ни сломать.

*Во всех
четыре-
х экземп-
лях кор-
ректуры*
«Послания
к А. М. Бр.
1783 г.»
Ст. 26—28

Чувствительной душе всё служит в наставленье.
Вергилиев, Коррежев колорит
Иль живописный вид из Терра ди Лаворо,

*Дописано
далее
только
в коррек-
туре ГПИБ*

Паизиеллово финале или коро
Иль сердца тонкий сон, которо
Под колереттою проснуться хочет скоро.
Всё служит гению и ото всех сторон
Свою наперсницу объемлет он
Мечтами красоты, рассеянными в мире.

Автограф
Вместо
90—91

Не разгоняй туман волшебный
Манящих, сладостных и легких образов.

ПРИМЕЧАНИЯ

М. Н. Муравьев пятнадцатилетним юношей дебютировал сборником «Басни, Книга 1», СПб., 1773 (в книге напечатаны посвященные секунд-майору Измайловского полка П. А. Голицыну, 19 басен и стихотворный «Эпилог»). Затем одно за другим последовали: сборник «Переводные стихотворения», СПб., 1773; «Петрония Арбитра «Гражданская брань». Поэма», без означения места и года издания (СПб., 1774), вместе с которой напечатан перевод оды Горация «К друзьям»; дидактическая поэма «Военная песнь», СПб., 1774; «Ода ее императорскому величеству государыне Екатерине II, императрице всероссийской, на замирение России с Портою Оттоманскою», СПб., без означения года печати (1774); сборник «Оды», 1775, без означения места печати (СПб.), состоящий из 10 од и «Присовокупления разных стихотворений» (в этот отдел включено 9 стихотворений Муравьева и сонет В. И. Майкова, обращенный к Муравьеву). Таким образом, последний прижизненный сборник стихотворений Муравьева вышел из печати, когда автору было 18 лет.

Все дальнейшие попытки поэта издавать сборники стихотворений по тем или иным причинам не удавались. Достоверно можно указать лишь на одно отдельно изданное поэтическое произведение Муравьева: «Стихи на кончину Якова Борисовича Княжнина, приключившуюся сего генваря 14 дня», без означения места и года печати (СПб., 1791). В 1778 г. в сборнике «Опыт трудов Вольного российского собрания при императорском Московском университете», ч. 4, была напечатана подборка из 6 стихотворений и переводов Муравьева. Некоторое число поэтических произведений, большей частью анонимно, опубликовано в журналах «Санктпетербургские ученые ведомости», «Утренний свет», «Санктпетербургский вестник», «Академические известия», «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета», «Собеседник любителей русского слова», «Новые ежемесячные сочинения», в альманахе «Аониды» и т. д.

Между тем в бумагах Муравьева сохранились следы подготовки нескольких поэтических сборников. В 1777 г. он собирался печатать «Новые лирические опыты Михайла Муравьева. 1776» (сборник состоит из 8 стихотворений, первоначально озаглавленных — как и в сб. «Оды» — «Ода первая», «Ода вторая» и т. д.¹). В рукописи

¹ Во избежание путаницы со сб. «Оды» редакция «Библиотеки поэта» считает необходимым в заглавиях стихотворений сб. «Новые лирические опыты» (№№ 74, 75, 76, 78) порядковые номера снять.

остался сборник «Pièces fugitives», составленный из 10 стихотворений 1778—1784 годов. В конце 1780-х годов был набран первый лист нового сборника, открывавшегося «Посланием к А. М. Бр.» (см. примеч. 130), однако дальше дело не пошло. Новая неудача связана, вероятно, с гонениями на сочинения философов-просветителей со стороны русского правительства («Послание...» Муравьева, по сути дела, является гимном Вольтеру).

О замыслах Муравьева свидетельствуют также и рукописные перечни стихотворений, объединенных в отдельные циклы или по хронологическому принципу. Так, например, сохранились наброски плана второй книги басен (перечень восьми и текст двух), относящиеся ко второй половине 1770-х годов, перечни стихотворений 1776 г. (под общим заглавием «Мечты 1776 года»), конца 1770-х годов, 1780—1790-х годов и др. В записи 1801—1802 г. Муравьев, сетуя на занятость по службе и отсутствие времени, перечисляет, над чем он работает и называет, в частности, «Собрание стихотворений» и «Извлечение из стихотворений».

Что такое «Извлечение из стихотворений» — неизвестно. Авторизованный список «Собрания стихотворений», включающий и напечатанные, и неизданные произведения, хранится в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея (в дальнейшем называем «список ГИМ»). Список открывается программными стихотворениями «К Музе» и «Слава России», за которыми следуют в хронологическом порядке без подразделения на жанры еще 32 стихотворения (выделены лишь басни), преимущественно первой половины и середины 1770-х годов. Тексты всех произведений переписаны уже в переработанном виде (по сравнению с первоначальными редакциями), однако поэт вносил в этот беловой список новые поправки. Судя по тому, что он успел вновь исправить лишь первые десять стихотворений и что в сборник не вошли произведения конца 1770-х годов и позднейших лет, можно с уверенностью заключить, что многочисленные служебные обязанности, которые легли на Муравьева с 1803 г., остановили работу над «Собранием стихотворений» (поэтому список ГИМ датируем временем не позднее 1802 г.).

Подготовку посмертного издания сочинений Муравьева взяли на себя его племянник и воспитанник К. Н. Батюшков и В. А. Жуковский. По первоначальному замыслу стихотворения должны были составить отдельный том, подготавливавшийся к печати Жуковским. Отечественная война 1812 г. прервала работу, начатую, по-видимому, в 1811 г. Жуковский, приглашенный в 1815 г. ко двору, был занят. Батюшков торопил его, затем взялся за издание сам, привлекал других людей. Личные неприятности, постоянные разлады, болезнь мешали работе над делом, которое Батюшков считал для себя священным. Издание вышло из печати уже после его отъезда за границу. Намеченный план осуществлен не был. В «Полном собрании сочинений» Муравьева (СПб., ч. 1 и 2 — 1819, ч. 3 — 1820) стихотворения составляют лишь начало 1-го тома.

При подготовке стихотворений к печати со списка ГИМ была сделана копия, дополненная еще девятью стихотворениями (фактически — десятью, ибо переписчик механически объединил первые 39 строк «Роши» со стих. «Мои стихи, мой друг, — осенние ли-

сты...»). Эту копию называем ГПБ-8. Текст ГПБ-8 чрезвычайно плох, так как к погрешностям списка ГИМ прибавились многочисленные ошибки нового переписчика в произведениях, переписанных с автографов. Иногда он не разбирал отдельных слов или целых строк и оставлял для них пустое место, а чаще ошибочно читал написанное Муравьевым. Из 44 стихотворений ГПБ-8 Жуковский отобрал 24 и добавил 2 из журналов. Таким образом, в состав так называемого «Полного собрания сочинений» Муравьева вошло всего 26 стихотворений (главным образом ранних) — незначительная часть его поэтического наследия.

Дважды это издание сочинений Муравьева перепечатано А. Смирдиным — оба раза в двух томах (СПб., 1847 и СПб., 1856). Из «Полного собрания сочинений» девять стихотворений вошло в «Русскую поэзию» Венгерова (СПб., 1897).

В советское время несколько стихотворений Муравьева были включены в сборник «Русская литература XVIII века», составленный Г. А. Гуковским (Л., 1937) и в сборник «Поэты XVIII века» («Библиотека поэта», М. с., Л., 1958). Шесть басен из книги 1773 г. воспроизведены в сборнике «Русская басня XVIII и XIX века» («Библиотека поэта», Б. с., Л., 1949).

На неполноту собрания сочинений Муравьева и на наличие неопубликованных произведений поэта указывали исследователи XIX века Е. В. Петухов, В. И. Саитов, Л. Н. Майков и др. В 1913 г. Н. П. Жинкин в статье «М. Н. Муравьев. (По поводу истекшего столетия со времени его смерти)» проанализировал ряд стихотворений, находящихся в Публичной библиотеке, и включил текст некоторых из них в статью.

Шесть стихотворений и большое число отрывков были опубликованы в статье Л. И. Кулаковой «М. Н. Муравьев», написанной на основании материалов, хранящихся в различных архивах СССР («Ученые записки Ленинградского университета», Л., 1939, вып. 4, № 47).

Данное собрание стихотворений М. Н. Муравьева фактически является первым, отражающим многогранный творческий путь поэта. В сборник включено все наиболее ценное в эстетическом или историко-литературном отношении: оригинальные произведения, опубликованные при жизни автора, а также в издании 1819 г. (для 16 стихотворений, напечатанных анонимно, впервые устанавливается авторство Муравьева), и 87 стихотворений, извлеченных из рукописей поэта. Ранние произведения, переводы, незаконченные наброски публикуются выборочно постольку, поскольку они могут обогатить представление о творческом пути поэта.

Рукописи Муравьева находятся во многих архивах СССР и за рубежом. Наибольшее количество художественных произведений сосредоточено в рукописном отделении Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. (При публикации автографов данного собрания и ссылке на них к слову «автограф» добавительной пометы о их местонахождении в примечаниях не дается.)

Готовя стихотворения к печати по ГПБ-8, Жуковский восстанавливал авторский текст, исправляя ошибки переписчиков и внося строчки из автографов. Помимо этого Жуковский и редактировал Муравьева. Снять редакторскую правку просто, когда есть автографы. В тех

же случаях, когда их нет, определить точно, где Жуковский редактирует текст, где восстанавливает написанное Муравьевым, невозможно. Положение осложняется тем, что и в списке ГИМ Муравьев успел исправить только часть стихотворений. В других остались описки, которые Жуковский мог легко устранить, имея в руках автографы, не дошедшие до нас. Поэтому, снимая, как правило, поправки редактора, мы при очевидных описках, которые нельзя проверить, сохраняем текст Полного собрания сочинений, оговаривая это в примечаниях, или даем конъектуру.

Иногда трудно установить окончательный текст и в самих автографах: работая над стихотворением, Муравьев надписывал над строкой, под нею, на полях или в конце стихотворения второй, третий, четвертый варианты, не зачеркивая ни одного и рассчитывая, видимо, выбрать впоследствии лучший. Мы печатаем текст по последнему варианту исправлений, за исключением тех случаев, когда он не завершен.

Полностью переработанные Муравьевым произведения печатаются по последней редакции. Подготовленный к печати авторизованный список «Басен» 1772—1773 годов испещрен замечаниями постороннего лица, по которым Муравьев исправлял текст при наборе. Наиболее важные замечания и исправления приведены в примечаниях. Басни «Кучер и Лошади» и «Верхушка и Корень», в которых налицо правка цензурного характера, печатаются по рукописи.

Ссылка на первую публикацию без указания на источник, по которому печатается текст, означает, что произведение печатается по первой публикации, так как текст его не перепечатывался более или перепечатывался без изменений.

Некоторые произведения датированы Муравьевым в автографах, время написания других определяется записями в дневниках, письмами поэта и составленными им хронологическими перечнями написанных стихотворений. Все точные даты, установленные на основании этих документов, специально в примечаниях не оговариваются. Иногда одно и то же стихотворение в разных перечнях датируется 1776 или 1777, 1778 или 1779 г. В этом случае либо уточняется год, либо указываются обе даты. Если дата написания неизвестна, в угловых скобках указывается год публикации или год, не позднее которого могло быть написано стихотворение. В тех случаях, когда прямых хронологических сведений нет, стихотворение датируется по косвенным признакам: палеографическим данным, местоположению в тетради определенных лет, содержанию и т. п., — печатается с датой: «вторая половина 1770-х годов», «1770-е годы», «1780-е годы» и т. п. Предположительность или неуточненность датировки обозначена знаком вопроса (?). Две даты, разделенные запятой, означают год написания и переработки произведения.

При всей сложности датировки наиболее целесообразным принципом издания стихотворений Муравьева является хронологический, а не жанровый. Он соответствует и ломке жанровых границ, являющейся особенностью поэзии Муравьева, и воле самого поэта, который сначала назвал одами все стихотворения, вошедшие в сборник «Новые лирические опыты», а перерабатывая и печатая их, снял определение жанра. Итоговое «Собрание стихотворений» строилось по хронологическому принципу, сгруппированы в нем только басни.

Соответственно и мы выделяем раздел «Басни», а остальные произведения располагаются в двух разделах: «Разные стихотворения» и «Переводы». Произведения, дату которых определить нельзя, помещаются в отделе «Стихотворения неизвестных лет». Ранние редакции некоторых произведений и наиболее интересные варианты — в разделе «Другие редакции и варианты».

Орфография и пунктуация текстов в настоящем издании приближены к современным нормам.

Пояснения некоторых мифологических имен и названий, а также устаревших и малоупотребительных слов вынесены в Словарь.

Звездочка перед номером примечания является условным знаком наличия разночтений к тексту данного произведения в разделе «Другие редакции и варианты».

Условные сокращения, принятые в примечаниях

Басни — Басни лейб-гвардии Измайловского полку фурьера Михайлы Муравьева. Книга 1. СПб., 1773.

ВЕ — Журнал «Вестник Европы».

ГПБ — Рукописное отделение Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, фонд М. Н. Муравьева.

ГПБ-8 — Список стихотворений Муравьева с правкой В. А. Жуковского, хранящийся в ГПБ.

ГПБ-12 — Авторизованный список сборника «Басни», хранящийся в ГПБ.

ГПБ-13 — Автограф сборника «Pièces fugitives», хранящийся в ГПБ.

ГПИБ — Отдел редкой книги Государственной публичной исторической библиотеки.

ИОРЯС — Н. Жинкин. М. Н. Муравьев (по поводу истекшего столетия со времени его смерти). Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук, 1913, кн. 1.

МЕИ — Журнал «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета».

НЛО — Автограф сборника «Новые лирические опыты Михайлы Муравьева. 1776», хранящийся в ГПБ.

ОДЫ — Оды лейб-гвардии Измайловского полку сержанта Михайлы Муравьева 1775 года.

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного Исторического музея, собрание Черткова.

Опыт — «Опыт трудов Вольного российского собрания при императорском Московском университете», ч. 4, М., 1778.

ПД — Рукописное отделение Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР, архив Д. И. Хвостова.

ПС — Переводные стихотворения лейб-гвардии Измайловского полку каптенармуса Михайлы Муравьева. СПб., 1773.

ПСС (с указанием части) — Полное собрание сочинений Михаила Никитича Муравьева. СПб., чч. 1—2 — 1819, ч. 3 — 1820.

СВ — Журнал «Санктпетербургский вестник».

СЛРС — Журнал «Собеседник любителей русского слова».

Сопиков — В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии. Редакция, примечания, дополнения В. Н. Рогожина. СПб., 1904—1908.

- Список ГИМ — Авторизованный список «Собрания стихотворений» Муравьева, хранящийся в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея, собрание Черткова.
- СРС-1 (2, 4) — Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов, изданное Василием Жуковским. М., чч. 1—2 — 1810, ч. 4 — 1811.
- СУВ — Журнал «Санктпетербургские ученые ведомости».
- УЗ — Л. И. Кулакова. М. Н. Муравьев. Ученые записки ЛГУ, Л., 1939, вып. 4 (№ 47).
- ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.
- ЭП — «Обитатель предместья» и «Эмилиевы письма». Сочинение М. Н. Муравьева. СПб., 1815.

СТИХОТВОРЕНИЯ

БАСНИ

* 1. УЗ, с. 7. Переделка не вошедшей в сборник басни «Нептун, Минерва, Вулкан и Момус», которой, по замыслу автора, должна была открыться книга. *Засодимский* Михаил Андреевич — в 1770-е годы преподаватель риторики вологодской духовной семинарии; возможно, был учителем Муравьева. *Править ... сан* — исправлять должность. *Такую повесть нам оставил Лукиан*. Речь идет об эпизоде из диалога греческого сатирика Лукиана (ок. 120 — после 180) «Гермотим, или О выборе философии».

2. Басни, с. 1. Печ. по списку ГИМ.

3. Басни, с. 2. В автографе басни, входящем в ГПБ-12, после ст. 21 было:

Бегите общества, куда вас злой манит.
 Бегите: хладный яд меж красных трав сокрыт.
 Падение с собой всегда влечет паденье,
 И добродетель есть как остров без брегов:
 Довольно, чтоб ты раз единый пал в злой ков, —
 Навек ограждено на оный возвращенье.

Рецензент предложил заменить эти строки, так как «положение... противно к самому существу добродетели, ибо она везде пристанище себе находит, даже в самых величайших бедствах», и Муравьев снял концовку вообще. *Стоят* — здесь: предстоят.

4. Басни, с. 3. В ГПБ-12 вместо ст. 44—45 было:

Уж он разумен,
 Как деревенский поп или лесной игумен.
 Совет бородачу слюбился кумин.

Заменены по указанию рецензента: «Кажется, можно обойтись, не трогаячи священного чина, а притом «лесной игумен» не значит, думаю, важное». Сюжет заимствован из одноименной басни Лафонтена. *Бадья упрямей новгородца*. «Упрям как новгородец» — поговорка. *Иногда-то* — здесь: в давнее время, некогда. *Красс в пески парфянски вкрался И вечно там остался*. В 53 г. до н. э. сорокатысячное римское войско под предводительством Марка Красса (ок. 115—53 до н. э.) вторглось в Месопотамию и было уничтожено в пустыне парфянами.

5. Басни, с. 6. Печ. по ГПБ-12. Рецензент зачеркнул заключительное обращение к царям (ст. 30—33) и написал: «Здесь недурно вместить, что наставники поставлены над другими не для гордости пред оными, но для устроения их блаженства». Вместо ст. 30—33 в сб. «Басни» напечатано:

И вы, владык земных подобие и вид,
Правители! я к вам днесь глас мой обращаю,
Простите мне, коль я вспоминать дерзаю:
Любить, не презирать нас долг ваш вам велит.

6. Басни, с. 7. В ГПБ-12 после заключительной строки было:

Пословица верна, что муж да и жена —
Одна лишь сатана.

«Евстафий» с кораблем сцепились неверным. В первый день Чесменского сражения (24 июня 1770 г.) произошел жестокий бой между русским кораблем «Святой Евстафий Плакида» и турецким флагманским кораблем, в результате которого погибли оба судна.

7. Басни, с. 9.

8. Басни, с. 11. Сюжет заимствован из басни Эзопа «Земля и Облако». *Дать tasku* — здесь: дать толкование, сделать вывод.

9. Басни, с. 12.

10. Басни, с. 15. Печ. по ГПБ-12. Рецензенту не понравилось превознесение роли народа, и он указал: «Тут не худо описать, что оный народ иногда почитал то дурным, что правительство по благоразумию своему делает для благополучия оногo». В сб. «Басни» после заключительной строки появилась концовка, меняющая смысл басни:

Как на Верхушку Корнь, он часто негодует,
Мнит вредным, что оно ко благу предписует.
Но что? возможет ли сплетенный вымысл сей
В таком народе быть приличен,
К великим что давно монархам приобычен,
С младенства изучил по бoге класть царей.

11. Басни, с. 15.

12. Басни, с. 16. *Столб* — позорный столб, у которого кнутом наказывали судей, уличенных во взяточничестве.

* 13. Басни, с. 18. Печ. по списку ГИМ. *Похожденье* — здесь: случай, происшествие. *Фонтень сказал*. Имеется в виду одноименная басня французского поэта Лафонтена (1621—1695).

14. Басни, с. 20. *И был по-птичьей он прескаредный певец*. Около этой строки в ГПБ-12 замечание рецензента: «Слово сие надобно переменить в рассуждении нравоучения, ибо желательнее было бы, чтобы ястреб, стараясь нанести... злобу и нашед в том свое бессилие, оное намерение оставил. Следовательно, из того выходило бы всегда добро». К последней строке замечание: «Здесь нравоучение поприбавить или яснее написать».

15. Печ. впервые по ГПБ-12.

16. Басни, с. 24, под загл. «Перо». Печ. по списку ГИМ. *Ермолов А. П.* (1754—1836) — один из фаворитов Екатерины II. *Аретуза* — источник в Сицилии. *Олешев* — см. примеч. 30.

17. Басни, с. 24. *Во брани так Лукан Июлия с Помпеем* и т. д. Имеется в виду эпизод из поэмы римского поэта Лукана (39—65) «Фарсалия», в котором описывается сражение 48 г. до н. э. между Юлием Цезарем и Гнеем Помпеем. *Осса* — гора в Фессалии.

* 18. Басни, с. 26, под загл. «Зевес». Печ. по списку ГИМ.

19. Басни, с. 28. В ГПБ-12 под загл. «Петух и Сокол». *Смеялся в заходы* — смеялся до упаду.

* 20. Басни, с. 29. Печ. по списку ГИМ. В «Баснях» заключительное четверостишие появилось после замечания рецензента в ГПБ-12: «Здесь бы не худо сделать какое нравоучение».

* 21. Басни, с. 31, под загл. «Мужик, Лисица и Собака». Печ. по списку ГИМ. *Как прежде скрылося оно при непогоде, Как боги Ромула к себе хотели взять*. По преданию, во время смотра на Марсовом поле поднялся вихрь, и Ромул на конях Марса вознесся на небо.

22. ПС, с. 15. Подражание басне Лафонтена «La Montagne qui assouche» («Гора в родах»).

23. Оды, с. 25. *Геллерт* (1715—1769) — немецкий писатель и поэт. *Мне сил недостает с Вергилием гласить, Вещая мастериц иблейска сладка сота*. В IV книге «Георгик» Вергилий рассказывает о пчеловодстве, в частности о старике, разводившем пчел близ стен эболийских, т. е. у г. Тарента. *Яновы врата во пчельнике отверсты*. Ворота храма Яна в Риме открывались при начале войны.

24. Печ. впервые по автографу ОПИ ГИМ. По замыслу Муравьева должна была войти во вторую книгу басен, от которой сохранился перечень десяти басен и текст двух: «баснь седьмая» «Улиссовы спутники» и «баснь осьмая» «Соловей и Жаворонок». *Постаре, как «Бову»*, т. е. более старую, чем «Бова». Повесть о

Бове-королевиче, являвшаяся на Западе рыцарским романом, подверглась русификации и в XVIII в. превратилась в народную сказку.

25. Печ. впервые по автографу ОПИ ГИМ (см. примеч. 24). Перевод одноименной басни немецкого поэта Геллерта. Пространная мораль Геллерта сокращена. *Филомелу внять пеклись* — старались услышать соловья. *Утра мать* — Аврора.

26. Опыты истории, словесности и нравовчения М. Н. Муравьева, М., 1810, ч. 2, с. 62. Печ. по автографу. *Пеней* — река в Греции.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

27. Оды, с. 13. Под загл. «Стихи на победу, одержанную 1770 года июля 21 дня, писанные в городе Архангельске того же году» — автограф. *Кагул* — река, впадающая в Дунай. *Кагульская битва* — одна из блестящих побед русского оружия в русско-турецкой войне 1768—1774 годов. Описание хода битвы в оде соответствует историческим данным. *Бегут тьмочисленны народы* и т. д. В Кагульском сражении принимали участие свыше 150 000 турок и крымских татар. *Аравийский лжепророк* — Магомет, основатель мусульманской религии. *Ксеркс I* (ум. 465 до н. э.) — персидский царь; в 481 г. до н. э. повел многочисленные войска на Грецию, но, потерпев неудачу в морских сражениях, бежал еще до поражения сухопутных войск. *Забыл ты срам свой, оттоман*. За две недели до сражения при Кагуле турецкие войска были разгромлены русскими вблизи устья реки Ларги. *Луна не усрамилась везать*. На турецком государственном флаге изображен полумесяц, символ мусульманской религии. *Собрав вождей, визирь вещает* и т. д. Командовавший турецкими войсками визирь паша Халил-Бей, рассчитывая на численное превосходство своих сил, намеревался атаковать русское войско с фронта и тыла на рассвете 21 июля. Разгадав замысел противника, командующий русской армией *Румянцев П. А.* (1725—1796) опередил его и начал наступление в ночь на 21 июля. *Чада Измаила* — турки. *Премудрый росских вождь полков* — Румянцев.

28. Печ. впервые по автографу. Видимо, не закончено. *Тургенев И. П.* (1752—1807) — приятель Муравьева по Московскому университету; с 1771 г. служил на военной службе, с 1797 по 1803 г. — директор Московского университета.

29. Печ. впервые по автографу. Видимо, не закончено. *Не раздающийся пою* и т. д. Имеется в виду «Энеида» Вергилия. *В противничьи полки смерть в ряд из ряду Метал Еней*. Имеется в виду эпизод из «Энеиды» о сражении между Энеем и Турном, царем рутов (Турну была обещана рука Лавинии, дочери царя Латина).

30. ПСС, ч. 1, с. 11. Печ. по списку ГИМ. Др. ред. под загл. «Эклога» — автограф начала 1780-х годов. *Олешев А. В.* (1724—1788) — писатель, переводчик философских произведений. *Пастушьи вренция апервые воспеваю*. Состязание в пении двух пастухов — ком.

позиционная основа нескольких идиллий древнегреческого поэта Феокрита (III в. до н. э.), а затем «Буколик» Вергилия. *Вологда* — река, на берегу которой находилось имение Олешева. *Начальник... окрестных пастухов*. Олешев был предводителем дворянства. *Дафнис и Коридон* — традиционные в идиллической поэзии имена певцов-пастухов. Слова Коридона: «Залог мой — агнец сей» и ответ Дафниса: «Из стада ничего закладывать не смею» и т. д. повторяют VIII идиллию Феокрита. Та же ситуация в «Эклоге третьей» Вергилия. *Вот чаша* и т. д. В I идиллии Феокрита и 3 эклоге Вергилия наградой певцу также служит кубок. *Мелибей, Палемон* — традиционные в пастушеской поэзии имена. *Делийский бог* — Аполлон. *Любимым лавром я алтарь украшу твой*. По просьбе нимфы Дафны, спасавшейся от преследований Аполлона, она была превращена в лавр, ставший священным деревом Аполлона. *Пафийский бог* — Эрот. *Скажи, под коими то было небесами* и т. д. Прием взаимных загадок заимствован из 3 эклоги Вергилия. Дафнис задает загадку из русской истории. В летописи говорится, что князь Олег, приблизившись к Константинополю, велел поставить суда на колеса, распустил паруса и при попутном ветре двинулся к городу. *Где кротки, нежны птицы* и т. д. Муравьев соединяет приметы нескольких богов. Голуби и воробьи — священные птицы Афродиты; на колеснице выезжал Аполлон. Речь идет о русском предании, согласно которому княгиня Ольга, мстя древлянам за смерть мужа, осадила город Коростень и потребовала вместо дани с каждого двора воробья и голубя. К птицам был привязан трут с серою, и, вернувшись домой, они сожгли город. Смешение античных образов с русскими ведег свое начало от идиллии Ломоносова «Полидор».

31. Печ. впервые по автографу. Написана ко дню рождения великого князя Павла Петровича (1754—1801, см. вступ. статью, с. 22). *Из тьмы невежества там греки* и т. д. Имеется в виду, что при помощи России греки освободятся от турецкого ига. *Но что средь мирных лет сей флот* и т. д. Муравьев повторяет мысль Ломоносова о необходимости мореплавания по Северному Ледовитому океану.

32. Печ. впервые по списку ГИМ. Под загл. «Отрывок и явление Дидоны к Енею (Упреки Дидоны)» (незаконченная друг. ред.) — автограф. Это — измененный и дополненный монолог из 3-го действия трагедии Муравьева «Дидона» (см. вступ. статью, с. 17). В основной части близок монологу Дидоны в IV книге «Энеиды» Вергилия. *Не сын богини ты, не Дардан-прародитель* и т. д. Согласно мифологии, Эней был сыном Венеры и потомком Дардана, общего родоначальника племен троянцев и дардан. Местом его рождения считалась гора Ида около Трои. *Ирканские степи*. Гиркания — древнее название страны на юго-восточном побережье Каспийского моря.

33. ПС, с. 30. Осмеяние кичащихся знатным родом бездельников и галломанов характерно для всей русской сатиры XVIII в. По композиции и концовке похоже на «Славную жизнь Гермionу» В. Санковского («Доброе намерение», 1764, с. 112).

34. Оды, с. 8, под загл. «Ода пятая. На примерное взятие...». Изображены военные маневры, происходившие летом 1773 г. в присутствии Екатерины II (*Минервы*). *Нань* — на него, здесь: на нас.

* 35. СРС-2, с. 40. Печ. по списку ГИМ, где имеется дата: 1773. «Военная песнь» (СПб., 1774), посвященная великому князю Павлу Петровичу, впоследствии была переработана в три самостоятельных произведения (№№ 35, 36, 37): «Военная песнь», «Храм Марсов», «Ода на победы...». *Паренье русского орла* — т. е. русских знамен. *Ругодев* (Ругодив) — древнее название Нарвы. *Карл XII* (1682—1718) — шведский король. *Уже пылает брань свирепа* и т. д. — битва под Полтавой 27 июня 1709 г. *Герой* — Петр I. *Кавказски холмы воскурились* и т. д. Речь идет о походе Петра I в прикаспийские владения Персии в 1722—1723 гг. *Железные врата* — турецкое название Дербента (Темир-Капу). *Кир* (ум. 529 до н. э.) — основатель древнеперсидского царства, прославившийся своими завоеваниями. *В архипелажские пучины* и т. д. Речь идет об успешных военных операциях русского флота против турецкого у островов Архипелага в Средиземном море в 1770—1774 гг. *Простер скиптродержавны руки* и т. д. Имеются в виду годы обучения Петра I морскому делу в Голландии. *Ты б петь, Вергилий, устыдился* и т. д. Заимствовано у Ломоносова из поэмы «Петр Великий»: «Басней бы своих Вергилий устыдился». В «Энеиде» рассказывается, что в момент, когда враги хотели сжечь флот Энея, корабли, построенные из деревьев, росших на священной горе *Иде* Фригийской, сами отошли от берега и превратились в морских нимф. *Не се ль с путей своих склонились, В пределах русских воскурились Евфрат, и Нил, и Еридан?* В те годы Египет был подвластен Турции. Еридан — согласно представлениям древних греков, река на севере Европы. *Каратель готфских стран* — Петр I.

* 36. СРС-1, с. 116. Печ. по списку ГИМ. См. примеч. 35. *Топтать... славный путь* — идти путем славы. *До безотрадных, мрачных мест* — к подземному царству мертвых. *Ксенофон* (Ксенофонт, ок. 430—355 до н. э.) — древнегреческий историк; участвовал в походе малоазиатского царя Кира-младшего и описал этот поход. *И были подле Сципиона, Когда пожар Ливийский гас*. Сципион Африканский Младший (ок. 185—129 до н. э.) — римский полководец, победивший Карфаген и закончивший 3-ю Пуническую войну; выдающийся оратор. *Душою Ахиллеса полны, В Скамандровы бросайтесь волны* и т. д. Скамандр, или Ксанф, — река под Троей. Когда трупы троянцев, убитых Ахиллом, наполнили реку, Скамандр потребовал, чтобы Ахилл оставил в живых тех, кто искал спасения в реке, но Ахилл прыгнул в волны и продолжал избивание. *Но боле труд недовершенный* и т. д. Имеется в виду поэма М. В. Ломоносова «Петр Великий»; далее в этой строфе почти дословно воспроизводятся отдельные строки 2-й песни поэмы. *Онежски горы преходяща* и т. д. В 1702 г. Петр I совершил поход от Белого моря к Онежскому, а затем Ладожскому озерам и начал осаду крепости Нотебург (Шлиссельбург). *Шереметев* Б. П. (1625—1719) — фельдмаршал, командовавший русскими войсками. *И краткость лествиц не смущает, Голицын всходит на раскат*. Лестницы, по которым русские сол-

Даты должны были взобраться на крепостные стены, оказались настолько короткими, что Петр хотел отменить приступ; генерал М. М. Голицын (1675—1735) возглавил наступление и одержал победу. *Металльные горнаны* — жерла орудий. *Богинин сын и сын Приамов* — Ахилл и Гектор. *На Марафоне Милтиады* и т. д. Мильтиад-старший и Мильтиад-младший — афинские полководцы; нанесли поражение Персии в 490 г. до н. э. в битве при Марафонской долине. *Фемистокл* (ок. 525—460 до н. э.) и *Аристид* (ок. 540—467 до н. э.) — афинские полководцы и политические деятели. Противники в политике, вопросах стратегии и личной жизни, они объединились для борьбы с армией персов, вторгшейся в Грецию. *Эпаминонд* (ок. 420—362 до н. э.) — фиванский полководец и политический деятель; был смертельно ранен в сражении с спартанцами при Мантинее. *Не се ли римских стен зиждатель?* и т. д. Одержав победу над соседями — сабинянами, Ромул посвятил доспехи сабинского царя Акрина Юпитеру и в честь своей победы построил ему храм. *Аннибал* — Ганнибал (ок. 247—183 до н. э.) — карфагенский полководец, одержавший ряд побед над римскими войсками. *Помпей победами венчался* и т. д. Во время сражения у Фарсалы (см. примеч. 105) Помпей, узнав о наступлении Цезаря (Кесаря), бежал, оставив войска на произвол судьбы. *Пред цареградскими стенами* и т. д. Речь идет о военном прошлом России: о походах на Царьград князя *Олега* в 907 г., *Игоря* в 941 и 944 гг., войнах *Святослава* с болгарями, печенегами и византийским императором *Иоанном Цимисхием* (925—976), победах *Владимира Святославича*. *О князьи* и т. д. Обращение к *Владимиру Святославичу*, который разделил престол между сыновьями, чем положило начало междоусобным войнам. Далее говорится о татаро-монгольском иге, победе *Александра Невского* над шведами в 1240 г., борьбе *Димитрия Донского* за освобождение Руси от татаро-монгольского ига и сражении на берегу *Непрядвы* (Куликовской битве) 1380 г. *Чета тезоименна* — великий князь *Иван Васильевич* (*Иван III*) и царь *Иван Васильевич IV*. *Вы язвы царства затворили* и т. д. Имеется в виду объединение русских земель и освобождение от татаро-монгольского ига, покорение Новгорода, Казани и Астрахани, войны со Швецией за возвращение северных владений *Великого Новгорода*, завоевание Западной Сибири, Ливонские войны. *Престол в междоусобье царской* — период междоусобия (1605—1613). *Трубецкой Д. Т.* (ум. 1625) был сторонником *Лжедмитрия II*, затем присоединился к народному ополчению *Минина* и *Пожарского*. *Алексей* — царь *Алексей Михайлович*. *Миних Х. А.* (1683—1767) — фельдмаршал, командовал русскими войсками в войне с турками 1735—1739 гг. *Евгений Савойский* (1663—1736) — австрийский полководец, прославившийся победами над турками. *Ласси П. П.* (1678—1751) — генерал русской службы; в 1737 г. армия *Ласси* форсировала *Сиваш* и вступила в Крым. *Среди торжественного клика* и т. д. Строфа посвящена победам русских войск в Семилетней войне 1756—1762 гг. *Фридерик* — *Фридрих II*. *Салтыков П. С.* (1698—1772) — главнокомандующий русской армией во время Семилетней войны. *Елисавет* — императрица *Елизавета Петровна*. *Чернышев З. Г.* (1722—1784) — генерал-майор, попал в плен в 1759 г.; в 1760 г. его корпус овладел Берлином. *Вождей какое ополченье* и т. д. Речь идет о полководцах, от-

личившихся во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. (см. примеч. 27 и 37). *Луна* — см. примеч. 27. *Панин*, *Репнин* — см. примеч. 37. *Каменский М. Ф.* (1738—1809), *Суворов А. В.* (1730—1800) — командиры корпусов; в 1774 г. их войска форсировали Дунай, нанесли поражение туркам у Козлуджи и осадили Шумлу. *Се он!* — т. е. храм Марсов. В его описании Муравьев частично подражает поэме В. И. Майкова «Военная наука» (1767) (вольный перевод одноименного произведения Фридриха II).

* 37. Печ. впервые по ГИМ. См. примеч. 35. Озаглавлено не ранее начала второй русско-турецкой войны (1787—1791). *Румянцев* — см. примеч. 27. *Голицын А. М.* (1718—1783), командуя главной армией, взял Хотин в 1769 г. и вступил в Молдавию. *Бендер победитель* — Панин П. И. (1721—1789), взял штурмом Бендеры в 1770 г. *Афин освободитель* — Орлов А. Г. (1737—1808); командовал русским флотом, действовавшим в Греческом Архипелаге в 1770—1774 годах. Одной из целей экспедиции была помощь грекам в освобождении от турецкого ига. *Салтыков Н. И.* (1736—1816) — генерал, участник штурма Хотина. *Репнин Н. В.* (1734—1801) командовал корпусом, помешавшим туркам переправиться через Прут. *Но что за громы ударяют?* и т. д. Сменив Голицына, Румянцев разгромил турок у Рябой Могилы (17 июня 1770 г.), Ларги (4—7 июля), Кагула. *И возвеличен бой Чесмесский*. Победа русского флота при Чесме воспета в поэме Хераскова «Чесмесский бой» (1771).

38. Отд. изд., СПб., б. г. (1774). *На замирение России с Портою Оттоманскою*. Кучук-Кайнарджийский мирный договор с Турцией был заключен 10 июля 1774 г. В оде упоминаются и имеются в виду имена и события, связанные с первой русско-турецкой войной (см. примеч. 27, 35, 36, 37). *Мустафа III* (ок. 1717—1774) — турецкий султан. *Сарматов в греков пременить* — т. е. поработить Польшу, как ранее Грецию. *И меч и пламень обращали На безоружных поселаян*. Имеются в виду набеги крымских татар и турок на Украину. *Узрев в народах распрей плевы... Над польской сжался строною*. Речь идет о волнениях в Польше, двойственной игре ее правительства под влиянием интриг Франции, Австрии и других держав. *Над силистрийскими стенами*. Силистрия — болгарский город, находившийся под властью Турции. *Преемник царска достоянья*. Преемник Мустафы — султан Абдул-Гамид I (1725—1788) — вступил на престол 21 января 1774 г.

39. ВЕ, 1810, № 9, с. 42. Печ. по ГИМ. *Тургенев* — см. примеч. 28. *Эмилий Павл* — римский полководец; убит в битве при Каннах в 216 г. до н. э. *Мне только что служить, правленью — награждать*. В списке, хранящемся в ЦГАЛИ, ВЕ, ПСС, — «отчизне награждать». *Педарет* (вторая половина V в. до н. э.) — спартакий полководец. *Сей старец, коего Вергилий воспевал* и т. д. Речь идет о бедном старике, воспетом Вергилием в 4-й книге «Георгик». *Где музам храм воздвиг любимец их Шувалов*. Московский университет был основан по инициативе М. В. Ломоносова в 1755 г. при поддержке фаворита императрицы Елизаветы Петровны И. И. Шувалова (1727—1797), основателя Академии художеств, покровителя многих поэтов,

писателей и художников. *Поповский* Н. Н. (1730—1760) — ученик и последователь Ломоносова, поэт, профессор философии и красноречия; перевел поэму английского поэта Попа (1688—1744) «Опыт о человеке». *Поповский* *новый путь открыл на Геликон*. Из поэтов, писавших силлабо-тоническим стихом, Поповский был первым, жившим в Москве. *Барсов* А. А. (1730—1791) — ученик Ломоносова, после смерти Поповского — профессор красноречия Московского университета, наставник Муравьева. *Шаден* И. М. (1731—1797) — профессор философии и этики, ректор гимназии при Московском университете.

* 40. Оды, с. 3, под загл. «Ода первая». Печ. по списку ГИМ.

41. Оды, с. 4. *Брянчанинов* Афанасий Матвеевич (ум. 1786) — вологодский помещик, родственник Муравьева, который посвятил ему ряд стихотворений. В прозаических произведениях Муравьева изображен под именем Осанова. *Бранны громы* — здесь: военная служба. Муравьев находился на военной службе с 31 октября 1772 г. *Лухта* — река в имении Брянчанинова Фомино около Вологды. *Бог браней* — Марс.

42. Оды, с. 6. В оде содержится полемика со многими произведениями М. М. Хераскова и других поэтов, осуждающими мирское бытие человека, его страсти и желания как суету. *Во скудели Промифея* — здесь: в бренной жизни.

43. Оды, с. 7. *Обуявши, подвизался На природу исполни...* *Струн твоих, священный Лин*. Давший свободу страстям исполни (Геракл) покушался на борьбу с природой, но был смягчен гармонией струн Лина. *Иперборей* — гиперборей (греч. миф.) — народ, обитавший на Крайнем Севере. *Рифей* — название легендарных гор в стране гипербореев, позднее ассоциировались с Уралом. *Танаис* — древнее название Дона.

44. Оды, с. 10.

45. Печ. впервые по автографу, где озаглавлено «Ода седьмая». Муравьев не решился напечатать эту оду, в которой он, сохранив форму ломоносовского «Разговора с Анакреоном», выразил отрицательное отношение к торжественной поэзии, и вычеркнул ее в рукописи, заменив следующей одой.

46. Оды, с. 12. *А срамный шаг исполнь позора* — т. е. презирай постыдный шаг. *Как сколько — чем сколько*. *Товарищ Фабиев гордился* и т. д. В 217 г. до н. э. для борьбы с Ганнибалом (см. примеч. 36) диктатором Рима был избран Фабий Максим (ум. 203 до н. э.). Он придерживался тактики затяжной войны, что вызвало недовольство римлян, и права второго командующего получил противник Фабия — Минуций. Перейдя к активным действиям, Минуций попал в засаду и был разгромлен Ганнибалом.

47. Оды, с. 16.

* 48. Оды, с. 18. *Майков В. И.* (1728—1778) — поэт, один из первых наставников Муравьева в поэзии (см. примеч. 51 и 123). *Земли супруг* — здесь: солнце. *Варяжский понт* — Балтийское море. *Любовник Флоры* — Зефир. *Фаумантиска дева* — Ирида.

* 49. Оды, с. 22, под загл. «Стансы». Печ. по списку ГИМ.

* 50. Оды, с. 23, под загл. «Стихи к Мих<айле> Матв<еевичу> Хераскову». Печ. по автографу. *Херасков М. М.* (1733—1807) — поэт, писатель, издатель журналов, куратор Московского университета (см. об отношении к нему Муравьева во вступ. статье, с. 6—7), автор поэмы «Чесмесский бой» (1771). В письме к отцу от 24 ноября 1776 г. Муравьев пишет о своем посещении Хераскова в Москве: «...Поехал я к Хераскову, которого приемом я чрезвычайно доволен. Спрашивал о вас, о моих обстоятельствах, благодарил за мои стихи к нему, которые у меня выданы» (ОПИ ГИМ). О поэме «Чесмесский бой» см. примеч. 37.

51. Оды, с. 26. *Я, Майков! днешь пленен твоей согласьем лиры* и т. д. *Майков В. И.* (см. примеч. 48) вскоре после переезда из Петербурга в Москву напечатал «Описание торжественного мира, заключенного между Российской империею и Оттоманскою Портою» (М., 1775). *А без тебя боюсь, чтоб я не согрубил.* За сонетом в «Одах» напечатан ответный сонет Майкова:

Когда ты, Муравьев, пленен той гласом лиры,
С которою свою учился соглашать,
Последуй ей и пой: места не будут сыры,
Которые по мне ты будешь утешать.

Москва под сению монаршия порфиры
Здесь будет пение сугубое внушать,
Когда, вися над ней, прохладные зефиры
Со нашим тоном тон твой будут возглашать.

И бог Невы хоть нас, как мною, не позабудет,
Но более скорбеть о пении не будет,
Когда ты тщание свое употребишь,

Чтоб был подобен слог певцов приятных слогу,
Как Сумароков всем явил к тому дорогу, —
То пением своим, поверь, не согрубись.

52. Оды, с. 28. *Конь крылатый* — Пегас.

53. Оды, с. 29. *Брянчанинов А. М.* — см. примеч. 41.

* 54. Печ. впервые по черновому автографу 1780 г. Названо в перечне стихотворений 1775 г. *Военною трубой Петра пел Ломоносов.* Речь идет о поэме М. В. Ломоносова «Петр Великий» (1761). *Сумароков А. П.* (1717—1777) — поэт, драматург, теоретик русского классицизма. *Ильмена* — героиня трагедии Сумарокова «Синав и Трувор» (1750). *Тирсис* — условное имя персонажа буколической

поэзии. *Каких красот искать и убежать пороков, Вам скажет Буало, Гораций, Сумароков.* Имеются в виду теоретико-литературные трактаты, которые служили программой для представителей классицизма: «Наука поэзии» («Послание к Пизонам») Горация, «Поэтическое искусство» Буало, «Эпистола о стихотворстве» Сумарокова. Муравьев пытается объединить сумароковскую ориентировку на простоту и ясность с собственной точкой зрения на «восторг» как источник поэзии. Он отступает от классицизма, говоря о поэтическом вдохновении и допуская такие формулы, как «В своенравиях мгновенны мечты». *Бывают иногда пороком красоты, т. е. лишние поэтические украшения бывают пороком. Бегите жесткого стечения согласных.* «Обегать непристойного и слуху противного стечения согласных», — советовал Ломоносов. Обязательность этого положения оспорил только А. Н. Радищев. *И мере нужных слов, для разуму напрасных,* т. е. избегайте слов, нужных только для размера стиха. *Он с Ломоносовым гремел и угихал* и т. д. Речь идет о поэме «Петр Великий». *Анакреон* (ок. 570—478 до н. э.) — древнегреческий поэт. Ему приписывались многие стихотворения, посвященные воспеванию любви, вина, радости жизни. *Свершившего удар, зри Оросмана сира* и т. д. Герой трагедии Вольтера «Заира» Оросман, узнав, что убитая им из ревности возлюбленная любила его, произносит лишь одно слово: «Заира!» *Меропа* — героиня одноименной трагедии Вольтера, посвященной материнской любви. Тиран убил мужа Меропы, завладел царством, требуя, чтобы Меропа стала его женой, а она думает лишь о сыне, которого скрывает слуга *Нарбас. То ветры вещества горячие зажгли.* Более ясен один из черновых вариантов: «То ветры вещества в движенье привели». Речь идет о теории французского философа Декарта (1596—1650), который объяснял образование планет тем, что в результате непрерывного вихреобразного движения частицы материи разделились на три вида: «элемент земли», «элемент воздуха», «элемент огня»; последние образуют солнце и звезды. *Картезий* — латинизированная форма имени Декарт. Речь идет о его трактате «Страсти души». *И нравов начертал науку Стагирит.* Имеется в виду «Этика» Аристотеля (384—322 до н. э.), уроженца Стагира. *Федра* — героиня одноименной трагедии французского драматурга Расина (1639—1699). *Август* (63 до н. э. — 14) — римский император, на период правления которого падает «золотой век» римской литературы: творчество Горация, Вергилия, Тибулла, Проперция и др. *Лев X* (Джованни Медичи, 1475—1521) — папа римский. С его именем связывают период расцвета итальянской культуры. *Лудовик* — Людовик XIV (1638—1715) — король Франции, в царствование которого наивысшего расцвета достиг французский классицизм (творчество Мольера, Корнеля, Расина, Буало, Лафонтена и др.). *Филоктет* — герой одноименной трагедии Софокла (ок. 495—405 до н. э.). Он был укушен змеей и покинут спутниками на острове, где в одиночестве страдал от незаживающей раны десять лет. *«Эдипа боле нет!»* Речь идет о смерти героя трагедии Софокла «Эдип в Колоне». *Тот, что проводил в Чесмески волны россов* — Херасков (см. примеч. 50). *Не празден дух его* и т. д. В это время Херасков работал над эпической поэмой «Россияда», оконченной в 1778 г. *Тасс* — Тассо Торквато (1544—1595) — итальянский поэт, автор поэмы «Освобожденный Иерусалим». *Пастушке из цве-*

тов венки вы соплетайте — т. е. пишите эклоги и идиллии. *Тибулл* (ок. 50—19 до н. э.) — римский поэт, воспевший любимых им женщин — Делию и Немесиду. *Дидона* — героиня одноименной трагедии Я. Б. *Княжнина* (1740—1797). *Орест* — герой трагедии Эсхила «Евмениды» — убивает мать и ее любовника. Его преследуют богини мщения эриннии, хранительницы кровных уз материнского рода. После вмешательства Аполлона и Афины они примиряются с Орестом и начинают именоваться евменидами («благосклонными»). *Так строгий Буало, полн древности начал, Трудные сочинять Расина научал.* По-видимому, имеется в виду, что поклонник античного искусства Буало наставлял своего друга Расина. *С собой жить будете другому поколенью* — т. е. в своих творениях будете жить в потомстве.

55. СЛРС, ч. 2, 1783, с. 130. *Антиподы* — жители земного шара, обитающие на противоположных концах Земли. *Уже за третий люстр два года я претек* — т. е. поэту исполнилось 17 лет. Люстр (лат. *lustrum*) — пятилетие.

56. Печ. впервые по автографу.

57. Печ. впервые по автографу. *Санковский В. Д.* (р. ок. 1741) — писатель. В издававшемся им журнале «Доброе намерение» (1764) поместил стихотворение «Апреля первый день», в котором осмеивается обычай обманывать первого апреля.

58. Печ. впервые по автографу. *Непостоянная богиня* — Фортуна.

59—63. Печ. впервые по автографу. *Бесчестья брат* — получать за перенесенное оскорбление деньги по закону, которым пользовались недобросовестные чиновники.

64—66. Печ. впервые по автографу. *Гарпагон* — имя персонажа комедии Мольера «Скупой», ставшее синонимом скупца. *В ключках* — здесь: в придирках, в неправильном толковании. *Явки не подаст* — не подаст жалобы в суд.

* 67. УЗ, с. 30. 1-я ред. под загл. «Сонет на возвращение весны» — УЗ, с. 29.

68. Печ. впервые по автографу.

69. ПСС, ч. 1, с. 16. Печ. по ГПБ-8. Датируется по содержанию: написано, вероятно, в первой половине 1770-х годов, когда создавались «Военная песнь», оды и т. д.

70. ПСС, ч. 1, с. 18. Печ. по ГИМ, с исправлением ст. 14 и 47 по ПСС, так как в ГИМ явные описки. Переезд Муравьевых из Вологды в Петербург происходил осенью 1772 г. Употребление прошедшего времени по отношению к Лосенко, который умер в ноябре 1773 г., говорит о том, что стихотворение написано (или отредактировано) не ранее 1774 г. *Пространство новое* и т. д. Муравьев точно

рисует маршрут дороги от Вологды в Петербург через Новгород. *Ухра быстрая* — приток Шексны, быстрое течение которого отмечается в географических словарях. *Железом устюжским усеяны поля*. «Оное место, где стоит город Устюжна, истари называлось Железное поле, по находящейся там в изобилии железной руде» (А. Щекатов, Словарь географический российского государства, ч. 6, М., 1808). *Муж, важный твердостью, родством соединенный*. Л. А. Батюшков, дед поэта К. Н. Батюшкова, был женат на сестре матери Муравьева; в 1770-е годы он был предводителем дворянства Устюжско-Железнополюского уезда. *Там к брату своему* и т. д. Брат Н. А. Муравьева — М. А. Муравьев-старший, генерал-майор, служил при канцелярии Боровицких порогов. *Прекрасно озеро* — Ильмень, в которое впадает Мста. *Трувор* — один из героев трагедии А. П. Сумарокова «Синав и Трувор»; изгнанный братом из Новгорода, закололся близ озера Ильмень. *В полудни* — в расцвете лет. *Софии храм* — Софийский собор в Новгороде; памятник русского зодчества XI в. *Ярославов двор* — Ярославово дворище, усадьба князя Ярослава Мудрого; в XI—XV вв. — место вечевых собраний. *По той реке* — по Волхову. *Где, Рюрик, твоего жилища знак остался*. Рюрик — полулегендарный предводитель варяжской дружины, первый русский князь (IX в.), по преданию, основался на правом берегу Волхова, в двух верстах от Новгорода (так называемое Рюриково городище). *Где тихий ход судам назначил дух Петров*. При Петре I началось строительство обходных каналов, с целью обеспечить безопасное прохождение судов по Ладожскому озеру. *Се ты, прекрасный сад, героем возвращенный*. Летний сад в Петербурге заложен в 1704 г.; в его проектировании принимал участие Петр I. *Марсов храм* — вероятно, Сухопутный шляхетный кадетский корпус. *Храм, наукам посвященный* — Академия наук. *Лосенков* — Лосенко А. П. (1737—1773) — русский исторический живописец и портретист, директор Академии художеств.

71. Опыт, с. 290. *Федра* — см. примеч. 54. *Оснельда* — героиня трагедии Сумарокова «Хорев».

72. Опыт, с. 292. Написано в 1776 г., что подтверждается письмом Муравьева к отцу 12 декабря 1776 г. о предстоящем издании четвертой части «Опыта»: «Моего тут будет напечатано: переводы и истолкование нескольких од Горация, эпистола о счастье, перевод из прозаических записок» (ОПИ ГИМ). *Н.Р.Р.****. В. И. Саитов предполагает, что «Эпистола» адресована товарищу Муравьева по университету Николаю Рахманову (К. Н. Батюшков, Сочинения, т. 2, СПб., 1885, с. 417). Но Рахманова звали Николай Михайлович, в письмах Муравьева имя его не встречается, в то время как через переписку 1776 г. и позднее проходит имя Никиты Романовича Рожешникова, в 1776 г. шихтмейстера (горного чиновника) и переводчика. *Сенека* (ок. 6 до н. э. — 65), *Эпиктет* (ок. 50 — ок. 138) — античные философы-стоики, видевшие цель жизни в воспитании невозмутимости духа, добродетель — в терпении, отречении от земных благ. *Зенон* из Китиона (ок. 336—264 до н. э.) — древнегреческий философ, основатель школы стоиков. *Феогнид* (VI в. до н. э.) — древнегреческий поэт, автор сборника «Элегии», состоящего из гно-

мов, кратких афористических поучений. Мироззрение Феогида отличается крайним пессимизмом. Муравьев точно передает содержание 425—428 стихов:

Лучшая доля для смертных — на свет никогда не родиться
И никогда не видеть яркого солнца лучей.
Если ж родился — войти поскорее в ворота Аида
И глубоко под землей в темной могиле лежать.

(Перевод В. Вересаева)

Спокоиться — успокоиться. *Картезий вихри сплел* — см. примеч. 54. *Лейбниц здал монады*. Согласно учению немецкого философа Лейбница (1646—1716), монады — обладающие самодвижением самостоятельные сущности, из которых состоит мир. *Здал* — создал.

73. Печ. впервые по автографу. В 1776 г. Муравьев был в отпуске в Твери, где его отец Н. А. Муравьев (1721—1799) служил в должности председателя гражданской палаты. *Который тихостью, не силой* и т. д. «Я видел в вас отца только по нежности. Никогда строгость не имела участия в ваших повелениях» (ОПИ ГИМ). Такими признаниями заполнено большинство писем Муравьева.

74. Печ. впервые по автографу НЛО, где названо «Ода первая». *Когда б еще здесь Майков был*. Майков (см. примеч. 48) уехал в Москву в 1775 г.

75. Печ. впервые по автографу НЛО, где названо «Ода вторая». *Повсюда мирные оливы* и т. д. Речь идет об окончании русско-турецкой войны 1768—1774 гг. *Окованы раздора длани* — может относиться также и к подавлению крестьянской войны 1773—1775 гг. *Любимица хаоса смрадна* — по-видимому, Эрида, богиня раздора. *Там два героя в гневе бьются. . . Бежит и зрит: его то сын*. Единоборство отца с неузнанным сыном — один из мотивов мировой литературы и устного народного творчества. *Матерью* — Екатериной II. *Мы были люди без героев* и т. д. Имеется в виду миф о том, что поколение воинственных героев пришло на смену людям золотого и серебряного веков, не знавшим насилия.

76. Печ. впервые по автографу НЛО, где названо «Ода четвертая».

77. ПСС, ч. 1, с. 55. Печ. по ГПБ-8. 1-я ред. под загл. «Ода пятая. К И. И. Хемницеру» — автограф НЛО. *Хемницер* Иван Иванович (1745—1784) — поэт и баснописец, друг Муравьева. *Львов* Николай Александрович (1751—1803) — поэт, архитектор, ученый, график, собиратель народных песен, знаток итальянской и античной поэзии; ближайший друг Хемницера и Муравьева (см. вступ. статью, с. 6). В бумагах Муравьева сохранилась незавершенная биография Львова.

* 78. Печ. впервые по автографу НЛО, где названо «Ода шестая. К Д***». Имя адресата зачеркнуто. Обращено к актеру и драматур-

гу И. А. Дмитревскому (1734—1821), с которым поэт познакомился в 1776 г. и который одобительно отозвался о трагедии Муравьева «Болеслав». *Лесбийский гражданин* — греческий поэт Алкей (VII—VI до н. э.), уроженец острова Лесбос; принимал участие в военных действиях против Афин и в политической борьбе против демократии. *Пиндар* (522 — ок. 422 до н. э.) — греческий поэт, автор торжественных од. *Ученик любовника Глицеры*, т. е. ученик Горация (Гликера — повторяющееся у Горация имя возлюбленной, красавицы).

79. Печ. впервые по автографу. 1-я ред. (1776) под загл. «Ода седьмая. К Н. А. Львову» — автограф НЛЮ. *Эолийски восхищенья*. Муравьев увлекался в это время греческой поэзией. Эолийцы, одно из греческих племен, были древнейшими представителями эллинской культуры. *Ты, в котором добрый Гений* и т. д. — обращение к Львову (см. примеч. 77).

80. СВ, ч. 2, 1778, с. 403. Печ. по СВ с исправлениями по автографу. 1-я ред. под загл. «Ода VIII. Желание зимы» — автограф НЛЮ. *Не искосился* — не стал коситься.

* 81. ПСС, ч. 1, с. 28. Печ. по списку ГИМ.

82. ПСС, ч. 1, с. 30. Печ. по списку ГИМ. По-видимому, это стихотворение под загл. «Око» значится в перечне 1776 г. Часть чернового автографа в бумагах 1780-х годов. Переработано и дописана концовка (после ст. 52) не ранее 1785 г., так как случай с прозрением слепца в присутствии родных и невесты произошел в Лондоне в 1785 г. Операцию производил врач Грант. *Сатурн* до открытия в 1781 г. Урана считался самой удаленной от Солнца планетой. *Какая для тебя, Гомер, безмерна трата* и т. д. По преданию, автор «Илиады» и «Одиссея» был слеп. *Мильтон* (1608—1674), английский поэт, ослеп в 1652 г.

83. Печ. впервые по автографу.

84. Печ. впервые по автографу.

85. Печ. впервые по автографу. Имеется автограф незаконченного варианта под загл. «Пробуждение Зилы». В перечнях упоминается под разными датами: 1776 и 1777.

86. СУВ, 1777, № 15 (апрель), с. 115, с подписью ***, вместе со следующими четырьмя надписями и сопроводительным письмом без подписи и датой «1777 года, апреля 18 дня. Тферь». Появились они в ответ на просьбу издателей сочинить надписи к «личным изображениям» Феофана Прокоповича, А. Д. Кантемира, Н. Н. Поповского, А. П. Лосенкова, Е. П. Чемесова (№ 1, с. 4). Откликнулись на эту просьбу Ф. Я. Козельский, И. И. Дмитриев, В. И. Майков, стихи которых были напечатаны с подписями. Данные надписи принадлежат Муравьеву, что устанавливается на основании его письма

к отцу от 11 мая 1777 г. о встрече с В. И. Майковым: «Он тотчас узнал, что надписи мои, так, как и Антон Алексеевич» (Барсов. — Л. К.) (ОПИ ГИМ). *Феофан Прокопович* (1681—1736) — архиепископ, один из ближайших сподвижников Петра I, государственный деятель, писатель. *Что клира чин устроил* и т. д. Феофан был автором «Духовного регламента» (1720), устава Синода, высшего органа управления православной церковью, учрежденного Петром I.

87. СУВ, 1777, № 15 (апрель), с. 115. См. примеч. 86. *Кантемир* А. Д. (1708—1744) — поэт, родоначальник сатирического направления в русской литературе, переводчик естественно-научных книг, русский посол в Англии, затем — во Франции. *Родителява был изгнания наследник*. Отец поэта Д. К. Кантемир (1674—1723) — молдавский господарь (князь) — был сторонником освобождения Молдавии от турецкого владычества и присоединения ее к России; в 1711 г. бежал с семьей в Россию.

88. СУВ, 1777; № 15 (апрель), с. 115. *Поповский* Н. Н. — см. примеч. 39. Муравьев в сопроводительном письме отметил, что эта надпись «менее достоинств сего философического стихотворца» (СУВ).

89. СУВ, 1777, № 15 (апрель), с. 115. См. примеч. 86. Восторженные отзывы о картинах *Лосенко* (см. примеч. 70) постоянно встречаются в стихотворениях, письмах и записях Муравьева. *Рафаил* — Рафаэль.

90. СУВ, 1777, № 15 (апрель), с. 116. См. примеч. 86. *Чемезов* — Чемесов Е. П. (1737—1765) — выдающийся русский гравёр, конферент-секретарь Академии художеств.

91. Опыт, с. 295. Названо в списках стихотворений 1776 и 1777 гг. Вторая дата более правильна, так как в письме к отцу от 12 декабря 1776 г. (см. примеч. 72) «Роща» не упоминается в числе стихотворений, предназначавшихся для «Опыта». В письме к отцу от 15 января 1778 г. Муравьев пишет: «Я сообщаю при сем маленькую пиесу в гексаметрах, которую я вчера читал Петрову» (ОПИ ГИМ). «Роща» — первое русское стихотворение, написанное после «Тилемахиды» Тредиаковского гекзаметром. Посылая Д. И. Хвостову (см. примеч. 98) экземпляр «Опыта», Муравьев просит его обратить внимание на «Жалобы музам» и «Рощу»: «Я еще не знаю, одобрите ли Вы мое предубеждение для последней. Я избрал в ней малоупотребительное стихосложение, но которое в языке нашем имеет права гражданства, по присуждению начальников искусства, Ломоносова и Тредьяковского. Сей последний обесславил его, написав им «Тилемахиду». Но сей ученый человек — достопамятное доказательство, что дарования разделяются природою, — обезобразивал всякий род стихотворства, к которому он ни касался. Я, может быть, употребил его без пользы... Это, что называется, своеобразие художника, если только мне позволено иметь свое» (ПД). *Утренню стражу* — утренние часы. *Со дмяцась коня* — с дымящегося коня.

Только небесный певец и т. д. Речь идет о поэме «Потерянный рай» Мильтона.

92. Печ. впервые по автографу. *Петров* Василий Петрович (1736—1799) — придворный поэт Екатерины II. Муравьев не был близок с Петровым, но считал его талантливым поэтом. Обращался он к Петрову с размышлениями об английской поэзии, так как считал, что Англия, где Петров учился, оказала влияние на его «образ мыслить и чувствовать» (ПСС, ч. 3, с. 318). *Дрейден* Д. (1631—1700) — английский поэт и драматург, переводчик Вергилия. *Мильтон* — см. примеч. 82 и 91. *Матерь смертных рода* — Ева. *Неправильно велик* — т. е. велик без соблюдения правил драматургии классицизма. *Фальстаф* — персонаж нескольких пьес Шекспира. *А там пиит-мудрец* и т. д. Речь идет о дидактических поэмах Попа (см. примеч. 39), в которых утверждается мысль о целесообразности и разумности мира. *Тимон* (V в. до н. э.) — афинянин, который горевал об упадке нравственности и избегал людей; имя его стало синонимом человеконенавистника. *Томсон* Д. (1700—1748) — английский поэт. Имеются в виду его поэма «Времена года» и конкретный эпизод из ее второй части «Лето». *Со снисхождением зришь моей мечтанья «Рощи»*. Муравьев писал отцу, что «Роша» понравилась Петрову и князю Г. А. Потемкину (5 июня 1778 г., ОПИ ГИМ).

93. СВ, ч. 1, 1778, с. 176, вместе с 94 и 194, с сопроводительным письмом без подписи и ответом на него редакции, которая благодарит «сочинителя за сообщение его изрядных стихотворений», выражает надежду, что «публика, купно с нами, увидит в нем начинающего писателя, который к стихотворению имеет дарование», и сообщает, что часть стихотворений «требует исправления прежде печатания». Имеется автограф № 93, наброски и упоминания в письмах 1778 г. «Триолета» (№ 194). На этом основании устанавливается авторство для № 94. *Дмитревский* — см. примеч. 78.

94. СВ, ч. 1, 1778, с. 176. См. примеч. 93.

95. Печ. впервые по автографу. *Из храма выхожу, искусствам посвященна*. «Нынешнюю неделю отворена Академия художеств. Не было дня... в который бы ни пробыл я там по крайней мере двух часов. Я не могу удержаться от радости, что сей вкус мною владычествует», — писал Муравьев отцу 3 июля 1778 г. (ОПИ ГИМ). *Природу видел я под кистью Лосенка*. Муравьев имеет в виду реалистическую верность натуре в произведениях Лосенко (см. примеч. 70). *Жива Левицкого малейшая оттенка*. Д. Г. Левицкий (1735—1822) виртуозно владел тончайшими нюансами живописной гаммы. *Черты Рафаеля*. Имеется в виду искусство рисунка и композиции в картинах Рафаэля. *Тициана тень*. Речь идет об объеме и глубине изображения, которых Тициан достигал с помощью светотеневой моделировки. *Представьте древние деянья, как Пуссенъ*. Произведения на античные и исторические темы французского художника Пуссена (1594—1665) отличались высокой идейностью, гражданственностью, глубиной философско-этических проблем, возвышенностью образов. *Корреж* — Корреджо (ок. 1489—1534); имеется в виду

изящество, грациозность, лиричность образов, сочность красок и свежесть колорита его живописи.

* 96. «Академические известия», ч. 3, 1779, с. 373, без подписи. *Рюбенс* — Рубенс. *Запомнил* — здесь: запомнил, забыл. *Мать свирепая любовью* — Афродита. *Вкруг резвятся любви* — т. е. амуры. *Бог Фракии* — Марс. *Первый Медицис* — Козимо Медичи (1389—1464) — правитель Флоренции с 1434 г., покровитель ученых, художников, поэтов. Муравьев называет его первым, так как потомки Медичи правили Флоренцией до начала XVIII в.

97. Печ. впервые по автографу.

98. Печ. впервые по автографу.

99. МЕИ, 1779, ч. 2, с. 35, без подписи, под загл. «Станс. К Нине». Печ. по ГПБ-13. Несколько строк цитируется в письме к сестре 11 декабря 1778 г. Открывает сборник «*Pièces fugitives*» (см. вступ. ст., с. 41). *С Тагом... совместной* т. е. с Тагом соперничающей.

100. ВЕ, 1810, № 15, с. 180. Печ. по ГПБ-8. В ГПБ-8 дата «1774», явно ошибочно прочтенная переписчиком, так как стихотворение написано в один из приездов Феоны — Ф. Н. Муравьевой (см. примеч. 114) в Петербург в 1778 или 1779 г. *Содержат пленных наших дам* — т. е. в плене. *Меж той, котору бог любви* и т. д. Речь идет о Любови Федоровне Муравьевой, родственнице и приятельнице Федосьи Никитичны. *Проседают* — здесь: просачиваются. *Артемиза* — сестра и жена Мавзола, царя Карики (правил в 377—353 до н. э.), государства в Малой Азии. После его смерти воздвигла ему великолепное надгробие — здание-памятник Мавзолей, который считался в древности одним из семи чудес света. По преданию, умерла от тоски по мужу. *Виланд К. М.* (1733—1813) — немецкий писатель. *Гагедорн Ф.* (1708—1754) — немецкий поэт. *Ямбургски палаты* — остатки старинной крепости в городе Ямбург (ныне Кингисепп). *Древний град... Соперник ругодевских стен.* Русская крепость Иван-город была построена напротив города Нарвы, который назывался в летописях Ругодев или Ругодив. *Прежни траты отмщены.* В 1700 г. русские войска потерпели поражение под Нарвой; в 1704 — взяли город штурмом.

101. Печ. впервые по автографу.

102. Печ. впервые по автографу.

103. Печ. впервые по автографу. *Хвостов Дмитрий Иванович* (1757—1837) — писатель. Муравьев познакомился с Хвостовым в 1778 г., когда тот служил в Преображенском полку, а после переезда Хвостова в Москву некоторое время поддерживал с ним переписку, хранящуюся в ПД. В письме 8 октября 1779 г. Муравьев рассказал автору об успехе его комедии «*Легковерный*», представленной 4 октября 1779 г. В письме к сестре Муравьев сдержанно говорит, что комедия заслуживает внимания как первое произведе-

ние начинающего автора. У нас теперь один Фонвизин и т. д. В сезон 1779 г. шла комедия М. М. Хераскова «Злонравный» и другие, однако Муравьев особенно подчеркивает значение творчества Д. И. Фонвизина, имея в виду не только «Бригадира», но и комедию «Недоросль», о работе Фонвизина над которой он хорошо знал (см. письмо к Д. И. Хвостову от 11 июля 1779 г. — ПД). *Княжнин кичливой Мельпомене... Известен той и этой сцене.* Княжнин Я. Б. (1740—1791), поэт и драматург, в это время отдавал предпочтение трагедиям, хотя много работал и в комических жанрах. *Дидона и Еней* — главные действующие лица трагедии Княжнина «Дидона». *Сганарель, Мартона* — традиционные имена слуг во французских комедиях, в частности — в комедиях Мольера. *Творец «Оракула» и «Граций»* — французский писатель Сен-Фуа (1698—1776). *Мариво* (1688—1763) — французский драматург; создатель жанра любовно-психологической комедии; в комедии «Новая колония» высказался в пользу равноправия женщин. Воображаемый путь, который хотел бы себе избрать Муравьев («А я любил бы чрезвычайно» и т. д.), в сущности, точно повторяет принципы Мариво: «Я разыскивал в человеческом сердце все разнообразные уголки, в которых может укрываться любовь, когда она боится показаться на свет, и каждая из моих комедий имеет задачу заставить ее выйти из такого сокровенного уголка» («Французский театр эпохи Просвещения», т. 1, М., 1957, с. 25). *Флоридор* — ведущий актер и режиссер французского театра в Петербурге с 1775 по 1793 г. Муравьев писал в дневнике, что Флоридор в трагедии Лагарпа «Варвик» «воодушевлял сцену», увлекал зрителей, умел показать «неистовство, геройство, раздирающие души» (ГПБ). *Мишле* — актриса того же театра; жила в России с 1776 г. *Театра русского Ле Кеня* — Дмитревский (см. примеч. 78). *Ле Кен* — Лекен (1729—1773) — выдающийся французский актер. *Умрет рваться он в «Ревнивом»* и т. д. Муравьев говорит о пьесах, в которых выступал Дмитревский: «Ревнивый» — комедия французского писателя Кампистрона (1656—1723), «Честный преступник» — пьеса Фенульо де Фальбера (1727—1801), «Евгения» — драма Бомарше (1732—1799). *Нанина* — героиня комедии Вольтера «Нанина, или Победенный предрассудок». Муравьев видел спектакль в 1776 г., но в 1779 г. пьеса была исключена из репертуара из-за смерти исполнительницы главной роли, известной под сценическим именем *Юлиана Барон* (1653—1729) — французский актер, играл с 12 лет в труппе Мольера. *Шанмеле* (1641—1698) — французская актриса, ученица Расина и исполнительница главных ролей в его трагедиях. *Когда б Синава Сумароков Не сделал Трувору врагом* — см. примеч. 70. *Росций* (ок. 130—62 до н. э.) — знаменитый римский актер.

* 104. «Утренний свет», ч. 9, 1780, с. 236, под загл. «Учение природы. Письмо к В. В. Ханькову». Печ. по ГПБ-8, с исправлением ст. 51 по ПСС, так как в рукописи явная описка: «В распроси же царя такую речью впал». Дата переработки неизвестна. *Ханьков* Василий Васильевич (1759—1839) — друг Муравьева, сержант, затем офицер Измайловского полка, позднее дипломат, поэт (см. о нем вступ. статью, с. 6). *Софии свет* — свет мудрости. *Бюффон* (1707—1788) — французский естествоиспытатель. *Линней* (1707—1778) — шведский естествоиспытатель.

105. ПСС, ч. 1, с. 25. Печ. по ГИМ. Под загл. «Цезарь и Помпей. Фарсальская битва» — незаконченный автограф второй половины 1770-х годов. Самостоятельное произведение Муравьева, близкое к 7 и 8 песням поэмы Лукана (см. примеч. 17). «Фарсалия, или Поэма о гражданской войне» по содержанию является как бы непосредственным продолжением «Гражданской брани» Петрония Арбитра (см. № 185). *Фарсала* — город в Греции, под которым в 48 г. до н. э. произошло решающее сражение между римскими полководцами Юлием Цезарем и Гнеем Помпеем, завершившее их борьбу за захват единоличной власти. *Земли пределами владеющий народ* — т. е. народ, владеющий вселенной. *Асканиев потомок* — Юлий Цезарь (родоначальником рода Юлиев считался сын Энея Асканий). *И ты, Помпей, и ты, с дней юных славою гром!* Помпей прославился в 83—81 гг. до н. э. победами в Сардинии и Нумидии (Африке), за которые он получил прозвище «Великий». *Красс* — см. примеч. 4 и 185. *Несут с обеих стран орлы, орлам противны.* Перед каждым римским легионом несли обычно как знамя водруженную на древко фигуру орла — символ римского государства. *Предходят консульски с секирами пуки.* Так как Цезарь и Помпей были консулами, то перед каждым из них 12 почетных стражей (ликторов) несли знаки консульской власти: пучки прутьев, в которые во время войны вставлялись топоры. *Брань без сопоставления* — здесь: война без внешних врагов. *Виновная родня со обеих сторон.* Во враждующих лагерях были родственники (в частности, Помпей был зятем Цезаря по первому браку). *И боги — с Цесарской, с Помпеевой — Катон.* Покровительницей Цезаря считалась Венера. Катон-младший (95—46 до н. э.) — вождь республиканцев и противник обоих претендентов на единодержавную власть. Но так как Сенат поддержал Помпея, на его стороне выступил и Катон; покончил с собой, узнав об окончательной победе Цезаря над республикой. *Продерзки множеством* и т. д. В начале сражения конница Помпея, вчетверо превосходившая силы противника, оттеснила конницу Цезаря, но была отброшена отборным отрядом пехоты и бежала. *Сей юношества блеск* и т. д. Конницу Помпея составляли представители римской аристократической молодежи. Войска Цезаря пришли к Фарсале после десяти лет Галльской войны. *Десять легион*, в рядах которого обычно сражался сам Цезарь, прославился исключительной храбростью. *Енипей* — Энипей, река у Фарсалы. *Меж тем оставленный победою Помпей* и т. д. Увидев разбитую конницу, Помпей бежал. Добравшись до острова Лесбос, он взял жену (Корнелию) и сына и поехал в Египет, где был заколот на их глазах египетским военачальником Ахиллой. *И рушилась собой Громада, бывшая вселенная главой.* Отдаленным результатом Фарсальской битвы было падение Римской республики и установление императорской власти в Риме.

106. Печ. впервые по списку ГИМ. Написано, по-видимому, под впечатлением побед, одержанных в первой русско-турецкой войне. По содержанию и перечню событий примыкает к «Военной песне». *Алфей* — река в Греции. *Селенга* — река, впадающая в Байкал. *Истр* — древнее название Дуная. *Ахеи* — ахейцы, одно из древнегреческих племен, здесь: греки. *Который чуждых уз неволю разо-*

рвал, Из зол волнения величествен восстал, т. е. разорвал узы татари-монгольского ига, преодолел междоусобные распри князей. *Вечерни* — северные. *Его отважный взор изображает Рен*. В 1735 г. корпус русских войск, направленный в помощь Австрии, которая терпела поражения в войне с Францией, двинулся к Рейну и одержал ряд побед. *Очаков с Хотиним дымится раздроблен*. Турецкая крепость Очаков взята русскими войсками в 1737 г. и разрушена вследствие появления в ней моровой язвы. Крепость Хотин взята в 1739 г. Обе по мирному договору возвращены Турции. *Встают, чтоб ниже пасть, разгневанные шведы*. Пытаясь вознаградить себя за поражение в Северной войне (1700—1721), Швеция в 1741 г. объявила войну России и была вновь побеждена. *Из прусских сильных рук исторжены победы*. Речь идет о победах русских войск в войне с Пруссией (1756—1762). *Луны бледнеет свет* и т. д. Имеются в виду события русско-турецкой войны 1768—1774 гг. (см. примеч. 27, 35, 37). *Парение Орла являет над Луною*. Орел — символ России, Луна — Турция.

107. ПСС, ч. 1, с. 3. Печ. по списку ГИМ. *В тот день, как солнца горяща колесница... Стремится перейти в прохладнейший предел* — т. е. в начале осени. Бог солнца Гелиос (греч. миф.) выезжал на колеснице, запряженной четверкой огнедышащих коней. *Лев* — одно из двенадцати созвездий, через которые в своем движении проходит солнце; в созвездии Льва оно находится в июле. *Жница* — созвездие Девы, в которое солнце вступает в конце августа. *Прекрасная страна* — Элизий. *Старец* — Лонгин Дионисий Кассий (ум. 273), считавшийся автором трактата «О возвышенном», которым пользовался Муравьев, работая над статьей «Рассуждение о различии слогов высокого, великолепного, громкого, надутого» (написана в 1776 г., напечатана в 1783). *Царицы бодрья участвовал в совете*. Лонгин был наставником и советником пальмирской царицы Зиновии. После поражения Пальмиры казнен римлянами. *Тибулл, Анакреон* — см. примеч. 54. *Феокрит* — см. примеч. 30. *Вион* — Бюон (II в. до н. э.) — древнегреческий идиллический поэт. *И новых с древними не знаем распри мы*. Во второй половине XVII в. во Франции разгорелась полемика, известная под названием «спора о древних и новых авторах». Против теоретиков классицизма, считавших античное искусство непревзойденным, выступил ряд писателей, которые доказывали, что в поступательном движении культуры более высокой является новая, объединяющая в себе опыт предшествующих эпох. *Истолкователь мой со мною Буало*. В период «спора о древних и новых авторах» Буало выступил с «Критическими размышлениями по поводу некоторых мест у риторика Лонгина», являющимися дополнением к сделанному им ранее переводу трактата «О возвышенном». *Поп* — см. примеч. 39 и 92. *Мелесов сын* — по одному из преданий, Гомер родился на реке Мелес. *Ахиллес является с раскату* и т. д. Речь идет об эпизодах «Илиады»: появление Ахилла на валу во время битвы и мольбы Приама, обращенные к Ахиллу, вернуть труп Гектора. *Августовы дни* — см. примеч. 54. *Пылает Илион* и т. д. Имеются в виду эпизоды из 2-й и 4-й песен «Энеиды» Вергилия. *Пиндар* — см. примеч. 78. *Пиндар россов... Ломоносов. Превыше облаков, скорой ле-*

тящих стрел, Со молнией в когтях взвивался с ним орел. Возможно, что это перефразировка строк из оды Ломоносова 1742 г.:

Взнесись превыше облак, Муза,
Как быстрый с Пиндаром орел,
Гремящих арф ищи союза
И в верьх пари, скоряе стрел.

Верхи Рифейские — Уральские горы, о природных богатствах которых Ломоносов не раз напоминал в своих одах. В цитате представлен Петр среди стрельцов мятежных. О стрелецком бунте 1682 г. говорится в поэме Ломоносова «Петр Великий», которую Муравьев перевел на латинский язык.

108. Печ. впервые по автографу. Ювенал (60-е годы — после 127) — римский поэт-сатирик.

109. Печ. впервые по автографу.

110. ПСС, ч. 1, с. 20. Печ. по автографу. Брянчанинов — см. примеч. 41.

111. Печ. впервые по автографу. Херасков — см. примеч. 50. Петров — см. примеч. 92.

112. Печ. впервые по автографу. Ханыков — см. примеч. 104.

113. Печ. впервые по автографу.

114. Печ. впервые по автографу. Написано примерно в 1776—1778 гг. Федосья Никитишна — Муравьева Ф. Н. (род. 1760) — сестра поэта, впоследствии мать декабриста М. С. Лунина. Об отношении к ней Муравьева см. во вступ. статье, с. 31. *Собрание сих писаний* — записи-дневники Муравьева. 31 августа 1776 г. Муравьев, получив первые поэтические опыты сестры, начинает свое письмо строками:

О чистая душа, которой нравлюсь я,
Сестра моя и днесь соперница моя...

Мысли о «сродственных душах» развиваются в переписке 1776—1778 гг. (см. вступ. статью, с. 31).

115. Печ. впервые по автографу.

116. Печ. впервые по списку ГИМ. Нарышкин А. В. (1742—1800) — поэт круга Хераскова, переводчик, придворный, с 1775 г. — псковский губернатор. *Моей военной лиры* и т. д. По-видимому, через Нарышкина «Военная песнь» была преподнесена великому князю Павлу, которому она и была посвящена. Ты к кроткому вельможе и т. д. Речь может идти либо о фаворите Екатерины II, графе

Г. Г. Орлов, при котором состоял некоторое время Нарышкин, либо о воспитателе наследника графе Н. И. Панине. *С твоим я прежде братом*. Нарышкин С. В. (1731—1807) — поэт круга Хераскова, переводчик, чиновник. *У Двины* — в Архангельске. *Звук рогов*. Во второй половине XVIII в. в России пользовалась успехом роговая музыка — оркестровая игра на однотонных металлических рогах. *Во чтении Корнеля, Расина, Буало*. Муравьев точно определяет круг своих занятий в 1770—1771 гг., когда он перевел и напечатал отрывок из трагедии Корнеля «Цинна» и ряд стихотворений Буало, переводил трагедии Расина «Федра» и «Андромаха».

117. УЗ, с. 20 (с ошибками). Печ. по автографу. Едва ли не единственный непосредственный отклик в России на споры вокруг вышедшего в 1776 г. во Франции 1-го тома собрания сочинений Шекспира в переводе *ле Турнера* — П. Летуэрнера (1736—1788). В предисловии Летуэрнер поставил Шекспира выше Расина. Вольтер, в 1730-е годы ознакомивший Францию с драматургией Шекспира, но считавший его гений «диким и варварским», теперь обратился с разгневанными письмами к друзьям и во Французскую Академию, призывая «унять наглца» Летуэрнера и не допустить, чтобы «английский Жиль» (клоун) вытеснил Корнеля и Расина. В защиту Шекспира выступили многие, в том числе французский писатель-просветитель С. Мерсье (1740—1814) и англичанин Д. Ретлидж. Лагарп Ж.-Ф. (1739—1803) — французский писатель. *Латинистов спира* (спира — отряд воинов) — члены Французской Академии и все сторонники классицизма, поддержавшие Вольтера. *В политике, в войне... везде раздор* и т. д. Речь идет о политических спорах в предреволюционной Франции и отношении различных кругов к освободительной войне Соединенных Штатов Америки против Англии. *Шекспиров то величественный вздор*. Переписав стихотворение в тетрадь 1780-х годов, Муравьев добавил: «Нет, несмотря на все преимущества французского театра, такого трагического стихотворца во Франции, который бы выкупал такие погрешности, каковы Шекспировы» (ГПБ).

118. Печ. впервые по автографу. *Берново* — имение в Старицком уезде Тверской губернии; принадлежало И. П. Вульф (ум. 1817), женатому на А. Ф. Вульф (ум. 1793), двоюродной сестре Муравьева. Муравьев описал Берново в «Эмилиевых письмах». *Позволишь мне из Твери убежать*. В 1780 г. Муравьев был в отпуске и жил у отца в Твери, часто навещая Берново. *Гури* — гурия. По магометанскому учению, гурии — вечно юные прекрасные девы, обитающие в раю. *Сестра моя* — Ф. Н. Муравьева (см. примеч. 114). *Тьма* — приток Волги. *Сведенборг* (1688—1772) — шведский мистик, популярный среди русских масонов. *Любови мать ей пояс свой дарит*. В чудесном поясе Афродиты была скрыта тайна ее обаяния. *Любаша* — вероятно, младшая сестра хозяйки дома Любовь Федоровна Муравьева. *Божок соименитый* — бог любви Амур.

119. Печ. впервые по автографу.

120. Печ. впервые по автографу.

121. Печ. впервые по автографу. *Светилы в небесах открылись висящи*. Имеется в виду изобретение телескопа (в самом начале XVII в.).

122. Печ. впервые по автографу. Возможно, это то стихотворение, которое значится в перечне 1779 г. под заглавием «Волш<ебство> люб<ви>». *Близ Стиксовой волны* — т. е. на пороге смерти. *В Афинах так Эгей* и т. д. Муравьев сжато передает миф о Мееде, дочери колхидского царя Ээта. Полюбив предводителя аргонавтов Ясона, Мееда бежала с ним. Чтобы задержать преследователей, убила брата. Когда Ясон решил жениться на дочери коринфского царя, Мееда послала невесте волшебное одеяние, которое сожгло соперницу, убила своих двух детей, рожденных от Ясона, и улетела из Коринфа на колеснице, запряженной крылатыми драконами, в Афины, где стала женой царя Эгея. *Богиня чистая* — покровительница Афин, богиня-девственница Афина-Паллада.

* 123. Печ. впервые по ГПБ-8, с исправлением явных описок и восстановлением не разобранных переписчиком слов по незаконченному автографу ГПБ. *Мантуа* — Мантуя, город в северной Италии, в окрестностях которого родился, имел поместье и некоторое время жил Вергилий. *Российский певец* — Ломоносов. *Дмитревский* — см. примеч. 78 и 103. *Метастазео* (1698—1782) — итальянский поэт, автор многочисленных либретто для опер. *Бонафини* — итальянская оперная певица, гастролировавшая в Петербурге. *Колтелиньевы... черты*. Колтеллини — итальянский драматург и либреттист, живший в 1770-х годах в России. «Наш петербургский стихотворец», — называет его Муравьев (ОПИ ГИМ). *<Зачеьшимись> в душе пре-мрачного Траеты* — зачавшимися, зародившимися в душе сумрачного Траетты (1727—1779), итальянского композитора, жившего в России с 1768 по 1776 г. «Его большой талант проявляется, главным образом, в красочных и мрачных эффектах гармонии», — писал современник Муравьева кн. А. М. Белосельский (см.: Т. Ливанова, Русская музыкальная культура XVIII века, М., 1952, т. 1, с. 447). Скорее всего речь идет об опере «Антигона» (музыка Траетты, либретто Колтеллини). *Певец величия, героев и заслуг* — Ломоносов. *Шувалов* — см. примеч. 39. *Могу ли посвятить жаления той тени и т. д.* Речь идет о В. И. Майкове, умершем в 1778 г. *Где им рисованы игрок и Елисей*. «Игрок ломбера» и «Елисей, или Раздраженный Вакх» — шуточные поэмы Майкова. *Являющий черты, изъятые из Вергилия*. В автографе более точно: «Преодолевающий толь шуточно Вергилия». Майков в «Елисее» шуточно пародирует «Энеиду». *К восторгам, коими дух Пиндаров горел*. Песни Пиндара (см. примеч. 78) были образцом одической поэзии. Речь идет об одах Майкова Екатерине II. *Иеронима* — героиня трагедии Майкова «Фемист и Иеронима» (1775). *Под кистию его Овидий оживал*. Майков перевел значительную часть книги Овидия «Метаморфозы» («Пре-вращения»). *И песнью посвящал небесную любовь*. Речь идет об «Оде ищущим мудрости», в которой Майков рисует масонский идеал нравственного усовершенствования. *Диотима* — жрица (может быть, вымышленная), упоминаемая в одном из диалогов греческого философа Платона. *Увенчанный певец казанския судьбы!* — М. М. Херас-

ков. *Сумбека* (Сююнбек) — казанская царица, героиня поэмы Хераскова «Россиада», в которой рисуется взятие Казани Иваном IV. *Ариосто* (1474—1533) — итальянский поэт, автор поэмы «Неистовый Роланд».

124. Печ. впервые по ГПБ-8. *Ханыков* — см. примеч. 104. Тяжелое настроение Муравьева в 1779 и 1780 г. находит отражение в его дневниках и переписке. В феврале 1779 г. Ханыков, в ответ на письмо Муравьева, пишет: «Должен ли я слышать, что друг мой, лучшей участи достойнейший, находится в подобном мне положении: он равно скупает жизнь, как я... Ты жалуешься на бездельность, коей преодолеть не можешь! Неужели чтение Расина, Тасса, Лафонтена не подстрекает справедливого твоего самолюбия продолжать твоего «Болеслава», «Нарвскую осаду», сотворять прекрасных «Живописцев» и пр., не возбуждают ли они в тебе emulation (от l'émulation — соревнование (франц.). — *Ред.*) следовать их пути, коего трудности ты все трудами своими разрушил» и т. д. Через год, в феврале 1780 г., Ханыков обращается уже к сестре поэта: «Матушка Федосья Никитишна! Видели ли вы ужасное его письмо, которое он ко мне писал? Неужели он столь несчастлив, что стал нечувствителен к внушениям вашим, нежности и прекрасному... Не могу поверить, чтоб вы не имели власти сделать сладостным существование человека, толико достойного быть счастливым...» (ОПИ ГИМ).

125. ПСС, ч. 1, с. 56. Печ. по ГПБ-8. *Феона* — Ф. Н. Муравьева. См. примеч. 114.

126. Печ. впервые по ГПБ-8.

127. Печ. впервые по ГПБ-13.

128. Печ. впервые по незаконченному автографу. *Богданович* Ипполит Федорович (1743—1803) — поэт. *Албан* — Альбани (1578—1660), итальянский художник. *Мать любви* — Венера. Речь идет о первой песне поэмы Богдановича «Душенька». *Евандр, Паллант* — герои «Энеиды» Вергилия, итальянские союзники Энея. *Энтеллом брошены в средину кистени*. Эпизод из 5-й книги «Энеиды»: вызванный на кулачный бой Энтелл бросил на середину арены громадные цесты (боевые перчатки из ремней, утыканных железными остриями и со свинчаткой), устранившие его соперника. *Мечты Вергилия, боготворенна Дантом*. В поэме Данте (1265—1321) «Божественная комедия» Вергилий выступает как учитель мудрости, олицетворение философии и проводник поэта по аду и чистилищу. *Ринальдов певец* — Торквато Тассо (см. примеч. 54 и 135).

129. Печ. впервые по автографу. Заглавие является буквальным переводом термина «vers de société», одного из синонимов «легкой поэзии». По смыслу точнее — «светские стихи». *Доратом быть!* Дора (1734—1780) — французский поэт. Муравьев короткое время увлекался им, а позднее заметил, что он «удалился от благородной простоты, бегая за остроумием» (ПСС, ч. 1, с. 193). *Тейский старик* —

Анакреон, родившийся в г. Теосе. *Свирель моя, служившая Циклопу, Приводит нимф испуганных в озноб.* Образ навеян XI идиллией Феокрита, в которой рассказывается о песне влюбленного в прекрасную нимфу циклопа. *Сношенья нет от кедра ко иссопу* — т. е. нет общего между могучим кедром и иссопом (мелким дикорастущим кустарником).

130. Печ. впервые по автографу.

131. ИОРЯС, с. 288 (с ошибками). Печ. по ГПБ-13. Первые десять строк — перевод приписываемой Анакреону XXIII оды «На богатство». В дальнейшем — самостоятельное развитие темы, выдержанное в духе той же анакреонтической поэзии.

132. УЗ, с. 37, где печ. по ГПБ-13.

133. Печ. впервые по ГПБ-13. *Душенькин супруг* — Амур (см. примеч. 128). <Раскат> — здесь: разбег.

134. СЛРС, ч. 1, 1783, с. 157. Судя по стилю, написано, по-видимому, как и «Время», значительно раньше опубликования. Юнг (1683—1765) — английский поэт, автор предромантической поэмы «Ночные думы о жизни, смерти и бессмертии», в которой поэт оплакивает смерть жены и детей и утешает себя мыслью о бессмертии души. *То Беренису чли* и т. д. Герой трагедии Расина «Береника» римский император Тит, уступая желанию народа, отсылает из Рима свою возлюбленную, иудейскую царевну Беренику. *Судили, что Расин превыше мрачных черт Пишта, кой для слез оставил брег Тамизы.* Вероятно, речь идет о том, что Расин выше мрачной характеристики, которую дает драматургии классицизма Юнг в «Рассуждении об оригинальном творчестве» (1759). «Гелоиза» — роман Руссо (1712—1778) «Новая Элоиза». *Действительность сердечну* — т. е. способность действовать по велению сердца.

* 135. Возможно, существовало отд. изд. без имени автора, описанное Сопиковым: «Послание к А. М. Бр. 1783 года, в стихах; СПб., 1783». Судя по точности описания Сопикова, издание, не разысканное до сих пор, вышло в свет. В отделе редкой книги ГПИБ и в бумагах Муравьева в ГПБ сохранилось по два экземпляра корректуры «Послания», в которых нет титульного листа, на с. 14 напечатана «Надпись к изображению Алины» с датой 1784 г., на с. 15—16 — обрывающаяся на середине фразы часть «Силы Генния» с датой 1785 г. Неясно, ошибся ли Сопиков в годе издания, как написано в «Сводном каталоге русской книги XVIII в.» (т. 2, М., 1964, с. 268), или до нас дошли корректурные листы другого сборника. В трех экземплярах корректуры есть правка Муравьева. Печ. по экземпляру ГПБ, исправленному автором с наибольшей тщательностью и имеющему тот вариант заглавия, который встречается в позднейших рукописях Муравьева: «Послание о легком стихотворении к А. М. Бр.» (однажды в записях встречается и тре-

тий вариант заглавия: «Послание об еротическом стихотворении») *Брянчанинов* А. М. — см. примеч. 41. *Дедала ябеды проходишь кризисны* — т. е. проходишь лабиринты ябеды (судопроизводства). *Лезбия* — возлюбленная римского поэта Катуллы (87 — ок. 56 до н. э.), воспетая им. *Корина* — древнегреческая поэтесса (ок. V в. до н. э.). *Кифера* — остров в Греции, один из центров культа Афродиты. *Мимнерм* (VII в. до н. э.) — древнегреческий элегический поэт. *Проперций* (ок. 49 — ок. 15 до н. э.) — римский поэт-элегик. В примечании Муравьев цитирует IX элегию 1 книги Проперция. *Колардо* (1732—1776) — французский поэт и драматург. *Дорат* — см. примеч. 129. *Бернис* — Берни (1715—1794) — аббат, позднее кардинал, французский поэт. *Пезей* (1741—1777) — французский поэт. *Буфлер* — *Овидий*. Буфле (1737—1815) — французский поэт. Муравьев сравнивает его стихи с «Любовными элегиями» Овидия. *Не был Ринальдом, я нашел свою Армиду*. В «Освобожденном Иерусалиме» Тассо рассказывается, что волшебница Армида полюбила крестоносца Ринальдо и увезла его на остров, где среди волшебных садов Ринальдо забыл о цели, которой посвятил себя. *В его фантазиях, посланьях, «Холостом»* и т. д. — перечисление произведений Дора. *Школьники Вольтера*. Муравьев считает всех представителей «легкой поэзии» учениками Вольтера. *Не мог воспеть бы Гиза*. Имеется в виду поэма Вольтера «Генриада»; в ней воспеты подвиги французского короля Генриха IV и его борьба с католической реакцией, во главе которой стоял герцог Генрих Гиз (1550—1588). *Не мог бы написать — шестидесяти лет — Вступающая в Китай великого Чингиза*. О завоевании Чингисханом Китая говорится в трагедии Вольтера «Китайский сирота» (1755). *Унизить свой потом трагический полет К маркизу де Вильет*. Речь идет о написанном незадолго до смерти послании Вольтера к маркизу Шарлю де Вильету (1736—1793), незначительному поэту и почитателю Вольтера. *В Париже сколько восклицаний* и т. д. Речь идет о триумфальном возвращении Вольтера после многолетнего изгнания в Париж в феврале 1778 г. и увенчании его лавровым венком 30 марта на представлении трагедии «Ирина». *Сказочки точил... начинены соблазном*. Подразумеваются фривольные и антиклерикальные стихотворные новеллы — «сказочки» типа «Гертруда, или Воспитание девушки» или «Папская туфля» (последнюю переводил В. В. Ханьков). *Шапелль* (1626—1686) и *Башомон* (1624—1702) — французские поэты, авторы юмористического «Путешествия в Прованс и Лангедок». *Ариост* — см. примеч. 123. *Паизиелл* — Паизиелло (1740—1816) — итальянский композитор, в 1776—1783 годах работавший в России.

136. Вместе с «Посланием о легком стихотворении к А. М. Бр<янчанинову>» (см. примеч. 135). Печ. по экземпляру корректуры ГПБ, исправленной автором с наибольшей тщательностью. Под загл. «Изображение Алины» — ГПБ-13.

137. ИОРЯС, с. 285 (с ошибками). Печ. по ГПБ-13. Датируется предположительно, как и три следующие стихотворения, входящие в сборник «Pièces fugitives».

138. Печ. впервые по ГПБ-13. См. примеч. 137.

139. Печ. впервые по ГПБ-13. См. примеч. 137.

140. «XVIII век», сб. 4, М.—Л., 1959, с. 167 (с ошибками). Печ. по ГПБ-13. См. примеч. 137.

* 141. Вместе с «Посланием о легком стихотворении» (см. примеч. 135). В дошедших экземплярах корректуры обрывается на середине фразы (ст. 28). В одном из них дописано автором 6 строк. Печ. по альм. «Аониды», кн. 2, М., 1797, с. 121. *Мармонтель* (1723—1799) — французский писатель. Речь идет о его «Нравоучительных сказках» («*Contes picaresques*). *Албан* — см. примеч. 128. *Армидин сад* — см. примеч. 135. *Услышит Духа бурь во песнях Оссиана*. Речь идет о «Сочинениях Оссиана, сына Фингалова», изданных в 1760-е годы шотландским поэтом Джемсом Макферсоном (1736—1796). В основе их лежат народные сказания, переработанные Макферсоном. *Юнг* — см. примеч. 134. *Меандр*. Меандры — изгибы русла реки; получили название от извилистой реки Меандр (в Малой Азии).

142. Печ. впервые по автографу. Написано, вероятно, в связи со слухом о смерти французского драматурга Дюси (*Дюсис*) (1733—1816), который передельвал в духе классицизма трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта», «Король Лир» и др. и написал трагедию «Эдип у Адмета». *Эдип* — герой трагедии Софокла «Царь Эдип» и «Эдип в Колоне». Узнав, что он является невольным убийцей отца и супругом собственной матери, Эдип ослепил себя; сыновья изгнали его из Фив.

143. Печ. впервые по автографу. *Шенстон В.* (1714—1763) — английский поэт. *Колардо* — см. примеч. 135.

144. Печ. впервые по автографу. В дате автографа последняя цифра неясна: 4 или 7. *Армидин остров*, *Тасс*, *Ринальдо* — см. примеч. 135. *Албан* — см. примеч. 128. *Сумбека* — см. примеч. 123. *Тибулл* — см. примеч. 54. *Фидий* (нач. V в. до н. э. — ок. 431 до н. э.) — древнегреческий скульптор. *Наставник Юлии изрек им осужденье, Любви — нет*. Юлия — героиня романа Руссо «Новая Элоиза». Учитель и возлюбленный Юлии — Сен-Пре. Имеется в виду объяснение Сен-Пре, почему он исключает из чтения Юлии многие книги о любви: «Такое чтение напрасно возбуждает душу, нежизнует ее и лишает твердости. Истинная любовь, напротив, — всепожирающий огонь, он воспламеняет другие чувства и вдыхает в них новые силы» (Ж.-Ж. Руссо, Избранные сочинения в 3 тт., М., 1961, т. 2, с. 39).

145. Печ. впервые по автографу. *Гловер Р.* (1712—1785) — английский поэт. *Томсон* — см. примеч. 92. *Омир* — Гомер.

146. ЭП, с. 118.

147. Печ. впервые по автографу. Автоэпиграмма на написанную

в начале 70-х годов трагедию «Дидона» (см. вступ. статью, с. 17). *Прадон* Н. (1630—1698) — бездарный французский писатель.

148. Печ. впервые по автографу. Автоэпиграмма. Понятие «счастье» у Горация неотъемлемо от интеллектуального наслаждения.

149. Отд. изд. без выходных данных <СПб., 1791> и «Новые ежемесячные сочинения», ч. 58, 1791, с. 82, без подписи. Значится в перечнях стихотворений Муравьева. Я. Б. *Княжнин* умер 14 января 1791 г. Муравьев был знаком с Княжниным, относился к нему с большим уважением, называл его «кротким», «тихим», «любви достойным» человеком. *Владисан* — герой одноименной трагедии Княжнина; его считают мертвым, и он слышит, как его оплакивают.

150. «Аониды», кн. 2, М., 1797, с. 130, с подписью «М. Мрвв». *Парос* и *Лемнос* — острова Эгейского моря. *Бостанжи* и *кизляр-ага* — турецкие придворные чины. *И амуры на часах*. Стих повторен в стихотворении К. Н. Батушкова «Ложный страх». *Въявь богиню благосклонну* и т. д. Вспомнив эти строки в первой главе «Евгения Онегина», Пушкин в примечаниях цитирует четверостишие полностью, называя стихотворение и имя его автора.

151. «Аониды», кн. 2, М., 1797, с. 134. Нарышкина Е. Л. (1770—1795) — дочь обер-камергера Л. А. Нарышкина.

152. ПСС, ч. 1, с. 64. Печ. по списку ГИМ. *Иония* — часть Древней Греции, родина многих философов и поэтов. *Валлер* (1605—1687) — английский поэт. *И в резвое дитя мечты На берегах Авона*. Шекспир родился в Стратфорде на Авоне. *Гордый певец* — Ломоносов. «*Россиада*», «*Душенька*» — см. примеч. 123, 128. *Бард у Невы* — поэт Г. Р. Державин. *Иль водишь сладостно в окрестностях Москвы За бедной Лизою* и т. д. Действие повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» происходит в окрестностях Москвы. *Или я весь умру?* См. вступ. статью, с. 37.

153. ВЕ, 1810, № 9, с. 45; СРС-2, с. 277, с добавлением в заглавии «Баллада». Печ. по списку ГИМ. Сюжет восходит к трагедии «Болеслав», над которой Муравьев работал в 1773 и 1776 гг. *Болеслав III Кривоустый* (ум. 1139) — польский король с 1102 г., добился политического единства Польши; вел войну с братом *Збигневом* (род. 1070) и его союзниками: чехами и германским императором. *Воллин* (Волине) — город в Чехии.

154. Печ. впервые по автографу ОПИ ГИМ. Написано в день смерти А. В. Суворова. *Суворов здесь лежит*. Дословное совпадение с надписью Державина на могиле полководца: «Здесь лежит Суворов».

155. Печ. впервые по автографу. «Каледонский баллад в стихах» прочитан Муравьевым в 1804 г. на заседании в Российской Академии (см.: Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академиею, ч. 6, СПб., 1813, с. 46). Из *Оссиана* (см. примеч. 141) заимствованы только имена.

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕПЗВЕСТНЫХ ЛЕТ

156. ПСС, ч. 1, с. 15. Печ. по списку ГИМ. *Декарт* — см. примеч. 54. *От злобы убсжать не мог в уединенье* и т. д. Декарт долгое время жил в Голландии; спасаясь от преследований церковников, принял приглашение шведской королевы и переехал в Стокгольм, где вскоре умер.

157. ПСС, ч. 1, с. 16. Печ. по списку ГИМ. *Беринг* Витус (Иван Иванович, 1681—1741) — русский мореплаватель, выходец из Дании. Его именем назван находящийся в 185 километрах от Камчатки остров Авача, на котором Беринг и похоронен. *Когда ты отделил две света половины*. Беринг окончательно установил, что между Азией и Америкой существует пролив (ныне назван его именем).

158. ПСС, ч. 1, с. 17. Печ. по списку ГИМ.

159. ВЕ, 1810, № 29, с. 48.

160—161. Печ. впервые по списку ГИМ.

162. ПСС, ч. 1, с. 34. Печ. по ГПБ-8.

163. Печ. впервые по ГПБ-8.

164—165. Печ. впервые по автографу.

ПЕРЕВОДЫ

ГОМЕР

166. УЗ, с. 17. Эти начальные строки «Илиады» — единственная в XVIII в. попытка перевода поэмы гекзаметром. При переводе Муравьев пользовался подлинником и латинским переводом.

167. ЭП, с. 80. Перевод отрывка из 20-й песни «Илиады», в которой описывается сражение богов, покровителей греков и троянцев. *Отец богов и смертных* — Зевс.

САФО

168. СВ, ч. 2, 1778, с. 402, без подписи. Авторство устанавливается по автографу. Стихотворению предпослано письмо к издателям, датированное «1778 года октября 30 дня». В трактате *Лонгина* «О возвышенном», переведенном *Буало* (см. примеч. 107), приведены цитаты из произведений античных авторов, в частности Сафо.

АНАКРЕОН

169. ПС, с. 9. Перевод VI оды Анакреона «На старость».

170. ПС, с. 14. Перевод приписываемой Анакреону XIX оды «Необходимость пить».

ВЕРГИЛИЙ

171. Печ. впервые по автографу. Перевод начальных строк «Эклоги первой». Написано в Твери, примерно в одно время с работой над переводом из «Илиады».

172. ЭП, с. 95. Свободный перевод отрывка из 6-й книги «Энеиды». Эней проник в царство мертвых и встретился с тенью своего отца Анхиза, который показывает ему его потомков — римлян. В переведенном отрывке Анхиз скорбит по поводу преждевременной смерти Марка Клавдия Марцелла (43—23 до н. э.), племянника, зятя и предполагаемого наследника императора Августа. *Тибериин* — бог Тибра, на берегу которого в мавзолее был похоронен Марцелл. *Ромулов град* — Рим. *Коль прейдешь жребий свой, Маркелл ты будешь*. Если избежешь предназначения судьбы, сравняешься с Марком Клавдием Марцеллом (268—208 до н. э.), прославившимся храбростью полководцем, прозванным «меч Рима».

ГОРАЦИЙ

173. ПС, с. 4. *Люций Секст* (Сестий) — приятель Горация, при Августе был назначен консулом. *Цитерская богиня* — Венера. Венера, ведущая за собой нимф и граций, — повторяющийся у Горация образ весны. *Вулкан уже трудится*. Вулкан принимается за работу с наступлением тепла. *Овцу иль козля предлагайте* и т. д. Речь идет о весенних жертвоприношениях Фавну.

174. ПС, с. 6. *Перский* — персидский. Богатство и счастье персидских царей вошли в поговорку. *По Хлое Лидия не чтилась* и т. д. Пока Хлоя не была Горацию милее Лидии, имя Лидии было прославленнее, чем имя Илии (Реи Сильвии, матери Ромула). *Мне Хлоя лютнею своей... музикийска*. Гораций говорит, что ему мила Хлоя — фракиянка, пленяющая игрой на лютне. *Прекрасен тот, но как презреть?* — т. е. прекрасен Калай, но как презреть тебя?

175. ПС, с. 7. *Ноны декабря*. Ноны — обычно 5-е число каждого месяца, дни празднеств. 5 декабря — день празднества в честь Фавна. *Крестьянин землю бьет ногой* — т. е. притопывает, танцует.

176. ПС, с. 1. Ода посвящена пасынкам римского императора Августа — Нерону Клавдию *Друзу* (ок. 38—9 до н. э.) и Нерону Клавдию Тиберию (43 до н. э. — 37) — в честь побед, одержанных ими в походе против альпийских горцев — ретов и винделиков. *Как ков страж молнии крылатый* и, т. д. Зевс сделал орла царем птиц.

за то, что он похитил с земли полюбившегося богам юношу Ганимеда: *Секирой руки вооружати*. Винделики в отличие от других народов были вооружены не копьями, а секирами. *Внуки Нероновы*. Друз и Тиберий — потомки консула Гая Клавдия Нерона, нанесшего решительное поражение Карфагену в 207 г. до н. э. при реке Метавре. *Вождь нумидский* — карфагенский полководец Гасдрубал. Муравьев называет его нумидским вождем или по ошибке, или потому, что Гасдрубал некоторое время находился в союзе с царем восточной Нумидии. *Сикански волны* — волны моря, омывающего Сицилию (сиканы — одно из древнейших сицилийских племен). *Так Афр жестокий разъярялся* и т. д. Первое десятилетие Второй Пунической войны (218—201 до н. э.) ознаменовалось крупными победами карфагенских войск, во главе которых стоял Ганнибал. *С тех пор, как брат мой в поле пал*. Брат Ганнибала Гасдрубал был убит в битве при Метавре. *Когда об том мы торжествуем, Что убежим от их оков* — т. е. карфагеняне могли бы торжествовать, если бы им удалось обмануть римлян и ускользнуть от них. *Сей род — остаток илионский* и т. д. По преданию, Эней после поражения Трои, взяв с собой святыни, отца Анхиза и сына Аскания, переселился в Италию, а его потомки основали Рим. *Как лес, подобно возрастает* и т. д. У Горация Ганнибал сравнивает Рим, усиливающийся даже после поражений, с дубом, который становится еще более мощным после того, как у него обрубят сучья. *Ираклом пораженна Змия*. Геракл победил стоглавую змею (лернейскую гидру), у которой на месте срубленных голов вырастали новые. *Таких чудовищ не видали* и т. д. По преданию, около Фив обитал Сфинкс, крылатое чудовище с туловищем льва и головой женщины; в Колхиде — изрыгающие пламя меднокопытные быки и дракон, пожиравший людей. *Клавдий* — Гай Клавдий Нерон, победитель при Метавре.

177. Петрония Арбитра «Гражданская брань», СПб., <1774>, с. 13 (см. примеч. 185). Вольный перевод оды Горация «К римскому юношеству». *Не ввиду ввек под кров единый Со презирателем богов*, т. е. с тем, кто нарушает предписания богов и разглашает священные тайны.

178. Оды, с. 23. *Меценат* (между 74—64 — 8 до н. э.) — римский политический деятель; имя его как покровителя наук и искусств стало нарицательным. Вел свой род от этрусских царей. *Се зри* и т. д. Речь идет о состязаниях на колесницах, которые проводились на Олимпийских играх; победитель увенчивался лавровым венком. *Аттал* — один из пергамских царей, завещавший Риму свои сокровища. *Страшась, чтоб Нот* и т. д. — страшась, что ветер со стороны Африки поднимет бурю в Эгейском море. *Кампания* — местность в Италии, славящаяся виноградниками. *Меня прохладные леса С простым народом разлучают*, т. е. навевают вдохновение, «возносят над толпой», как перевел эту строку Фет.

179. Опыт, с. 287. Написано не позднее 1776 г. (см. примеч. 72). *Фалиски* — древнеиталийский народ. *Соракт* — гора в 40 километрах от Рима, очень редко покрывается снегом. Считают, что ода Горация написана в одну из необычно суровых для Италии зим.

180. Опыт, с. 289. *Первая на десять* — одиннадцатая.

181. Опыт, с. 289. Перевод послания XIII книги I «Посланий». Посылая в 19 г. до н. э. Августу три первые книги своих од, Гораций присоединил к ним это послание в качестве косвенного извинения за беспокойство. Внешне оно обращено к соседу поэта, крестьянину, который должен был доставить рукописи к императору. *Когда ж покажется тебе не в силу несть* и т. д. У Горация несколько иначе: если тебе будет тяжело, то лучше сбрось свою ношу, чем во дворце задевать всех седлом (так поэт в шутку называет мешок с рукописями). *Отец твой прозвищем осел*. Отцом Азеллы был Винний Азина (по-латински — ослица). *По жилу* — по населенным местам. *Прими врученный дар* — т. е. убери,ними с плеч. *Пиррия* — персонаж древнеримской комедии; подвыпив, украла клубок шерсти и спрятала его под мышкой. *Не проступись* — не споткнись.

182. ЭП, с. 85. Вольный перевод отрывка из VI сатиры II книги «Сатир».

183. Опыты истории, словесности и нравоучения М. Н. Муравьева, М., 1810. ч. 2, нenum. с. Начало VI сатиры II книги «Сатир».

ТИТ ЛИВИЙ

184. ПС, с. 16. Стихотворный перевод отрывка из «Истории» римского историка Тита Ливия (59 до н. э. — 17). Обесчещенная сыном последнего римского царя Тарквиния Гордого *Лукреция* покончила с собой. Ее муж и его друг Луций Юний *Брут* поклялись над ее телом отомстить роду Тарквиниев и уничтожить царскую власть в Риме, возгласили восстание и стали в 509 г. до н. э. первыми консулами Римской республики.

ПЕТРОНИЙ

185. Отд. изд., СПб., без обозначения года. Вышла в свет в феврале 1774. Перевод стихотворной поэмы, включенной в сатирический роман «Сатирикон» (или «Сатиры»), который приписывается римскому аристократу Гаю *Петронию Арбитру* (ум. 66), бывшему некоторое время приближенным императора Нерона в качестве «арбитра изящного вкуса». Поэма посвящена развернувшейся в период кризиса Римской республики борьбе за власть между Юлием Цезарем и Гнеем Помпеем (см. примеч. 105). *Безбеден быть* — здесь: жить без бедствий. *Лишь воин в глубине ассирских шумных вод* и т. д. Здесь и далее говорится о редкостях и драгоценностях, добываемых в странах древнего Востока. *Сидонские народы*. Сидон — древний финикийский город. *Плесканья* — рукоплескания. *Ругались естества уставом*, т. е. нарушали законы природы. В подлиннике более прямолинейно говорится о кастрации мальчиков и половых извращениях. *Атлантских берегов* — т. е. берегов Атлантического океана. *О срам! уж древо здесь меняется на злато!* Лимонное дерево стоило очень дорого. *Фаз* (Фас) — древнее название реки Рион на Кавказе. *Птицы* — фазаны. *Судилище* — народное собрание. *Сонм*

Отцев. Члены Сената назывались «отцами». *Старческа...* добродетель — добродетель старейшин Сената (senat происходит от senex — старик). *Отринут был Катон* и т. д. Катон-младший (см. примеч. 105) за попытки противодействовать укреплению власти Цезаря был послан в 58 г. до н. э. на остров Кипр, т. е. фактически изгнан из Рима. *Меж тем роскошей плод тот рост истощевал* и т. д. Плод расточительности — баснословный рост процентов — уничтожал богатства, добываемые за морем; люди и вещи — все было заложено ростовщикам. Это возбуждало злону, приводило к мысли о войне как источнику нового обогащения. *Воздвигло счастье трех вождей средь бедства она* и т. д. В 60 г. до н. э. Юлий Цезарь, Гней Помпей и Марк Красс заключили между собой тайный союз против Сената, так называемый триумвират; после гибели Красса в парфянских степях борьба за единодержавную власть между Цезарем и Помпеем превратилась в гражданскую войну. Помпей был убит в 48 г. до н. э. в Египте, куда он бежал, потерпев поражение; Цезарь, фактический монарх в течение четырех лет, был убит в Риме заговорщиками в 44 г. до н. э. *Такой они конец у токмо тщетный шум* *В возмездие своих прияли буйных дум!* У Петрония речь идет о славе: «Воздаст же им почести слава». Муравьев осуждает вождей гражданской войны. *Где град есть Партеноп* и т. д. Описание окрестностей Везувия, где, по представлениям древних римлян, находился вход в подземное царство мертвых. *Дресвяны камни* — скалы из ноздреватого песчаника, туфа и лавы. *Кипарисы* в античности сажались у могил и были символом печали, смерти. *Или не можешь рог противу их вознесть*, т. е. или не можешь применить силу против них? *Камнистые хребты возрастант по водам* и т. д. Имеется в виду строительство дамб, оросительная система, рудники и пр. *Сулла* (138—78 до н. э.) — диктатор Рима с 88 по 79 г. до н. э.; прославился чудовищной жестокостью. *Уже меж облаков оружий мчится слух* и т. д. Фортуна предсказывает события гражданской войны 50—30-х гг. до н. э.: два сражения под Филиппами (42 до н. э.), в которых Октавиан и Марк Антоний нанесли поражение сторонникам республики; битву при фессалийском городе Фарсале (48 до н. э.) между Помпеем и Цезарем; битвы Цезаря с республиканцами и сторонниками Помпея в Испании и Африке; морское сражение при Акции (31 до н. э.) и битвы в Египте (30 до н. э.) между Антонием и Октавианом. *Царь теней* — Плутон. *Брат его* — Зевс, метавший молнию и гром в подтверждение какого-либо предсказания. *Предыдуци* — последующие впредь. *На мечь подвигнут Кесарь злобну* и т. д. Завоевав Галлию, Цезарь в 49 г. до н. э. начал наступление на Рим после того, как Помпей и Сенат решили объявить его врагом отечества, если он не распустит войск и не передаст власть в провинциях назначенным лицам. *Там стерт бугров хребет Иракловой пятой* и т. д. Речь идет о десятом подвиге Геракла: пройдя всю Европу и похитив на мифическом острове Эрития коров трехголового великана Гериона, Геракл на обратном пути прошел через Альпы, прокладывая дорогу через неприступные скалы. *Гесперские поля* — здесь: западные поля, Италия. *Из града изгнан быв* — т. е. послан сенатом в Галлию. *Багрова кровь по Рен.* Во время Галльской войны Цезарь нанес ряд поражений германским племенам вблизи Рейна. *От капитольских стен* — т. е.

от Рима (Капитолий — древнеримская цитадель). *Сонм чад, которых он в утробе не носил.* У Петрония — пасынков. *Дельфийский вран* и т. д. Ворон — вещая птица, посвященная Аполлону, богу-прорицателю. Счастливым предзнаменованием считался полет ворона в правую сторону. *С ошуея страны* — с левой стороны. *Так шел Алкид средь гор Кавказских.* Геракл всходил на Кавказские горы, чтобы освободить Прометея. *Зевс, что разметал с небес злой ков преступных.* Подразумевается миф о борьбе Зевса с гигантами — родственными богам великанами. *Делами древний град мятежных ужаснуть* — ужаснуть Рим делами мятежников. *Палатин* — один из холмов, на которых построен Рим. *Как юг* — когда южный ветер. *Хранителей-богов.* Каждая римская семья имела нескольких богов-покровителей, статуэтки которых обычно помещались возле очага. *Помпей, сей страх понтийский.* Помпей — покоритель Понтийского царства (60-е гг. до н. э.). *Идаспских ужас волн, защитник циликийский.* Гидасп — река в Индии; киликийцы — разбитые в 67 г. до н. э. Помпеем морские пираты. Перевод неверен. У Петрония речь идет о том, что, разбив пиратов, Помпей сделал безопасным путь в Индию. *Зевса торжеством трикратным удивил.* За победы над Ливией, Испанией и Понтийским царством Помпея трижды чествовали как триумфатора. *С вождьми он град обоими оставил* — т. е. с обоими консулами. *Его побегу страх небес согласовал,* т. е. с его побегом согласовался страх небес. *И рубище поверх Согласие имея,* т. е. и согласие, одетое в рубище. *Богов мир ощутил,* т. е. земля (люди) ощутила могущество богов. *И звезды сверх его Искали бремени, лишившись своего.* У Петрония: «Светила власть показали свою» (пер. Б. И. Ярхо). *Сестра Аполлона* — Артемиды (Диана). *Алкид, ему приснообразный* — Геракл, сходный с ним в делах. *Маркелл* — Марцелл — римский консул в 49 г. до н. э.; вносил в Сенат законопроекты, призывавшие вооружаться против Цезаря. *Курион* (84—49 до н. э.) — сенатор, народный трибун; начал войну на стороне Помпея, но потом Цезарь подкупил его. *Лентул* — консул в 49 г. до н. э., противник Цезаря. *Диррахий* (ныне Дуррес) — город-порт на Адриатическом море, под которым в 48 г. до н. э. Помпей нанес Цезарю крупное поражение. Цезарь отступил в южную Фессалию, где состоялась решившая исход войны битва при Фарсале (см. примеч. 105).

ТОРКВАТО ТАССО

186. ЭП, с. 104. Перевод третьей строфы поэмы «Освобожденный Иерусалим» (см. примеч. 135). Муравьев цитирует эту строфу как объяснение, почему Тассо «может быть, излишними чудесами наполнил поэму свою».

ПАУЛЬ ФЛЕМИНГ

187. ПС, с. 27. Перевод стихотворения немецкого поэта П. Флеминга (1609—1640) «An einem guten Freund» («Хорошему другу»).

МАДЛЕНА ДЕ СКЮДЕРИ

188. ПС, с. 12. *Скюдери М.* (1607—1701) — французская писательница. Принц Людовик *Конде* (1621—1686) — французский полководец. *Стеной вокруг ограждал Феб Трою*, т. е. Аполлон и Посейдон воздвигли троянские стены.

БУАЛО

189. ПС, с. 25. Перевод «Sonnet sur la mort d'une parente».

190. ПС, с. 19. Перевод эпиграммы «Contre Cotin» («На Котена»). *Котень* — Котен Ш. (1604—1682) — французский поэт, постоянная мишень нападок Буало.

191. ПС, с. 26. Перевод эпиграммы «À Climène» («Климсене»).

ВОЛЬТЕР

192. ПС, с. 10. Перевод «Ode VIII. Au roi de Prusse, sur son avènement au trône, 1740». *Король прусский* — Фридрих II (1712—1786) вступил на престол в 1740 г. Вел переписку с Вольтером, который считал его способным ответить идеалу «просвещенного монарха». *Тираны разумов, злодеи суеверны*. В этой и следующих строфах говорится о церкви, которая именем бога преследовала великих мыслителей. *Декарт* — Декарт (см. примеч. 54) — противопоставил богословию учение о сомнении, о разуме как исходном принципе человеческого познания. *Бейль* — Бейль (1647—1706) — французский мыслитель. Вскрыл внутренние противоречия богословских учений. *Лейбниц* — см. примеч. 72. *А вы, о Боржжия ученья прокляты* и т. д. Речь идет об учении итальянского мыслителя Макиавелли (1469—1527), который признал за монархом право использовать в борьбе за неограниченную власть любые меры, вплоть до насилия, предательств и убийств. Образцом «нового государя» Макиавелли считал романского герцога Чезаре Борджа (1476—1507), известного своими преступлениями и аморализмом. *Антонин* (86—161), *Траян* (53—117), *Тит* (39—81), *Марк Аврелий* (121—180) — римские императоры. Историки подчеркивали их справедливость, терпимость, мягкость в управлении государством. *Соломон* — царь Израиля и Иудеи (ок. 960—935 до н. э.). Имя его стало синонимом мудрого царя.

ЛЕОНАР

193. МЕИ, 1779, ч. 2, с. 32, без подписи. *Леонардо* — Леонар (1744—1793) — французский поэт. *Приписание* принадлежит Муравьеву и обращено, как об этом говорит переписка, к сестре.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ФРАНЦУЗСКИЙ ПОЭТ

194. СВ, ч. 1, 1778, с. 175 (см. примеч. 93).

195. «„Школа злословия“ в 5 действиях», СПб., 1794, с. 74. Перевод застольной песни из 3-го действия комедии английского драматурга Ричарда Бринсли Шеридана (1751—1816) «Школа злословия». Представлена в Эрмитажном театре 27 февраля 1793 г. Сопиков называет переводчиком всей комедии Муравьева. По другим сведениям, ее перевел двоюродный брат поэта И. М. Муравьев-Апостол. Отсутствие документальных данных не позволяет решить вопрос о том, кто перевел комедию в целом. Но автограф свидетельствует, что перевод данной песни безусловно принадлежит Муравьеву.

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ, УСТАРЕВШИХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

- Авзония* — Италия.
- Автомедонт* — Автомедон (греч.) — возница Ахилла.
- Агаряне* — турки, мусульмане.
- Аглая* (греч.) — старшая из граций (см.).
- Адамант* — бриллиант, алмаз.
- Адмет* (греч.) — царь Фессалии, у которого Аполлон служил пастухом.
- Аид* (греч.) — преисподняя, царство мертвых; бог этого царства.
- Аквилон* (римск.) — северный, северо-восточный ветер.
- Албион* — Альбион — Англия.
- Алекто* — см. эриннии.
- Алк* — ненасытность, жадность.
- Алкид* (греч.) — Геракл.
- Алциной* — Алкиной (греч.) — в «Одиссее» царь острова Схерии, радушно принявший Одиссея после кораблекрушения; владелец роскошного дворца и садов.
- Аммон* — древнеегипетский бог, покровитель фараонов.
- Амфион* (греч.) — сын Зевса, музыкант. При постройке города Фивы камни, привлеченные игрой Амфиона, сами складывались в крепостные стены.
- Анхиз* (греч.) — властитель дарданов, возлюбленный Афродиты, отец Энея. За то, что разгласил людям о любви богини, был ослеплен. При падении Трои Эней вынес отца из горящего города на своих плечах.
- Арго* (греч.) — корабль аргонавтов, героев, которые плыли в Колхиду за золотым руном волшебного барана.
- Ахеронт* — Ахерон (греч.) — мутная клокочущая река в подземном царстве мертвых.
- Ахиллес* — Ахилл (греч.) — герой Троянской войны. Подвиги его воспеты в «Илиаде» Гомера.
- Афродита* (греч.) — богиня любви и красоты. Рожденная из морской пены богиня вышла на остров Кипр, поэтому одно из ее имен — Киприда.

Аиякс — Аякс (греч.) — участник Троянской войны. Спорил с Одиссеем из-за доспехов Ахилла, которые должны были быть отданы храбрейшему из героев. Доспехи при помощи хитрости получил Одиссей; Аякс закололся.

Беллерофон — Беллерофонт (греч.) — герой, который с помощью крылатого коня Пегаса победил трехголовое чудовище Химеру.

Беллона (римск.) — богиня войны, супруга Марса. В храме Марса, врата которого оберегала Беллона, в Риме чествовали победоносных.

Брашны, брашно — яства, пища.

Брякотушки, брякушки — погремушки.

Былие — трава, былинка.

Вежды — веки.

Вержет — бросает(ся), кидает, повергает.

Веси — селение, деревня.

Взнялась — поднялась, приподнялась.

Взрютили — втолкнули.

Вина — иногда в значении: причина.

Винна — виновна.

Виталище — жилище, обиталище.

Вкруте — круто, крутым изгибом.

Волхв — по славянским сказаниям, волшебник и чародей, терзавший и пожиривший всех, кто не поклонялся ему. По его имени названа река Волхов.

Ворзаться — здесь: возиться.

Воспятить — обращать вспять, отразить.

Восхитит — унесет.

Вперили — учили, наставляли, вдохновили.

Вселетняя — длаящаяся все лето.

Вулкан (римск.) — Гефест (греч.) — бог огня и кузнечного ремесла, сын Зевса и Геры.

Гектор (греч.) — сын последнего царя Трои Приама; вождь троянцев в войне с греками; победил в единоборстве Патрокла, за что был убит Ахиллом.

Геликон (греч.) — гора в Средней Греции, на которой, по представлению греков, обитали музы. В переносном смысле Геликон — место поэтического вдохновения.

Гемисферы — полушария земли или неба.

Гений (римск.) — добрый дух, формирует характер человека и сопутствует ему всю жизнь.

Горние селения — небеса, место пребывания отошедших в вечность.

Готфы — шведы.

Грации (римск.) — богини прелести и красоты, спутницы Афродиты: Аглая (блеск), Талия (цветущее счастье), Евфросина (радость).

Дардан (греч.) — родоначальник племени дарданов, предков римлян. Дардана чтили в Риме как далекого предка Энея, властителя дарданов и родоначальника римлян.

- Дедал* (греч.) — легендарный зодчий и механик, строитель лабиринта на острове Крит. Изобретатель крыльев, при помощи которых он со своим сыном Икаром улетел с острова, спасаясь от преследований.
- Дидона* (римск.) — царица Карфагена, у которой нашел приют потерпевший кораблекрушение Эней. Дидона полюбила его и после отъезда Энея, покинувшего Карфаген по велению Зевса, лишила себя жизни.
- Дий* (греч.) — Зевс.
- Диомид* — Диомед (греч.) — участник Троянской войны, храбростью и силой уступавший только Ахиллу. Диомед и Одиссей напали на союзника троянцев фракийского царя Реза и убили его.
- Диона* (греч.) — супруга Зевса; по некоторым преданиям, мать Афродиты.
- Довлеет* — надлежит.
- Дриады* (греч.) — лесные нимфы.
- Дска* — доска.
- Евксин* — Черное море.
- Евр* — Эвр (греч.) — бог юго-восточного ветра.
- Евридика* — Евридика (греч.) — жена Орфея. Умерла от укуса змеи. Чтобы вернуть жену, Орфей спустился в Аид. Его музыка рстрогала богиню подземного царства Персефону, и она разрешила Орфею вернуть на землю умершую Евридику, но с условием не оглядываться на тень своей жены. Орфей нарушил этот запрет и навсегда потерял свою жену.
- Евтерпа* — Эвтерпа (греч.) — муза лирической (в частности, одической) поэзии.
- Елени* — олени.
- Елизий* — Элизий (греч.) — загробный мир, где ведут блаженную жизнь мудрецы и праведники; в поэзии — царство красоты, счастья, вечного покоя.
- Емлет* — берет.
- Эней* — Эней (греч., римск.) — сын Анхиза и Афродиты, властитель дарданов, герой Троянской войны. Скитания его после поражения Трои описаны в «Энеиде» Вергилия. Его потомки считались основателями Рима.
- Эриннии* — эриннии (греч.) — богини мщения (Алекто, Мегера и Тизифона), обитательницы Аида.
- Железы* — оковы.
- Заразы* — прелести, соблазны.
- Зву* — род. п. ед. ч. от слова «зов».
- Зданье, зданья* — созданье, создания.
- Зловерный* — нечестивый; коварный.
- Знать* — помимо обычного значения, уметь, понимать, чувствовать.
- Зрак* — взгляд, взор; лицо; облик, образ, вид.
- Иарб* — царь ливийского племени, добывавшийся руки Дидоны.
- Иберы* — испанцы.

- Ида* — гора на Крите, считавшаяся, по некоторым мифам, местом рождения Зевса.
- Изъявлял* — здесь: показывал, представлял.
- Илион* — Троя.
- Илия* — Рея Сильвия (римск.) — мать мифических основателей Рима: Ромула и Рема.
- Именей* — Гименей (греч., римск.) — бог брака.
- Инде* — в другом месте.
- Индей* — индейский петух, индюк.
- Инный* — некий, некоторый; другой.
- Иногда* — некогда, когда-то.
- Иппокрена* (греч.) — ключ на вершине Геликона, появившийся от удара копыта Пегаса и обладавший чудесным свойством вдохновлять поэтов.
- Иракл* — Геракл или Алкид (греч.). Сын Зевса и Алкмены, самый могучий из людей, наиболее популярный из греческих героев; совершил двенадцать подвигов.
- Ирида* (греч.) — богиня радуги, дочь морского божества Фауманта (Тавманта). Изображалась в виде крылатой девушки с кружкой в руках. Этой кружкой Ирида доставляла воду облакам.
- Иро* — Геро (греч.) — жрица Афродиты (см. Леандр).
- Исмаильтяне* — турки, мусульмане.
- Истукан* — статуя, идол.
- Исчисляет* — исчисляет; находит в книгах.
- Как* — иногда в значении: когда; чем.
- Каллиопа* (греч.) — старшая из муз, богиня эпической поэзии.
- Кастальские воды* — воды Кастальского ключа на Парнасе. В переносном смысле — источник поэтического вдохновения. Кастальские сестры — музы.
- Кая* — какая.
- Квири* (римск.) — Ромул (см.).
- Квири*ты — римские граждане.
- Киприда* — см. Афродита.
- Киркея* — см. Цирцея.
- Клио* (греч.) — муза истории.
- Клир* — духовенство.
- Ков* — коварное намерение, злобная хитрость.
- Когорта* — отряд римского войска, составлявший 0,1 легиона.
- Комелек* — камин, очаг.
- Консул* — высшее должностное лицо в Римской республике, обладавшее военной и гражданской властью.
- Коснет* — коснется.
- Котурн* — котурны — в античном театре обувь с очень толстой подошвой.
- Коцит* (греч.) — река в царстве мертвых, приток Стикса.
- Крат* — раз.
- Кребты* — хребты.
- Куртина* — бастион крепости.
- Леандр* (греч.) — юноша, влюбленный в Геро. Ради встречи с ней каждую ночь переплывал Геллеспонт, пока не погиб во время бури. Увидев его труп, Геро бросилась в море.

- Легион* — отряд римской армии от 3-х до 10 тысяч воинов.
Лествицы — лестницы.
Лик — хор; сонм, собрание; лицо.
Лин (греч.) — изобретатель лиры, стиха, поэзии, олицетворение за-
рождающегося искусства. Обучал музыке Геракла.
Листвие — листья.
Личина — маска.
Лобжет — лобызаст, целует.
Льзя — можно.
Льститъ — соблазнять, прельщать.
- Мегера* — см. эриннии.
Мельпомена (греч.) — муза трагедии.
Мета — цель.
Минерва (римск.) — Афина (греч.) — покровительница ученых, вая-
телей, музыкантов, поэтов.
Мирт — священное растение Афродиты.
Мом (греч.) — бог насмешки и поругания.
Мрежи — рыболовные снасти.
Мстилось — мерещилось, казалось.
Мускетер — мушкетер.
Мчиться, мчилось — мчаться, мчалось.
- Наклонения* — иногда: интонации.
Накры — боевые бубны; литавры, барабаны.
Нарцисс (греч.) — красивый юноша, влюбившийся в свое отражение
и умерший от любви к самому себе; в переносном смысле само-
любленный, любующийся собою человек.
Незабыкновенны — особенные, необычные.
Ниже — ни, ни даже; отнюдь не.
Нот (греч.) — бог южного ветра, приносившего туманы и дожди,
брат Зефира, Борея, Эвра.
Нутр — недра.
- Ободворок* — сосед; живущий рядом.
Обстали — обступили.
Обстоянье — напасть, беда.
Обуявши, обуять — обезумев, обезуметь.
Овна — барана (от «овен»).
Омрак — обморок.
Омфала (греч.) — лидийская царица, к которой в наказание за
убийство был отдан в рабство Геракл. По ее прихоти Геракл
нарядился в женскую одежду, пряд пряду и выполнял со слу-
жанками домашнюю работу.
Орифия — Орития, Оритхея (греч.) — возлюбленная Борея.
Орфей — фракийский певец, создатель музыки и стихосложения.
Звуки его лиры укрощали диких зверей, заставляли растения
и камни сдвигаться с мест.
Оттоманы — официальное наименование турок.

- Паки* — еще, снова, опять.
Паллада (римск.) — Афина (греч.) — богиня мудрости, плодородия.

- Паства* — пастбище, луг для выгона скота.
- Патрокл* (греч.) — друг Ахилла. Выпросив оружие и доспехи Ахилла, отразил наступление троянцев на греческий лагерь, но был убит Гектором.
- Первоученку* — в первый раз.
- Пелей* (греч.) — отец Ахилла.
- Пени* — жалобы.
- Пермесс* (греч.) — река, стекающая с Геликона, источник вдохновения.
- Пермесские богини* — музы.
- Петрополь* — Петербург.
- Пиянство* — пение; поэзия, вдохновение. *Пиянствуя* — деепричастие от глагола «пнать» — петь.
- Пламенник* — факел.
- Платно* — полотно.
- Плечи* — плечи, спина, тыл.
- Плутон* (греч.) — см. Аид.
- Повергая* — бросая.
- Погода* — иногда в значении: непогода, встер, метель; буря.
- Подвергнется* — подчинится.
- Пожену* — изничтожу, погоню, изгоню.
- Позорище* — зрелище.
- Пола* — половина.
- Полель* — имя сочиненного славянскими мифологами бога любви и брака, сына Лады, брата Леля.
- Полимния* — Полигимния (греч.) — муза гимнов, изобретательница лиры.
- Положок* — полог, покров, одежда.
- Пользует* — помогает, приносит пользу.
- Понт* — море.
- Понт-Евксинский* — Черное море.
- Портмей* — Портум (римск.) — бог гаваней. У Муравьева — перевозчик душ умерших.
- Потребить, потребя, потребленный* — истребить, истребя, истребленный.
- Праг* — порог.
- Прать, пратись* — воевать, бороться, сражаться.
- Предходить* — идти впереди кого-нибудь; предшествовать.
- Презор, презорство* — высокомерие, надменность.
- Премещение* — перемена, чередование.
- Премрачный* — сумрачный, мрачный.
- Преображение* — превращение.
- Препинала* — задерживала.
- Претек* — миновал.
- Прещенье* — запрет.
- Приам* (греч.) — последний царь Трои, отец Гектора. В последней песне «Илиады» описывается посещение Приамом стана ахейцев для выкупа павшего от руки Ахилла Гектора. Тронутый горем Приама, Ахилл вернул ему тело сына.
- Прильпая* — прилепясь; здесь: неотрывно смотря.
- Приступна* — доступна.
- Провергнуть* — пробивать, проломить.

- Прозябет* — прорастет.
- Промифей* — Прометей (греч.) — по некоторым мифам, сделал из глины людей и вдохнул в них душу.
- Прорцыте* — прореките.
- Проседают* — исподволь проникают.
- Прослуга* — провинность.
- Равелин* — укрепление в центре крепостной стены.
- Рало, ральное железо* — плуг.
- Раскат* — плоская насыпь или пемост для пушки; крепостной вал, укрепление.
- Ратай* — пахарь, земледелец.
- Ратоборцы* — воины.
- Ратовище* — древко копья.
- Рез* (греч.) — фракийский царь, союзник троянцев, обладатель волшебных коней, от которых зависела судьба Трон.
- Ржа* — ржавчина.
- Ромул* (римск.) — сын Марса и Илии (Реи Сильвии). По повелению узурпатора Амулия брошен со своим братом Ремом в Тибр. Река вынесла детей на берег, где их выкормила волчица. На этом месте братья основали Рим. Покорил племя сабинян. После вознесения на небо был обожествлен под именем Квирина.
- Самодвигалища* — двигающее что-то своей силой.
- Сарматы* — поляки.
- Сатурн* (римск.) — бог времени; планета.
- Свещца* — свеча.
- Святитель* — здесь: архиепископ.
- Сельный* — полевой, дикорастущий.
- Сирены* (греч.) — полуптицы-полуженщины; чарующим пением заманивали мореходов. Одиссей, подплывая к острову, на котором обитали сирены, залепил по совету Цирцеи уши своих спутников воском, а себя велел привязать к мачте.
- Скудаетесь* — нуждается.
- Скудель* — прах, тлен, все земное, непрочное.
- Смоква* — инжир, винная ягода.
- Сниду, снидет* — сойду, сойдет.
- Срацины* — сарацины — мусульмане, турки.
- Сретают* — встречаются.
- Сриновенный* — сорванный.
- Стикс* (греч.) — река, окружающая царство мертвых. Клятва водами Стикса считалась священной.
- Стогны* — площади, широкие улицы.
- Стольник* — придворный в древней Руси.
- Стража* — срок; часы.
- Страшливый* — пугливый, робкий, трусливый.
- Студ* — стыд, срам, позор; поругание, поношение.
- Студодаянья* — позорные поступки.
- Стязался* — состязался, спорил.
- Таг* (Тахо) — река в Испании.
- Талия* (греч.) — муза комедии.
- Тамиза* — Темза.

Тантал (греч.) — древнегреческий царь; за оскорбление, нанесенное богам, вечно терпит муки голода и жажды.
Терпсихора (греч.) — муза хорового пения и танца.
Тизифона — см. Ериннии.
Тифис (греч.) — кормчий корабля «Арго» (см.).
Туне — пусто, без пользы, тщетно.
Турн (римск.) — царь рутулов, соперник Энея, убитый им.
Тщив — щедр.
Тьмочисленны — бесчисленные.

Увязенно — увенчано.
Угобзилася — удобрилась, оплодотворилась.
Угрызы — угрызения совести.
Ужище — узда.
Уликс, Улисс (римск.) — Одиссей (греч.) — царь острова Итаки, герою «Илиады» и «Одиссеи».
Урания (греч.) — муза астрономии.
Устерсы — устрицы.
Уходище, уходбище — тайный приют, пристанище.

Фаэтонт — Фаэтон (греч.) — сын бога солнца Гелиоса; упросил отца на один день дать управление солнечной колесницей, но не сумел справиться с нею и погиб.
Филомела (греч.) — в поэтическом языке: соловей.
Флегетонт — Флегетон (греч.) — огненный поток, окружающий Анд.

Хламида — мантия, плащ.
Художества — искусства и ремесла.

Цирцея — Киркея, Кирка (греч.) — волшебница. К ней на остров во время бури попал Одиссей. Желая удержать его, Цирцея превратила его спутников при помощи волшебного зелья в свиней.

Часть — участь, доля, судьба.
Червяница — здесь: покрытие ярко-малинового цвета.
Чествует — иногда: чтит, почитает.
Чел — прочел.
Чин — порядок.

Шалбер — повеса, беспечный человек.
Шпынства — обиняки, ядовитые насмешки, балагурство.

Эгида (греч.) — щит. Эгида Афины-Паллады — волшебный щит с изображением змей и головой чудовища Медузы Горгоны.
Элизий (греч.) — загробный мир, куда попадают праведники.
Эрот (греч.) — бог любви.
Эфир (греч.) — олицетворение верхнего лучезарного слоя воздуха, из которого произошли солнце и звезды; супруг Геи (Земли); начало мироздания. Иносказательно — чистейший воздух; небо.

Ябеда — здесь: судопроизводство; судейское крючкотворство.
Явка — донос, заявление в суд.
Янычары — гвардия турецкого султана; иносказательно — турки.

**АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
СТИХОТВОРЕНИЙ М. Н. МУРАВЬЕВА**

- «Алины здесь ты зришь изображение...» (Надпись к изображению Алины) 223
Антону Павловичу Лосенкову («В сем виде Рафаил узрел в России свет...») 169
«Ах, может быть, мой рок той чести не судил...» 195
- Баснь («Гора в родах...») 74
Бедственное мгновение («В деревне мальчик рос, Олешей звали...») 163
«Бежит, друзья, бежит невозвратно время...» (Ода) 152
«Благодарен вам, друзья...» 246
«Благополучие, которо нам толь лестно...» (Эпистола к Н. Р. Р***) 146
Благоразумие («К какому божеству с мольбой вздымаю длани...») 193
«Боги! всё, что злее в муке...» (Разлука) 225
Богине Невы («Протекай спокойно, плавно...») 234
«Богиня сильная согласия и лиры!...» (Обаяние Любви) 230
Божие присутствие («Возвысьте, земнородны, глас...») 245
Болеслав, король польский («Замолчала многих слава...») 238
«Брегись, вопреки людской судьбины...» (Его же первая на десять ода книги первой. К Левконое). *Гораций* 265
Буря («Какие громы ударяют...») 244
Буря («Низы утро созревало...»). *Леонар* 285
«Был-жил мужик...» (Миротворец) 58
«Был Конь — добра лошадка...» (Конь) 54
«Был Пес...» (Пес) 69
- «В горящей юности любви волнованье...» 176
«В деревне ль было то или в селе каком...» (Крестьянин, Лисица и Собака) 73
«В деревне мальчик рос, Олешей звали...» (Бедственное мгновение) 163
«В недавних временах у Геллерта я чел...» (Раздор в улье) 75

- «В последний раз пустил дыханье Аквилон...» (Возвращение весны)
141
- «В сем виде Рафаил узрел в России свет...» (Антону Павловичу Лосенкову) 169
- «В спокойствии природы...» (Приглашение) 243
- «В тот день, как солнцева горяща колесница...» (Видение) 189
- «Величие души, заслуги, добродетель...» 241
- «Венецианского искусства труд чудесный...» (Зеркало) 72
- Верхушка и Корень («Когда-то Корень так в себе сам говорил...»)
62
- «Весну хочу гласить я ныне...» (Ода десятая. Весна. К Василью Ивановичу Майкову) 125
- «Взор сияющ, очи ясны...» (Истинная красота) 224
- «Видали ль вы небесную Аглаю...» 202
- Видение («В тот день, как солнцева горяща колесница...») 189
- «Внемли, Тургенев, глас бесхитростных стихов...» (Дружба. К Ивану Петровичу Тургеневу) 83
- «Внимая ветров грозны споры...» (К Феоне) 179
- «Внимая славный бой, Херасков, под Чесмою...» (На «Чесмесский бой») 129
- «Во друге истинном какое наслажденье!...» 233
- «Во ослаблении томящейся души...» (Письмо к Феоне) 208
- «Вобрази ты очесам...» (Горациева девятая ода книги первой. К Талиарху) 263
- Военная песнь («Младые воины, сберитесь...») 94
- Возвращение весны («В последний раз пустил дыханье Аквилон...»)
141
- «Возвысьте, земнородны, глас...» (Божие присутствие) 245
- «Воздыхати приученно...» (Постоянство) 224
- «Воззри, вселенная, на лавровы венцы...» (Слава России) 188
- Волк и Лисица («Лисице может ли приятелем быть Волк...») 65
- «Вспоминаю дни, с тобою провожденны...» (Письмо к ***) 216
- «Восприял я лиру в длани...» (Ода) 122
- Время («Постойте, вобразим, друзья, бегуще время...») 137
- «Все купно суеты играют мной во граде...» *Гораций* 266
- «Все прелести увидишь в этом зоре...» 246
- «Всегда о суете Дамон лишь рассуждает...» (Эпиграммы, 1) 140
- «Вчера красавица, сегодня ангел света...» (Надгробная Елисавете Львовне Нарышкиной, скончавшейся июля 1-го 1795 года) 236
- «Гвоздики видя те, что воин возрастил...» (Стихи г-жи Скюдери на гвоздики, саженные князем Конде) 280
- «Где я! кто меня похитил?...» (Ода на примерное взятие городка на Выборгской стороне 1773 году) 93
- «Гнев, богиня, воспой Пелеева сына Ахилла...» *Гомер* 249
- «Гора в родах...» (Баснь) 74
- Горациева девятая ода книги первой. К Талиарху («Вобрази ты очесам...») 263
- «Дай волю временам...» (Ода из Флеминга) 279
- «Дай, небо, праздность мне, но праздность мудреца...» 182
- «Дашь ли свободный мне вход под тихо колеблющихся тени...»
(Роцца) 169

- «Декарт, которого премудрое сомненье...» (Жребий Декартов) 243
- «Доколo приятен был тебе...» (Ода carmi<num> IX lib<er> III Горация) 256
- «Доратом быть! какое заблужденье...» (Общественные стихи) 212
- Дружба. К Ивану Петровичу Тургеневу («Внемли, Тургенев, глас бесхитростных стихов...») 83
- «Душой и сердцем сокрушенным...» (Ода девятая) 124
- «Душою сильною и жаждой просвещенья...» 195
- Евграфу Петровичу Чемезову («Здесь видом грации любуются того...») 169
- Его же первая на десять ода книги первой. К Левконое («Брегись, вопреки людской судьбины...»). *Гораций* 265
- «Единым манием вселенну управляет...» (Несчастье) 244
- «Елизы боле нет!.. Я лью потоки слезны...» (Письмо к А. М. Брянчанинову на смерть супруги его Елисаветы Павловны) 130
- Жалобы Дидоны («Что трачу время я? смеется мой мучитель...») 90
- Жалобы музам («О вы, что первые мою страсть были...») 145
- Желание зимы («Проникнув из земли, былинка жить не чает...») 158
- Живописец («Питомец Рюбенсов, гласит повествовань...») 174
- Жизнь Херилова («Уж два разá семь лет прошло Херилу с роду...») 91
- Жребий Декартов («Декарт, которого премудрое сомненье...») 243
- «За кусточком девица...» (Неверность) 210
- «Замолчала многих слава...» (Болеслав, король польский) 238
- «Здесь видом грации любуются того...» (Евграфу Петровичу Чемезову) 169
- «Здоровье девицы пятнадцати лет...» (Песня). *Шеридан* 289
- Зевес и гром («Зевес свой кинул взор на землю: развращенья...») 70
- «Зевес свой кинул взор на землю: развращенья...» (Зевес и гром) 70
- «Земля, над коей бег свой солнце обращает...» (Петрония Арбитра Гражданская брань) 269
- Зеркало («Венецианского искусства труд чудесный...») 72
- Зила («Рассеялася зарею темнота...») 167
- «Зимы упругость уступает...» (Ода carmi<num> IV lib<er> I из Горация. К Люцию Сексту Консулярному) 255
- «Знали ль нежную Елену...» (Неравный брак) 196
- Зрение («О превосходное души орудье, Око...») 160
- Из Горация. Ода II. Книга III. К друзьям («Пусть отрок к бедности привыкнет...») 260
- Избрание стихотворца («Природа, склонности различные вселяя...») 143
- Изгнание Аполлона («На Феба некогда прогневался Зевес...») 79
- Индей и Сокол («Курятничья хлева́ был некто гражданин...») 71

- «Иной бы стал непостоянством. . .» 213
 «Ириса! ты в слезах, стыдясь того лишиться. . .» 173
 «Искусства красотой ты зришь меня прельщенна. . .» 173
 «Испод и верх земной. . .» (Ода из Анакреонта) 251
 Истинная красота («Взор сияющ, очи ясны. . .») 224
 «Исчезните, меня пленявшие мечты! . .» (Сонет к музам) 129
 «Итак, опять убежище готово. . .» 199
- К Алзоре («Пленен приятностью твоих невинных лет. . .») 211
 К И. Ф. Богдановичу («Любезный человек и живописец граций. . .») 212
 К его превосходительству Алексею Васильевичу Нарышкину («Ходатай юной музы. . .») 198
 «К какому божеству с мольбой вздымаю длани. . .» (Благоразумие) 193
 К Музе («На крыльях времени мои прекрасны дни. . .») 236
 «К приятной тишине склонилась мысль моя. . .» (Ночь) 159
 К славному мореходцу Берингу («Твой остров ждал тебя, о Беринг! средь пучины. . .») 243
 К Феоне («Внимая ветров грозны споры. . .») 179
 К Хемницеру («Спокойствия пловец желает, бурю видя. . .») 153
 «К чему, Котень! твои усилья, плач и крик. . .» (Эпиграмма г. Буало-Депрео) 281
 «Как яры волны в море плещут. . .» (Ода шестая) 121
 «Какая светлость озаряет. . .» (Ода ее императорскому величеству государыне Екатерине II, императрице всероссийской, на замещение России с Портою Оттоманскою) 109
 «Какие громы ударяют. . .» (Буря) 244
 «Каков страж молнии крылатый. . .» (Ода сагми<num> IV lib<er> IV из Горация) 258
 «Какое зрелище, самим собой сраженный. . .» (Фарсальская битва) 186
 Клятва Иуния Брута по заклении Люкреции («Сей непорочнейшей я кровию доселе. . .»). *Тит Ливий* 268
 «Княжнин окончил жизнь. Умолкни, Мельпомена. . .» (Стихи на кончину Якова Борисовича Княжнина) 234
 К<нязю> Антиоху Дмитриевичу Кантемиру («Сей, в лоно росских муз младенцем восприят. . .») 168
 «Когда бы откупиться. . .» (Правоучитель) 214
 «Когда небесный свод обмыт мрачны ночи. . .» (Неизвестность жизни) 128
 «Когда-то в иногдашние время. . .» (Скворец и Ястреб) 66
 «Когда-то Корень так в себе сам говорил. . .» (Верхушка и Корень) 62
 «Когда-то половица. . .» (Половица) 63
 «Кому собранье сих писаний посвящу. . .» (Присвоение сей книги Федосье Никитишне) 196
 «Кому хочу я днесь надгробный стих сплести? . .» (Эпитафии, 3) 141
 Конь («Был Конь — добра лошадка. . .») 54
 Кошка и Лисица («Что с Кошкой и Лисой, скажу, происходило. . .») 59
 «Красноречивою печалью напоая. . .» 228

- Крестьянин, Лисица и Собака («В деревне ль было то или в селе
каком...») 73
- «Кто эту написал «Дидону»...» 233
- «Курятничья хлевá был некто гражданин...» (Индей и Сокол) 71
- Кучер и Лошади («Не ведаю того, в каком то было лете...») 57
- «Лес священный помавает...» (Романс, с каледонского языка пере-
ложенный) 241
- Лисица и Козел («Я басенкой хочу читателей почтить...») 56
- «Лисице может ли приятелем быть Волк...» (Волк и Лисица) 65
- «Любезный человек и живописец граций...» (К И. Ф. Богдановичу)
212
- «Любимцы гения от самой колыбели...» (Сила гения) 226
- «Любови, грации, простите...» (Отъезд) 215
- «Любовник прелести, где я ее найду?..» 173
- «Любовных резвостей своих летописатель...» (Послание о легком
стихотворении. К А. М. Бр<янчанинову>) 217
- «Любовь — отрада душ, коль юность посещаешь...» 203
- «Мая первого числа...» (Триолет). *Неизвестный французский поэт*
288
- «Мерсьер и ле Турнер и кавалер Ретлидж...» 199
- Милое дитя («Ты мне делаешь приветства...») 223
- Миротворец («Был-жил мужик...») 58
- «Младые войны, сберитесь...» (Военная песнь) 94
- «Мне сделалась премена...» (Эпиграмма того ж). *Буало* 282
- «Мои стихи, мой друг, — осенние листья...» 246
- Мышь и Кошка («Стояла на Руси мужицкая изба...») 64
- «На крыльях времени мои прекрасны дни...» (К Музе) 236
- «На Феба некогда прогневался Зевес...» (Изгнание Аполлона) 79
- «На челе моем морщины...» (Ода из Анакреонта) 251
- На «Чесмесский бой» («Внимая славный бой, Херасков, под Чес-
мою...») 129
- Надгробная Елисавете Львовне Нарышкиной, скончавшейся июля
1-го 1795 года («Вчера красавица, сегодня ангел света...») 236
- Надпись к изображению Алины («Алины здесь ты зришь изобра-
жение...») 223
- «Не ведаю того, в каком то было лете...» (Кучер и Лошади) 57
- «Не знаю, столик где жил-был об одной ножке...» (Столик и Коло-
кольчик) 67
- «Не на берегах прозрачной Аретузы...» (Перо. К его превосходи-
тельству Александру Петровичу Ермолову) 68
- «Не раздающийся пою по накрам глас...» (Сельская жизнь) 84
- «Не сами ль музы мне внушают...» (Ода на случай Кагульския
битвы) 81
- «Не слава, о мой друг, не шум оружий бранных...» (Сельская
жизнь. К Афанасью Матвеевичу Брянчанинову) 194
- «Не спрашивай, мой сын, о горестной сей трате...». *Вергилий* 256
- «Не тот еще, мой друг, свободный человек...» (Эпистола к его
превосходительству Ивану Петровичу Тургеневу) 114
- Неверность («За кусточком девица...») 210

- Неизвестность жизни («Когда небесный свод обымут мрачны
ночи...») 128
- Неравный брак («Знали ль нежную Елену...») 196
- Несчастье («Единым манием вселенну управляет...») 244
- «Низы утро созревало...» (Буря). *Леонар* 285
- Николаю Никитичу Поповскому («Таков Поповский был, что Попом
быть родился...») 168
- Ночь («К приятной тишине склонилась мысль моя...») 159
- Нравоучитель («Когда бы откупиться...») 214
- «О вы, которые хотите...» (Ода седьмая) 122
- «О вы, которых долг породы...» (Храм Марсов) 98
- «О вы, чей пылкий дух и несозрелы лета...» (Опыт о стихотвор-
стве) 131
- «О вы, что первые мою страстью были...» (Жалобы музам) 145
- «О милое мечтанье...» 177
- «О, пагубная сеть страстей необоримых!...» (Размышление) 139
- «О превосходное души орудье, Око...» (Зрение) 160
- «О ты, чей гордый дух и мужественный слог...» (Успех британской
музы. К В. П. Петрову) 172
- «О Фавн! любитель нимф бегущих...» (Ода *carmi*<num> XVIII
lib<er> III из Горация. К Фавну) 257
- «О царский правнук Меценат!...» (Перевод первой горациевой оды
к Меценату) 262
- «О юность! зрелище явившая мне света...» (Сожаление младости)
203
- Об учении природы. Письмо к В. В. Ханыкову («С какою ревностью
бежим мы зреть картины...») 185
- Обаяние Любви («Богиня сильная согласия и лиры!...») 230
- Облако («Ум не приходит пред годами...») 60
- Общественные стихи («Доратом быть! какое заблужденье...») 212
- Ода («Бежит, друзья, бежит невозвратимо время...») 152
- Ода («Восприял я лиру в длани...») 122
- Ода («Осьмнадцатый ныне раз...») 89
- Ода («Священный замысел порывает...») 149
- Ода («Тревожится кипяща младость...») 151
- Ода вторая. К А. М. Брянчанинову («Сколько крат ни вспоми-
наю...») 117
- Ода г. Волтера к его величеству королю прусскому на восшествие
на престол («Се жизни моя днес лучший день настал...») 283
- Ода девятая («Душой и сердцем сокрушенным...») 124
- Ода десятая. Весна. К Василью Ивановичу Майкову («Весну хочу
гласить я ныне...») 125
- Ода ее императорскому величеству государыне Екатерине II, импе-
ратрице всероссийской, на замирение России с Портою Отто-
манскою («Какая светлость озаряет...») 109
- Ода из Анакреонта («Испод и верх земной...») 251
- Ода из Анакреонта («На челе моем морщины...») 251
- Ода из Флеминга («Дай волю временам...») 279
- Ода *carmi*<num> IV *lib*<er> I из Горация. К Люцию Сексту
Консулярному («Зимы упругость уступает...») 255

- Ода сарми<num> IV lib<er> IV из Горация («Каков страж молнии крылатый...») 258
- Ода сарми<num> IX lib<er> III Горация («Доколь приятен был тебе...») 256
- Ода сарми<num> XVIII lib<er> III из Горация. К Фавну («О Фавн! любитель нимф бегущих...») 257
- Ода на победы, одержанные российским оружием в продолжение первой турецкой войны («Сокрыт во облаке багровом...») 106
- Ода на примерное взятие городка на Выборгской стороне 1773 году («Где я! кто меня похитил?») 93
- Ода на случай Кагульского битвы («Не сами ль музы мне внушают...») 81
- Ода седьмая («О вы, которые хотите...») 122
- Ода третья («Смертный суетен родился...») 119
- Ода четвертая («Стихотворство нам открыло...») 120
- Ода шестая («Как яры волны в море плещут...») 121
- Ода шестая [К Д ***] («Твоею возбужден хвалою, воспаляюсь...») 155
- «Однажды Соловей с большим искусством пел...» (Соловей и Жаворонок) 78
- Опыт о стихотворстве («О вы, чей пылкий дух и несозрелы лета...») 131
- «Осьмнадцатый ныне раз...» (Ода) 89
- Отрывок. К В. В. Ханыкову («Стыдяся праздности, ее оковы рушу...») 207
- Отъезд («Любови, грации, простите...») 215
- «Пастушья прения впервые воспеваю...» (Эклога. К его превосходительству Алексею Васильевичу Олешеву) 85
- Перевод первой горацовой оды к Меценату («О царский правнук Меценат!...») 262
- Перо. К его превосходительству Александру Петровичу Ермолову («Не на брегах прозрачной Аретузы...») 68
- Пес («Был Пес...») 69
- Песня («Здоровье девицы пятнадцати лет...»). *Шеридан* 289
- Петрония Арбитра Гражданская брань («Земля, над коей бег свой солнце обращает...») 269
- Письмо горацовой к Виннию Азелле («Попомни, как тебя и сколько наставлял...») 265
- Письмо к *** («Воспоминаю дни, с тобою провожденны...») 216
- Письмо к А. М. Брянчанинову на смерть супруги его Елисаветы Павловны («Елизы боле нет!.. Я лью потоки слезны...») 130
- Письмо к Феоне («Во ослаблении томящейся души...») 208
- «Питомец Рубенсов, гласит повествованье...» (Живописец) 174
- «Пленен приятностью твоих невинных лет...» (К Алзоре) 211
- Подарок («Темире ленточка! подарок в именины!...») 215
- «Полей и тучных жатв любитель...» (Стрекоза) 55
- Половица («Когда-то половица...») 63
- «Попомни, как тебя и сколько наставлял...» (Письмо горацовой к Виннию Азелле) 265
- «Порока иногда успехом раздражаюсь...») 192
- Посвящение тебе («Ты, к которой толь приятно обращаться сим словом...») 232

- Послание о легком стихотворении. К А. М. Бр<янчанинову> («Любовных резвостей своих летописатель...») 217
- «Постойте, вобразим, друзья, бегущие время...» (Время) 137
- Постоянство («Воздыхати приученно...») 224
- «Почтите хладный прах, который здесь лежит...» (Эпитафии, 2) 141
- «Прекрасной всход зари...» 142
- «Прелестная и резва Нина...» (Примирение) 164
- Приглашение («В спокойствии природы...») 243
- Примирение («Прелестная и резва Нина...») 164
- «Природа, склонности различные вселяя...» (Избрание стихотворца) 143
- Присвоение сей книги Федосье Никитишне («Кому собрание сих писаний посвящу...») 196
- Прискорбие стихотворца. К*** в 1777 году («Узнаешь ли томну лиру...») 156
- «Проникнув из земли, былинка жить не чаает...» (Желание зимы) 158
- «Прости, спокойный град, где дни мои молодые...» (Путешествие) 143
- «Протекай спокойно, плавно...» (Богине Невы) 234
- «Прохожий, воздохни в сем месте мимоходом...» (Эпитафии, 1) 141
- «Пуускай завистники ругают...» 138
- «Пусть отрок к бедности привыкнет...» (Из Горация. Ода II. Книга III. К друзьям) 260
- Путешествие («Прости, спокойный град, где дни мои молодые...») 143
- Раздор в улье («В недавних временах у Геллерта я чел...») 75
- Разлука («Боги! всё, что злее в муке...») 225
- Размышление («О, пагубная сеть страстей необоримых!...») 139
- Размышление («Сиянье внешнее отличий и честей...») 245
- «Рассеявалася зарею темнота...» (Зила) 167
- Романс, с каледонского языка переложенный («Лес священный помавает...») 241
- Роца («Дашь ли свободный мне вход под тихо колеблющись тени...») 169
- «С берегов величественной Волги...» 149
- «С какую ревностью бежим мы зреть картины...» (Об учении природы. Письмо к В. В. Ханькову) 185
- «Санковскому стремлюсь я ныне подражати...» (Стихи на первое апреля) 138
- «Священный замысл порывает...» (Ода) 149
- «Се жизни моя днес лучший день настал...» (Ода г. Волтера к его величеству королю прусскому на восшествие на престол) 283
- «Се пастырь Феофан, что клира чин устроил...» (Феофану Прокоповичу) 168
- «Седины не возвращают...» (Скоротечность жизни) 116
- «Сей, в лоно русских муз младенцем восприят...» (<Князю> Антиоху Дмитриевичу Кантемиру) 168

- «Сей непорочнейшей я кровию доселе...» (Клятва Иуния Брута по
заколении Люкретин). *Тит Ливий* 268
- Сельская жизнь. К Афанасью Матвеевичу Брянчанинову («Не слава,
о мой друг, не шум оружий бранных...») 194
- Сельская жизнь («Не раздающийся пою по накрам глас...») 84
- Сила гения («Любимцы гения от самой колыбели...») 226
- «Сиянье внешнее отличий и честей...» (Размышление) 245
- «Скажите, для чего Полоний так гордится?..» (Эпиграммы, 3) 140
- «Сказать ли сказку вам постаре, как «Бову»...» (Улиссовы спут-
ники) 76
- Скворец и Ястреб («Когда-то в иногдшне время...») 66
- «Сколько крат ни вспоминаю...» (Ода вторая. К А. М. Брянчани-
нову) 117
- Скоротечность жизни («Седины не возвращают...») 116
- Слава России («Воззри, вселенная, на лавровы венцы...») 188
- «Смертный суеген родился...» (Ода третья) 119
- Собачка («Собачка маленька на кресельцах сидела...») 62
- «Собачка маленька на кресельцах сидела...» (Собачка) 62
- Сожаление младости («О юность! зрелище явившая мне света...») 203
- «Сокрыт во облаке багровом...» (Ода на победы, одержанные рос-
сийским оружием в продолжение первой турецкой войны) 106
- Соловей и Жаворонок («Однажды Соловей с большим искусством
пел...») 78
- Сонет к Василию Ивановичу Майкову («Я, Майков! днесь пленен
твоей согласьем лиры...») 129
- Сонет к музам («Исчезните, меня пленявшие мечты!..») 129
- Сонет на смерть родственницы г. Буало-Депрео («Я нежна друже-
ства в приятном восхищенье...») 281
- «Спокойствия пловец желает, бурю видя...» (К Хемницеру) 153
- Стихи г-жи Скюдери на гвоздики, саженные князем Конде («Гвоз-
дики видя те, что воин возрастил...») 280
- Стихи на кончину Якова Борисовича Княжнина («Княжнин окончил
жизнь. Умолкни, Мельпомена...») 234
- Стихи на первое апреля («Санковскому стремлюсь я ныне подра-
жати...») 138
- Стихи, писанные в деревне, привешенные к камину честной жен-
щины, которая меня обманула («Ты лаской мне манила...») 177
- «Стихотворство нам открыло...» (Ода четвертая) 120
- Столик и Колокольчик («Не знаю, столик где жил-был об одной
ножке...») 67
- «Стояла на Руси мужицка изба...» (Мышь и Кошка) 64
- Стрекоза («Полей и тучных жатв любитель...») 55
- «Стыдяся праздности, ее оковы рушу...» (Отрывок. К В. В. Хань-
кову) 207
- Суд Момов. К М. А. Засодимскому («Ты часто, слушая стихи мои
с раченьем...») 53
- «Счастлив, кто близ тебя тобой единой тлеет...» (Три первые
строфы сохраненной Лонгином сафовой оды, следуя г. Буало)
250

- «Счастливы́й вск, ты был зарею́ Просвещенья...» (Шестойнадесять век) 202
- «Таков Поповский был, что Попом быть родился...» (Николаю Никитичу Поповскому) 168
- «Твоею возбужден хвалою, воспаляюсь...» (Ода шестая к Д ***)
155
- «Твой остров ждал тебя, о Беринг! близ пучины...» (К славному мореходцу Берингу) 243
- «Темире ленточка! подарок в именины!...» (Подарок) 215
- «Товарищи, наставники, друзья...» 182
- «Тревожится кипяща младость...» (Ода) 151
- «Тревожится кипяща младость...» (Утро) 202
- Три первые строфы сохраненной Лонгином сафовой оды, следуя г. Буало («Счастлив, кто близ тебя тобой единой тлеет...»)
250
- Триолет («Мая первого числа...»). *Неизвестный французский поэт*
288
- «Ты знаешь, свет таков: в нем боле привлекает...» *Тассо* 278
- «Ты, к которой толь приятно обращаться сим словом...» (Посвящение тебе) 232
- «Ты лаской мне манила...» (Стихи, писанные в деревне, привешенные к камину честной женщины, которая меня обманула) 177
- «Ты мне делаешь приветства...» (Милое дитя) 223
- «Ты почиваешь, Титир, под листвием дуба широким...» *Вергилий*
253
- «Ты хочешь лишь со всех, Алкандр, бесчестья брать...» (Эпиграммы, 5) 140
- «Ты часто, слушая стихи мои с раченьем...» (Суд Момов. К М. А. Засодимскому) 53
- «Уж два разá семь лет прошло Херилу с роду...» (Жизнь Херилова) 91
- «Ужасно возгремел отец богов и смертных...» *Гомер* 249
- «Узнаешь ли томну лиру...» (Прискорбие стихотворца. К *** в 1777 году) 156
- Улиссовы спутники («Сказать ли сказку вам постаре, как «Бову»...»)
76
- «Ум не приходит пред годами...» (Облако) 60
- Успех британской музы. К В. П. Петрову («О ты, чей гордый дух и мужественный слог...») 172
- «Успех твой первый возвещая...» 182
- Утро («Тревожится кипяща младость...») 202
- Фарсальская битва («Какое зрелище, самим собой сраженный...»)
186
- Феофану Прокоповичу («Се пастырь Феофан, что клира чин устроил...») 168
- «Ходатай юной музы...» (К его превосходительству Алексею Васильевичу Нарышкину) 198
- «Хотелось мне иметь землицы уголок...» *Гораций* 267
- Храм Марсов («О вы, которых долг породы...») 98

- «Черта, как молния, незапна и сильна...» 229
- «Что с Кошкой и Лисой, скажу, происходило...» (Кошка и Лисица) 59
- «Что трачу время я? смеется мой мучитель...» (Жалобы Дидоны) 90
- «Что ты не лжешь, Дорант, себя ты заклинал...» (Эпиграммы, 2) 140
- «Что хвалишь, Селимен, ты Цицерона так?...» (Эпиграммы, 4) 140
- Шестнадцатый век («Счастливым веком, ты был зарею Просвещения...») 202
- Эклога. К его превосходительству Алексею Васильевичу Олешеву («Пастушья прения впервые воспеваю...») 85
- Эпиграмма г. Буало-Депрео («К чему, Котень! твои усилия, плач и крик...») 281
- Эпиграмма того ж («Мне сделалась премена...»). Буало 282
- Эпиграммы (1—5) 140
- Эпистола к его превосходительству Ивану Петровичу Тургеневу («Не тот еще, мой друг, свободный человек...») 114
- Эпистола к Н. Р. Р*** («Благополучие, которо нам толь лестно...») 146
- Эпитафии (1—3) 141
- «Я басенкой хочу читателей почтить...» (Лисица и Козел) 56
- «Я был на зрелище: какие ощущения...» 195
- «Я, Майков! днешь пленен твоей согласьем лиры...» (Сонет к Василию Ивановичу Майкову) 129
- «Я нежна дружества в приятном восхищенье...» (Сонет на смерть родственницы г. Буало-Депрео) 281
- «Я, по Горацию, в счастливы не гожусь...» 234

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия М. Н. Муравьева. *Вступительная статья Л. И. Кулаковой*

5

СТИХОТВОРЕНИЯ

/ Басни

1. Суд Момов. К М. А. Засодимскому	53
2. Конь	54
3. Стрекоза	55
4. Лисица и Козел	56
5. Кучер и Лошади	57
6. Миротворец	58
7. Кошка и Лисица	59
8. Облако	60
9. Собачка	62
10. Верхушка и Корень	62
11. Половица	63
12. Мышь и Кошка	64
13. Волк и Лисица	65
14. Скворец и Ястреб	66
15. Столик и Колокольчик	67
16. Перо. К его превосходительству Александру Петровичу Ермолову	68
17. Пес	69
18. Зевес и гром	70
19. Индей и Сокол	71
20. Зеркало	72
21. Крестьянин, Лисица и Собака	73
22. Баснь. <i>Подражание Де Ла Фонтеню</i>	74
23. Раздор в улье	75
24. Улиссовы спутники	76

25. Соловей и Жаворонок. <i>Перевод из Геллерта</i>	78
26. Изгнание Аполлона	79

Разные стихотворения

27. Ода на случай Кагульская битвы . . .	81
28. Дружба. К Ивану Петровичу Тургеневу	83
29. Сельская жизнь. <i>Поэма</i>	84
30. Эклога. К его превосходительству Алексею Васильевичу Олешеву	85
31. Ода («Осьмнадцатый ныне раз..»)	89
32. Жалобы Дидоны. <i>Драматический отрывок</i>	90
33. Жизнь Херилова	91
34. Ода на примерное взятие городка на Выборгской стороне 1773 году	93
35. Военная песнь	94
36. Храм Марсов	98
37. Ода на победы, одержанные российским оружием в продол- жении первой турецкой войны	106
38. Ода ее императорскому величеству государыне Екате- рине II, императрице всероссийской, на замирение России с Портою Оттоманскою	109
39. Эпистола к его превосходительству Ивану Петровичу Тур- геневу	114
40. Скоротечность жизни	116
41. Ода вторая. К А. М. Брянчанинову	117
42. Ода третья («Смертный суетен родился..»)	119
43. Ода четвертая («Стихотворство нам открыло..»)	120
44. Ода шестая («Как яры волны в море плещут..»)	121
45. Ода («Восприял я лиру в длани..»)	122
46. Ода седьмая («О вы, которые хотите..»)	122
47. Ода девятая («Душой и сердцем сокрушенным..»)	124
48. Ода десятая. Весна. К Василию Ивановичу Майкову	125
49. Неизвестность жизни	128
50. На «Чесмесский бой»	129
51. Сонет к Василию Ивановичу Майкову	129
52. Сонет к музам	129
53. Письмо к А. М. Брянчанинову на смерть супруги его Ели- саветы Павловны	130
54. Опыт о стихотворстве	131
55. Время	137
56. «Пускай завистники ругают..»	138
57. Стихи на первое апреля	138
58. Размышление («О, пагубная сеть страстей необоримых!..»)	139
59—63. Эпиграммы	
1. «Всегда о суете Дамон лишь рассуждает..»	140
2. «Что ты не лжешь, Дорант, себя ты заклинал..»	140
3. «Скажите, для чего Полоний так гордится?..»	140
4. «Что хвалишь, Селлмен, ты Цицерона так?..»	140
5. «Ты хочешь лишь со всех, Алкандр, бесчестья брать..»	140

64—66. Э п и т а ф и и	
1. «Прохожий, воздохни в сем месте мимоходом...»	141
2. «Почтите хладный прах, который здесь лежит...»	141
3. «Кому хочу я днесь надгробный стих сплести?..»	141
67. Возвращение весны	141
68. «Прекрасной всход зари...»	142
69. Избрание стихотворца .	143
70. Путешествие	143
71. Жалобы музам	145
72. Эпистола к Н. Р. Р***	146
73. «С берегов величественной Волги...»	149
74. Ода («Священный замысл порывает...»)	149
75. Ода («Тревожится кипяща младость...»)	151
76. Ода («Бежит, друзья, бежит невозвратно время...»)	152
77. К Хемницеру	153
78. Ода шестая [К Д***] («Твоею возбужден хвалою, восплаляюсь...»)	155
79. Прискорбне стихотворца, К*** в 1777 году .	156
80. Желание зимы	158
81. Ночь	159
82. Зрение	160
83. Бедственное мгновение. <i>Сказочка</i>	163
84. Примирение	164
85. Зила	167
86. Феофану Прокоповичу	168
87. К <нязю> Антиоху Дмитриевичу Кантемиру	168
88. Николаю Никитичу Поповскому	168
89. Антону Павловичу Лосенкову	169
90. Евграфу Петровичу Чemezову	169
91. Роша	169
92. Успех британской музы. К В. П. Петрову	172
93. «Любовник прелести, где я ее найду?..»	173
94. «Ириса! ты в слезах, стыдясь того лишиться...»	173
95. «Искусства красотой ты зришь меня прельщенна...»	173
96. Живописец. <i>Сказка</i>	174
97. «В горящей юности любви волнованье...»	176
98. Стихи, писанные в деревне, привешенные к камину честной женщины, которая меня обманула	177
99. «О милое мечтанье...»	177
100. К Феоне	179
101. «Дай, небо, праздность мне, но праздность мудреца...»	182
102. «Товарищи, наставники, друзья...»	182
103. «Успех твой первый возвещающая...»	182
104. Об учении природы. Письмо к В. В. Ханькову	185
105. Фарсальская битва	186
106. Слава России	188
107. Видение	189
108. «Порока иногда успехом раздражаюсь...»	192
109. Благоразумие	193
110. Сельская жизнь. К Афанасью Матвеевичу Брянчанинову	194
111. «Ах, может быть, мой рок той чести не судил...»	195
112. «Душою сильною и жаждой просвещенья...»	195

113.	«Я был на зрелище: какие ощущения...»	195
114.	Присвоение сей книги Федосье Никитишне .	196
115.	Неравный брак	196
116.	К его превосходительству Алексею Васильевичу Нарышкину	198
117.	«Мерсьер и ле Турнер и кавалер Ретлидж...» . . .	199
118.	«Итак, опять убежище готово...»	199
119.	«Видали ль вы небесную Аглаю...» .	202
120.	Утро	202
121.	Шестойнадесятый век	202
122.	«Любовь — отрада душ, коль юность посещаешь...» .	203
123.	Сожаление младости	203
124.	Отрывок. К В. В. Ханыкову	207
125.	Письмо к Феоне .	208
126.	Неверность	210
127.	К Алзоре	211
128.	К И. Ф. Богдановичу	212
129.	Общественные стихи	212
130.	«Иной бы стал непостоянством...»	213
131.	Нравоучитель	214
132.	Подарок	215
133.	Отъезд	215
134.	Письмо к ***	216
135.	Послание о легком стихотворении. К А. М. Бр<янча- нину>	217
136.	Надпись к изображению Алины	223
137.	Милое дитя	223
138.	Постоянство	224
139.	Истинная красота	224
140.	Разлука	225
141.	Сила гения	226
142.	«Красноречивою печалью напоая...»	228
143.	«Черта, как молния, незапна и сильна...»	229
144.	Обаяние Любви	230
145.	Посвящение тебе	232
146.	«Во друге истинном какое наслажденье!...»	233
147.	«Кто эту написал «Дидону»...»	233
148.	«Я, по Горацию, в счастливы не гожусь...»	234
149.	Стихи на кончину Якова Борисовича Княжнина	234
150.	Богине Невы	234
151.	Надгробная Елисавете Львовне Нарышкиной, скончавшей- ся июля 1-го 1795 года	236
152.	К Музе.	236
153.	Болезлав, король польский	238
154.	«Величие души, заслуги, добродетель...»	241
155.	Романс, с каледонского языка переложенный	241

Стихотворения неизвестных лет

156.	Жребий Декартов	243
157.	К славному мореходцу Берингу	243
158.	Приглашение	243

159. Несчастье 244
160. Буря («Какие громы ударяют...»)	. 244
161. Божие присутствие 245
162. Размышление («Сиянье внешнее отличий и честей...»)	. 245
163. «Мои стихи, мой друг, — осенние листья...»	. 246
164. «Все прелести увидишь в этом взоре...»	. 246
165. «Благодарен вам, друзья...»	. 246

ПЕРЕВОДЫ

Гомер

166. «Гнев, богиня, воспой Пелеева сына Ахилла...»	. 249
167. «Ужасно возгремел отец богов и смертных...»	. 249

Сафо

168. Три первые строфы сохраненной Лонгином сафовой оды, следуя г. Буало .	. 250
--	-------

Анакреон

169. Ода из Анакреонта («На челе моем морщины...»)	. 251
170. Ода из Анакреонта («Испод и верх земной...»)	. 251

Вергилий

171. «Ты почиваешь, Титир, под лиственным дуба широким...»	. 253
172. «Не спрашивай, мой сын, о горестной сей трате...»	. 254

Гораций

173. Ода carmi<num> IV lib<er> I из Горация. К Люцию Сексту Консулярному 255
174. Ода carmi<num> IX lib<er> III Горация 256
175. Ода carmi<num> XVIII lib<er> III из Горация. К Фавну	. 257
176. Ода carmi<num> IV lib<er> IV из Горация	. 258
177. Из Горация. Ода II. Книга III. К друзьям	. 260
178. Перевод первой горацевой оды к Меценату 262
179. Горацева девятая ода книги первой. К Талнарху 263
180. Его же первая на десять ода книги первой. К Левконое	. 265
181. Письмо горацево к Виннию Азелле 265
182. «Все купно суеты играют мной во граде...»	. 266
183. «Хотелось мне иметь землицы уголок...» .	. 267

Тит Ливий

184. Клятва Июния Брута по заклении Люкреции . . . 268

Петроний .

185. Петрония Арбитра Гражданская брань. *Поэма* . . . 269

Торквато Тассо

186. «Ты знаешь, свет таков: в нем боле привлекает...» . . . 278

Науль Флеминг

187. Ода из Флеминга . . . 279

Мадлена де Скюдери

188. Стихи г-жи Скюдери на гвоздики, саженные князем Конде 280

Буало

189. Сонет на смерть родственницы г. Буало-Депрео . . . 281
190. Эпиграмма г. Буало-Депрео . . . 281
191. Эпиграмма того ж . . . 282

Вольтер

192. Ода г. Волтера к его величеству королю прусскому на восшествие на престол 283

Леонар

193. Буря. Перевод осьмой идиллии г. Леонарда . . . 285

Неизвестный французский поэт

194. Триолет. *Перевод с французского* . . . 288

Шеридан

195. Песня . . . 289

Другие редакции и варианты	. 291
Примечания .	. 317
Словарь мифологических имен и названий, устаревших и мало- употребительных слов 361
Алфавитный указатель стихотворений М. Н. Муравьева	. 369
К иллюстрациям	. 387

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. М. Н. Муравьев. С портрета работы Ж.-Л. Монье.
2. *С. 77*. Автограф М. Н. Муравьева второй половины 1770-х годов (ОПИ ГИМ).
3. *Между с. 128 и 129*. Н. А. Львов с портрета работы Д. Г. Левицкого.
4. *Между с. 160 и 161*. И. И. Хемницер. Литографированный портрет, воспроизведенный в издании «Сочинения и письма Хемницера», под ред. Я. Грота, СПб., 1873.
5. *На обороте*. Екатерина Федоровна, Никита и Александр Муравьевы под изображением М. Н. Муравьева. Барельеф на гробнице М. Н. Муравьева работы М. Г. Крылова (Александроневская Лавра).
6. *С. 239*. Автограф М. Н. Муравьева 1789 г. (ОПИ ГИМ).

Муравьев Михаил Никитич

СТИХОТВОРЕНИЯ

Л. О. изд-ва «Советский писатель»,
1967, 388 стр. Тем. план вып.
1967 г. № 383

Редактор *Л. А. Николаева*

Художник *И. С. Серов*

Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*

Техн. редактор *М. А. Ульянова*

Корректор *З. Н. Петрова*

Сдано в набор 21/II 1967 г. Подпи-
сано в печать 15/V 1967 г. М 17851.
Бумага 84×108^{1/32} № 2. Печ. л.
12^{1/8} + 3 вкл. (20,68). Уч.-изд. л.
20,09. Тираж 10 000 экз. Заказ № 296.
Цена 75 коп.

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение.
Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5
Главполиграфпрома Комитета по пе-
чати при Совете Министров СССР.
Красная ул., 1/3

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
128	1 сн.	жить	жив
139	9 св.	и хитростию	и с хитростию
161	3 сн.	свозь	сквозь
186	1 св.	В таинственный	Во та́инственный
194	8 св.	присутствием ты	присутствием
216	3 сн.	добродетелям	добродетели

М. Н. Муравьев. Стихотворения.